

Виталий ГУБАРЕВ

КОРОЛЕВСТВО КРИВЫХ ЗЕРКАЛ

Сто шестьдесят иллюстраций Игоря Ушакова
к повестям «Королевство кривых зеркал»,
«Трое на острове», «Путешествие на утреннюю звезду»,
«Часы веков», «В Тридевятиом царстве»

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В. Губарев

*Виталий Губарев
(1912–1981)*

Виталий Губарев

КОРОЛЕВСТВО
КРИВЫХ
ЗЕРКАЛ

Иллюстрации *И. Ушакова*

творческое объединение
Алькор

*Совместный проект издательства СЗКЭО
и переплетной компании
ООО «Творческое объединение «Алькор»*

Санкт-Петербург
СЗКЭО

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
Г93

Первые 100 пронумерованных экземпляров
от общего тиража данного издания переплетены мастерами
ручного переплета ООО «Творческое объединение «Алькор»

Классический переплет выполнен
из натуральной кожи особой выделки растительного дубления.

Инкрустация кожаной вставкой с полноцветной печатью.

Тиснение блинтовое, золотой и цветной фольгой.

6 бинтов на корешке ручной обработки.

Использовано шелковое ляссе, золоченый каптал из натуральной кожи,
форзац и нахзац выполнены из дизайнерской бумаги
с тиснением орнамента золотой фольгой. Обработка блока
с трех сторон методом механического торшонирования
с нанесением золотой матовой полиграфической фольги горячим способом.

Оформление обложки пронумерованных экземпляров
разработано в ООО «Творческое объединение «Алькор»

Г93 **Виталий Губарев. Королевство кривых зеркал.** — Санкт-Петербург: СЗКЭО, 2024. — 400 с.: ил.

Виталий Георгиевич Губарев (1912–1981) — советский детский писатель, журналист и драматург. Его сочинения, пользовавшиеся популярностью у современников, любимы читателями и в наши дни. В данном издании представлена его сказочная повесть «Королевство кривых зеркал». Это невероятная, полная чудес история о девочке Оле, попавшей в волшебный город. Ей предстоит познакомиться со своим отражением, одолеть злые силы и многое узнать. Яркие цветные рисунки, украшающие книгу, выполнил советский мастер книжной иллюстрации Игорь Леонидович Ушаков (1926–1989).

© СЗКЭО, 2024

© Губарев В. Г., наследник, 2024

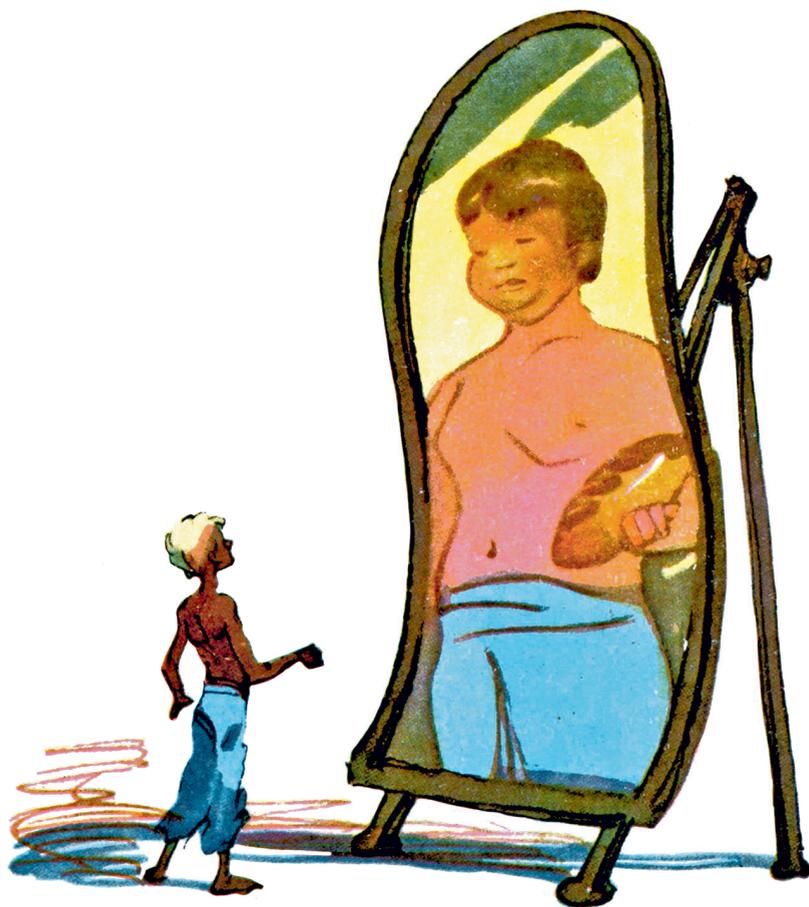
© Ушаков И. Л., наследники, 2024

© Дизайн кожаного переплета. ТО Алькор

ISBN 978-5-9603-1146-5 (7БЦ)

ISBN 978-5-9603-1147-2 (Кожаный переплет)

Королевство
кривых
зеркал

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой Оля ссорится с бабушкой и слышит голос волшебного зеркала

Хочу вам рассказать о девочке Оле, которая вдруг увидела себя со стороны. Увидела так, как можно увидеть не себя, а совсем другую девочку — скажем, сестру или подругу. Таким образом, она довольно долго наблюдала самое себя, и это помогло ей избавиться от недостатков, которых она раньше в себе не замечала.

И знаете, что самое главное в этой истории? Оля убедилась, что даже, казалось бы, маленькие недостатки в характере могут стать серьезным препятствием на пути к цели. Она попала в одну сказочную страну, где ей пришлось пережить много опасных приключений, подобных тем, о которых она читала в старых сказках. Может быть, вы тоже читали эти сказки, где короли, разные принцы и придворные дамы так добры, справедливы, прекрасны и вообще так приторно сладки, будто вымазаны медом. И вот однажды советская девочка Оля совершила путешествие в сказочную страну и увидела там... Впрочем, я лучше расскажу все по порядку.

...В то утро Оля вела себя из рук вон плохо. Она встала позже, чем следовало, а когда бабушка будила ее, брыкалась и, не открывая глаз, говорила противным скрипучим голосом:

— Отстань! Ну что ты ко мне пристала?

— Оля, — настойчиво говорила бабушка, — ты можешь опоздать в школу.

Голос у бабушки был спокойный и ласковый, потому что все бабушки очень ласковы. Они так любят своих внушек, что не сердятся даже тогда, когда капризные девочки говорят им дерзости.

— Опять читала в постели допоздна, — вздохнула бабушка, поднимая упавшую на пол книгу, на обложке которой крупно было написано: «Сказки». — А теперь вот подняться не можешь.

Оля села на кровати, свесив босые ноги, и сердито посмотрела на бабушку одним глазом, так как другой все еще был закрыт.

— Какая ты... недобрая... Никогда поспать не даешь!

Олино платье оказалось под кроватью. Одну туфлю она долго не могла отыскать и наконец обнаружила ее под книжным шкафом.

Потом, когда бабушка заплетала ей косы, она дергалась и говорила: «Больно!», хотя на самом деле больно ничуть не было.

А после завтрака Оля никак не могла найти свои учебники.

— Вчера я положила их на этот стол. Куда ты задевала их? — ворчала она на бабушку, топая ногой.

— Я никогда не теряю своих вещей, — спокойно отвечала бабушка. — Будь любезна и ты класть вещи на место.

— Нет, — кричала Оля, — я всегда кладу все на место! Это ты нарочно спрятала мои книги.

Тут даже бабушкиному терпению пришел конец, и она, немного повысив голос, проговорила:

— У, бесстыдница! Как только папа и мама вернутся с работы, я им все расскажу.

Угроза подействовала: Оля побаивалась папы и мамы. Она негромко проворчала: «Подумаешь!..» — и, надув губы, полезла под кровать. Конечно, под кроватью книг не оказалось; не оказалось их в ванной и в кухне. Неизвестно, сколько времени продолжались бы поиски, если бы бабушка не заглянула в Олин портфель.

— Видишь, какая ты рассеянная, Оля! Ведь ты же сама вчера положила все свои учебники себе в портфель. О, как бы я хотела, чтобы ты посмотрела на себя со стороны! Вот стыдно тебе стало бы...

Оля, которой уже и так было стыдно, что она понапрасну обидела бабушку, чмокнула старушку в щеку, взяла портфель и пошла в переднюю одеваться. В передней стояло большое зеркало, перед которым она так любила вертеться.

— Одевайся поскорее, Оля! — крикнула ей вслед бабушка. — До звонка осталось десять минут.

Но Оля и не думала одеваться. Из зеркала на нее смотрела девочка в черном переднике, с красным галстуком на шее. Девочка как девочка —

— Опять читала в постели допоздна, —
вздыхнула бабушка...

две русые косы с бантом и два больших голубых глаза. Но Оля считала себя очень красивой и поэтому, очутившись перед зеркалом, долго не могла оторваться от него. Так было всегда.

— Как, ты еще не ушла? — вскрикнула бабушка, появляясь в передней. — Нет уж, сегодня я непременно расскажу все папе и маме!

— Подумаешь!.. — ответила Оля и начала одеваться.

— Учишься в пятом классе, а ведешь себя как маленькая. Ох, если бы ты могла посмотреть на себя со стороны!

— Подумаешь!.. — повторила Оля, помахала бабушке рукой и, еще раз украдкой взглянув на себя в зеркало, скрылась за дверью...

В этот день Оля вернулась из школы злая-презлая: она поссорилась с подругами. Вообще она часто ссорилась с подругами и почти всегда была виновата во всем.

— Какая ты капризная! — сказали ей подруги. — Больше мы не будем с тобой дружить!

— Подумаешь!.. — выпятила Оля нижнюю губу и сделала вид, что несколько не огорчена. Но на самом деле на душе у нее было прескверно.

Кончался декабрь, на улице темнело рано. А так как после школы Оля не могла удержаться от соблазна заглянуть в кино, где шла новая картина, то, когда она пришла домой, в морозном небе уже светились звезды. И тут, к своему ужасу, Оля увидела, что на лестнице не горят лампы. А темноты она боялась больше всего.

Пугаясь шума собственных шагов, Оля стремительно взбежала на свой этаж и подняла такой звон, что у бабушки тряслись руки, когда она открывала дверь.

— Что случилось? — испуганно спросила старушка. — А где твой ключ?

— Бабуночка, я потеряла свой ключ, — тяжело дыша, сказала Оля.

Бабушка всплеснула руками.

— Это уже в третий раз! Ну что теперь делать? Свой ключ я отдала слесарю домоуправления. Ах, Оля, Оля, какая ты растеряшка! Беги к слесарю, он, наверное, уже сделал новый ключ.

— Бабуночка... на лестнице так темно... Наверно, перегорели пробки.

— Боишься?

— Я просто... не люблю темноты...

— Ах ты, трусишка! Ну ладно уж, схожу сама. — Бабушка оделась, погрозила Оле пальцем. — Шоколадку в буфете до обеда не трогай! — и скрылась за дверью.

Оля стала раздеваться на ходу. В одном месте она оставила калоши, в другом — шапочку, в третьем — пальто. Затем, после небольших ко-

лебаний, она достала из буфета шоколадку и съела ее. Ей было скучно. Она взяла книгу, на обложке которой было написано «Сказки», и начала листать ее.

Одна картинка привлекла внимание Оли. С высокого холма открывался вид на удивительный город со множеством разноцветных зданий с высокими шпилями.

Нарядные люди гуляли по площади вокруг фонтана. «Вот бы и мне погулять там!» — подумала Оля и вдруг услышала какой-то странный звон в передней.

Она побежала в переднюю. Но все было тихо.

«Наверно, послышалось», — подумала Оля и, бросив взгляд на зеркало, как обычно стала вертеться перед ним.

Она оглядела себя с головы до ног, несколько раз повернулась кругом, потом сощурила глаза и высунула язык. Потом Оля показала самой себе длинный язык пальцами, рассмеялась и начала выбивать ногами дробь.

И тут ей показалось...

Нет, этого не может быть! Чутко прислушиваясь, Оля снова стукнула каблуками об пол и теперь уже вполне отчетливо разобрала, как в глубине зеркала стеклянным мелодичным звуком отозвалось эхо. Да, эхо отозвалось в зеркале, в той самой передней, которая в нем отражалась, а не в той, настоящей, в которой стояла Оля.

Это было так странно, что Оля онемела, широко открыв свои голубые глаза. И в тишине она ясно услышала, как кто-то вздохнул длинно и печально. Оле стало страшно... Она выждала минуту и негромко спросила:

— Кто это вздыхает?

— Я, — негромко ответил красивый голос, словно ударились друг об дружку хрустальные стеклышки.

— Кто ты? — перевела дыхание Оля. — Здесь никого нет.

— Это я, зеркало, — снова зазвенел голос.

Оля отскочила в сторону и, помедлив, сказала:

— Но ведь вещи не умеют разговаривать...

— А ты представь, что находишься в сказке, — ответил голос.

— Все равно это очень странно... Я боюсь тебя, зеркало.

— Напрасно, девочка... Я доброе волшебное зеркало. Я не причиню тебе никакого зла. Не правда ли, я тебе нравлюсь? Ты так любишь смотреть в мое стекло!

— Это правда, — сказала Оля, осмелев и делая шаг к зеркалу.

А голос звучал:

— Бабушка часто говорит, что хотела бы, чтобы ты увидела себя со стороны...

— Но разве это возможно? — удивилась Оля.

— Ну, конечно, возможно. Только для этого тебе надо побывать по ту сторону зеркала.

— Ах, как интересно! — воскликнула Оля. — Разреши мне, пожалуйста, побывать по ту сторону зеркала!

Голос ответил не сразу, как будто зеркало погрузилось в задумчивость.

— С твоим характером, — произнес, наконец, звенящий голос, — опасно очутиться по ту сторону зеркала.

— Разве у меня плохой характер?

Снова раздался вздох.

— Видишь ли, ты, конечно, хорошая девочка... Я вижу добрые глаза — значит, и сердечко у тебя доброе. Но у тебя есть недостатки, которые могут помешать тебе в трудную минуту!

— Я ничего не боюсь! — решительно махнула косичками Оля.

— Что ж, пусть будет по-твоему, — произнес голос.

И передняя наполнилась вдруг звоном, словно разбились тысячи хрустальных стекляшек. Оля вздрогнула, и книга, которую она держала под мышкой, полетела на пол.

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой Оля знакомится со своим отражением и попадает в сказочную страну

Хрустальный звон все усиливался. По гладкому стеклу зеркала побежали голубые волны. С каждой секундой они становились все голубее и голубее, и теперь уже зеркало ничего не отражало.

Затем голубые волны рассеялись, словно туман, и хрустальный звон затих. Оля снова увидела в зеркале переднюю и свое отражение. Однако стекло исчезло. Осталась только одна рама от зеркала, через которую — Оля отчетливо почувствовала это — повеяло ветерком.

Набрав в легкие воздуха и зажмурив глаза, будто она собиралась нырнуть в воду, Оля быстро подняла ногу, переступила через раму и, столкнувшись с кем-то, полетела на пол. Она схватилась за ушибленный лоб, открыла глаза и села. Перед ней, схватившись за лоб, сидела девочка с русыми косами и большими голубыми глазами.

— А ведь мы обе виноваты, что столкнулись, — сказала девочка, смущенно улыбаясь. — Ты слишком быстро сделала шаг вперед. И я сдела-

ла шаг вперед. Ведь я привыкла делать то же, что и ты! Я не догадалась сразу, что мне нужно уступить тебе дорогу.

— Ничего, мне не очень больно, — проговорила Оля, потирая лоб, — только, наверное, вскочит шишка.

— Там, в своей передней, ты обронила книжку, — сказала девочка Оле, — вот она.

И девочка протянула книгу, на которой было написано «икзакС». Оля усмехнулась и внимательно оглядела отраженную переднюю, в которой находилась. Все в ней было наоборот. То, что дома стояло справа, здесь оказалось слева, а то, что там стояло слева, здесь оказалось справа.

Вдруг хрустальный звон привлек ее внимание. Оля увидела, что в зеркальной раме снова появились голубые волны. Она торопливо побежала к зеркалу, но его поверхность уже успокоилось. Оля прислонилась к зеркалу лоб и почувствовала холодок стекла. «Как же я теперь попаду домой?» — подумала она. Ей вдруг стало тревожно и грустно. Она видела в зеркале переднюю своей квартиры, которая была так близко и в то же время так далеко теперь. Какой милой ей показалась эта передняя! Вон на полу лежит ее любимая книга, на которой написано: «Сказки». А вон на вешалке висит папино летнее пальто, которое мама вынула из сундука, чтобы оно проветрилось: от пальто пахло нафталином.

Оля оглянулась.

Здесь, в отраженной передней, тоже висело пальто, такое же, как у папы, но сколько Оля ни тянула носом воздух, она не почувствовала запаха нафталина.

— Я не хочу здесь оставаться, — сказала Оля и сердито посмотрела на девочку. — Я хочу домой.

— Нельзя, — серьезно проговорила девочка, поднимаясь с пола. — Голубые волны не могут появляться так часто.

— А если я... разобью стекло?

— Тогда будет еще хуже. Ты на всю жизнь останешься по эту сторону зеркала.

Слезы брызнули из Олиных глаз и закапали на пол. «Дзинь, дзинь!» — зазвенели слезинки; ударившись об пол, они превращались в стеклышки и разбивались на сотни крошечных частей.

— Зачем же ты огорчаешься? — ласково заговорила девочка. — Нам с тобой не будет скучно.

— Как тебя зовут? — всхлипывая, спросила Оля.

— Меня зовут Яло. А тебя зовут Оля?

— Правильно! — воскликнула удивленная Оля. — Как ты узнала?

— Это очень просто. Ведь я твое отражение. Значит, имя у меня такое же, как у тебя, только наоборот. Оля наоборот будет Яло. Видишь, у меня все наоборот: у тебя родинка на правой щеке, а у меня на левой.

— Это очень забавно, — улыбнулась Оля сквозь слезы. — Если ты мое отражение, значит, ты...

— Что?

— Ты не обидишься, если я тебя спрошу?

— Конечно, нет, — ответила девочка. — Что тебя интересует?

— Если ты мое отражение — значит, ты должна быть левшой?

— Так и есть. Я все делаю левой рукой. И это значительно удобнее, чем правой.

— Здесь все очень смешно, — сказала Оля и вдруг поежилась. — Скажи, пожалуйста, откуда так сильно дует?

— Не знаю, — пожал плечами Яло и вдруг указала на книгу. — Посмотри, страницы твоей книжки шевелятся.

Девочки склонились над книгой, страницы которой действительно трепетали под ветром. Откуда он? Оля открыла книгу как раз на той странице, где был нарисован сказочный город с разноцветными домами со шпильями. Как это ни странно, но ветер дул с этой картинки!

— Bravo! — вдруг захлопала в ладоши Яло. — Оля, давай погуляем по этому городу.

Олины глаза от изумления расширились.

— Ты в своем уме? Это же... книга. Картинка такая маленькая.

Яло, посмеиваясь, поставила открытую книгу к стене, и картинка вдруг на глазах у девочек выросла до самого потолка.

Оля тихонько ахнула.

— По эту сторону зеркала все может быть, — сказала Яло. — Ты ведь попала в сказку, Оля. Пойдем посмотрим город, а завтра ты вернешься домой.

— Завтра?! — с ужасом вскрикнула Оля. — Да знаешь ли ты, что будет делаться дома? Меня будет разыскивать вся городская милиция... А мама, наверное, подумает... Бедная мамочка, она подумает, что я попала под трамвай, потому что я всегда очень неосторожно перехожу улицу!

— Ты напрасно беспокоишься. Дома никто и не заметит, что тебя нет. Даже если ты пробудешь здесь целую тысячу лет! Когда бы ты ни вернулась обратно, ваши часы будут показывать тот же час, ту же минуту и даже ту же самую секунду, когда ты переступила через раму. Вот посмотри-ка на часы.

Оля подняла голову и увидела на стене часы точно такие, какие висели дома в передней. Только циферблат на этих часах был нарисован наоборот и стрелки двигались не вперед, а назад.

— Ну, если так, тогда пойдем! — рассмеялась Оля.

Девочки взялись за руки и, обдуваемые легким ветерком, без всякого труда вошли в сказочный город.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой Оля путешествует по сказочному городу и убеждается, что не все то золото, что блестит

Девочки вышли на вершину холма, с которого открывался удивительный вид. У их ног начиналась огромная стеклянная лестница. Она уходила далеко вниз, и там внизу, у ее подножия, раскинулся город. Он был весь из разноцветного стекла, и его бесчисленные башни и шпили отражали солнце и слепили глаза.

Держась за руки, Оля и Яло начали спускаться по лестнице. Ступени, словно струны, зазвенели под их ногами. По бокам лестницы стояли широкие зеркала. Заглянув в одно из них, Оля увидела двух очень толстых и широколицых девочек.

— Неужели это мы? — растерянно спросила она.

— Да. Кажется, мы.

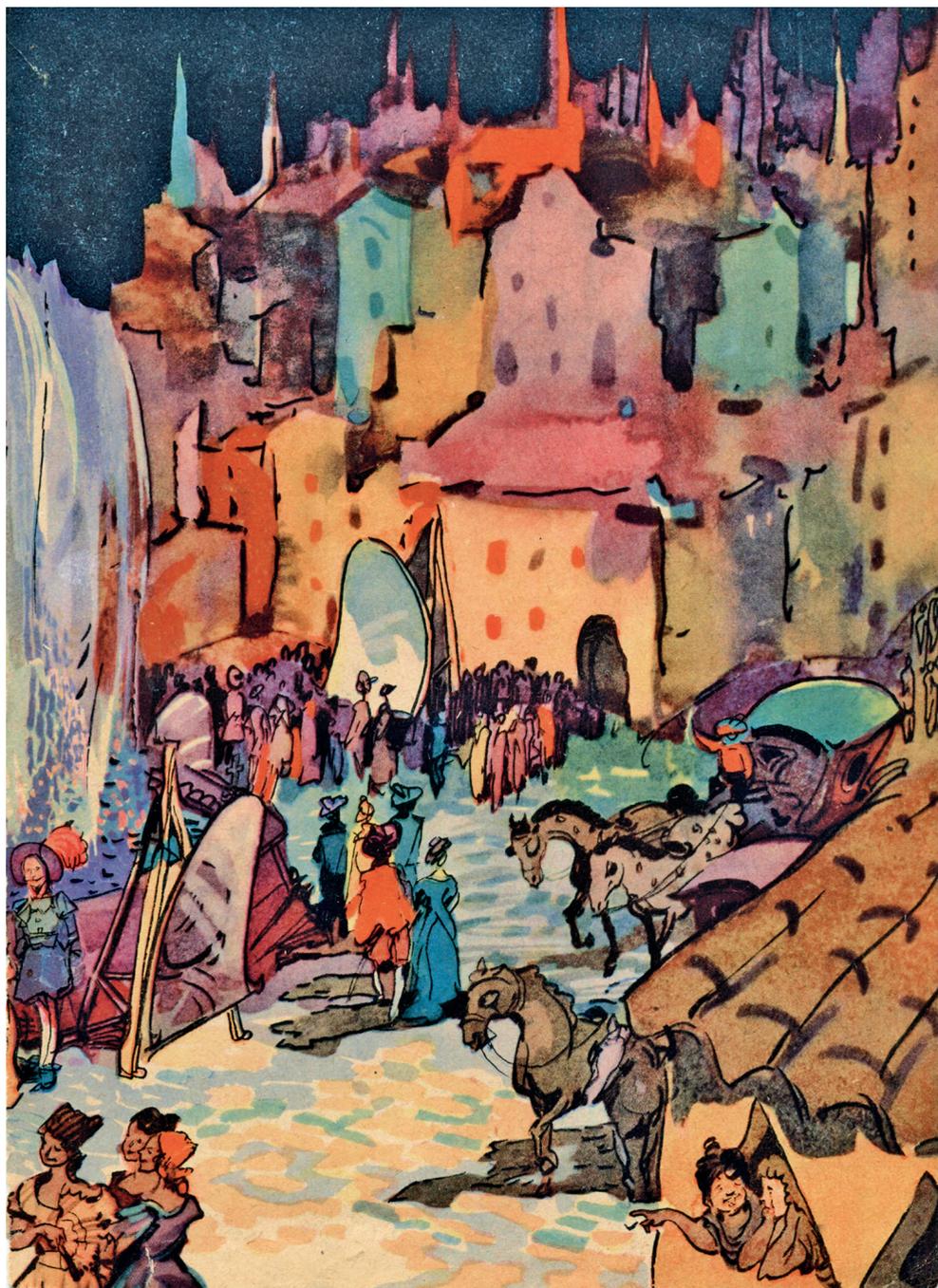
Девочки достигли подножия лестницы и остановились. Перед ними расстилалась площадь, которую окружали красивые дома из желтого, красного, синего, зеленого и белого стекла. Красивые дамы в длинных шелковых платьях и кавалеры в расшитых золотом пышных костюмах гуляли вокруг фонтана, из которого высоко в небо взлетали прозрачные струи. Падая на землю, эти струи превращались в стекло, разбивались на миллионы сверкающих осколков и наполняли воздух музыкальным звоном. От фонтана веяло приятной прохладой. Все искрилось в ярком солнечном свете.

Там и тут по площади проезжали коляски с какими-то важными и надутыми людьми. Звонко стучали по мостовой подковы лошадей. И повсюду на площади, так же как и на лестнице, были расставлены кривые зеркала.

Оля и Яло с любопытством рассматривали необыкновенных людей. Вот мимо прошел высокий худой старик в парчовом камзоле и в черных чулках, обтягивающих его тонкие ноги.

Перед ними расстилалась площадь, которую окружали красивые дома из желтого, красного, синего, зеленого и белого стекла.

Красивые дамы в длинных шелковых платьях и кавалеры в расшитых золотом пышных костюмах гуляли вокруг фонтана, из которого высоко в небо взлетали прозрачные струи...

— Дедушка, — обратилась к нему Оля, — скажите, пожалуйста, как называется эта страна?

— Я не дедушка! — сердито огрызнулся прохожий. — Я церемониймейстер его величества короля Топседа Седьмого. Противные девчонки! Разве вы забыли, что наша страна называется Королевство кривых зеркал?

Высоко вздернув голову, надменный старик удалился. Девочки переглянулись, едва сдерживая смех.

— Яло, он сказал, что короля зовут Топсед, — соображала Оля. — Если здесь, как ты сказала, все наоборот, значит, он... Деспот?

— Деспот, Оля!

— Вот какой это король!

Девочки обогнули площадь и вошли в маленький, тесный переулок. Чем дальше они шли по этому переулку, тем ниже и беднее становились дома. Вот перед ними стена длинного строения из черного стекла, освещенная изнутри какими-то мерцающими огнями. Из широкой двери клубами вырывался дым.

— Там, кажется, пожар?! — воскликнула Оля.

Они вошли в дверь и спустились по скользким ступеням в подвал.

— Как трудно дышать! — закашлялась Яло, прикрывая рукой рот.

Девочки увидели темное, наполненное дымом помещение. В полумраке вспыхивали огни каких-то печей. Едва различимые в дыму, как призраки, двигались полуобнаженные мужчины и юноши, занятые непонятной работой. Они были худы и измучены.

И вдруг жалобный крик раздался в мастерской. Худенький подросток, покачнувшись, упал на землю. И сейчас же к нему подошел человек в разноцветной одежде, с кнутом в руке.

— Опять этот Гурд не хочет работать! — сказал человек.

И Оля услышала, как в воздухе свистнул кнут.

Раз! Кнут опустился на обнаженную спину мальчика, оставив на ней красную полосу. Мальчик даже не пошевелился: он был без сознания. Человек снова взмахнул кнутом, но тут Оля бросилась вперед и, задыхаясь от волнения, крикнула:

— Что вы делаете? Не смейте! Вы же убьете его!..

Человек повернул к девочке разъяренное лицо.

— Я главный надсмотрщик министра Нушрока! Кто смеет делать мне замечания?

— Неужели вам не жаль его? — задыхаясь, проговорила Оля. — Смотрите, какой он слабый и маленький.

*Оля бросилась вперед и, задыхаясь от волнения, крикнула:
— Что вы делаете? Не смейте! Вы же убьете его!..*

— Отойди прочь! Иначе, клянусь королем, тебе придется плохо, девчонка!

Вокруг Оли и надсмотрщика столпились зеркальщики. Они смотрели на Олю с такой благодарностью, что это придавало ей смелость.

— Вы не должны его бить! — твердо сказала Оля. — Посмотрите, посмотрите, он, кажется, уже умер... Помогите ему!..

— Вынесите это чучело на воздух! — крикнул надсмотрщик. — Не думаешь ли ты, девчонка, что министр Нушрок станет беспокоить королевского врача ради этого мешка с костями?

Мальчика подняли, вынесли на руках из подвала и положили на мостовую лицом к солнцу. Веки его слабо задрожали.

— Ну вот, я же говорил, что мальчишка притворяется! Он просто не хочет работать! — прорычал надсмотрщик. — Нет, Гурд, теперь тебе не миновать королевского суда!

Кто-то тронул Олю за локоть. Она оглянулась и увидела бледную Яло, протиснувшуюся сквозь толпу.

— Сумасшедшая! — взволнованно прошептала Яло. — Бежим скорее отсюда! Я так боюсь этого человека с кнутом!

— Я никуда не пойду, пока не узнаю, что будет с мальчиком, — упрямо тряхнула косичками Оля. Раздался звон подков.

— Кажется, катит Нушрок, — тихо проговорил сгорбленный старик с глубокими морщинами на лице.

Оля шепотом спросила его:

— А что здесь надо Нушроку?

Он взглянул на нее удивленно.

— Вы, девочки, наверно, чужестранки? Нушрок — хозяин всех зеркальных мастерских в нашем королевстве... Вот и этих мастерских. Мы делаем здесь наводку зеркал. Видишь, какие мы все худые? Это оттого, что мы отравлены ртутными парами. А посмотри-ка на наши руки. Видишь, они покрыты язвами. Это потому, что мы отравлены ртутью. Скупой Нушрок не хочет заменить оловянно-ртутную амальгаму серебром. Серебро ему дороже, чем жизнь людей!

— Нушрок — это значит Коршун! — тихонько пояснила Яло.

— Тише!.. — прошептал старый рабочий. — Он подъезжает. Не смотрите ему в глаза, девочки! Его взгляда никто не выдерживает.

На вороных лошадях в толпу въехали стражники с длинными копьями. Все торопливо расступились.

А еще через несколько секунд к мастерским подкатила сверкающая карета. Слуги распахнули дверцы, и Оля увидела выглянувшего из кареты человека, лицом похожего на коршуна. Нос у него был загнут кни-

зу, словно клюв. Но не нос поразил ее. Девочка вздрогнула, увидев глаза Нушрока. Черные и хищные, они словно пронизывали всех насквозь. Оля заметила, что с Нушроком никто не хочет встречаться взглядом и все смотрят в землю.

Хищные глаза министра медленно осмотрели толпу, скользнули по неподвижно лежащему мальчику и остановились на надсмотрщике. Надсмотрщик опустил голову и снял шляпу.

— Что случилось? — пискнул человек с лицом коршуна.

Оля подумала, что голос у него такой же противный, как и глаза.

— Гурд снова не хочет работать, господин министр, — почтительно проговорил надсмотрщик, не поднимая глаз.

Гурд вдруг застонал и приподнялся, опираясь на руки.

Министр страшным, немигающим взглядом уставился на мальчика.

— Почему ты не хочешь работать?

— Господин министр, — еле слышно проговорил мальчик, — я голоден... Мне трудно работать.

— Ты лжешь! Каждый день ты получаешь хороший ломоть хлеба.

— Какой же это ломоть, господин министр? Это совсем маленький кусочек, величиной со спичечную коробку. Я отдал его своей больной матери, — тихо, но горячо говорил Гурд. Он с трудом поднялся на ноги и, покачнувшись, оперся рукой о стенку. — У меня осталась только крошка хлеба... Вот она, на моей ладони. Видите? Я берег ее к вечеру.

— Ах, как изолгался народ! — покривил губы Нушрок. — Это, потвоему, крошка? Ну-ка, поднеси ее к зеркалу...

В черном развевающемся плаще Нушрок вдруг выскочил из кареты и подтолкнул мальчика к кривому зеркалу, одному из тех, которые повсюду стояли в этом странном городе.

— Подойди поближе к зеркалу! — завизжал Нушрок, брызгая слюной. — Что ты видишь в зеркале, мальчишка? Ну?

Оля увидела в зеркале толстого мальчика с огромной булкой в руке.

— В зеркале видна целая булка! — усмехнулся надсмотрщик.

— Целая булка! — вскрикнул министр. — И после этого ты говоришь, что тебе нечего есть?

Гурд внезапно выпрямился. Его усталые глаза блеснули.

— Ваши зеркала врут! — гневно проговорил он, и его щеки даже слабо порозовели.

Гурд нагнулся, подхватил с земли камень и с силой швырнул его в зеркало. С веселым звоном осколки стекла посыпались на мостовую. Толпа ахнула.

тила. На улице остались лишь девочки да одинокий стражник у входа в мастерскую.

— Скажите, зачем этого несчастного мальчика отвезли в башню?

Высокий стражник посмотрел на Олю сверху вниз, усмехнулся:

— Как зачем? Смешная ты девчонка. Как только королевский суд вынесет приговор, мальчишку сбросят с Башни смерти, и его тело разобьется на тысячи осколков.

Оля вскрикнула:

— А кто может отменить этот приговор?

— Только сам король. Но он никогда не отменяет приговоров своего суда.

Яло потянула Олю за рукав.

— Оставь его, Оля. Нельзя быть такой неосторожной. Еще немного, и мы попали бы с тобой в большую беду.

Оля взяла Яло за руку.

— Пойдем, Яло!

— Куда?

— Во дворец короля.

— Что-о?..

— Я не успокоюсь до тех пор, пока Гурд не будет свободен!

— Гурда больше ничего не спасет. Ты слышала, что сказал стражник?

— Все равно мы пойдем во дворец короля! Его надо спасти, Яло!

Обязательно!

— Но тебя... тоже могут казнить.

— Все равно! Идем!

Яло смотрела на Олю округлившимися от изумления глазами. Яло не подозревала в ней столько решимости и бесстрашия. Ведь она, Яло, частенько видела Олю и ворчливой, и капризной, и такой ленивой, что даже становилось скучно ее отражать.

Почему же сейчас такой смелостью сверкают глаза Оли?

Читатели, конечно, догадались почему. Потому что, несмотря на свои недостатки, Оля была пионеркой. И теперь она была полна только одним чувством — тревогой за жизнь угнетенного мальчика.

— Пойдем! — повторила Оля.

— Что ж, — вздохнула Яло, — пойдем.

Девочки пошли по переулку.

— В этой стране так много блеска, — помолчав, сказала Оля. — Сначала мне здесь даже понравилось. Но, видно, бабушка права, когда говорит, что не все то золото, что блестит!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой Оля и Яло попадают во дворцовую кухню

На небе уже искрились звезды, когда Оля и Яло добрались до королевского дворца. В залах дворца горели свечи, и его хрустальные стены и окна переливались всеми цветами радуги. За дворцовой оградой звенели фонтаны, а на деревьях сладко пели невидимые птицы.

— Как красиво! — вздохнула Оля. — Но как тяжело живется людям в этой стране!

— Вон, наверно, главный вход во дворец, — сказала Яло, показывая на решетчатые ворота. — Только нас с тобой во дворец все равно не пустят... Да я больше и не могу идти. Я сильно натерла себе ногу.

— Какую? — спросила Оля.

— Левую.

— А я правую... Как удивительно!

— Ничего удивительного нет, — проворчала Яло, — ведь я твое отражение. И должна тебе сказать, что отражать тебя не очень-то приятно.

— Вот как? — рассердилась Оля. — В таком случае я тоже должна тебе кое-что сказать. Меня очень удивляет, что ты мое отражение, а ни-сколечко на меня не похожа!

— Не похожа? Чем же это? Разве тем, что я левша и родинка у меня на левой щеке, а не на правой?

— Не в родинке дело. Я заметила, что ты... не обижайся, пожалуйста, Яло... что ты труслива. Но я простила бы тебе, если бы в твоем характере не было еще одной черты...

— Скажите пожалуйста, она бы простила мне! Ты говоришь со мной так, будто бы я у тебя в подчинении. Хоть я и твое отражение, не забывай, что я такая же девочка, как и ты. Интересно, какая это у меня еще неприятная черта?

— Ты можешь оставить человека в беде, Яло. Неужели тебе не жалко Гурда?

Яло промолчала.

— Прости меня, Оля, — в смущении заговорила наконец Яло. — Я не понимаю, почему я такая... Мне очень хочется быть хорошей, но как я ни стараюсь, у меня ничего не получается. Ты знаешь, о чем я даже думала? О том, что эти мои недостатки — это твои недостатки. Но теперь я вижу, что ты такая добрая. Тут, верно, какая-то ошибка.

Оля почувствовала, как горячо стало ее щекам. «Бедная Яло, — подумала она, — никакой ошибки тут нет. Ты привыкла отражать мои недостатки и никак не можешь от них избавиться. Когда заболела одна де-

вочка из нашего класса и мы пошли навестить ее, я всю дорогу ныла, что она живет очень далеко. Я думала не о больной подруге, а только о себе самой. Вот так же, как Яло теперь!» Оля положила руку на плечо Яло и тихо сказала:

— Знаешь, Яло, о чем я вдруг подумала, когда увидела Гурда? Я подумала, что настоящая пионерка не может заботиться только о себе, когда другие нуждаются в ее помощи. — Она порывисто протянула спутнице руку. — Давай больше никогда не будем ссориться, Яло! Я знаю, что ты хорошая девочка и непременно освободишься от своих недостатков. Нужно только по-настоящему захотеть! Я это знаю по себе...

Прихрамывая одна на левую, а другая на правую ногу, девочки подошли к дворцовым воротам. Два стражника скрестили перед ними алебарды.

— Уважаемые стражники, — сказала Оля, — нам очень, очень нужно видеть его величество короля Топседа!

— Что-о-о?..

Стражники расхохотались так громко, что девочки испуганно отскочили в сторону.

— Девчонки, кажется, рехнулись! — сказал один из них.

— А ну-ка, проваливайте подобру-поздорову! — взмахнул алебардой другой.

Девочки побрели вдоль ограды.

А дворец сверкал. Из распахнутых окон доносились музыка и веселые голоса. Было видно, как в огромном зале кружатся танцующие пары. Должно быть, король давал во дворце бал.

— Я говорила тебе, что нам во дворец не попасть, — вздохнула Яло, со страхом оглядываясь на стражников, которые еще громко смеялись.

Оля стиснула ей руку.

— Никогда не нужно терять надежды, Яло! Так говорил мне папа. Только раньше я как-то не задумывалась над этими словами.

— Никакой надежды больше нет. Я очень устала. У меня болит нога, и я хочу есть, — хныкала Яло.

— Давай попробуем обойти вокруг дворца и найти другой вход.

— Это значит, нам придется пройти еще несколько километров!

— Пусть даже сто километров! Мы должны сделать все, чтобы спасти Гурда! — сказала Оля и подумала: «Вот так же ныла и я, когда шла с девочками к больной подруге. Как была права бабушка, когда говорила, что мне нужно посмотреть на себя со стороны!.. И вот теперь я смотрю на себя со стороны. Какой стыд!..»

Яло начала отставать.

— Больше я не могу идти, — жалобно простонала она и села на землю.

— Яло, милая, ну потерпи еще немного!

— Не могу.

Из глаз Яло закапали слезы и зазвенели о плиты мостовой.

В это время мимо девочек проезжала какая-то подвода, покрытая блестящим брезентом. Две мужские фигуры виднелись наверху. Девочки слышали, как глуховатый голос сказал:

— Послушай, приятель, неужели король все это съест один? — и человек похлопал по брезенту рукой.

— Наш король на аппетит не жалуется, — ответил другой голос, и оба рассмеялись.

— Что это везут? — спросила Яло.

— Кажется, провизию во дворцовую кухню, — ответила Оля и вдруг оживилась. — Яло, я все придумала! Скорей бежим! — Она потянула подругу за рукав. — Давай попробуем попасть во дворец на этой подводе.

Прихрамывая, девочки догнали подводу, вскочили на нее и забрались под брезент. Там они нащупали несколько корзин с чем-то пушистым и мягким и влезли в одну из корзин.

Через некоторое время подвода остановилась. Девочки почувствовали, что корзину, в которой они спрятались, сняли с подводы и куда-то несут. И оттого, что потянуло горячим воздухом и запахло жареным, они поняли, что их принесли в кухню.

— Что в этой корзине? — раздался чей-то резкий голос.

— Двадцать фазанов, господин главный повар, — хрипло ответил другой. — И такие тяжелые, что оборвали нам руки!

— Охота была удачная, жаловаться не приходится, — добавил кто-то.

— Поставьте корзину вот здесь, у стены, — последовало приказание, и корзина стукнулась об пол.

В кухне кто-то сновал взад и вперед, звенела посуда, стучали ножи, было слышно, как на плите дребезжали крышки кастрюль и что-то шипело. Девочки не видели, как по кухне сновали озорные повара в халатах и белых колпаках, размахивая половниками, но зато они услышали их веселую песенку:

Аппетит у короля,
Ох, велик, тра-ля-ля-ля!
Очень любит кушать он,
Целый день на кухне звон!
Целый день мы варим, варим,

Целый день мы жарим, жарим
И цыплят, и поросят,
И утят, и индюшат!
И соленья, и варенья
Королю на объеденье!
Ох, скорей бы, тра-ля-ля,
Разорвало короля!

— Ах вы, пострелята! — зазвучал женский смех. — Вот услышит главный повар вашу песенку — не миновать вам Башни смерти!

Мало-помалу все стихло. Издалека донесся голос:

— Тетушка Аксал!

— Да, господин главный повар, — ответил женский голос.

— Разбери фазанов, тетушка Аксал, и вынеси их на лед.

— Слушаю, господин главный повар.

— А я пошел спать.

— Спокойной ночи, господин главный повар.

Возле корзины раздались шаги, и фазаны над головами девочек зашевелились.

ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой Оля и Яло превращаются в придворных пажей

— Вот так фазаны! — изумленно воскликнула тетушка Аксал. — Клянусь всеми кривыми зеркалами королевства, я, старая кухарка, никогда не видела дичи с бантами в косах!

Перепаханные, сконфуженные девочки встали перед женщиной в белом колпаке, который горой поднимался над ее красным добродушным лицом.

— Ах вы, фазанята! Да как же вы попали в эту корзину? Недаром, видно, сказали, что охота была удачная!

— Мы... мы... — сказала Яло, облизывая пересохшие губы, — мы заблудились...

— Заблудились? — насмешливо перебила кухарка. — Однако шутки плохи. Знаете ли вы, фазанята, что вам будет за то, что вы непрошеными явились во дворец?

— Знаем.

— Они говорят «знаем» так спокойно, как будто я их спрашиваю, знают ли они свою маму.

Оля нерешительно выступила вперед.

— Вы добрая женщина. Вас, кажется, зовут тетушка Ласка?

— Тетушка Аксал, девочка.

— Это одно и то же. Ну, хорошо. Пусть будет тетушка Аксал. Дорогая тетушка Аксал, вы поймите нас... Мы пришли во дворец. Ах, у нас такое горе! Мы пришли, чтобы...

— Никогда не видела, чтобы люди ходили в корзинах, — усмехнулась кухарка. — Какое же у вас горе, фазанята?

Оля не успела ответить, потому что за стеклянными колоннами раздались чьи-то шаги, и эхо звонко повторило их в огромной пустой кухне.

— Кажется, возвращается главный повар, — сказала тетушка Аксал, и ее лицо стало озабоченным. — И какая блоха его укусила? Вот что, фазанята, вам лучше не попадаться ему на глаза. Пойдемте-ка в мою каморку, а там будет видно, что делать.

По узенькой винтовой лестнице девочки поднялись вслед за тетушкой Аксал в ее крошечную комнатку, которая не блистала дорогой мебелью, но была очень опрятна и чиста.

— Вот вода и умывальная чашка. Помойтесь как следует. А в шкафчике есть что покушать. Ведь вы, наверно, голодны?

— Ужасно! — воскликнула Яло.

Кухарка ласково провела рукой по ее волосам и сказала:

— Отдыхайте, фазанята, я скоро вернусь.

Когда тетушка Аксал снова появилась в своей комнатке, девочки уже вымылись и поели. У Яло слипались глаза, и она с ожесточением терла их кулаками.

— Ну, а теперь выкладывайте-ка мне все, — сказала кухарка Оле. — Ты, я вижу, будешь покрепче сестренки. Смотри, как ее разморило. А ведь, если меня не обманывают глаза, вы близнецы?

Выслушав рассказ о мальчике Гурде, тетушка Аксал задумчиво подперла подбородок ладонями.

— Доброе у тебя сердечко, девочка, — наконец проговорила она. — Только Гурда спасти трудно. Слышала я, что его уже отвезли в Башню смерти и заковали в кандалы на самой ее вершине. Завтра король утверждает приговор суда.

— А если я очень-очень попрошу короля?

Тетушка Аксал грустно улыбнулась.

— Разве ты не знаешь, что наш король сам ничего не решает? Он подписывает то, что сочиняют министры. А министры всегда сочиняют то, что им выгодно. Они только о том и думают, как бы туже набить золотом свои мешки да устроить людей. Ах, девочка, как хорошо все это

*Перепачканные, сконфуженные девочки встали перед женщиной
в белом колпаке, который горой поднимался
над ее красным добродушным лицом*

я знаю! Ведь мой брат работает в зеркальных мастерских Нушрока, а я сама когда-то добывала рис на зеркальных болотах Абажа.

— Абаж? — удивленно приподняла брови Оля. — Это значит... Жаба?

Кухарка расхохоталась.

— Есть у нас такой министр. О, он такой же жестокий и злой, как Нушрок! Абаж владеет всеми рисовыми полями нашего королевства. Ты права, девочка: он действительно похож на толстую жабу!

— Я все-таки хотела бы, тетушка Аксал, поговорить с королем.

— Как же это сделать, девочка? — развела руками кухарка. — Даже я не имею доступа в королевские покои. Как же пройдешь туда ты? Впрочем, стой... Может быть, я что-нибудь и придумаю. А сейчас ложитесь-ка поскорее спать. Утро вечера мудренее.

Девочки очень устали и поэтому даже не заметили, что добрая тетушка Аксал уступила им свою постель, а себе постелила на полу, на старом коврикe. Они сразу уснули и не чувствовали, как старая кухарка укутывала одеялом и ласково шептала что-то, склоняясь над ними. Оле приснились зеркальщики, Гурд и человек с лицом коршуна. Во сне она снова услышала песню зеркальщиков:

Нас угнетают богачи,
Повсюду ложь подстерегает.
Но знайте, наши палачи,
Все ярче Правда расцветает!

Голоса становились все громче и громче. И Олино сердце замирало от волнения.

Нас ждут великие дела,
Вы нашей Правде, братья, верьте!
Долой кривые зеркала!
Сожжем, разрушим Башню смерти!

Оля проснулась первой. Тонкие солнечные лучи, словно шпаги, пронизывали стеклянные стены комнатки. Все сверкало вокруг. В распахнутое окно из королевского парка доносилось пение птиц. Тетушки Аксал в комнате уже не было. Оля потянулась, зевнула, легко соскочила с постели и вдруг рассмеялась, услышав, как мальчишки-поварята где-то внизу распевают:

Аппетит у короля,
Ох, велик, тра-ля-ля-ля!

Она быстро оделась, помыла лицо холодной водой и сразу почувствовала себя бодрой. Потом она подошла к постели и начала тормошить Яло. Брыкнув ногой и не открывая глаз, Яло пророчала:

— Отстань! Ну что ты ко мне пристаешь?!

— Яло, пора вставать!

Яло села на кровати и сердито посмотрела на Олю одним глазом.

— Какая ты противная, Оля, даже поспать не даешь!

Она долго ходила по комнате и никак не могла отыскать туфли и платье. Туфли почему-то оказались под умывальником, а платье — под кроватью.

— Скорей, Яло, — торопила ее Оля. — Сейчас придет тетушка Аксал.

— Подумаешь!.. — буркнула Яло.

— И не стыдно тебе будет перед этой доброй женщиной? Посмотри, какой разгром ты устроила здесь!

— Подумаешь!..

— Что за глупое слово!

— Это твое любимое слово.

— Мне противно смотреть на тебя!

Яло насмешливо фыркнула:

— Вот как! А ведь ты смотришь на самое себя.

Оля покраснела.

— Я уже... давно не такая, — потупясь, сказала она.

На винтовой лестнице раздались шаги. Тяжело дыша, в комнату вошла тетушка Аксал. В руках у нее был большой сверток.

— Ну, девочки, — проговорила она, отирая пот с красного лица, — задали же вы мне хлопот, клянусь всеми зеркалами королевства! Но не будь я тетушкой Аксал, если вы сегодня же не будете говорить с королем!

Девочки тихо ахнули.

— Да, да, фазанята! — весело продолжала она. — В этом свертке костюмы придворных пажей. А пажам, как известно, дорога во дворец открыта. Ну-ка, переодевайтесь!

— Мы будем пажами?! — всплеснула руками Яло. — Ты подумай, Оля, как это интересно! Ты слышишь? О чем ты задумалась, Оля?

— Мне не очень нравится эта затея, — сказала Оля, смущенно взглянув на кухарку. — Вы только не сердитесь, тетушка Аксал. Жаль, что мы доставили вам столько хлопот, но... это получается какой-то обман.

— Что ты говоришь, деточка? Где ты видишь обман? Скажи-ка толком, а то я никак не могу понять тебя.

— Ну, вот эти костюмы. Ведь мы обыкновенные девочки, а все будут думать, что мы эти, ну — как они называются? — пажи.

— Да какой же это обман, деточка?! Это всего-навсего маленькая хитрость. И потом, кто в нашем королевстве не врет? Может быть, ты думаешь, что не врет король или его министры? Да они самые большие вруны!

Оля передернула плечами.

— Но я не король и не министр, тетушка Аксал. Я пионерка!

— Не знаю, что означает это слово, деточка, но вижу, что тебя воспитали очень хорошие люди, — растроганно сказала старая женщина.

— Оля, — зашептала Яло, — ты ведь любишь читать старые сказки, а ведь в этих сказках очень часто переодеваются и вообще хитрят.

Оля подумала.

— Ну, уж если я попала в старую сказку, то, пожалуй... Нет, Яло, все равно это как-то ужасно некрасиво!

— Но Гурд, Оля! Мы должны спасти его!

— Гурд... — вздохнула Оля. — Да, мы должны спасти его во что бы то ни стало! Хорошо, тетушка Аксал, давайте ваши костюмы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой паж с родинкой на правой щеке дает королю урок арифметики

Два маленьких пажа в бархатных костюмах, с пышно завитыми светлыми волосами вошли в пустынный зал дворца. В зале никого не было. Позвякивая сверкающими тувельками по хрустальному паркету, пажи подошли к огромному обеденному столу и стали по бокам королевского кресла.

— Неужели король будет завтракать один? За этим столом могут усесться пятьсот человек! — сказал паж с родинкой на правой щеке.

— Тсс... кто-то идет, — шепнул паж с родинкой на левой щеке. — Мне так страшно, что даже коленки подгибаются.

Из-за колонны вышел старец в парчовом камзоле и в черных чулках. Он ступал на своих тонких ногах торжественно и медленно.

— Яло, смотри, смотри, — быстро зашептал паж с родинкой на правой щеке, — это тот самый старик, которого мы встретили на городской площади возле фонтана. Помнишь, он рассердился, когда я его назвала дедушкой?

— Помню, Оля, — закивал паж с родинкой на левой щеке. — Он, кажется, назвал себя церемониймейстером.

Старик между тем подошел к пажам, остановился и молча осмотрел обоих. У него слегка тряслась голова.

— Послушайте, пажи, — заговорил церемониймейстер дребезжащим голосом, — вы не видели министра Абажа? Ему срочная депеша.

— Я... я не видела, — пробормотала Оля.

— Я тоже, — замотала головой Яло.

— Пажи должны все знать! — недовольно сказал старик. — Погодите, погодите, я вас никогда не видел во дворце. Вы новые пажи его величества?

— Да, новые, — пролепетала Яло, сжимаясь от страха.

— Кто же вас сюда поставил?

— Нас? — растерянно спросила Оля.

— Да, да, вас. Так кто же?

— Вы! — вдруг выпалила Яло.

Это было так неожиданно, что Оля прикусила губу, чтобы не рассмеяться.

— Я?!

— Совершенно правильно, вы, господин, це... церемониймейстер, — кивнула Яло.

— Хм... не помню. Какая отвратительная стала у меня память! Хм, ну, конечно, это я вас поставил! Что же вы спорите?

— Мы не спорим.

— Молчать! — взвизгнул церемониймейстер и, услышав, как где-то мелодично начали бить дворцовые часы, закричал: — Главный повар! Главный повар!

Откуда-то выскочил маленький толстенький человек.

— Его величество сейчас должен завтракать. Что приготовлено на завтрак его величеству?

— Господин церемониймейстер, на завтрак его величеству королю Топседу Седьмому приготовлены три жареных кабана, пятнадцать копченых индеек, десять маринованных осетров, двести яиц всмятку, двадцать фаршированных фазанов, тридцать жареных уток, сто печеных яблок, пятьдесят килограммов винограда, полтонны мороженого и десять ящичков заморского вина.

— Это все?

— Все, господин церемониймейстер...

— Вы с ума сошли! Его величество останется голодным! Прибавьте еще что-нибудь!

В зале замелькали бесшумные слуги, уставляя стол яствами. Церемониймейстер ушел, вероятно, чтобы встретить короля. И в это время в зал вошли два человека.

— Нушрок! — с ужасом шепнула Яло.

Главный министр шел в своем черном плаще, из-под которого виднелся кончик шпаги. Рядом с ним двигалось что-то шарообразное. Это был толстый и словно бы состоящий из двух шаров человек, одетый

И в это время в зал вошли два человека

в зеленый костюм, расшитый золотом. Большой шар был туловищем с четырьмя конечностями, а маленький шар — лысая голова с пухлым лицом. Выпуклые зеленоватые прищуренные глаза его прикрывали темные и сморщенные, как у жабы, веки. Но когда он медленно поднимал их и широко открывал глаза, в них можно было увидеть ум и хитрость. И тогда казалось, что он вот-вот сделает молниеносный прыжок, словно жаба, высмотревшая на листке зазевавшуюся муху. Он посмотрел на стол, потом на Нушрока и сказал рокочущим грудным голосом:

— Король пригласил вас на совещание по какому-то важному государственному делу, а сам, оказывается, еще не завтракал. Послушайте, главный министр, не смотрите на меня! Вы же знаете, что я не переношу вашего взгляда.

— Никто не переносит моего взгляда, Абаж! — усмехнулся Нушрок.

— Вы очень любите хвастаться своими глазами, главный министр, — раздраженно пророчотал человек-жаба. — Не лучше ли нам поговорить о деле? Не кажется ли вам, что кривые зеркала перестали действовать на наш народ?

— Да, кажется, министр Абаж. Вчера мальчишка-зеркальщик даже разбил одно кривое зеркало!

— Жители королевства обнаглели, Нушрок! Чтобы держать народ в повиновении, пришло время почаще прибегать к устрашению. — Абаж вынул из кармана большой ключ. — Вот что нужно нашему народу!

Черные глаза Нушрока сверкнули.

— Что это? Ключ?

— Да, ключ от цепей для моих сеятелей риса. На моих болотах стало очень беспокойно, Нушрок, и я приказал сделать цепи и замок по вашему образцу.

Нушрок внимательно рассматривал ключ.

— Да, он действительно совершенно такой же, как ключ от цепей на Башне смерти. Это мое изобретение, Абаж! — с достоинством проговорил главный министр.

— Это ваше лучшее изобретение, Нушрок! Башня смерти известна всему королевству.

— Плохо только то, Абаж, что теперь есть второй ключ, которым можно отпирать цепи на Башне смерти.

— Пусть это вас не беспокоит, Нушрок. Мой ключ всегда находится при мне, а ваш висит над тронном короля.

— Все равно мне не нравится, Абаж, что в королевстве есть второй ключ, — сухо сказал Нушрок.

Оля и Яло настороженно прислушивались к разговору министров.

— Ты слышала? — шепнула Оля. — Один ключ висит над тронном короля.

— Слышала, — едва шевельнула губами Яло.

Из-за колонн снова вышел церемониймейстер и, вытягивая шею, торжественно объявил:

— Его величество Топсед Седьмой!

Где-то зазвучали фанфары, и все склонили головы. Окруженный свитой, к столу приближался Топсед Седьмой.

Король не торопился завтракать. Его короткие ножки медленно шаркали по полу. Он шел, опустив приплюснутую голову на темно-зеленый, усыпанный драгоценностями камзол. Толстые, растянутые почти до самых ушей губы Топседа Седьмого шевелились, как будто он разговаривал сам с собой. И словно в такт своим мыслям, он то и дело взмахивал короткой ручкой с пухлыми маленькими пальцами. Низенький уродец шел, неуклюже покачиваясь: слабым ножкам трудно было нести тяжелое тело.

У своего кресла король остановился и поднял голову. У него были бесцветные, ничего не выражающие рыбы глаза.

— На ста площадях по сто зеркал, — сказал Топсед Седьмой. — Сколько же это будет всего зеркал?

Все вокруг почтительно замерли, и король начал по очереди опрашивать своих придворных.

— Вы знаете?

— Запомню, ваше величество. Мне в детстве трудно давалась арифметика.

— А вы?

— Двести зеркал, ваше величество.

— Дурак! А сколько по-вашему?

— Триста, ваше величество.

— Тоже дурак! А что думаете вы?

— Триста пятьдесят, ваше величество.

— Почему триста пятьдесят?

— Я думаю, что если триста неправильно, ваше величество, то, может быть, будет правильно три с половиной сотни.

— Вы дурак с половиной!

— Хи-хи-хи! — захихикал придворный. — Вы так остроумны, ваше величество!

— А сколько будет по-вашему, церемониймейстер?

— Три, ваше величество.

— Почему три?

— Ваше величество, простите меня. Когда я был маленьким, меня уронила няня, я ударился головой о паркет...

— Но ведь голова цела? — спросил король.

— Кажется, цела, ваше величество. Но с тех пор я могу считать только до трех.

— Гм... Это забавно. Сколько будет два и два?

— Три, ваше величество.

— А от пяти отнять один?

— Три, ваше величество.

— Гм... Вы, кажется, самый большой дурак во всем королевстве.

— Совершенно правильно, ваше величество!

Король в глубокой задумчивости пожевал губами, рассеянно сбросил мантию на руки пажу с родинкой на правой щеке и передал шпагу пажу с родинкой на левой щеке. Затем он со вздохом опустился в кресло. Но ел король мало: мысли его были заняты решением сложной задачи.

— На ста площадях по сто зеркал! — раздраженно сказал король, бросая на стол салфетку. — Кто же мне скажет, наконец, сколько будет всего зеркал?

Оля слышала, как Нушрок прошептал, наклоняясь к Абажу:

— Может быть, сказать ему?

— Зачем? — таким же шепотом ответил Абаж. — Пусть занимается своими глупыми подсчетами и поменьше вмешивается в наши дела.

Король поднялся и потряс над головой руками.

— Кто мне скажет?

— Десять тысяч, — раздался тонкий голосок.

Все удивленно огляделись по сторонам.

— Кто это сказал? — спросил король.

— Я...

Все глаза устремились на пажа с родинкой на правой щеке.

— Клянусь красотой своего отражения, — сказал король, — я впервые слышу, чтобы мальчишка решал такие трудные задачи.

— Но это совсем не трудная задача.

— Ты так думаешь?

— Я в этом уверена... то есть уверен!

— Глупости! — поморщился король. — Это очень трудная задача, и я не сомневаюсь, что ты решил ее неправильно. Ведь надо было сложить все сотни, а у тебя на это не было времени.

— Я не складывал сотни. Я просто умножил сто на сто.

— Вот как! Но ведь умножение еще труднее сложения.

— Ничуть! В этом случае к сотне нужно прибавить два ноля. Если бы вы мне дали бумагу и карандаш, я мигом показал бы вам, как это делается.

— Эй, слуги! Дайте карандаш и бумагу моему пажу! — хлопнул в ладоши король. — Слушай, мальчишка, если ты лжешь, я велю тебя высечь стеклянными розгами!

— Я думаю, вам не придется утруждать себя таким неприятным приказанием. Сейчас я решу эту задачу. Пусть только кто-нибудь подержит это пальто.

— Какое пальто? — В глазах короля мелькнуло недоумение.

— Ну, вот это, которое вы сбросили мне на руки со своих... королевских плеч.

— Ах, мантию, — снисходительно усмехнулся король. — Слушай, паж, ты говоришь на каком-то странном наречии. Эй, примите кто-нибудь королевскую мантию у пажа!

Король и паж, отодвинув тарелки, склонились над столом. Разогнулись они не скоро, когда члены королевской свиты уже устало дремали, прислонившись к колоннам, а церемониймейстер всхрапывал так зычно, что можно было подумать, будто в зале ржет лошадь. Только Нушрок и Абаж бодрствовали. Они сидели в конце стола и о чем-то горячо спорили.

Лицо Топседа Седьмого сияло.

— Прекрасно! Превосходно! — запищал он, возбужденный открытием. — Поразительно! Это действительно очень просто! Теперь я могу умножать любые числа. Эй, послушайте!..

Со всех концов зала, протирая глаза, к королю спешили придворные.

— Слушайте, вы! — кричал Топсед. — Знаете ли вы, сколько будет, если умножить... если умножить... ну, хотя бы сто семнадцать на двести четырнадцать?

Придворные безмолвствовали.

— Молчите? А я, ваш король, знаю! Будет одиннадцать тысяч семьсот!

— Гражданин король, — зашептал паж с родинкой на правой щеке на ухо королю. — Вы решили эту задачу неправильно.

Король заморгал рыбьими глазами.

— Что-о? Какой гражданин?

— Простите, я хотела... я хотел сказать... ваше величество, что вы решили задачу неправильно.

— Как неправильно? Я велю тебя высечь! Ты мне сам только что говорил, что к умножаемому нужно прибавить два ноля!

— Ваше величество, — упавшим голосом проговорил паж, — я три часа объяснял вам, что к умножаемому нужно прибавлять ноли в том случае, когда оно умножается на десять, на сто, на тысячу и так далее.

— Гм...

— Я готов повторить урок вашему величеству.

— Хорошо, — зевнул король, — только, пожалуй, после обеда. Ты действительно великий математик. Я подпишу королевский указ о назначении тебя... Как тебя зовут?

— Оля.

— Что-о?..

— Его зовут Коля, ваше величество, — быстро заговорил паж с родинкой на левой щеке. — Уж вы, пожалуйста, извините его, видно, он так устал от математики, что стал заговариваться.

— А как зовут тебя, паж?

Король и паж, отодвинув тарелки, склонились над столом

— Меня зовут Ялок, ваше величество.

— И ты тоже математик?

— Да, ваше величество, — важно кивнул головой паж с родинкой на левой щеке. Но тут же спохватился. — Коля все-таки посильнее меня, ваше величество. Мы с ним братья и частенько вместе решаем задачи.

— Эй, слушайте все! — сказал король. — Я назначаю Колю главным математиком королевства, а его помощником будет Ялок.

Король собирался еще что-то сказать, но в эту минуту в зал вошел слуга с подносом и доложил:

— Деша главному министру!

Сонный церемониймейстер вдруг схватился за голову.

— Господин Абж, простите меня! Совсем забыл: вам тоже срочная депеша с рисовых полей... Ах, какая память! — Он вынул из-за обшлага депешу и дрожащей рукой протянул Абжу.

Оля видела, что оба министра впились в поданные им бумажки.

— Ваше величество! — высоким, срывающимся голосом вскрикнул Нушрок. — Зеркальщики подняли бунт, избили надсмотрщика!.. Ваше величество, обстоятельства вынуждают меня срочно покинуть дворец.

Оля и Яло многозначительно и радостно переглянулись.

— Ваше величество, — зарокотал Абж, — мои сеятели риса не вышли на работу! Они требуют хлеба!

Король пожевал губами и сказал глубокомысленно:

— Дайте вашим рабочим побольше кривых зеркал, и они успокоятся. Абж повысил голос:

— Ваше величество, нам нужны не зеркала, а солдаты!

Оба министра поклонились и вышли из зала. В наступившей тишине было слышно, как стучат по паркету их каблуки.

— И пусть уходят, — сказал король, — терпеть не могу моих министров!.. Коля и Ялок, я повелеваю вам обоим пойти в тронный зал. Я хочу вас посвятить в одно важное государственное дело.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в которой король посвящает пажей в «одно важное государственное дело»

Золоченый трон был усыпан драгоценностями. Но не эти сверкающие камешки привлекли внимание Оли и Яло. Большой ключ висел над тронном. Ключ от кандалов Гурда!

— Дело в том, — сказал король, поудобнее усаживаясь на троне, — дело в том, что никто не знает, сколько зеркал насчитывается в моем королевстве. Сегодня ты, мой паж, помог мне решить одну часть задачи. В моем королевстве сто площадей, и теперь я знаю, что они украшены десятью тысячами зеркал. Но ведь зеркала имеются не только на площадях — они и во дворце, и на улицах, и в домах моих подданных. Каждый король должен чем-нибудь прославить и обессмертить свое имя. Постигаешь ли ты, паж, какую величественную задачу я призван решить? Потомки будут гордиться Топседом Седьмым, впервые в истории подсчитавшим все зеркала королевства! Готов ли ты принять участие в решении этой великой задачи?

Паж с родинкой на правой щеке смотрел на короля, с трудом удерживая улыбку.

— Я велю сегодня же отвести тебе и Ялоку лучшие покои во дворце, — продолжал Топсед. — Я назначу вам жалованье, как высшим придворным чинам.

Паж с родинкой на левой щеке хитро взглянул на другого пажа и сказал:

— А можно ли, ваше величество, чтобы жалованье нам платили шоколадом?

— Чем? — удивленно посмотрел на него король.

— Шоколадом, ваше величество.

— Гм... Ну, разумеется, сколько угодно шоколада, сколько угодно конфет, пирожных, мороженого и прочих сладостей.

Паж с родинкой на левой щеке незаметно толкнул ногой другого пажа и шепнул:

— Соглашайся, Оля. Ты ведь любишь сладкое!

Оля сердито оттолкнула подругу.

— Я считаю, ваше величество... — начала она.

Но Яло перебила ее:

— Ваше величество, вы предлагаете нам очень важное дело. Позвольте поэтому, прежде чем дать ответ, посоветоваться нам с братом.

— Да, — сказал король.

Яло отвела Олю в сторону.

— Что ты хотела сказать королю, Оля?

— Что я считаю его предложение глупым занятием, Яло! Лучше бы он подумал, как облегчить жизнь зеркальщикам.

— Если ты так скажешь, он прикажет заковать нас в кандалы.

— Но это на самом деле глупое занятие, Яло! Не могу же я кривить душой!

Яло качнула головой.

— Ты корчишь из себя такую честную девочку, как будто никогда в жизни не говорила никакой неправды.

— Да, я никогда не говорила неправды, Яло!

— Ой, так ли? Я очень хорошо помню, как однажды ты читала сказки. А когда к тебе подходила бабушка, ты прикрывала сказки учебником географии и делала вид, что учишь урок.

Оля так сильно покраснела, что на ее глазах выступили слезинки.

— Так действительно было, Яло, — чуть слышно сказала она. — И мне очень стыдно, что я поступала так нехорошо.

— Что-то уж больно быстро ты исправилась, — проворчала Яло.

Оля вспыхнула.

— Уж не думаешь ли ты, что я исправилась оттого, что попала в это противное королевство? Если бы не Гурд, я ни на одну минуточку не осталась бы здесь.

— Странно, как только ты переступила раму волшебного зеркала, ты стала совсем другая.

— Потому что я посмотрела на тебя и...

— То есть ты хочешь сказать, что посмотрела на самое себя?

— Ну, пусть посмотрела на себя!.. И оттого, что я смотрю на тебя, то есть на себя, мне и делается так стыдно.

— Но как же нам спасти Гурда? — задумчиво сказала Яло.

— Эй, пажи! — услышали девочки голос Топседа. — Вы что-то очень долго совещаетесь.

— Я приму предложение вашего величества при одном условии, — сказал паж с родинкой на правой щеке.

— Гм... ты осмеливаешься ставить мне условия?

— Совсем маленькое условие, ваше величество, и оно вам ничего не будет стоить.

— Я слушаю тебя, паж.

— В Башне смерти заключен маленький зеркальщик по имени Гурд. Завтра утром его должны казнить. Я прошу, ваше величество, помиловать этого мальчика.

Топсед Седьмой вскочил. В его рыбьих глазах сверкнула ярость.

— Ты вмешиваешься не в свои дела, паж! — махнул он короткой ручкой. — Я не могу миловать преступников по твоей прихоти. Я много их казнил! И я презираю всех этих зеркальщиков!

— Какой же он преступник, ваше величество? Он слабый, измученный мальчик!

— Не знаю! Такие пустяки меня не интересуют! Я верю тому, что мне докладывает мой министр Нушрок.

Оля, вспомнив, что говорила тетушка Аксал, горячо сказала:

— Я слышал, что Нушрок заботится только о том, как бы побольше притеснить народ да потуже набить золотом свои мешки! Нушрок — хозяин зеркальных мастерских, ваше величество, и в то же время министр. Вот он и придумывает такие законы, которые ему выгодны.

Король подозрительно взглянул на паж.

— Гм... Где ты все это слышал? А скажи-ка мне, паж, как называется город, в котором ты воспитывался?

— Этот город называется... — Олины щеки порозовели от волнения. — О, это замечательный город, ваше величество!

Лицо короля исказила гримаса злости, он спрыгнул на паркет и, покачиваясь, словно утка, забегал по тронному залу.

— Я объявляю войну вашему городу! А? Я очень люблю воевать, паж!

Увидев улыбку в глазах паж, король вдруг остановился:

— Чему ты улыбаешься, паж?

— Я вспомнил одну басню, ваше величество.

— Какая басня? Я не знаю никаких басен!

— В этой басне рассказывается про слона и моську, ваше величество.

— И что же?

— Однажды по улице шел слон, и вдруг на него набросилась моська...

— Какая храбрая моська!

— Но слон все шел и шел и не обращал внимания, как она тявкает.

— Глупая собака, надо было укунить слона!

— Но тогда слон просто раздавил бы ее, ваше величество.

— Не понимаю, зачем ты мне болтаешь о собаках, паж, когда я говорю о войне. Война приносит славу и добычу!

— Война приносит горе и разорение! Все люди, кроме очень плохих, хотят жить в мире!

— Я обязательно объявляю войну вашему городу! — еще громче закричал король.

— Но это будет война моськи со слонем! — сердито сказала Оля.

— Как? Ничего не понимаю!

Но тут в спор вмешалась Яло:

— Ваше величество, мы отвлеклись от главного... От зеркал.

Король заковылял к трону, грузно плюхнулся на него и заболтал в воздухе ножками.

— Я не намерен принять твое условие, паж.

Паж с родинкой на правой щеке задумался.

— Тогда, может быть, я могу просить ваше величество отложить казнь на несколько дней?

— Гм... Это все равно не спасет твоего зеркальщика. Впрочем, пусть будет по-твоему. Я готов отложить казнь на неделю. Он все равно умрет раньше от жажды и голода. Итак, начинайте подсчет зеркал. Если хотите, можете взять для развозов по королевству одну из моих карет.

— Вы очень добры, ваше величество.

Король снисходительно потрепал пажей по щекам. Так как его руки были слишком коротки, ему пришлось подняться для этого на цыпочки.

— Какие вы, однако, симпатичные мальчишки! Вы, должно быть, ужасные лгунишки и жулики! Я очень люблю таких мальчишек! Но, может, вы думаете, что вы красивее меня? А? Я по глазам читаю ваши мысли! А ну, пойдите-ка сюда! — И король подвел пажей к огромному вогнутому зеркалу.

Из зеркала на девочек смотрел преображенный король, а рядом с ним стояли два уroda в костюмах пажей.

— Ну, что скажете? — рассмеялся Топсед — А теперь ступайте и никогда не думайте дурно о своем короле.

Оля и Яло двинулись к дверям.

— Одну минутку, — остановил их король. — Пока вы будете заниматься подсчетом зеркал, я бы хотел предаться своему любимому занятию. Цифры — моя страсть. Нет ли у тебя, паж, какой-нибудь не известной мне задачки? Только я хотел бы что-нибудь такое... в пределах двух десятков. Мне предстоят серьезные государственные дела, и я не могу утомляться.

— Пожалуйста, ваше величество, — подумав с минуту, сказал паж с родинкой на правой щеке, — Один глупец два дня считал и все никак не мог сосчитать восемнадцать зеркал...

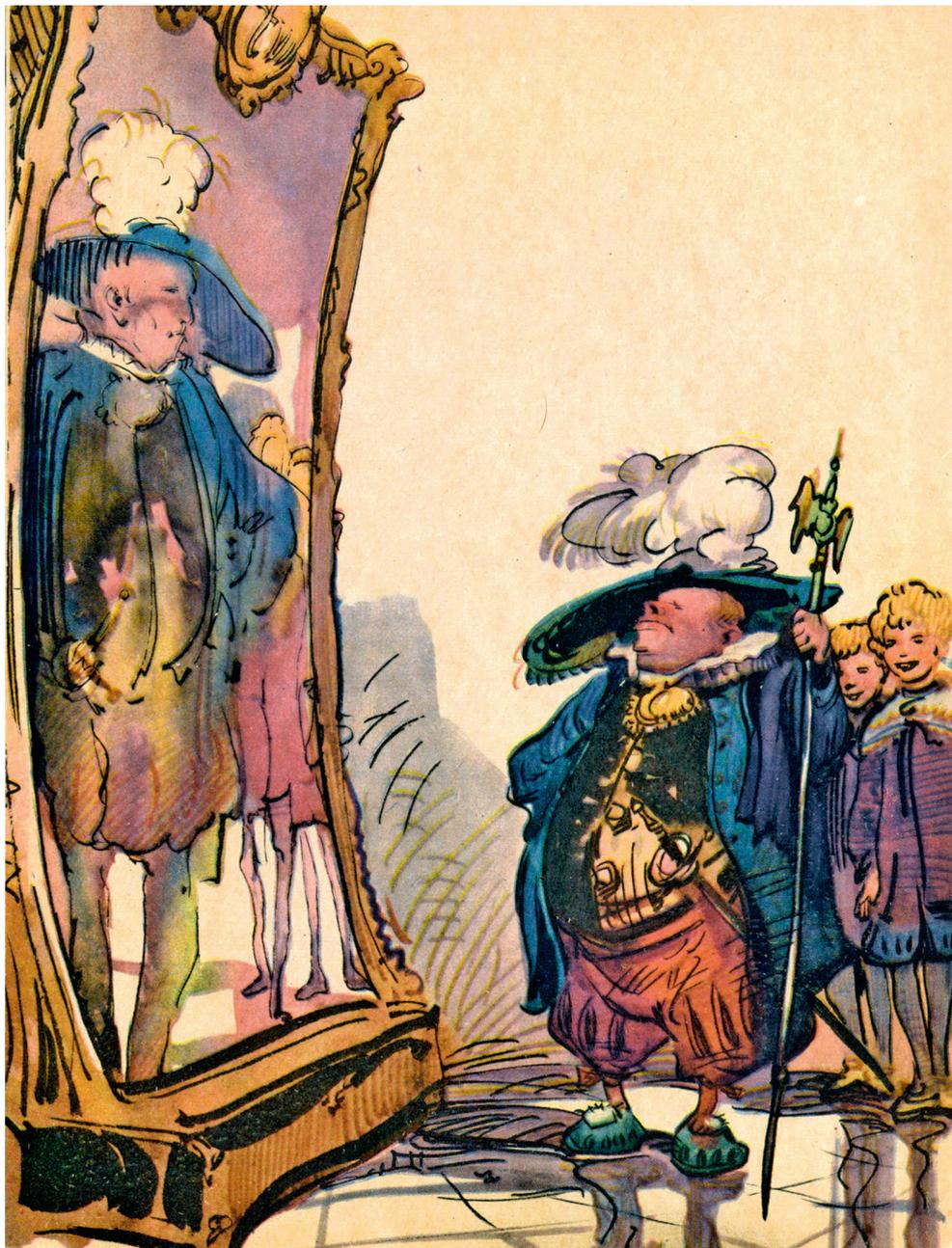
— Постой, — перебил король и подозрительно покосился на пажа. — Зеркала считаю я! Почему же ты сказал «глупец»?

— Ах, это просто так говорить в задаче, ваше величество. Но, если это вам не нравится, я могу глупца заменить мудрецом. Итак, один мудрец два дня считал восемнадцать зеркал. В первый день он подсчитал в два раза меньше, чем во второй. Спрашивается, сколько зеркал он сосчитал в первый день и сколько во второй? Записали, ваше величество?

— Да, очень любопытная задача... А теперь ступайте и требуйте все, что вам необходимо, у своих слуг.

— Нам не нужны слуги. Но, если вы разрешите, ваше величество, мы просили бы, чтобы с нами была кухарка вашей королевской кухни — тетушка Аксал.

— Никогда не слышал о такой. Не понимаю, зачем вам нужна грязная кухарка? Но, уж если вы хотите, пусть так и будет.

И король подвел пажей к огромному вогнутому зеркалу

...Вечером, когда девочки ужинали, тетушка Аксал с тревогой сказала Оле:

— Ты что-то совсем ничего не ешь. Уж не заболела ли ты, девочка? Посмотри, с каким аппетитом ест твоя сестра.

— Я уже сыта, тетушка Аксал. А все, что лежит на этом блюде, я возьму для Гурда. Он такой больной и худенький!

— Милая моя, вот почему ты не ешь! — всплеснула руками тетушка Аксал. — Уж не думаешь ли, что королю нечем будет позавтракать, если я возьму из кладовой кое-что для мальчика? Клянусь всеми зеркалами королевства, наш Топсед скоро лопнет от обжорства. Сейчас же ешь! Слышишь? Ну, то-то!.. А когда вы отправитесь в Башню смерти?

— Сегодня же ночью... Только пропустит ли нас стражник?

— Ну еще бы! Ведь вы же королевские пажи.

— Пусть только попробует не пропустить, — сказала совсем расхрипевшаяся Яло. — Я его так разделаю!..

Оля удивленно посмотрела на Яло, усмехнулась и покачала головой.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в которой Оля и Яло проникают в Башню смерти

Глубокой ночью, наполняя умолкнувший город звоном, по улице промчалась карета, запряженная четверкой лошадей. Миновав окраину, она подкатила к огромной башне, темный силуэт которой вздымался над городом и исчезал где-то в облаках.

Из кареты выскочили две небольшие фигурки. Навстречу им из темноты вышел рослый стражник.

— Именем короля! — крикнул он, взмахивая алебардой. — Здесь запрещено ходить и ездить!

— Подумаешь!.. — раздалось в ответ. — Если бы ты и умом был также велик, как ростом, ты давно понял бы, что перед тобой пажи его величества.

— Простите, господа королевские пажи! — испуганно забормотал стражник. — Кругом такая темень, что и мать родную не узнаешь. Одно мгновение, я сейчас засвечу факел.

Сгибаясь так, что тело его начало походить на букву «Г», стражник открыл перед Олей и Яло тяжелую дверь.

— В нашем глухом месте редко доводится видеть таких высокопоставленных особ. Только главный министр его королевского величества Нушрок и посещает нас, — продолжал оправдываться стражник.

— Пожалуйста, не кланяйтесь нам так низко, — сказала стражнику Оля. — А Нушрок часто бывает у вас?

— Присутствует при каждой казни.

— Зачем? Неужели ему интересно... это видеть?

— Да неужели вы не знаете? — Стражник огляделся по сторонам и понизил голос. — Он всегда сам и последнюю команду подает... Весь трясется, глаза наливаются кровью. Известно, коршунская порода... А иной раз только смотрит на заключенного, и тот сам прыгает с башни. Вы-то небось лучше меня знаете, что его взгляда никто не выдерживает.

Девочки молча переглянулись.

— Скорее наверх! — шепнула Оля и протянула Яло руку.

Ступени винтовой лестницы гулко зазвенели под их ногами. Через полминуты они очутились в полной темноте.

— Мне страшно, Оля, — зашептала Яло. — Давай вернемся.

— Вперед, Яло, вперед!

Лестница круто уходила вверх. Вспугнутые шумом шагов и светом факела, во мраке заматались летучие мыши, наполняя воздух трепетом и шуршанием. Некоторые мыши проносились так близко, что задевали девочек своими невидимыми скользкими крыльями.

— Олечка, милая, вернемся!

— Ни за что!

— Я так боюсь темноты... Оля, ведь ты тоже боялась ходить по темной лестнице.

— Вперед, Яло, вперед!

В темноте блеснули и скрылись два зеленоватых глаза, кто-то дико захохотал и заплакал, и бесконечное эхо полетело по пролетам лестницы, повторяя эти страшные звуки.

— Кто это, Олечка?

— Наверно, сова, Яло, мне тоже страшно. Очень страшно, Яло!.. Но мы должны идти! Мы должны спасти Гурда!

Гулко звенит лестница. Сколько ступеней осталось позади? Быть может, сто? А может быть, и тысяча... А вокруг свист и шелест невидимых крыльев, дикий хохот и тяжкие стоны.

— Хочешь, Яло, я расскажу тебе что-нибудь, чтобы нам не было страшно?

— Да, Олечка, расскажи пожалуйста.

— Слушай... Однажды на сборе нашего отряда... Ох, мне кажется, что это было так давно, Яло! Мы беседовали о том, каким должен быть пионер. К нам на сбор пришел один старый человек. У него были совсем седые

волосы, а лицо веселое и ласковое. Всю свою жизнь этот человек боролся, Яло, за счастье простого народа. Враги хотели убить его — и не могли. Его заковывали в кандалы, но он бежал из тюрем. Ему было очень трудно, но он шел и шел к своей цели. И он нам сказал, что у каждого человека должна быть в жизни высокая цель. И к этой цели надо всегда стремиться, Яло, как бы ни было трудно! И потом, когда этот человек ушел, мы сочинили песенку о нашем отрядном флажке. И Оля негромко запела:

Ничто не остановит нас,
Когда нам цель ясна!
«Вперед, вперед!» — дала наказ
Любимая страна!
И коль отряд пошел в поход,
Не отставай, дружок,
Ведь нас всегда вперед ведет
Отрядный наш флажок!
Он, словно зорька поутру,
Горит над головой,
Он гордо реет на ветру
И манит за собой.
И сердце бьется горячей
У каждого в груди,
И мы шагаем веселей, —
Ведь флаг наш впереди!
Как наши деды и отцы,
Идем за рядом ряд.
Нам каждый скажет: «Молодцы,
Хороший ваш отряд!»
А если трудный час придет,
Не унывай, дружок!
Пусть тьма, пусть ночь, — шагай вперед
И помни наш флажок!

Оля пела все увереннее и звонче, и Яло начала робко вторить ей. С каждой секундой голоса их крепили, и веселое эхо понесло эту песню во все уголки башни.

— Как хорошо, Олечка! «Пусть тьма, пусть ночь, — шагай вперед!..» Мне совсем не страшно, Олечка!

— Мне тоже, Яло, не страшно! Мне уже совсем не страшно!

Как будто испугавшись песни, умолкла сова, забились в щель летучие мыши. Откуда-то вдруг потянуло ветерком, и над головами девочек блеснули звезды. Оля и Яло вышли на крышу Башни смерти. Рядом

с ее вершиной проплывало легкое белое облако. Далеко внизу спал стеклянный город. Крохотные домики искрились в лунном свете.

Девочки оглядели площадку крыши и вскрикнули: в центре площадки, лицом к звездам лежал закованный в кандалы мальчик. Оля и Яло бросились к нему, опустили на колени, склонились к его лицу, сияясь услышать дыхание мальчика. Лицо и руки Гурда были холодные.

— Мы опоздали, Оля, — прошептала Яло.

Оля, не отвечая, торопливо открыла стеклянную фляжку и брызнула на лицо мальчика водой. У Гурда слабо дрогнули веки.

— Яло! Скорей! Подержи его голову.

Стеклянная фляжка застучала о зубы мальчика.

Он сделал судорожный глоток и застонал.

— Гурд, милый, открой глаза... Ты слышишь нас?

— Гурд!

Не открывая глаз, мальчик едва слышно спросил:

— Вы пришли казнить меня?

— Мы твои друзья, Гурд!

— Это мне снится, — прошептал Гурд. — Не уходите только... Снитесь мне еще.

*Девочки оглядели площадку крыши и вскрикнули:
в центре площадки, лицом к звездам лежал закованный
в кандалы мальчик*

— Мы спасем тебя! Обязательно спасем, Гурд!

Мальчик с трудом открыл глаза.

— Кто вы?

— Нас зовут Оля и Яло. Только ты, пожалуйста, ни о чем не спрашивай нас сейчас. Ты очень слаб.

— Вы уйдете?

— Но мы непременно вернемся за тобой. Мы спасем тебя. Ты должен немного окрепнуть. В этом пакете пища для тебя.

Далеко-далеко на востоке посветлело небо. Девочки поднялись.

— До свидания, милый Гурд!

— Не уходите...

— Мы вернемся, Гурд!

— Я буду вас ждать, — прошептал мальчик.

Оля и Яло быстро сбежали по лестнице. Они больше не замечали летучих мышей, не слышали хохота и стога сов.

Стражник снял перед ними шляпу. Девочки растолкали уснувшего кучера, и Оля крикнула:

— Во дворец!

Звения сбруей, лошади помчались по дороге.

Через час, укладывая девочек спать, тетушка Аксал ласково ворчала:

— Ах, фазанята, и откуда у вас столько смелости, добрые вы мои девочки! Все сердце у меня исстрадалось, пока я вас дождалась.

Оля устало потянулась в постели и, уже засыпая, проговорила:

— Тетушка Аксал... там у меня в кармане кусочек замазки. Я сняла слепок, как вы учили, с замка на кандалах Гурда. Пусть же ваш брат, тот, что работает в зеркальных мастерских, сделает ключ. Не забудьте, тетушка Аксал!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

в которой Оля и Яло слышат разговор короля с Нушроком

Поздно утром тетушка Аксал разбудила девочек.

— Король, наверно, скоро захочет узнать, сколько вы насчитали зеркал, фазанята. А мне нужно успеть еще завить вам волосы.

— Мы сейчас встанем, тетушка Аксал! — сказала Оля, чувствуя, что никак не может открыть глаза. — Ох, как мне хочется спать!

— Еще бы, не спали целую ночь!

— Еще несколько секундочек, тетушка Аксал, — умоляюще протянула Оля и вдруг рывком вскочила с постели, взметнув за собой одеяло, и рассмеялась: — Ну, вот и я! Доброе утро!

Она, улыбаясь, попрыгала по комнате, чтобы совсем прогнать сон, но ее глаза сейчас же стали озабоченными.

— Вы чем-то расстроены, тетушка Аксал?

— Нет, нет, ничего, девочка.

Яло поднялась вялая и ворчливая. Когда тетушка Аксал завивала ей волосы, она дергалась и вскрикивала: «Больно!», — а на лице у доброй женщины от волнения выступали красные пятна. Оля поморщилась.

— Тетушка Аксал, пожалуйста, не обращайтесь на нее внимания, потому что на самом деле ей нисколько не больно.

— Откуда ты знаешь? — проворчала Яло.

— Уж я-то знаю!.. — вздохнула Оля и внимательно посмотрела на кухарку. — Тетушка Аксал, почему вы ничего не говорите нам о ключе? Сделал ли ваш брат ключ от замка на кандалах Гурда?

— Ох, девочки! — горестно покачала головой тетушка Аксал. — Не знаю, что вам и сказать. Ключа нет. Зеркальные мастерские оцеплены королевскими войсками.

Девочки испуганно вскрикнули.

— Что же делать? — Оля сжала руками голову и почувствовала, как у нее на висках под ладонями громко застучала кровь: «Тук-тук!.. Тук-тук!..»

— Гурд погибнет, тетушка Аксал!.. — прошептала Яло.

— Нет! — вдруг сказала Оля. — Он не погибнет! Мы возьмем ключ, который висит над тронном короля.

Наскоро позавтракав, девочки отправились в тронный зал. Топсед Седьмой сидел на троне, заваленном бумагами. Белые листы бумаги валялись и на полу. Все они были испещрены цифрами. Лицо короля было мрачным.

— Я все-таки решу эту задачу, если в ней нет какого-нибудь подвоха. — Он рассеянно посмотрел на вошедших пажей. — Послушай, паж, может быть, в этой задаче тоже нужно прибавлять к числам ноли?

— О нет, ваше величество.

— Хорошо, только не подсказывай мне решение. Я до всего люблю доходить сам, своим умом. Итак, один глупец два дня считал восемнадцать зеркал...

— Мы условились называть глупца мудрецом, ваше величество, — поправила Оля.

— Нет, паж, обдумав все, я пришел к выводу, что глупец все-таки должен быть глупцом. Ведь задачу решаю я, король! А всякий король — мудрец! Не могу же я допустить того, что в моем королевстве будет еще один какой-то мудрец!

— Значит, глупец считает, а мудрец решает, ваше величество?

— Вот именно, паж.

— Но позвольте, ваше величество, пристало ли вам решать то, что считает глупец?

— Гм... Пожалуй, ты прав. Давай снова заменим глупца мудрецом.

— Значит, мудрец считает, а глупец решает?

— Совершенно правильно: мудрец считает, а глупец решает. Постой, здесь тоже что-то не так. — Король сосредоточенно потер пальцем переносицу. — Это надо как следует обдумать. Отложим временно задачу. Вы уже начали подсчитывать зеркала?

— Да, ваше величество.

— И много вы уже насчитали?

— Много ли? — переспросила Яло и быстро добавила: — Четыреста восемнадцать тысяч семьсот двадцать девять.

— Молодцы! — Король приподнялся и потер руки. — Продолжайте свой благородный труд, мои пажи.

В дверях показался слуга.

— Ваше величество, вас хочет видеть главный министр, — объявил он, низко кланяясь.

— Пусть войдет, — сказал король, и на лице его появилась скука.

Девочки снова увидели Нушрока. Как и раньше, Оля сжалась под его взглядом, чувствуя, как всю ее охватывает омерзение и страх. «Какие отвратительные глаза, — подумала она, — и этот крючковатый нос, похожий на клюв!» В черном, поблескивающем костюме Нушрок твердыми шагами подошел к королю и чуть склонил голову.

— Что привело вас во дворец, мой министр, в такое необычное время? — спросил Топсед Седьмой, зевая и болтая ножками.

— Ваше величество, — пискнул Нушрок, — не стану скрывать: глубокое беспокойство за судьбу королевства тревожит мое сердце.

— Это забавно, — и смех Топседа Седьмого задрезжал в тронном зале. — Я никогда не думал, что у вас есть сердце, Нушрок!

— Мне не до шуток, ваше величество. Меня беспокоит то, что в нашем старом добром королевстве стали меняться порядки, освященные временем.

Король задумчиво прикоснулся пальцем к переносице.

— Вы говорите правду, мой министр! Наш народ начал скучать. Не наступило ли время развлечься и начать войну?

Круглые черные глаза Нушрока сверкнули.

— Что ж, война — это неплохо, ваше величество. Я перестану делать в своих мастерских кривые зеркала и начну изготавливать оружие. Война всегда приносит доход.

— Вы перестанете делать зеркала? — нахмурился король. — Мои кривые зеркала?

— Оружие делать более выгодно, ваше величество.

— Нет, мой министр, этого я не позволю!

Король спрыгнул с трона на паркет и забегал по залу. Оля увидела в глазах Нушрока бешенство.

— В самом деле, как можно перестать делать зеркала? — продолжал Топсед Седьмой, взмахивая ручкой. — Я скорее велю прекратить делать одежду или еще что-нибудь.

Нушрок нетерпеливо передернул плечами.

— Я полагаю, ваше величество, что об этом мы еще успеем поговорить. А сейчас я приехал к вам по совершенно безотлагательному делу.

— Объясните мне, Нушрок, что это за дело.

— Почему отложена казнь зеркальщика Гурда? — спросил Нушрок, впиваясь взглядом в лицо короля.

— Такова была моя воля, — нерешительно ответил король.

Похолодевшая Оля видела, как растерянно забегали его рыбы глаза.

— Ваша воля? — спросил человек с лицом коршуна, яростно сжимаемая кулаки.

— Да... Ой-ой, Нушрок, не смотрите на меня! Уф, даже голова кружится. Да не смотрите же на меня, Нушрок!

— Ваше величество! — пищал Нушрок, наступая на короля. — Мне кажется, что вы слишком быстро забыли историю своего рода!

— Что... что вы хотите этим сказать, Нушрок? — дрожа всем телом, бормотал король, забиваясь в угол тронного зала и заслоняя свои глаза ладонью.

— Чтобы стать королевой, ваша прабабка казнила свою сестру, но ваш дед отобрал у нее корону и заточил свергнутую королеву в крепость! — брызгая слюной, кричал Нушрок. — Ваш отец казнил вашего деда, чтобы каких-нибудь два года сидеть на троне. Всего два года! Вы, должно быть, помните: его однажды утром нашли в постели мертвым. Потом стал королем ваш старший брат. Он слишком мало считался с желаниями своих министров, и вы, конечно, хорошо помните, что с ним произошло. Он поехал в горы и свалился в пропасть! Затем корону получили вы... Возлагая на вас корону, мы надеялись, ваше величество, что вы никогда не забудете о печальном конце своих предшественников! Не забывайте, ваше величество, что у вас есть младший брат, который, может быть, ожидает того, чтобы...

— П-постойте, — заикаясь перебил Нушрока король. — Что я... я должен сделать?

— Прежде всего пореже произносить: «Такова была моя воля», чтобы каким-нибудь образом не свалиться в пропасть, ваше величество!

— Х-хорошо...

— Помните, что у вас нет никакой своей воли!

— Угу... Да, да... — бормотал король.

— Мы дали вам корону! Мы — Нушрок, Абаж и другие богачи королевства. И вы должны выполнять не свою, а нашу волю! Сегодня зеркальщики до смерти избили моего главного надсмотрщика. Виновных так и не удалось обнаружить. Они все действуют в заговоре против меня, а может быть, и против вас, ваше величество. Их может остановить только одно: устрашение! И в это время вы откладываете казнь зеркальщика Гурда!

— Ну хорошо, пожалуйста, пусть его казнят... — услышали девочки слабый голос короля, которого скрывала от них в углу зала черная спина Нушрока.

— Яло! Ключ! — шепнула Оля.

Яло решительно подошла к трону, сняла ключ и сунула его в карман.

— Завтра мы объявим о казни Гурда. Послезавтра сбросим его с башни, — продолжал пищать Нушрок. — Все должны видеть казнь этого зеркальщика!

— Хорошо, мой министр... Сейчас я подпишу указ.

— Вы не должны этого делать! — неожиданно для самой себя вдруг крикнула Оля.

Министр обернулся, и глаза Оли встретились со страшными глазами Нушрока. Она почувствовала, что ее сковывает страх.

— Оля, бежим! — срывающимся голосом крикнула Яло.

Оля повернулась и бросилась вон из тронного зала.

— Задержать! — завизжал позади них Нушрок.

Старый слуга у двери попытался схватить Олю, но поскользнулся и растянулся на паркете.

Девочки стремительно бежали по бесконечным залам и переходам дворца. От колонны к колонне, с лестницы на лестницу. Вот, наконец, и каморка тетушки Аксал.

— Карету, тетушка Аксал! Скорее карету! У нас ключ!

— Карета у крыльца, девочки. Торопитесь! Время не ждет. Только не берите с собой кучера. Он может что-нибудь заподозрить. Прощайте, фазанята.

— Прощайте, дорогая, любимая тетушка Аксал! — Девочки нежно поцеловали старую женщину и снова побежали по бесчисленным залам дворца.

У крыльца их действительно ждала карета.

— Кучер, — крикнула Яло, — оставайтесь здесь! Мы хотим управлять лошадьми сами.

Кучер растерянно посмотрел на пажей.

— Да как же так?.. Пажи его королевского величества будут сами управлять лошадьми?

— Ну и что же?

— Это не положено.

— Почему?

— Подумайте сами, господа пажи: такие важные люди — и вдруг сидят на козлах!

— Я не люблю повторять приказаний! — топнул ногой паж с родинкой на левой щеке.

Кучер спрыгнул с козел и передал ему вожжи. Зазвенели подковы, карета стремительно понеслась. Стражники распахнули ворота и удивленно посмотрели вслед промчавшейся карете.

Как они мчались! Разноцветные дома стремительно неслись мимо.

— Яло, дай мне ключ.

— Сейчас...

Яло лихорадочно порылась в карманах и вдруг всхлипнула.

Оля похолодела.

— Что случилось, Яло? Не пугай меня!

— Оля...

— Ну что, что?

— Оля, я потеряла ключ!

— Потеряла? — вскрикнула Оля. — Где? Когда?

— Не знаю.

— О, Яло, что ты наделала?! — Оля судорожно сжала вожжи. — Нет, это я сама во всем виновата. Ведь ты только мое отражение! Я сама так часто все теряла. Я потеряла тоже несколько ключей от квартиры.

А лошади неслись все вперед и вперед. Слезы катились из глаз Оли, ветер срывал их со щек и уносил прочь стеклянной пылью.

— Олечка, давай вернемся и поищем. Ключ здесь где-то недалеко. Мне кажется, что я даже слышала, как он выпал и зазвенел. Он, наверно, лежит где-нибудь в траве возле дороги.

— Нет, мы не можем возвращаться, Яло. Во дворце, наверно, уже обнаружили пропажу ключа, и за нами гонится стража.

— Что же делать, Оля?

— погоди! — Оля вытерла глаза. — Раз у Нушрока нет ключа, он тоже не сможет открыть замок на кандалах Гурда.

— А другой такой ключ есть у Абажа! — вскрикнула Яло. — Помнишь, он показывал его Нушроку на завтраке у короля?

— Скорей к Абажу, Яло!

— Скорей, Оля!

Оля взмахнула кнутом, и лошади помчались еще быстрее. Карета кренилась на поворотах, и Яло испуганно цеплялась за Олю.

— Оля, мы опрокинемся!

— Какая ты трусишка, Яло!

— Но, Оля...

— Никаких «но»! Ничто не остановит нас — нам цель ясна! Помнишь, как поется в нашей песенке?

— Цель-то ясна, но как мы доберемся до нее? Что мы скажем Абажу на рисовых полях?

— Перестань ныть, Яло. Папа мне говорил, что смелость и настойчивость — ключ к достижению цели. Понимаешь? Ключ к достижению цели! Посмотри-ка лучше, нет ли за нами погони.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, в которой Оля и Яло попадают в замок прекрасной дамы

Четверка холеных лошадей неслась легко и дружно к сверкающим вдали горам. Серебряные подковы мелодично звенели о дорогу, которая терялась в сизом предгорном тумане.

Яло надоело разглядывать поля и зеленые квадраты королевских виноградников, и она заскучала.

— Давай поговорим о чем-нибудь, Оля, — обиженно сказала девочка. — Почему ты все время молчишь?

Оля нахмурилась.

— Какая ты все-таки странная, Яло! Ведь Гурд в такой опасности! Я ни о чем другом не могу думать.

Яло покраснела.

— Мы успеем привезти ключ. Вот посмотришь! — сказала она. — Только мне очень хочется есть.

Оля молча хлестнула лошадей. Начались холмы, поросшие высокой стеклянной травой. Ветер позванивал зелеными травинками. Заходящее солнце сверкало в них.

Между холмами там и тут шумели потоки, сбегаящие с гор. На их берегах лежал прозрачный стеклянный песок. Из ущелий на холмы наползал туман; он был плотным и белым, как вата.

Оля остановила карету у ручья, чтобы напоить лошадей. Усталая Яло, согнувшись, сидела на козлах. Было очень тихо. Слышалось только, как пел поток да фыркали лошади, отряхивая с губ тяжелые капли.

Оля зачерпнула фляжкой воды и подала ее Яло.

— Выпей, может быть, тебе станет легче...

Яло с наслаждением сделала несколько глотков. Вода была чистая и такая холодная, что у нее заныли зубы.

Солнце село, и розовые, насквозь просвечивающиеся громады гор сразу потемнели и нахмурились. Грозные скалы вытягивали зазубренные вершины к небу, на котором уже заблестели первые звездочки.

Оля и Яло прислушались: в ущелье звонко стучали подковы. Через минуту на дороге показались всадники. Впереди на тонконогой белой лошади скакала женщина. Она была одета в длинное черное платье, а за ее плечами вился легкий шарф. Несколько мужчин, судя по одежде — слуг, следовало за ней.

— Королевская карета?! — воскликнула дама, поравнявшись с Олей и Яло. — Что это значит?

*Впереди на тонконогой белой лошади скакала женщина.
Она была одета в длинное черное платье,
а за ее плечами вился легкий шарф*

Ее мелодичный голос походил на колокольчик, а черные сверкающие глаза смотрели из-под больших загнутых кверху ресниц удивленно и вопросительно. Белый конь звенел удилами, капризно бил о дорожку копытом.

Девочки растерянно молчали.

— Как вы сюда попали, мальчики? — снова зазвенел голос-колокольчик.

— Сударыня, — сказала Яло, — нам нужно как можно быстрее попасть к министру Абажу.

Оля быстро шепнула:

— Не болтай, Яло!

— К Абажу? Так далеко? — удивилась дама.

— Видите ли, его величество разрешил нам сегодня утром покататься в своей карете. Мы выехали за город без кучера, а вернуться не смогли, потому что... потому что...

— Случилось какое-нибудь несчастье?

— Да, сударыня, — бормотала Яло. — В городе началась такая страшная стрельба, что у нас душа ушла в пятки!

— О, трусишки! — рассмеялась всадница. — Его величество, вероятно, решил повеселиться и приказал солдатам стрелять в воздух.

— В том-то и дело, что нет, сударыня. Зеркальщики отказались работать, и королевские солдаты оцепили зеркальные мастерские.

— Что ты говоришь! — лицо прекрасной дамы стало озабоченным. — Так зеркальщики подняли бунт? А как ты думаешь, мальчик, они не могут двинуться в горы, к моему замку?

— Думаю, что нет, сударыня, — продолжала Яло. — У них пока хватит дел и в городе... И вот мы решили, сударыня, бежать к министру Абажу. Это... это наш дедушка.

— Дедушка?

— Да, сударыня.

— Подумайте, каков этот Абаж! — улыбнулась прекрасная дама. — Он никогда не говорил, что у него есть такие очаровательные внуки! Бедные дети, сколько страха вы натерпелись. Я сразу заметила, что вы очень бледны, особенно ты, — и всадница указала на Олю.

— Мы целый день ничего не ели, сударыня, — вздохнула Яло.

— Бар, скачи поскорее в замок и распорядись, чтобы пажам его величества приготовили хороший ужин.

Яло вопросительно посмотрела на Олю.

— Мы не можем задерживаться, сударыня, — тихо сказала Оля.

— Нет, нет, вы переночуете в замке. Я очень довольна, что выехала на прогулку и встретила вас, — ответила дама. — Не только вам, но и

вашим лошадям надо отдохнуть. Путь через горы, правда, не так уж далек, но очень опасен: вы можете в темноте сорваться в пропасть.

— Мы не останемся, — упрямо повторила Оля.

— Оля, — умоляюще прошептала Яло, — разве тебе не хочется покушать и отдохнуть в хорошей постели?

— Я вас угощу мороженым, — говорила прекрасная дама. — Или, может быть, вы больше любите шоколад?

Яло незаметно толкнула Олю и шепнула, глотая слюнки:

— Шоколад, Оля! Ты же так любишь шоколад!

— Нам нужно торопиться, Яло.

— Только одна ночь, Оля! Все равно раньше утра мы не попадем к Абажу.

— Нет, мы не останемся.

— Сжался надо мной, Оля. Я больше не могу ехать. Я так устала! Я просто умру от голода, Оля.

— Хорошо, — кивнула головой Оля, сдаваясь. — Сударыня, мы переночуем в вашем замке.

Карета и всадники въехали в ущелье. Темнота плыла им навстречу. Эхо подков зазвенело во мраке. Вскоре девочки увидели зубчатые стены замка. Он был выстроен на вершине скалы, которая поднималась из горной реки. Волны со всех сторон омывали эту скалу. Судя по тому, что шума воды здесь почти не было слышно, река в этом месте была очень глубока. Поток пронесся над захороненными в его глубине камнями и порогами неслышно и стремительно, и можно было подумать, что это не река, а небольшое горное озеро. Только где-то далеко, там, где река снова становилась мелкой, было слышно, как она кипит на порогах.

У ворот замка замелькали факелы и фигуры слуг. Огромный подъемный мост со скрипом перекинулся со скалы на скалу и повис над рекой. Копыта лошадей звонко зацокали по мосту. Карета въехала во двор замка. К прекрасной даме подбежал Бар, чтобы помочь ей спуститься с седла.

— Вы должны чувствовать себя в замке как дома, дорогие дети, — певуче и ласково проговорила прекрасная дама и, обернувшись к слуге, спокойно добавила: — Какой ты неловкий, Бар! — И, взмахнув хлыстом, ударила им по лицу слугу.

При колеблющемся свете факелов Оля и Яло увидели, как Бар покачнулся и на его лице появился широкий красный рубец. Девочки бросились к хозяйке.

— Не надо!.. За что? Зачем вы его бьете, сударыня?

Хозяйка изумленно посмотрела на девочек своими красивыми бархатными глазами.

— Чем вы обеспокоены? Я ударила слугу? Ну так что ж? Как, однако, странно вы воспитаны, мальчики!.. — Она пожала плечами и продолжала, словно ничего не произошло: — Этот замок выстроен еще моим прадедом. Нравится ли он вам?

— Кх... кх, — закашляла Оля. — Так нравится, сударыня, что и передать трудно.

— Бар, — крикнула прекрасная дама своим удивительным голосом-колокольчиком, — пусть подадут ужин пажам его величества!

После ужина в зале со сводчатым потолком, освещенном огнями свечей, прекрасная дама пожелала пажам спокойной ночи. Она протянула им руку, и Оля и Яло догадались, что ее нужно поцеловать. Яло виде-

ла, как покривилась Оля, прикоснувшись губами к холеным пальцам.

Затем Бар со свечой в руке провел пажей в отведенную им комнату. Только несколько полукруглых ступеней отделяли ее от зала, в котором они ужинали.

— Вам очень больно, дядюшка Бар? — тихонько спросила Оля.

— А разве вам жалко меня, господин паж? — печально улыбнулся он. — Разве вы никогда не бьете своих слуг? Никогда я не видел таких добрых господ.

— А как зовут вашу госпожу?

— Анидаг.

— Анидаг? — хмуря брови, протянула Оля. — Это значит... это значит...

— Гадина! — подсказала Яло.

— Гадина! — вскрикнула Оля. — Так вот кто эта прекрасная дама!

Бар вышел. Комната, куда он привел девочек, имела закругленные стены и окна со множеством разноцветных стекол. Оля распахнула одно из окон. За окном было темно и прохладно. Где-то внизу чуть слышно плескалась невидимая вода.

К Оле тихо подошла Яло и остановилась за ее спиной.

— А все-таки приятно быть богатой дамой и иметь в горах красивый замок, Оля?

— И хлыст, чтобы бить им по лицу своих слуг! — зло прибавила Оля. — Как тебе не стыдно, Яло!

Она хотела еще что-то сказать, но не успела, потому что перед замком зазвучал рог и внизу заметались с факелами слуги. Девочки увидели, как через реку перекинулся мост и во двор въехала карета. Дверцы кареты распахнулись, и из нее вышел Нушрок.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, в которой Нушрок предлагает прекрасной даме стать королевой

— Мы погибли! — в ужасе прошептала Яло. — Из этой комнаты есть только один выход — в зал.

— Тише, Яло. Нушрок, кажется, уже в зале.

Девочки стояли у тяжелой двери и настороженно прислушивались. Яло взглянула на подругу. Губы Оли сжались, а глаза сощурились, словно она что-то сосредоточенно обдумывала. Яло прикоснулась к ее плечу.

— Оля, почему ты так спокойна? Неужели ты не боишься? Научи и меня ничего не бояться.

— Не шуми, — тихо сказала Оля.

— Ну, так я тоже буду смелой! — тряхнула Яло локонами. — Я подберусь сейчас к Нушроку и узнаю, что он там замышляет.

И, прежде чем Оля успела что-нибудь сказать, Яло приоткрыла дверь и юркнула из комнаты. Спустившись на цыпочках со ступеней, Яло увидела на стене колеблющиеся тени Нушрока и прекрасной дамы и притаилась у колонны. Тень Нушрока со всклокоченными волосами и хищным загнутым книзу носом была страшна.

— Если вы не хотите есть, — зазвенел голос прекрасной дамы, — то выпейте немного вина, дорогой отец. Оно подкрепит вас.

— Благодарю вас, дорогая дочь, но у меня мало времени, а сказать вам я должен много.

— Я готова слушать вас сколько угодно, дорогой отец.

— Наступило трудное время, дочь моя, — начал Нушрок, — народ все чаще отказывается работать и повиноваться нам.

— А кривые зеркала, дорогой отец?

— Народ больше не верит этой выдумке, Анидаг! Только один король приходит еще в восторг от этих стекол. Горожане разбивают кривые зеркала прямо на улицах, не боясь стражников! А зеркальщики начали делать вот это. — Нушрок что-то вынул из кармана и показал дочери.

Яло увидела, как покачнулась на стене тень прекрасной дамы.

— Правдивое зеркало? — вскрикнула она в страхе. — Народ видит правду?! Это ужасно, дорогой отец!

— Да, это ужасно, Анидаг! Мои зеркальщики больше не хотят быть покорными.

— Их надо заставить быть покорными, дорогой отец!

— Зеркальные мастерские уже оцеплены войсками.

— Вы поступили, как всегда, благоразумно, дорогой отец!

— Но это не все, дорогая дочь! Настало время поставить во главе королевства нового короля. — Нушрок помедлил. — А может быть, королеву...

— О! — воскликнула прекрасная дама.

— Народ очень хорошо знает, что Топсед Седьмой глуп. Его не любят и не признают. Мы терпели его до тех пор, пока все было спокойно. А сейчас на троне должен быть другой человек — умный, решительный и... красивый.

— Кто же у нас обладает такими качествами, дорогой отец?

— Вы, дорогая Анидаг!

Прекрасная дама порывисто поднялась, и рядом с уродливой тенью Нушрока вырос ее стройный силуэт.

— Вы шутите, дорогой отец?

— Нисколько! Разве вы не красивы? Разве ваш голос не звучит, как музыка? Какие речи вы сможете произносить с балкона королевского

*Яло увидела на стене колеблющиеся тени Нуширока
и прекрасной дамы и притаилась у колонны*

дворца! Постарайтесь только казаться доброй, дорогая. Все королевство должно знать, что вы щедро одаряете нищих. И, конечно, не кривыми зеркалами... Для этого надо немного денег — совсем немного! У вас такой же холодный и практический ум, как и у меня, Анидаг! С вашей помощью я прекрасно поведу дела! И буду держать в повиновении все королевство. Скажите, согласны ли вы, моя дорогая дочь?

Прекрасная дама без слов наклонила голову, и Нушрок прикоснулся губами к ее волосам.

— Обстоятельства вынуждают меня немедленно вернуться в город. А вам, Анидаг, надлежит не медля ни минуты отправиться к Абажу. Вы удивлены? Он мой враг, но сейчас мы должны действовать заодно. Вы отвезете ему это письмо, и я не сомневаюсь, что он поддержит нас. Чтобы ускорить свидание с Абажем, я советую вам воспользоваться подземным ходом. Кстати, вы возьмете у Абажа ключ, который подходит к замку на Башне смерти. Я ему пишу об этом.

— Но какой подземный ход вы имеете в виду, дорогой отец? — удивленно спросила прекрасная дама.

— Старый подземный ход, построенный предками Нушроков и Абажей. Неужели вы не знаете о нем? Наши предки были связаны когда-то узами рыцарской дружбы и решили соединить свои владения подземным ходом. Он начинается в винном погребе этого замка и оканчивается где-то в саду Абажа.

— Теперь я вспоминаю, дорогой отец... О каком-то подземном ходе мне действительно рассказывали в детстве. Но мне всегда это казалось сказкой. Однако я очень боюсь темноты и крыс, дорогой отец! Право же, я не менее быстро доберусь до Абажа в своей коляске. Тем более у меня есть попутчики: в замке ночуют два королевских пажа, которые тоже едут к Абажу.

— Что? Два пажа? — пропищал Нушрок, и тень его с поднятой рукой на несколько секунд замерла на стене. — Сегодня два пажа бежали из королевского дворца! Они похитили ключ от кандалов Башни смерти! И я не могу казнить преступника!

— Не может быть! Впрочем, они и мне показались очень странными.

Дрожащая Яло попятилась назад и, споткнувшись о ступеньку, упала. Ее ладони гулко шлепнули по стеклянному полу. Нушрок прыгнул к Яло, схватил ее за шиворот и подтащил к столу.

— Само провидение посылает мне в руки этих беглецов! — торжествующе сказал Нушрок, внимательно разглядывая Яло. — Они сразу вызвали у меня подозрение. Сегодня я узнал, что они уже были в Башне смерти. Нужно выяснить, зачем они пробираются к Абажу.

— Ой, не давите мне так руку! — захныкала Яло. — Больно... Ой!..

— Что все это означает? — изумленно проговорила прекрасная дама.

— Я думаю, что это такие же пажи, дорогая Анидаг, как вы прачка.

А ну-ка, говори, мальчишка, зачем вам понадобился Абаж?

Яло тряслась и молчала.

— Ну!

— Ой, больно!..

— Сейчас будет еще больнее, если ты не заговоришь!

— Ой, ой, не давите так руку!

— Зачем вы ехали к Абажу? Где ключ от кандалов?

Яло молчала.

— Слушай, мальчишка, если ты не скажешь...

— Ой! Мы ехали в гости.

— Лжешь! Если ты мне не скажешь всего, я сейчас поджарю твою руку на этой свечке!

Яло не отвечала. Было слышно, как у нее постукивали зубы. Свободной рукой Нушрок поднес свечку к руке девочки.

Яло закричала и покачнулась.

— Не надо, не надо! Я скажу...

— Ну?

Яло молчала. Министр снова поднес свечку к ее руке.

— Ой, я скажу! Мы хотели...

— Что вы хотели?

— Ой, как больно!..

— Да говори же, мальчишка!

— Ой... Сейчас... Я ничего вам не скажу, будьте вы прокляты!

Резким ударом Нушрок сбил Яло с ног. В ее голове зазвенело, и на несколько секунд она потеряла сознание.

— Мы еще поговорим с тобой! — злобно пропищал министр. — А сейчас послушаем, что нам скажет другой «паж».

Он быстро поднялся по ступенькам и толкнул дверь в комнату, где находилась Оля.

В распахнутом окне Нушрок увидел готовящуюся к прыжку вниз Олю.

— Стой!.. — пронзительно закричал он.

Но Оля уже прыгнула вниз, и подбежавший к окну Нушрок услышал далекий всплеск воды.

— Обыскать реку! — пропищал Нушрок, выбегая в зал. Слюна разлеталась с его перекошенных яростью губ. — Доставить мне мальчишку живым или мертвым! А этого заточить в подземелье! Быстрее!

Яло увели. Через час слуги доложили Нушроку, что найти в реке пажа не удалось. Разъяренный Нушрок велел слугам продолжать поиски.

— Вы видите, дорогая Анидаг, что положение все более обостряется, — проговорил он, тяжело дыша и отирая на лице пот. — Я еду вместе с вами к Абажу! Хотите воспользоваться подземным ходом? Нет? Хорошо, прикажите закладывать вашу коляску. А мои лошади пусть отдохнут.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, в которой рассказывается о том, как Оля едва не погибла в водопаде

Оля хорошо плавала. Спасаясь от Нушрока, она бесстрашно бросилась в реку. Девочка погрузилась очень глубоко и, почувствовав под ногами каменистое дно, оттолкнулась от него. Вода легко вынесла ее на поверхность.

Вынырнув, Оля отдышалась и прислушалась.

Вокруг было сумрачно и тихо. Течение быстро уносило ее от замка в черноту ущелья, где слышался глухой шум низвергающейся воды. Очевидно, там был водопад. Тогда через несколько минут конец... Оле стало страшно. Девочка торопливо поплыла к берегу, но бороться с течением было очень трудно. Грохот водопада усиливался. Течение сделало резкий поворот. Олю рвануло и ударило о подводный камень. На мгновение она потеряла сознание, а когда пришла в себя, увидела впереди, чуть левее того направления, по которому ее несло, маленький островок. Девочка устремилась к нему, напрягая последние силы. Через несколько секунд бурная река выбросила ее на островок, оказавшийся огромным камнем.

Оля долго лежала ничком, вцепившись пальцами в камень. Впереди, совсем рядом, бушевал водопад. Вода стремительно срывалась вниз, и облако мельчайших брызг клубилось над потоком.

Девочка подняла голову и увидела листья. Старый дуб, склонившийся над рекой, протягивал к камню, будто руку, свою широкую ветку. Оля поднялась на ноги и попыталась дотянуться до нее. Но ветка была слишком высоко, и девочка, поскользнувшись, едва не свалилась в воду.

Оля отдышалась и, рассчитав движение, подпрыгнула. Она повисла на ветке и только теперь сообразила, что туфли, наполненные водой, и мокрая одежда будут мешать ей подтянуться к ветке. Как она не догадалась раздеться! Оля беспомощно повисла над камнем. Значит, конец... Оля заскрипела зубами. «Так нет же, нет, обязательно взберусь на дерево!» — подумала она и, собрав все свои силы, забросила на ветку одну ногу. Это было спасением.

С полминуты она висела так, отдыхая. Потом, сделав еще одно усилие, села на ветку верхом и, осторожно перебирая руками, добралась до ствола. Она уселась поудобнее на толстом суку и огляделась. По берегу к ее дубу медленно приближались две человеческие фигуры. Месяц освещал их, и Оля узнала слуг прекрасной дамы.

Слуги остановились в тени дуба. Один из них крикнул, сияясь перекричать шум водопада:

— Так ты думаешь, Бар, что он утонул?

— Еще бы! — прокричал в ответ Бар. — Тут не то что ребенок, но и взрослый не выплывет. А если мальчик и выплыл, тем лучше. Давай-ка закурим, приятель.

Слуги задымили трубками и вскоре ушли.

Оля быстро спустилась с дерева и зашагала по узкой горной тропинке, настороженно вглядываясь вперед. Темная тучка, набежавшая на месяц, ушла за гору, все вокруг засверкало. Оля ободрилась и зашагала быстрее. Но вскоре месяц закатился за гору, тучи заволокли небо и стало совсем темно.

Впереди мелькнули какие-то тени, сверкнули чьи-то глаза. Послышался противный и надсадный звериный вой.

— Шакалы, наверное... — прошептала Оля.

Девочка остановилась и подняла несколько камней.

— Пошли вон! Пошли вон! — закричала она, швыряя в темноту камни.

Шакалы разбежались. Оле даже показалось, что они поджали хвосты. Она снова пошла вперед, тихонько напевая пионерскую песенку своего отряда:

Ничто не остановит нас,
Когда нам цель ясна!
«Вперед, вперед!» — дала наказ
Любимая страна.

Напевая песенку, Оля словно слышала ободряющие слова друга. Она все шла и шла. Вот уже порозовели вершины гор, и веселее зажурчали горные ручьи. Потом взошло солнце, и Оля остановилась пораженная.

Далеко-далеко внизу она увидела огромное зеркало. Оно начиналось у подножия горы, на которой она стояла, и уходило за линию горизонта, сливаясь с небом. Горы, солнце, облака отражались в зеркале. Это было очень красиво. И всюду девочка видела на голубой глади работающих людей. Оля догадалась, что это были рисовые поля министра Абажа.

Спустившись с горы, Оля остановилась и передохнула. Началось рисовое поле. Но теперь оно не походило на зеркало. Оказывается, это было самое обыкновенное болото. От него поднимались теплые гнилостные испарения. В заплесневевшей воде резвились стайки головастики. На длинных ножках по воде быстро бегали какие-то жучки.

Тропинка сворачивала вправо и тянулась через тростниковый поселок к высокому холму, на котором сквозь зелень деревьев девочка разглядела красивое здание с белыми колоннами.

«Наверно, это и есть замок Абажа», — решила она и пошла по дороге мимо тростниковых хижин. На безлюдной улице Оля иногда встречала скучающих стражников и маленьких детей с бледными губами и синевой под глазами. Дети долго и удивленно смотрели ей вслед, а стражники салютовали алебардами пажу короля.

«Бедные дети, как они бледны! — думала Оля. — Все, кто постарше, наверное, работают на рисовых полях». Она не ошибалась. За поселком Оля увидела работающих в воде стариков и подростков. И что это? Ей показалось, что несколько голосов негромко пели ту самую песню, которую она уже слышала раньше:

Нас угнетают богачи,
Повсюду ложь подстерегает,
Но знайте, наши палачи,
Все ярче Правда расцветает!

Олино сердечко забилося быстрее, в груди стало горячо. Она не была знакома ни с одним из этих людей, работавших в гнилой воде, но теперь она знала, что среди них найдет друзей.

«Однако как я попаду к Абажу? Что я ему скажу? — продолжала размышлять Оля. — Удастся ли мне раздобыть ключ?» Она тряхнула головой.

«Нет, только не надо отчаиваться. Лучше все спокойнее обдумать. Папа всегда посмеивался над моей торопливостью и любил приговаривать: „Поспешишь — людей насмешишь“. Милый папочка, если бы ты видел сейчас свою дочь! Но что же все-таки мне делать теперь? Где сейчас Яло? Удалось ли ей вырваться из лап Нушрока? И зачем только мы остались ночевать у Анидаг!» — думала Оля, подходя к замку Абажа.

— Ах, Яло, Яло! Как мне трудно с тобой! — прошептала она. — Но ты все-таки добрая девочка, и ты моя единственная подруга в этой чужой стране. Как бы я хотела тебя увидеть сейчас!

Оля завернула за угол, сделала несколько шагов и прижалась к ограде замка. Неподалеку от ворот стояла коляска, запряженная четверкой

лошадей, и на козлах сидел Бар. Оля шла не по дороге, а по горной тропинке и не видела коляски, которая, словно вихрь, пролетела через горы и доставила к замку Абажа Нушрока и его дочь.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ, в которой Яло убеждается в существовании подземного хода

Вот что случилось, прежде чем Бар попал к замку Абажа.

Высоко держа над головой факел, Бар вел Яло в подземелье.

— Так ты, говорят, зеркальщик, а не паж? Это верно? — спросил он, оглядывая Яло с головы до ног. — И как тебя угораздило связаться с Нушроком?

— Ох, дядюшка Бар, я ни в чем не виноват.

— Верю... Да только для наших господ все равно, что виновен, что не виновен.

— А что они со мной сделают, дядюшка Бар?

— Думаю, что тебе придется несладко, парень... Постой, откуда ты знаешь мое имя?

— Я видела... Нет, я видел, как дочь Нушрока ударила вас по лицу хлыстом и назвала Баром.

— Да, собачья жизнь... — проворчал Бар и в замешательстве остановился.

В каменной стене виднелось несколько дверей.

— Куда же тебя посадить, парень? — нерешительно проговорил он. — Я бы, пожалуй, отпустил тебя на свободу, да только тогда мне придется распрощаться с жизнью.

Яло быстро сказала:

— А вы не отпускайте меня, дядя Бар, а посадите в винный погреб.

— В винный погреб? — усмехнулся Бар. — Уж не хочется ли тебе отведать старого амонтильядо, которое так любят пить наши господа? Впрочем, в винном погребе ты сможешь хоть посидеть на бочонках... Что ж, идем!

Бар подошел к одной из дверей и снял с нее огромный замок. Громко заскрипели ржавые петли. Бар пропустил Яло в погреб. Это было низкое помещение со сводчатым потолком. Справа и слева стояли потемневшие от времени бочки. Проход между ними терялся в темноте. Пахло сыростью и плесенью.

— Как страшно оставаться здесь одному! — прошептала Яло.

— Я, пожалуй, оставляю тебе факел, мальчуган.

— Спасибо, дядюшка Бар!

— Захочешь спать, подремли на бочках, а то, если ляжешь на каменный пол, в тебя из этих камней вползет такая лихорадка, что твои кости будут потом скрипеть всю жизнь.

Но Яло было не до отдыха. Как только по ту сторону двери щелкнул заржавленный замок, она пошла вперед по проходу между бочками, освещая себе путь факелом.

Проход упирался в глухую стену. Яло разочарованно остановилась перед ней и даже потрогала ее пальцем. Стена была холодная и скользкая.

Девочка пошла назад по проходу, внимательно все осматривая, и снова ничего не увидела, кроме бочек и замшелых стен, освещенных колеблющимся светом факела.

Яло начал пробираться холод подземелья, и она попрыгала, чтобы согреться. Потом снова побежала по проходу и, остановившись у стены, постучала в нее кулаком.

«Где же, наконец, этот подземный ход? — теряя терпение, подумала она. — Ведь говорил же Нушрок, что он начинается в винном погребе!» Яло подняла факел повыше, чтобы осветить углы, и попятилась.

— Кто здесь? — испуганно спросила она.

В самом углу, притаившись за бочкой, стоял человек. На нем были металлический шлем и рыцарские доспехи, а лицо закрывало опущенное забрало. В одной руке человек держал щит, на котором Яло разглядела герб с коршуном, а в другой — копьё.

— Почему вы молчите? — тихо спросила Яло, переводя дыхание.

Человек не отвечал. Девочка подняла факел еще выше, сияясь разглядеть его глаза в узкой щели забрала.

— Вы, наверно, стережете эти бочки с вином? — помолчав, добавила она. Человек в доспехах рыцаря упорно не отвечал.

— Не подумайте, пожалуйста, что я хотела попробовать какого-нибудь вашего амон... амонтильядо, — проворчала Яло. — Я терпеть не могу никакого вина!

Человек безмолвствовал, и Яло жалобно проговорила:

— Пожалуйста, скажите хоть одно слово, а то мне становится очень страшно...

Рыцарь, по-видимому, относился к ней с полным равнодушием. В конце концов Яло осмелела и повысила голос:

— Ну и молчите сколько вам влезет! Не думайте только, что я вас действительно боюсь!

*В самом углу, притаившись за бочкой, стоял человек.
На нем были металлический шлем и рыцарские
доспехи, а лицо закрывало опущенное забрало*

*Девочка подняла факел еще выше, силясь разглядеть
его глаза в узкой щели забрала*

Она протиснулась между стеной и бочкой и остановилась подле самого рыцаря.

— Эй, вы! — вызывающе сказала она. — Если вы разучились говорить, так хоть не стойте истуканом и не пугайте девочек. То есть, я хочу сказать, мальчиков...

И затем, уже совсем осмелев, Яло постучала костяшками пальцев в металлическую грудь рыцаря. Доспехи гулко зазвенели, и девочка рассмеялась. Под доспехами никого не было. Металлический человек был пуст, как выпитая бочка.

Улыбаясь, Яло еще раз постучала по доспехам рыцаря, подергала забрало, потрогала копьё и наконец со вздохом облокотилась на щит с коршуном.

Щит вдруг сдвинулся с места. Какие-то пружины звякнули внутри рыцаря, и что-то заскрежетало за спиной у Яло.

Она оглянулась и от удивления открыла рот: часть стены опустилась в землю. Факел осветил узкие ступени, круто уходящие вниз.

Это был подземный ход.

Яло быстро спустилась по скользким каменным ступеням и торопливо зашагала по узкому проходу. Вскоре ее постигло несчастье: догорел и погас факел.

Отшвырнув факел, Яло пошла вперед с вытянутыми перед собой руками. С отсыревшего потолка на нее падали холодные капли. Несколько раз Яло чувствовала, как по ногам пробежали крысы. Бедная Яло, как испуганно билось ее сердечко! Но она упрямо шла вперед и шептала слова песенки:

А если трудный час придет,
Не унывай, дружок!
Пусть тьма, пусть ночь, — шагай вперед
И помни наш флажок!

И вот, наконец, впереди показался слабый свет. Он едва пробивался сквозь щели стены, в которую вдруг уперся подземный ход. И этот неярный тусклый свет обрадовал Яло, как солнце. Сбоку она увидела рычаг и поняла, что на него нужно нажать, чтобы открыть проход. Яло уже подняла к рычагу руку, как вдруг услышала голос.

Прислонив глаз к одной из щелей, девочка увидела полукруглые белые перила, затянутые вьющейся зеленью. По-видимому, это была беседка. За беседкой виднелись вершины деревьев, остроконечные стеклянные башенки и крыша огромного здания. Эта беседка была построена, вероятно, на очень высоком месте.

Яло посмотрела в другую щель и увидела Нушрока, Анидаг и Абажа, которые сидели за столиком в больших креслах.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, в которой Яло встречается с Олей

Яло смотрела на человека, состоящего из двух шаров, кусала губы и вздрагивала от сдерживаемого смеха. Глаза на верхнем шаре были прикрыты сморщенными веками. Абаж о чем-то думал. Нушрок и Анидаг выжидательно молчали. Но вот веки Абажа зашевелились и открыли глаза.

— Я согласен с вами, Нушрок, — наконец сказал Абаж. — Нам нужен новый король. Да, да, новый король!

— Я не сомневался, Абаж, что вы будете моим единомышленником, — ответил Нушрок. — Я лишь сожалел, что вас не было в городе и я не мог посоветоваться с вами.

— Но я не во всем согласен с вами, Нушрок, — замигал веками Абаж. — На троне должен быть мужчина!

Черные птичьи глаза Нушрока смотрели зло и вопросительно. Абаж засопел и продолжал:

— Не думаете ли вы, что мы чего-нибудь достигнем, если снимем корону с уродливой куклы и наденем ее на красивую куклу?

Лицо Анидаг вспыхнуло от гнева:

— Вы чрезвычайно любезны, Абаж!

— Министр Абаж! — пискнул Нушрок. — Мне кажется, что вы могли выбирать другие выражения, когда речь идет о моей дочери!

Абаж устремил свои хитрые зеленые глаза на Анидаг.

— Я приношу свои извинения вашей прекрасной дочери, если моя откровенная речь ей не совсем приятна. Однако выслушайте меня спокойно, Нушрок. Поймите, на троне должен быть решительный и мужественный человек. Да, да! На троне должен быть мужчина. Тогда зеркальщики не будут засылать своих лазутчиков в наши замки! А самых беспокойных мы закуем в кандалы и запрем их вот этим ключом! — Абаж вынул из кармана ключ и взмахнул им.

У Яло забилося сердце. Немигающим взглядом она смотрела на ключ.

— Кто же все-таки, по-вашему, должен быть королем? — спросил Нушрок изменившимся, почти глухим голосом.

— Мой сын, который, если хотите, женится на вашей дочери, — ответил Абаж. — Тогда мы вместе с вами будем управлять королевством.

- Вы хотите устроить получше свои дела, Абаж?
- Так же, как и вы, Нушрок. Мне, например, известно, что вместо кривых зеркал вы хотите начать делать оружие.
- Тсс... Молчите! Кто вам сказал об этом?
- Будьте спокойны, Нушрок. Об этом никто не узнает. Все замолчали.
- Хорошо, Абаж, я согласен: мы поженим наших детей, — сказал Нушрок. — А теперь дайте мне ваш ключ.
- Зачем вам понадобился мой ключ, Нушрок?
- Королевский ключ пропал. Зеленые глаза Абажа расширились.
- Пропал? Значит, я единственный обладатель той драгоценности, которая держит в страхе все королевство?
- Дайте мне ваш ключ, Абаж! — повысил голос Нушрок.
- Я не отдам его так просто! — поднялся Абаж, и его живот заколыхался над столиком. — О, не смотрите, не смотрите на меня, Нушрок!
- Я знаю, Абаж, почему вы не хотите отдать мне ключ! — очень тихим, вздрагивающим от ярости голосом проговорил главный министр.
- Почему?
- Нушрок поднялся во весь рост и пропищал:
- Потому что этот ключ подходит к кладовым с государственной казной! — Он вдруг ухватил Абажа за плечи. — Отдайте ключ!
- Не дам! — завопил Абаж, пытаясь сбросить со своих плеч руки Нушрока.
- Нет, отдашь, толстая жаба!
- Они схватились, сопя и тяжело дыша, и вдруг рухнули на пол. Ключ со звоном отлетел в сторону. Яло слышала, как завизжала Анидаг, стараясь ухватить Абажа за волосы.
- Яло нажала на рычаг. Заржавленные пружины заскрипели, и стена подалась в сторону, увлекая за собой гирлянды вьющейся зелени.
- Девочка прыгнула в беседку и подхватила с пола ключ.
- Ключ! — завопила Анидаг. — Ключ!
- Но захваченные борьбой Нушрок и Абаж не слышали ее.
- Яло искала глазами, куда бежать, и почувствовала, что ее схватили за курточку.
- Пустите! — рванулась Яло, но пальцы Анидаг уже сжимали ей плечи.
- Нет, ты не уйдешь от меня! — прошипела Анидаг.
- Яло взглянула в ее большие черные глаза и отшатнулась: «Как она похожа на Нушрока, когда злится!» Глаза Анидаг налились кровью, и

на лице выступили пятна, а заострившийся нос, казалось, приготовился клюнуть.

— Проклятые коршуны! — закричала Яло. — Вы больше меня не запугаете! Пустите, я совсем не боюсь вас!

Девочка рванулась, костюм пажа затрещал, и в руках Анидаг осталась лишь обрывок рукава. Яло вскочила на перила беседки и свалилась на клумбу цветов.

— Держите его! Держите!.. — визгливо закричала ей вслед Анидаг.

Яло обежала большой фонтан, споткнулась, растянулась на дорожке, вскочила и, бросившись в кусты, уперлась в ограду. Она слышала, как, путаясь в длинном платье, за ней бежала дочь Нушрока. Девочка оглянулась. В развевающемся плаще по ступенькам беседки сбегал Нушрок. Следом за ним катился Абаж.

Яло торопливо взобралась на ограду и, прыгнув вниз, лицом к лицу столкнулась с Олей.

— Яло! Милая!..

— Оля, у меня ключ! — задыхаясь, сказала Яло.

Оля без слов схватила ее за руку и потащила к коляске, на козлах которой дремал Бар.

— Дядюшка Бар, дорогой, отвезите нас в город. Завтра должны казнить маленького зеркальщика Гурда, — быстро говорила Оля. — Мы можем его спасти. Умоляю вас дядюшка Бар!

— Держите его, держите! — доносился из сада пронзительный голос Анидаг.

— Гурд? — спросил Бар. — Я слышал о нем. Это смелый парень. Эх, была не была! Садитесь, друзья!

Девочки вскочили в коляску. Бар взмахнул кнутом. словно ураган понеслись вперед добрые кони.

— Только как вы это опять очутились вместе? — обернулся к девочкам Бар. — Чудеса!

— Мы вам потом все-все расскажем. А теперь скорей в город! Пожалуйста, скорей, дядюшка Бар!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ, в которой Оля освобождает Гурда и побеждает Нушрока

Лошади мчались так быстро, что временами девочкам казалось, будто карета не катится, а летит по воздуху. Страшные пропасти и грозные скалы окружали извивающуюся в горах дорогу, которая словно по спирали поднималась все выше и выше.

Яростный ветер бил в лицо девочек.

— Только бы успеть, Яло!

— Да, только бы успеть, Оля!

— Скорей, скорей, дядюшка Бар!

Оля оглянулась и увидела далеко внизу на дороге крошечного всадника. Плащ всадника, словно черное разбойничье знамя, бился на ветру за его спиной.

— Дядюшка Бар! — закричала Оля. — Нушрок гонится за нами!

Бар остановил лошадей и спрыгнул на дорогу. Девочки удивленно посмотрели на него.

На зеленом склоне паслись овцы. Старый пастух в белой одежде, словно изваяние, стоял над каменным обрывом, опираясь на посох. Ветер трепал его длинные седые волосы.

Бар подбежал к пастуху, что-то быстро сказал ему, показывая вниз, на черного всадника. Старик кивнул головой.

Оля увидела, как старик и Бар начали сталкивать вниз камни. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее катятся камни вниз, сбивая и увлекая за собой другие.

Вскоре до слуха девочек донесся грохот обвала, и тучи пыли поднялись над нижней дорогой.

Бар подошел к девочкам и подмигнул:

— Если эти камешки и не накроют Нушрока, то задержат надолго!

...Рисовые поля, похожие на зеркало, горы с обрывами и скалами, зеленые королевские виноградники остались, наконец, позади. Город со сверкающими башнями и шпилями приближался с каждой секундой. Еще издалека увидели девочки темный силуэт Башни смерти, поднимающейся под самые облака. И Оле вдруг показалось, будто желтая тень этой башни лежит на всей стране.

— Скорей, скорей, дядюшка Бар!

— Мы уже въезжаем в город, друзья.

Но вот, наконец, и Башня смерти. Бар натянул вожжи, лошади остановились, словно вкопанные; они храпели, белая пена висела на их удилах. Оля и Яло стремительно выскочили из коляски.

Стражник загородил им путь.

— Простите, ваши сиятельства, но только господин Нушрок запретил мне пускать пажей на Башню смерти.

— Что ты, приятель! — похлопал его по плечу Бар. — Разве ты не видишь, что их сиятельства приехали казнить зеркальщика? Посмотри, вон у них и ключ от кандалов.

Стражник пожал плечами и сказал:

— Ну что ж, коли так — идите!

Девочки, задыхаясь, бежали вверх по лестнице.

— Только бы успеть, Яло!

— Да, только бы успеть, Оля!

Опять во мраке заметались летучие мыши, опять застонала сова...

Будет ли когда-нибудь конец бесчисленным ступеням?!

Бледные, с бьющимися сердцами, девочки взбежали, наконец, на площадку крыши.

— Вот и мы, Гурд!

— Здравствуй, Гурд!

— Здравствуйте! — ответил радостно мальчик. — Я вас так ждал!..

Я верил, что вы придете!

Сегодня Гурд выглядел куда лучше. Глаза его радостно блестели. Оля склонилась над мальчиком.

Замок щелкнул, звеня, упали цепи.

— Ты свободен, Гурд! Вставай!

Девочки помогли Гурду подняться. Какой он все-таки слабый! Оля торопливо сняла с себя костюм пажа и осталась в своем школьном платье с красным галстуком.

— Быстрее надень этот костюм, Гурд!

Яло испуганно посмотрела на подругу.

— А как же ты, Оля!

— Я все обдумала, Яло. Так надо! Стражник подумает, что это я, а не Гурд.

— А ты?

— Я как-нибудь выберусь отсюда, Яло. Я здоровая и сильная. И я очень быстро бегаю... Не беспокойся обо мне.

— Но, Оля...

— Быстрее, Яло! Нельзя терять ни секунды!

Яло и Гурд ушли. Оля слышала, как постепенно удалялся шум их шагов. Она села на площадку и задумалась: что же ей теперь делать? Вернуться домой! Сегодня же! Только бы выскользнуть из этой ужасной башни! Оля легла на живот и подползла к самому краю площадки. Далеко-далеко внизу виднелась карета величиной с ноготок и такие же крошечные лошади. Значит, Яло и Гурд еще не вышли из башни. Как, однако, долго они спускаются! Ах, наконец-то они показались! Вот они подошли к карете. Вот стражник подсаживает их в коляску. И вот, наконец, лошади трогаются и несут карету к городу.

Оля облегченно вздохнула. Теперь и ей можно спуститься с башни.

Она сбегала вниз, прыгая через одну и даже через две ступеньки. Потом, когда скрылось отверстие в крыше и стало темно, девочка пошла медленнее. Несколько летучих мышей задела ее своими крыльями. Но она не замечала их.

Ступени, ступени, ступени! И вдруг девочка остановилась: кто-то поднимался ей навстречу.

— Кто здесь?

Человек не отвечал. Девочка слышала только его прерывистое дыхание. Она в страхе пятилась от надвигающегося человека и поднималась все выше. А когда в отверстии крыши забрезжил свет, она разглядела черный плащ и в отчаянии закрыла глаза рукой. Но вместе с отчаянием в ней поднялась волна ненависти к этому отвратительному человеку.

«Нет же, нет, — стискивая зубы, подумала Оля, — я не боюсь его!» Нушрок вышел следом за Олей на крышу и остановился, увидев цепи, которые лежали на камнях, будто мертвые змеи.

— Девчонка! — очень тихо сказал Нушрок. — Так это ты освободила зеркальщика?..

Оля не отвечала. Нушрок сделал к ней шаг и продолжал так же тихо, дрожа от ярости:

— Ты полетишь сейчас вниз, девчонка! Под моим взглядом ты сама бросишься вниз! Ну?! Что же ты не опускаешь своих глаз, девчонка?

Оля сжалась, однако не опустила перед Нушроком своих чистых голубых глаз. Наоборот, она широко открыла их и, не мигая, смотрела в хищные глаза человека-коршуна.

— Нет, я не опущу перед тобой глаз, проклятый Коршун! — вдруг крикнула она. — Я не боюсь тебя, потому что презираю! Я знаю, что ложь никогда не убьет правду! А правда на моей стороне.

Девочка и человек-коршун застыли в страшном единоборстве. И вот в черных глазах Нушрока мелькнул ужас и по лицу пробежала судорога. Он втянул голову в плечи и стал отступать. И по мере того как сгибался Нушрок, Оля все больше выпрямлялась, чувствуя, как ее охватывает ликование. Ей казалось, что из ее глаз вылетают молнии и она пронизывает Нушрока своим взглядом. Лицо Нушрока исказила гримаса. Он пятился все дальше к краю площадки и, наконец, не выдержал, опустил глаза и закрыл их ладонью.

— Ага, ты опустил глаза! — торжествующе закричала Оля. — Ты боишься правды, проклятый Коршун!

— Кто ты? — тяжело дыша, спросил Нушрок. — Я никогда не видел таких глаз... И почему меня пугает этот красный галстук? Откуда ты

пришла, девчонка? О-о, какие светлые глаза!.. Как страшно! Не смотри, не смотри на меня! Мне душно! Мне нечем дышать! Не смотри-и...

Нушрок сделал еще шаг назад. Это был его последний шаг. Он сорвался с Башни смерти и разбился на тысячи стеклянных осколков.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ, в которой Оля снова слышит голос волшебного зеркала

Если бы вы только могли видеть, что делалось внизу, когда Оля спустилась с башни!

— Нушрок разбился! Нушрок разбился! — во всю силу легких кричал стражник, подбрасывая вверх свою алебарду. — Сколько лет я ждал этой минуты!

Со всех концов города к башне торопились люди. Среди них было множество девочек и мальчиков. В толпе Оля увидела Яло, Гурда и Бара. Они налетели на нее, как вихрь, и чуть не задушили в своих объятиях.

Потом, расталкивая всех, к Оле протиснулась женщина в белом колпаке.

— Тетушка Аксал!

— Фазанята! Добрые мои девочки!..

Как радостно обнимала Олю и Яло тетушка Аксал! У нее дрожали руки, и она без конца повторяла, всхлипывая:

— Фазанята, славные мои фазанята!

Кто-то закричал в толпе:

— Гурд! Ты жив, мальчик?!

— Друзья! — ответил Гурд. — Эта девочка спасла мне жизнь!

Какая буря приветствий раздалась кругом! А Оля стояла покрасневшая, неловко опустив руки, не зная, куда деваться от смущения.

— Эта девочка, — крикнула тетушка Аксал, — пришла из чудесной страны, где сердца всех людей благородны и отважны!

— Оля! — закричали дети. — Оставайся всегда с нами!

— Оставайся с нами! — раздавалось со всех сторон.

Гурд посмотрел в глаза Оли и сказал:

— Ты слышишь, Оля?

Неожиданно для самой себя Оля взмахнула косичками и заговорила. И ее слабый голосок вдруг стал таким звонким, что его слышали на самых отдаленных улицах города.

— Я не могу остаться с вами, дорогие друзья, потому что нет на свете ничего прекраснее и лучше моей страны! Вы, наверно, тоже построите

Нушрок сделал еще шаг назад. Это был его последний шаг

*Он сорвался с Башни смерти и разбился на тысячи
стеклянных осколков*

когда-нибудь такую же светлую жизнь, как в моей стране. Я верю в это, дорогие друзья!

Потом Оля и Яло шли по городу, и все встречали их и расступались перед ними с улыбками и приветственными криками. Повсюду слышался звон стекла. Это горожане разбивали кривые зеркала на площадях и улицах города. И этот звон звучал, как музыка.

— Оля, давай споем нашу песенку, — предложила Яло.

Оля кивнула, и девочки радостно запели:

Ничто не остановит нас,
Когда нам цель ясна!
«Вперед, вперед!» — дала наказ
Любимая страна.

Солнце ярко сверкало над городом, и все искрилось вокруг. Песню подхватил Гурд. А вслед за ним ее начали петь мальчики и девочки.

Вот, наконец, и площадь с фонтаном, а вот и стеклянная лестница, уходящая вверх. Оля нежно простилась с тетушкой Аксал, Гурдом и Баром. Сотни мальчиков и девочек прощально махали ей руками.

Оля и Яло медленно поднимались по лестнице. Ступени, словно струны, звенели под их ногами. И вдруг девочки услышали отдаленный грохот. Они оглянулись. Далеко за городом рухнула Башня смерти, а там, где она стояла, в воздух поднялась, все более разрастаясь, туча черной пыли. Весь город неумолчно шумел радостными криками. И девочки еще раз подняли вверх руки, прощаясь со страной, жители которой перестали верить кривым зеркалам.

На самой вершине холма они раздвинули кусты и выпрыгнули из книги в переднюю. И в ту же секунду Оля увидела у своих ног книгу, на обложке которой было написано: «икзакС». Затем по чистой глади зеркала побежали голубые волны. Она услышала красивый звенящий голос, будто ударились друг о дружку хрустальные стеклышки:

— Ты хочешь вернуться домой, Оля?

— Очень!

— Ты не жалеешь о том, что побывала в Королевстве кривых зеркал?

— О нет, я так благодарна тебе, волшебное зеркало! Ведь я так много видела и так много поняла! Я раньше даже и представить себе не могла, что маленькие недостатки могут так помешать в трудную минуту!

Волны на гладком стекле зеркала успокоились, и голубой туман рассеялся. Стекло исчезло. Осталась только одна рама от зеркала.

— Прощай, дорогая Яло...

— Прощай, Оля! Спасибо, что ты научила меня быть смелой и доброй.

Подруги обнялись и расцеловались.

Потом Оля быстро переступила через раму и оглянулась. По зеркалу уже снова скользили голубые волны.

Когда они рассеялись, Оля снова увидела Яло, улыбнулась ей и помаха- хала левой рукой.

Скрипнула дверь.

— Опять ты вертишься перед зеркалом! — сказала бабушка, появля- ясь в передней. — Небось, не отходила от него, пока я была у слесаря... Ну, вот я и получила новый ключ. Смотри, больше не теряй его, Оля!

Оля повисла у бабушки на шее.

— Бабунечка, родненькая, здравствуй, как я рада!

— Батюшки! — растроганно и немного растерянно сказала старуш- ка. — Что это с тобой? Как будто год не виделись, а расстались-то всего десять минут назад.

— Как ты запыхалась, бедненькая! И почему я сама не пошла за ключом?

— Да ведь ты же боялась темноты.

Оля горячо поцеловала бабушку.

— Что с тобой, девочка? Чем ты так взволнована?

— Я тебе все, все расскажу.

— Да что случилось?

— Я просто, бабушка...

— Ну что? Что?

— Я просто... посмотрела на себя со стороны.

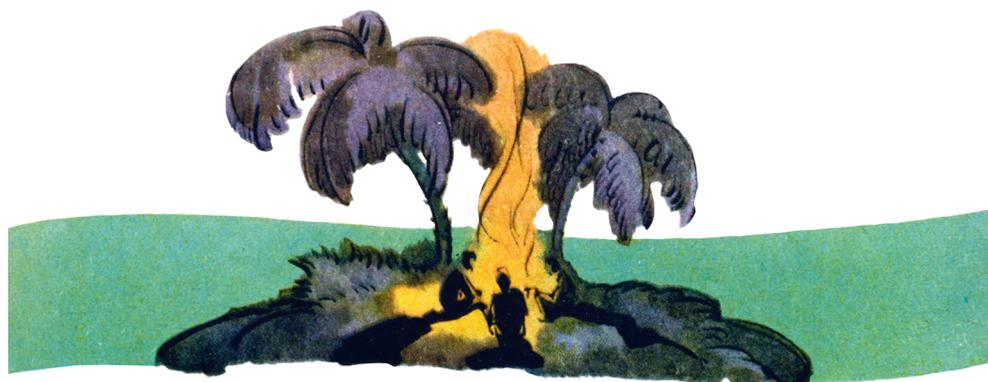
Обняв растроганную, улыбающуюся бабушку, Оля украдкой взглянула в зеркало и снова помаха- ла рукой Яло. И странно: ей показалось, что Яло запоздала ответить ей таким же движением и, замешкавшись, смахнула со щеки слезу. Впрочем, все это, конечно, Оле только показалось...

Трое на острове

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой в мои руки попадает волшебный платок

Это случилось однажды вечером, когда я читал книгу о приключениях морских разбойников. Вы, конечно, знаете, как интересно читать такие книги...

Океан. Шторм. Парусный корабль под названием «Калоша Дьявола» терпит бедствие. Волны с грохотом хлещут на палубу. Бесится ветер. Сорваны паруса, и на голой мачте болтается черный лоскут с белым черепом и скрещенными костями. А капитан морских разбойников с широкими плечами и красным носом кричит:

— Пираты! Тысяча чертей и одна ведьма! Справа по борту какой-то остров! Клянусь брюхом акулы, здесь мы добудем золото!

Я лежал на диване в столовой, пристроив поближе настольную лампу, и одну за другой жадно проглатывал истрепанные страницы старой книжки. Глухой шум трамвая, доносившийся по временам с улицы, казался мне упоительным рокотом океанского прибоя. Я не расслышал, как в столовую вошла мама, и вздрогнул, услышав ее голос:

— Ну, знаешь, дорогой, это никуда не годится!

— Что? — спросил я, не поднимая головы от книги.

— Я говорю, что это никуда не годится!

— Это ты, мама? — пробормотал я, все еще не в силах оторвать глаз от страницы.

— Нет, это не я! — сердито сказала мама.

— Ты уже пришла с работы?

— Нет, я не пришла!

— То есть как? — растерялся я и сел на диване. — Ах, ты шутишь...

— Наоборот, я очень рассержена, Боря!

— Чем, мамочка? — сладким голосом спросил я и постарался сделать удивленные глаза, хотя прекрасно понимал, чем она недовольна.

Мама стояла посреди комнаты, сокрушенно покачивая головой.

— Ты обещал мне подмести квартиру?

— Я не успел... Я подмету, мамочка...

Она ушла в соседнюю комнату, и я услышал оттуда новое восклицание:

— Какое безобразие!

— Где, мамочка?

Она вернулась в столовую с небольшим синим платком в руке.

— Ты сегодня был в школе?

Уж этого мама могла бы не спрашивать: ведь она отлично знала, что я никогда не пропускаю занятий. Правда, однажды такое случилось, когда у Петьки Халютиня оценилась собака, и я ходил смотреть щенят. Но ведь это было давно — недели две назад или даже больше.

— Ты был в школе? — повторила мама.

— Конечно.

— А я думала, что ты весь день пролежал в кровати. Почему ты не убрал постель?

— Я не успел, мамочка... Понимаешь, я немного проспал... и я боялся опоздать в школу.

— С завтрашнего дня ты будешь вставать вместе со мной и стелить кровать у меня на глазах.

— Да зачем же, мамочка? — взволновался я. — Ведь я учусь во второй смене.

— Ступай! — строго проговорила она.

— Куда? — захныкал я. — Стелить кровать? Да зачем же? Ведь все равно нужно будет опять ложиться спать.

— Боря! — повысила мама голос.

И я, мрачный, двинулся в спальню.

— погоди минутку, — остановила она меня. — Ты обедал?

— Да...

— А посуда?

— В кухне...

— Чистая?

— Мамочка... — замялся я.

— Даже перед соседями стыдно, — вздохнула мама. — Ах, дорогой друг, не любишь ты у меня работать!

— Все работай да работай! — наконец не выдержал я. — Ни минуты покоя!

— Ни минуты покоя? Это у тебя-то?

Я увидел, как она согнала с лица улыбку и, наверно, для того чтобы не рассмеяться, прикусила нижнюю губу.

— Эх, — продолжал я, понимая, что если мама и сердится, то не так уж сильно, — изобрести бы такую машину, которая сама будет и подметать, и посуду мыть!..

— И стелить кровать! — иронически прибавила она и махнула на меня синим платком. — А ты целыми днями будешь валяться с книжкой на диване.

— Да, а ты знаешь, какая книга интересная! Тут описывается, как пираты потерпели кораблекрушение. У них был главарь по кличке Рыжий Пес.

— Ну вот что, Рыжий Пес, — сказала мама, — мне сейчас очень некогда. Я должна выполнить одно поручение фабрики и уйду ненадолго. А ты... постели кровать — раз, — она начала загибать пальцы, — подмети пол — два, вымой посуду — три. Кстати, зачем ты рылся в шкафу?

— Искал чистые носки.

— Носки лежат на верхней полке, а ты перевернул весь шкаф и зачем-то бросил на пол бабушкин платок, который мы храним вот уже пятнадцать лет. Понимаешь, это же память о твоей бабушке!

— Ах, это, кажется, тот самый платок, который бабушка называла волшебным?

— Да, — кивнула мама, — так его называла бабушка. Возьми платок и положи на место. А уроки ты сделал?

— Сделал, — сказал я, позевывая и рассматривая синий платок.

— Все уроки?

— Все... Нет, алгебра осталась... Мамочка, ты же знаешь, что по алгебре я занимаюсь с Милой Улыбкиной и с Юркой Беловым. Они сейчас придут.

— Тогда поскорей все прибери, чтобы тебе не пришлось краснеть перед товарищами. До свидания, мой Рыжий Пес... Нет, мой Рыжий Поросянок! — Мама поцеловала меня в щеку и пошла к двери.

— Мама, а зачем на этом платке завязан узелок?

— О, в этом узелке, говорила бабушка, и заключается вся сила волшебства! — загадочно проговорила она и скрылась за дверью.

«Шутит со мной, как будто я маленький, — недовольно подумал я, ощупывая узелок. — Разумеется никакого волшебства на свете никогда не было и не может быть, — рассуждал я. — Но почему же бабушка называла его волшебным? Платок как платок, немного вылинявший от времени. Бабушка, должно быть, носила его на голове, как все старушки».

Я внимательно осмотрел платок и даже понюхал его. От старого шелка чуть-чуть пахло нафталином.

Тут я вспомнил, что должен сделать до возвращения мамы целую уйму дел, и мне сразу сделалось грустно.

Стелить кровать, подметать пол, мыть посуду — и так каждый день!

Неужели человек не может прожить без всякой работы? Надоело мне все это хуже горькой редьки! Вот возьму и не буду работать! Буду читать книгу про морских разбойников!

Я вздохнул и сел на диван. Конечно, если бы этот платок действительно был волшебным, тогда другое дело. Махнуть бы этим платком и сказать... Я задумался: что бы такое сказать?

— Диван, поднимись в воздух, — сказал я, усмехаясь про себя, и махнул платком.

И вдруг, к моему ужасу, почувствовал, что вместе с диваном поднимаюсь в воздух...

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой я начинаю творить чудеса

— Ай-ай! — закричал я, цепляясь за стену. — Что такое? Кто меня поднимает? Ай-ай! Не балуйтесь! Это ты, Юрка? Когда ты пришел?

Диван поднялся примерно на два метра от пола и повис в воздухе неподвижно и так прочно, словно стоял на ножках.

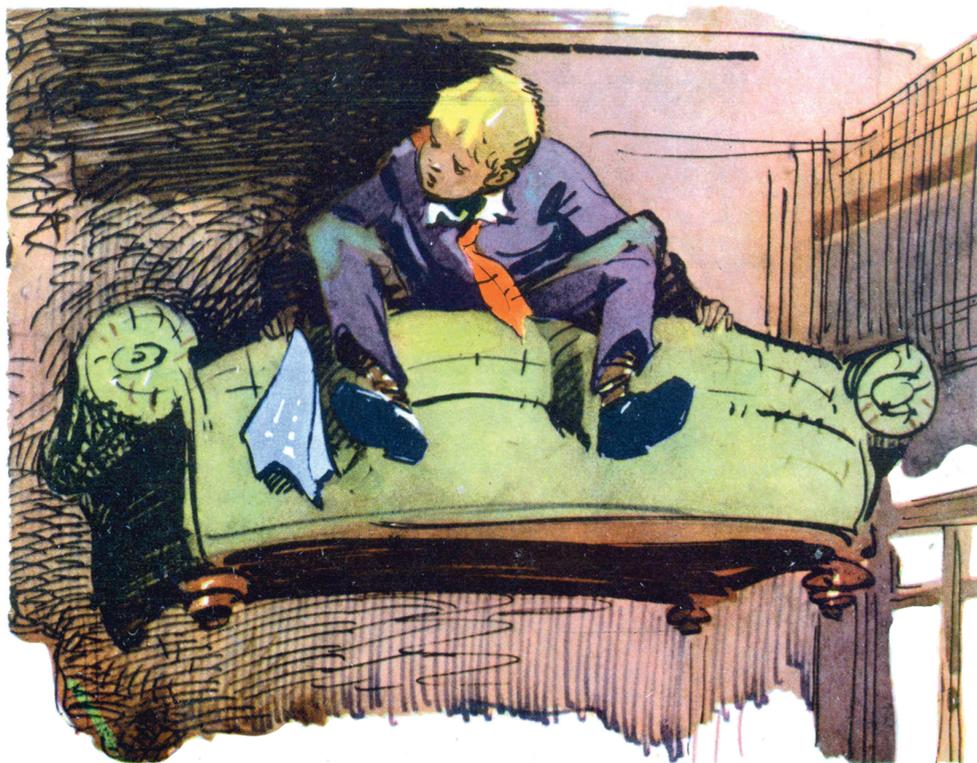
— Хватит валять дурака! — сердито сказал я. — Опустит, пожалуйста, диван!

В комнате было тихо. На улице прогрехотал трамвай, и я услышал, как тоненько задребезжала электрическая люстра. Я перегнулся с дивана и заглянул вниз. Там никого не было. На том месте, где стоял диван, я увидел пыльные меточки, которые остаются на полу, когда передвигаешь мебель. Мне стало жутко. Я похолодел. Потом почувствовал жар. Выходит, что синий платок действительно волшебный! Значит, моя бабушка была волшебницей? Жаль, что я никогда ее не видел...

Но что мне теперь делать? Как опустить диван? Я спрыгнул на пол, оступился, больно ударившись о пол коленкой, и запрыгал на одной ноге. Когда боль прошла, я попытался притянуть диван к полу, но скоро выбился из сил.

Получалось ужасно глупо! Не может же этот диван вечно торчать под потолком...

И вдруг я вспомнил: надо, кажется, махнуть платком.

— Диван, опустишь на место, — строго сказал я и махнул платком.

Диван опустился так быстро, что у меня захватило дыхание. Едва он стукнул о пол четырьмя ножками, я сорвался с места и заплясал посреди комнаты. Я стал волшебником! У меня в руках страшная, удивительная сила! Что бы теперь придумать? Какое совершить чудо?

Я вытер пот, выступивший на лице, и, облизнув пересохшие губы, взмахнул платком:

— Хочу, чтобы квартира была подметена, кровать постелена и посуда помыта!

Что-то ярко блеснуло, легкий вихрь прошел по квартире, шелохнув мои волосы. Паркетный пол в комнате засверкал так, что я зажмурился. В каждой половине отсвечивала люстра. Пожалуй, даже дюжина полотеров не смогла бы так великолепно натереть пол.

Я бросился в спальню и, словно на льду, поскользнулся на паркете и растянулся во весь рост. На четвереньках я добрался до порога и заглянул в спальню.

Кровать была постелена так аккуратно, как это умеет делать только одна мама!

Диван поднялся примерно на два метра от пола и повис в воздухе

Я поднялся и, осторожно ступая по скользкому паркету, отправился в кухню.

У столика с нашей посудой стояла высокая пожилая соседка, та самая, которая говорит мужским голосом и на подбородке у которой растут жесткие седые волосинки. Я всегда ее немножко побаивался.

— Странно, — сказала она густым басом, — что случилось с вашей посудой?

— А что? — спросил я, делая рассеянное лицо.

— Стояли грязные тарелки, и вдруг в одно мгновение они стали чистыми. Это ты их вымыл, что ли?

— Ну, конечно, — соврал я без зазрения совести.

— Странно, — недоверчиво покачала она головой.

Но тут в передней раздался звонок, и я побежал открывать дверь. Это пришла Мила Улыбкина, худенькая девочка с толстой светлой косой и маленьким острым носом. Все ребята считали ее самой красивой в нашей школе, но я никогда не находил этого.

— А Белов еще не пришел? — спросила она, входя в комнату, и сощурилась. — Ох, как блестит пол!

— Мила! — торжественно заговорил я. — Скажи, ты во мне ничего не замечаешь?

— Что именно? — удивилась она.

— Я не изменился? Может, глаза у меня не такие...

— Глаза как глаза, чуть зеленоватые, как у лягушки.

Я взволнованно глотнул воздух:

— Мила! Я стал волшебником!

В ту минуту, кажется, мои слова не произвели на нее никакого впечатления. Она посмотрела на меня, как на дурака, села на диван и, подышав на замерзшие пальцы, начала поправлять бантик на своей косе. Я повторил:

— Мила, я волшебник!

Она неопределенно фыркнула, перебросила через плечо косу и неторопливо расправила на платье черный передник.

— Слышишь, что я говорю? — рассердился я.

— Я не люблю, когда мне говорят глупости, — ответила она спокойно.

— Я не шучу!

— Не дури, Борис!

— Честное слово!

Она иронически сморщила свой маленький нос.

— Волшебник, а решать задачи по алгебре не умеешь.

— Я уже решил! — воскликнул я.

— Покажи!

— Вон на столе тетрадка...

Она подошла к столу, а я тем временем махнул платком и прошептал: «Хочу, чтобы все задачи были решены».

Мила открыла тетрадку, и я увидел, как она вздрогнула. Ее лицо все больше вытягивалось, брови все выше поднимались на лоб, а серые глаза стали совсем круглыми.

— Просто удивительно! — пожала она плечами. — Кто тебе помог? Мне кажется, что у тебя изменился почерк... Ты никогда не писал так аккуратно.

— Я теперь все могу! — быстро сказал я, даже не взглянув в тетрадку, которую удивленная Мила рассматривала очень внимательно. — Я же сказал тебе, что я стал волшебником!

— Бессовестный врун! — Она закрыла тетрадку и снова села на диван. — Ну, хорошо, если ты стал волшебником, сделай так, чтобы... — Она задумалась, не зная, как уличить меня во лжи. — Сделай так, чтобы в этой комнате пошел снег!

— Пожалуйста! — Я отвернулся и махнул платком.

Что тут началось! Со всех сторон на нас с пронзительным свистом обрушился ледяной ветер. Комнату затянуло мглой, в лицо с силой ударили колючие дробинки снега, и я почувствовал, что у моих ног растет сугроб. Снег набивался за шиворот и в рукава, метель слепила глаза, и я с трудом разглядел Милу, которая с ногами забралась на диван. Гремящий, хлещущий ветер валил Милу с дивана. Одной рукой она судорожно держалась за валик, а другой прикрывала голову.

Словно издали услышал я слабый, жалобный голосок:

— Довольно, Боря... Довольно!

Мне самому было не по себе. Я махнул платком, и в одно мгновение все успокоилось. Лампа в люстре горела ровно и ярко, нигде не виднелось ни одной снежинки, и только в ушах немного звенело.

— Ага! — закричал я. — Что ты теперь скажешь?

— Я ничего не понимаю, — призналась она, зябко потирая плечи.

— Хочешь, я еще что-нибудь сделаю?

Она спрыгнула с дивана и испуганно замахала руками.

— Нет, нет, не хочу!.. Слушай, как ты делаешь этот фокус со снегом?

— Это не фокус, а настоящее волшебство!

— Не верю... — совсем неуверенно сказала Мила и, услышав в передней шаги, быстро прибавила: — Вот, кажется, идет Юрий Белов... Если ты волшебник, сделай так, чтобы он... превратился в негритенка!

Почему ей захотелось, чтобы Юрка стал черным, я не знаю. Она все проверяла меня и придумывала задания потрудней. Я расхохотался. Должен признаться, что мне очень понравилась эта мысль — превратить Юрку в негритенка. Я незаметно махнул платком и уставился на дверь, сияясь представить себе, как будет выглядеть мой приятель.

Но когда он, как всегда стремительно, ворвался в комнату и поскользнулся на паркете, я ахнул и растерянно опустился на стул. Он был черным как смола, белели только зубы.

— Вы чего на меня так уставились? — спросил он подозрительно.

— Ты... ты сам на себя посмотри... — пролепетала Мила, указывая на зеркало.

Юрка сделал шаг к зеркалу — и отшатнулся.

— Тьфу ты! Где это я так вымазался? — захохотал он и начал вытирать носовым платком лицо.

— Не три, Юрка, не поможет, — покачала головой Мила. — Тебя заколдовал Борис.

— Заколдовал? Враки!

— Я сама не верила, только это правда, Юрик!

Я сказал, не сводя с него глаз:

— Ты теперь не Юрий Белов, а Юрий Чернов!

Совсем неожиданно он вдруг заплясал и весело проговорил:

— Ребята, а это здорово! Мне всегда немножко хотелось побыть негритенком!

Он был так доволен, что даже не спросил, каким образом я превратил его в чернокожего. Меня это даже чуточку обидело. Уж слишком много Юрка был занят собственной особой и совсем не удивился, что я стал волшебником. Как будто я только и делал всю жизнь, что творил чудеса!

— Я могу тебя расколдовать, — сказал я.

— Потом... Мне так нравится. Очень симпатичное лицо, правда, Мила?

— Да, конечно... — нерешительно согласилась она. — Только я не привыкла видеть тебя вот таким.

Юрка потирал черные руки.

— Завтра в школе все мальчишки полопаются от зависти, когда меня увидят. Только ты, Борька, больше никого не делай негритенком, а то будет неинтересно. Пусть я буду один негр на всю школу!

— Ладно, — согласился я. — Вообще я могу сделать все, что угодно!

— Например, что? — заинтересовался он.

Я задумался.

— Например... например, перенестись на необитаемый остров!

— Очень хорошо! — захлопала в ладоши Мила. — Только не на север, я не люблю, когда холодно.

— В жаркие страны, — предложил Юрка. — На какой-нибудь остров посреди океана!

Я мечтательно сказал:

— Поживем всласть! Так, чтобы совсем не нужно было работать! А то мама каждый день пилит: постели кровать, подмети пол, вымой посуду! Все работай да работай! Хорошо бы без всякой работы пожить!

— А мы можем вернуться? — спросила Мила.

— В любую минуту, как только нам надоест. Поехали?

— Поехали! — решительно сказал Юрка. — А на чем?

— Я и сам не знаю... Закройте глаза! Эй, чур, не подсматривать!

Увидев, что они зажмурились, я махнул платком. Что-то загремело и заскрежетало, и сразу наступила полная темнота. Потом какие-то огни — красные, желтые, синие, зеленые — вихрем закружились вокруг нас. Наконец огни исчезли, и все смолкло. В тишине я отчетливо услышал нарастающий шум морского прибоя. Ослепительный луч солнечного света ударил мне в лицо. Я заслонился от солнца ладонью и вдруг увидел, что справа и слева от меня покачиваются какие-то ветки. В ту же секунду я услышал рядом восторженные крики моих друзей.

— Океан! — задыхаясь от волнения, пищала Мила.

— Пальмы, лианы! — вторил ей Юрик.

— Ананасы!

— Бананы!

Мы стояли, окруженные пышной тропической растительностью. Невидимые птицы свистели и щелкали в зелени. Пахло какими-то цветами и сыростью. А глубоко внизу, под обрывом, клубилась пелена

океанских волн. Зеленоватые валы накатывались на скалы и с шумом разбивались о камни. По временам ветер доносил до нас прохладный туман брызг.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой я ссорюсь со своими приятелями

Разумеется, мы прежде всего обследовали остров. Он оказался довольно большим и совершенно необитаемым. Густой тропический лес, скалы, тихие лагуны с прозрачной водой, в которой сверкали рыбы, теплый песок на берегу лагун — все было просто роскошно!

Усталые, изнемогающие от жары, но совершенно счастливые, мы, наконец, решили отдохнуть в тенистом ущелье, увитом какой-то зеленью.

— Хорошо бы чего-нибудь холодненького сейчас! — сказала Мила, садясь на камень.

Вы, наверное, догадались, что я сделал. Мои приятели только слабо ахнули, увидев, как в ущелье вдруг появились круглый стол и три удобных

мягких кресла. На столе стояли вазочки с мороженым и большая ваза пирожных!

Это был настоящий пир. Таких сладких и вкусных вещей я не ел никогда в жизни. А кругом пели, свистели и щелкали птицы, мощно шумел прибой, и бесчисленное количество солнечных зайчиков сверкало в волнах океана.

— Больше не могу, объелась, — сказала Мила, блаженно откидываясь на спинку кресла. — Ребята, а мне нравится такая жизнь.

— Еще бы! — усмехнулся я.

— Вот так бы каждый день, — потянулся в кресле Юрка.

— Ну, каждый день, я думаю, надоест, — вздохнула Мила.

— Ничего, можно привыкнуть, это не алгебра, — сказал я.

Мы помолчали, прислушиваясь к шуму прибоя.

— А что мы теперь будем делать? — спросил Юра.

— Ничего! — сказал я.

Они недоуменно переглянулись.

— То есть как?.. — Мила посмотрела на меня своими широко открытыми серыми глазами.

— А просто так: ни-че-го! Мы зачем сюда попали? Чтоб отдохнуть от работы — ведь правда?

— А-а... — разочарованно протянула она.

Юрка почесал черным пальцем кончик черного носа и проворчал:

— Странно... Что ж, мы теперь должны вот так сидеть, и... все?

— Угу, — не очень уверенно сказал я.

Должен честно признаться, что и самому мне сидеть без движения было не очень приятно, но теперь отступить было поздно, и я продолжал:

— А вам что, не нравится, что ли?

Мила снова взглянула на мрачного Юрку и тихонько проговорила:

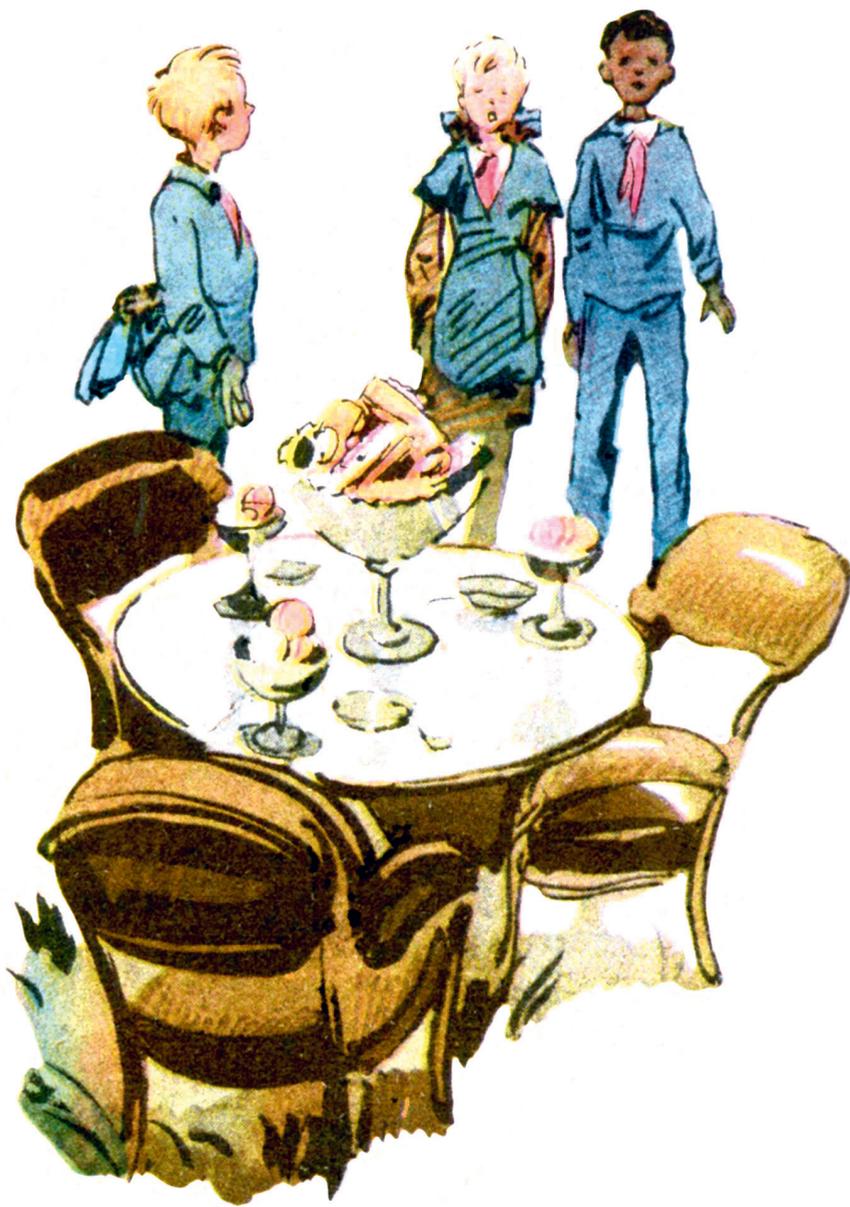
— Н-нет... В общем, нравится...

— Нравится, да не очень, — проворчал Юрка.

Мы умолкли. В тишине было слышно, как внизу шумит океан. Огромная птица с многоцветным, как у павлина, хвостом села на краешек скалы и, склонив голову, рассматривала нас круглым глазом. Мы тоже молча рассматривали ее.

Это длилось долго. Наконец я почувствовал, что мои глаза заволакивает туман, а птица начинает двоиться и троиться. Я начал клевать носом. Но тут Мила вскочила, вспугнув длиннохвостую птицу, и сказала:

— Ребята, вот там среди камней ручеек. Я помою посуду.

Мои приятели только слабо ахнули, увидев, как в ущелье вдруг появились круглый стол и три удобных мягких кресла. На столе стояли вазочки с мороженым и большая ваза пирожных

Она собрала хрустальные вазочки и отправилась к ручейку. А я тем временем незаметно махнул платком и увидел, что Мила вдруг остановилась.

— Чего ты стала? — крикнул ей Юрка.

— Понимаешь, посуда уже чистая...

Она вернулась к нам, подозрительно глядя на меня.

— Это опять твои фокусы, Борис?

— Ладно, садись, Мила, — махнул Юрка рукой.

Мы опять надолго замолчали. Мила ворочалась в кресле, кряхтела и в конце концов опять не выдержала:

— Борик, мы тут намусорили на камнях... — Она умоляюще посмотрела на меня. — Можно, я подмету?

Я пожал плечами. Она подняла сухую пальмовую ветку и приготовилась подметать. Но я опять слегка тряхнул платком, который держал в опущенной руке.

— Ну, это уже безобразие! — закричала Мила, отшвыривая ветку. — Весь мусор исчез!

— Красота!.. — без всякого вдохновения проговорил Юрка. — Борька, довольно дурить, идемте ловить рыбу.

Мила запрыгала на месте и захлопала в ладоши:

— Ловить рыбу! Ловить рыбу!

— Зачем? — спросил я.

— Чтобы приготовить обед, — убеждала она меня. — Не можем же мы обедать мороженым! Тут одни сладости, Борик.

Я покачал головой.

— Ловить рыбу — это уже работа. А на этом острове никто не работает. Вот вам...

И к их ногам, неизвестно откуда, свалилась огромная серебристая рыба.

— О-о-о!.. — в один голос разочарованно протянули Мила и Юрка.

— Вам не нравится эта рыба? — спросил я.

— Нет, нравится... Только, Борик, разреши мне, пожалуйста, ее зажарить. — В серых глазах Милы светилась самая искренняя мольба. — Пожалуйста, Борик! Я хорошо умею жарить рыбу.

— Когда будет нужно, она сама зажарится...

— Довольно! — вдруг закричал Юрка, вскакивая с кресла. — Надоели мне твои фокусы! Мила, идем ловить рыбу!

— Идем, Юрик, — обрадовалась она.

— А твой судак нам не нужен! — Юрка схватил рыбу за раздувающиеся жабры и швырнул с обрыва.

— Идите, пожалуйста, я вас не задержу... — пожал я плечами, глядя, как они спускаются со скалы. — Эй, стойте! А чем вы будете ловить? Хотите, я вам сделаю сети или удочки?

— Сами сделаем! — ответил Юрка, цепляясь за камни.

— Сумасшедшие, в океане жуткие волны! Слышите, как там свистит ветер? Вы утонете?

Мила ответила громко и радостно:

— Пускай ветер, пускай буря! Лучше буря, чем ничего не делать!

Они скрылись за выступом скалы, но я еще долго слышал тонкий голосок Милы, которая весело распевала:

Будет буря, мы поспорим
И поборемся мы с ней...

Мне было невыразимо скучно. Чтобы как-нибудь скоротать время, я сотворил для себя еще несколько пирожных. Но они не полезли в рот. Мне захотелось пить, и на несколько минут я развлек себя тем, что пустил из скалы шумный и звонкий фонтан нарзана. Вода была вкусная и холодная, и я пил ее до тех пор, пока не почувствовал, что живот стал тугим, как барабан. Я сел в кресло, наблюдая, как пенится сбегаящий в океан ручеек, и в конце концов заснул.

Проснулся я от толчка в плечо и вздрогнул, увидев черное лицо Юрки, освещенное красноватыми отблесками костра. Был вечер. Далеко в океане, за линией горизонта, чуть-чуть розовело небо.

Мила хлопотала у костра. Приятно пахло дымком и жареной рыбой.

— Если так долго сидеть на одном месте, у тебя ноги совсем отсохнут. Вставай, вставай, волшебник!

Юрка помог мне добраться до костра. У меня было такое ощущение, словно мое тело несколько часов подряд колотили палками.

— Вы ловили рыбу? — спросил я. — А волны?

— А мы поворошили мозгами и придумали. Мы ловили рыбу в лагуне моей рубашкой. Потрогай, она еще мокрая. В океане волны, а в лагуне совсем тихо.

— Накупались, наплавались! — живо говорила Мила. — Вода такая хорошая, теплая!

— Накупались, — с завистью сказал я. — А меня не могли позвать?

— Так ведь плавать — это тоже работа! — расхохотался Юрка и язвительно прибавил: — Впрочем, если ничего не умеешь делать, то поневоле будешь бездельничать.

— Кто ничего не умеет делать? — возмутился я.

Мила посмотрела на меня так, словно видела меня впервые.

Мне было невыразимо скучно

— Борик, а что ты умеешь делать?
— Фокусы... — быстро выпалил Юрка.

Мое самолюбие было задето.

— Я все умею делать! А вот интересно, что ты, Юрка, сам умеешь делать?

Он развел руками:

— Ну, всего, конечно, как ты, я не умею...

Мила с укором сказала мне:

— Борик, он у нас молодец! Смотри, какой он устроил костер.

— Подумаешь, костер! Разве так дрова кладут? Нет никакого притока воздуха.

— Покажи, как надо! — запальчиво крикнул Юрка.

— Пожалуйста, могу показать...

Я начал показывать, и костер, конечно, очень скоро погас.

— Хм... — смущенно пробормотал я. — Дрова сырые. Дайте спички...

— Спичек нет, — кусая губы от сдерживаемого смеха, проговорила

Мила.

— Хм... Сейчас я сделаю спички.

— Опять фокус? — подозрительно спросил Юрка. — А ты без фокуса.

— Без фокуса? Хорошо, дайте подумать... Ну, ясно, чтобы добыть огонь, нужно увеличительное стекло.

— Чем ты думаешь, Борька? Во-первых, увеличительного стекла нет, а во-вторых, если бы оно даже и было, то что бы ты с ним стал делать, когда солнце уже зашло?

— В таком случае... — лихорадочно соображал я, — в таком случае можно добыть огонь при помощи трения дерева о дерево.

— Потри попробуй!

Я неуверенно взял две ветки и минут пять тер их одну о другую. Меня все больше раздражали молчаливые улыбки приятелей. До боли стиснув зубы, напрягая силы и покрываясь потом, я все тер и тер. А проклятые ветки даже не сделались теплыми. Шумел океан, ясные и крупные звезды блестели в вышине, ухала в темноте какая-то птица.

— Не мучайся, — сказал наконец мне Юрка.

— Это дерево не годится, — отбросил я ветки и расстегнул воротник на взмокшей рубашке.

Он подошел ко мне и покачал головой.

— С твоим терпением никакое дерево не загорится. — Он улыбнулся, и на его темном лице блеснули зубы. — Я читал, что дикари на добычу огня таким способом тратили много часов. Но есть способ и попроще. Видишь вот этот сухой нарост на дереве?

— Ну?

— Это называется трут. Берем немножко трута... Смотри, вот так... Кладем в костер. Теперь я этой железкой и камнем высекаю искру...

Костер задымился, вспыхнуло пламя, и вокруг нас заплясали тени. Юрка снова приблизил ко мне свое лицо.

— Понял?

Я был посрамлен и оттолкнул его довольно грубо.

— Чего ты толкаешься?

Я молчал.

— Слышишь, ты чего толкаешься? — вскипел Юрка.

— Я тебя еще не так толкну! — вспыхнул и я.

— А ну толкни, толкни!

— Ребята, перестаньте! — закричала Мила, вскакивая, но мы уже сцепились и рухнули на землю.

Я сразу почувствовал, что чернолицый Юрка сильнее меня. Он прижал мои лопатки к камням, и один из них так больно впился в мою спину, что я взвизгнул:

— Пусти, Юрка!

— Ну то-то! — уже миролюбиво проговорил тот, поднимаясь и отряхиваясь.

— Борик, иди к костру, — позвала Мила.

— Не хочу, — сказал я. — Скучно все это... Ребята, давайте придумаем что-нибудь интересное.

Они посмотрели на меня заинтересованно.

— Что?

— Какое-нибудь интересное приключение. Стойте! Я уже придумал.

Да, это был удивительный платок! Едва я махнул им, как засвистел ветер, и в ярком свете выплывшей из-за леса луны мы увидели в океане корабль. Ветер бил в раздувавшиеся паруса, и корабль швыряло с волны на волну, как скорлупу. Черный флаг с белым черепом и скрещенными костями развивался на мачте.

Ни слова не говоря друг другу, мы побежали к обрыву. Первой заговорила Мила:

— Какой страшный флаг!

— Это, конечно, пираты? — посмотрел на меня Юрка.

— «Калоша Дьявола», — сказал я. — Это самые страшные пираты мира! Гроза южных морей. Ребята, вот это приключение!..

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой мы попадаем в плен к пиратам

— Ой, ой! — вдруг закричала Мила. — Смотрите, ребята, волны несут корабль прямо на камни! Он сейчас разобьется!

Молча и быстро, царапая до крови руки, мы начали спускаться со скалы.

Внизу на камнях пенился ревущий океан. А дальше на волнах шевелилась широкая дорога. Темный силуэт корабля стремительно пересек эту дорогу и скрылся за изгибом острова. А еще через минуту мы услышали глухой удар и пронзительный треск ломающегося дерева.

Внизу мы сняли ботинки и побежали по песку. Нагретый за день солнцем, он все еще был теплым.

Потом нам пришлось вброд перейти через маленький заливчик. От океана его отделяла гряда рифов, на которых ревели и разбивались могучие волны.

За поворотом мы увидели корабль. Он лежал на камнях, и океанские волны перекатывались через него. Черные фигуры людей сновали по берегу.

Они что-то спасали с погибшего корабля, волны

сбивали их с ног, но они поднимались и снова что-то тянули. Мне показалось, что это была бочка.

Наконец пираты выбрались на сухое место. Теперь нам хорошо были видны в лунном свете крепкие фигуры этих людей. Их было пятеро.

— А что, если они увидят нас? — наклонилась ко мне Мила, сясь перекричать шум прибоя.

— Пускай увидят. Не страшно!

Но на самом деле мне стало очень страшно, когда я увидел, что пираты двинулись в нашу сторону. Мы пустились наутек, в заливишке я споткнулся о подводный камень и с головой окунулся в солонатовую воду. Ребята помогли мне выбраться на песок в ту минуту, когда пираты подошли к заливику.

Задыхаясь от волнения и быстрого бега, мы домчались до скалы и начали подниматься вверх. Мокрая одежда хлюпала и мешала мне. Я скользил на камнях и срывался.

— Скорей, скорей! — торопила Мила, насмерть перепуганная этим неожиданным приключением.

Можете представить наш ужас, когда мы увидели, что следом за нами к нашему костру поднимаются и пираты! Но тут я подумал: «А чего я боюсь? Ведь у меня есть волшебный платок!» Я сунул руку в карман и крепко сжал платок в кулаке. Другой рукой я неторопливо подбросил в костер хворосту и совсем спокойно взглянул на подходящих к нам морских разбойников.

Впереди выступал в полосатой тельняшке и в высоких ботфортах плечистый мужчина с рыжими бакенбардами. Я сразу узнал его. Он приближался к нам, держась за пояс, на котором висел большой изогнутый нож. Пламя костра сверкало в его черных глазах. Я сделал шаг ему навстречу.

Пират остановился, снял с головы блестящую клеенчатую шляпу и сказал хриловатым басом:

— Бедные моряки, потерпевшие кораблекрушение у этих берегов, приветствуют юную леди и юного джентльмена.

Он сделал знак остальным четырем пиратам, и все они также стянули со своих голов клеенчатые шляпы и поклонились нам. Они были один страшнее другого — точно такие были нарисованы у меня в моей приключенческой книжке.

— Здравствуйте, Рыжий Пес! — сказал я.

— О-ля-ля! — воскликнул пират с рыжими бакенбардами. — Юный джентльмен знает мое имя?

— Я читал о вас в книге.

Впереди выступал в полосатой тельняшке и в высоких ботфортах плечистый мужчина с рыжими бакенбардами

Пират остановился, снял с головы блестящую клеенчатую шляпу и сказал хрипловатым басом

Рыжий Пес взглянул на своих спутников и горделиво потрянул гривой рыжих волос.

— Тысяча чертей и одна ведьма! Я всегда был уверен, что мое имя переживет меня!

— А это Рваное Ухо, — указал я на коренастого пирата с большим оттопыренным ухом, в котором отсутствовала мочка.

— Вы точно смотрели в воду, сэр! — кашлянул он.

— А это Кошачий Зуб! — продолжал я.

Низенький человек с большим носом и тонкими усами неопределенно хмыкнул.

— А вас, кажется, зовут Кривой Ногой? — сказал я пирату со смуглым восточным лицом, в ухе которого покачивалась серьга.

— Так точно, сэр.

— А меня, сэр? — почтительно склонился огромный человек с черной повязкой, закрывающей один глаз.

— Одноглазый!

— Ха! — восторженно воскликнул он.

Как я потом убедился, этим коротким словом он выражал восторг, и недоумение, и все другие свои чувства.

Пираты склонились к своему капитану и о чем-то пошушукались. У Рваного Уха был такой громкий и свистящий шепот, что, когда он заговорил, мне сразу стало ясно, что их всех беспокоит.

— Капитан, — шипел человек с расплюснутым ухом. — Нет ли здесь подвоха? Может быть, этих детей нарочно выпустили на нас и, пока мы точим с ними лясы, нас окружит стража?

— Молчи, Рваное Ухо! — пробасил Рыжий Пес, небрежно отталкивая его. — Ты всегда был трусом. Посмотри, девочка, кажется, сама трясется от страха. Сейчас мы все выясним.

Держа в руках шляпу, капитан сделал шаг вперед и продолжал, обращаясь к нам:

— Не скажут ли молодая леди и юный джентльмен, где находятся их достопочтенные родители? Клянусь брюхом акулы, нам не терпится засвидетельствовать им свое почтение.

— Это невозможно, капитан, — сказал я.

— Почему, сэр? Разве нельзя послать за родителями вашего слугу? — и Рыжий Пес ткнул пальцем в чернолицего Юрку.

— Я не слуга! — вздрогнул Юрка.

— Молчи, бой! — рявкнул Рыжий Пес. — Клянусь брюхом акулы, ваш чернокожий дьяволенок не умеет разговаривать с господами!

— Что? — вдруг громко вскрикнула Мила, которая до сих пор робко жалась к скале. — Он не дьяволенок, а наш хороший товарищ! И вы не имеете права так называть его!

Она говорила все это очень быстро, наступая на Рыжего Пса и размахивая руками перед самым его носом. Я никогда не видел Милу такой сердитой.

Капитан отмахнулся от нее, как отмахиваются от назойливой мухи, пожал плечами и расхохотался.

— Не вижу ничего смешного! — кричала рассерженная Мила.

Рыжий Пес с любопытством рассматривал ее. Он даже отступил на один шаг.

— Прошу прощения, миледи. Я обошел на своей лоханке полсвета, пока она не разбилась на этих проклятых рифах, но я никогда не видел, чтобы белые дружили с черными.

Я потянул Милу за рукав и сказал пирату:

— Видите ли, Рыжий Пес, есть другие полсвета, где дружат все люди.

— Но не хотел бы я туда попасть!

— А вас туда и не просят! — громко выпалила Мила.

Стоявший в отдалении и не перестававший что-то жевать Кошачий Зуб невнятно пробормотал:

— Не могу сказать, что хозяева гостеприимно встречают своих гостей.

— А пусть гости не обижают хозяев! — не унималась Мила.

— Ха! — словно выстрелил Одноглазый. — Разве черные могут быть хозяевами?

Он стоял перед нами, расставив ноги в ботфортах и уперев руки в бока.

— Такими же, как белые! — резко проговорил Юрка, заражаясь горячностью Милы.

— Ха!

Человек с серьгой в ухе неторопливо подошел к капитану, припадая на одну ногу.

— Капитан, не вздернуть ли нам негритенка на этой пальме?

— Не торопись, Кривая Нога, всему свой черед, — поморщился Рыжий Пес и, заметив, что я их слушаю, сладко улыбнулся мне: — Скажите же, сэр, как нам повидать ваших родителей?

— наших родителей нет на этом острове, — ответил я простодушно. — Мы здесь одни.

Это было непростительной глупостью. Пираты переглянулись, а Кошачий Зуб зажевал что-то еще быстрее.

— Вы жуеете табак? — наконец сообразил я, с интересом наблюдая, как перекатываются под его загорелой кожей желваки и смешно топорщатся усы.

— Так точно, сэр... — заулыбался Кошачий Зуб.

— Так я и думал! — сказал я Миле и Юрке. — Настоящие морские волки всегда жуют табак и курят трубки.

Мягко ступая на носках, как будто крадучись, ко мне подошел Кошачий Зуб. Я уже заметил, что все его движения были легкими и даже грациозными.

Он очень походил на артиста балета. Церемонно кланяясь мне, Кошачий Зуб проговорил мурлыкающим, грудным голосом:

— Хотите попробовать, сэр? Чудесный табачок, сэр! Всегда такое ощущение, точно у тебя во рту ночевали лошади.

Пираты захохотали дружно и громко.

— Нет... не надо... — сказал я. — Спасибо...

Кривая Нога протянул мне дымящуюся трубку.

— Может быть, вам дать мою трубочку, сэр? Две-три затяжки, и у вас будет такое блаженное состояние, словно вы наглотались гвоздей пополам с паукам и пиявками.

— Нет... спасибо...

— Ха! — проговорил Одноглазый. — Молодой джентльмен не жуеет и не курит табак. Зато он любит, наверное, этот напиток, сладкий, как змеиный яд!

Одноглазый протянул мне большую фляжку.

— Вино? — догадался я.

— Нет, сэр! Ром! Отхлебните, сэр. Нам удалось спасти целый бочонок. Чем больше пьешь, тем короче путь на кладбище.

Я отстранил рукой фляжку, которую Одноглазый держал у моих губ, и покачал головой:

— Я не тороплюсь на кладбище.

Пираты снова расхохотались.

Рыжий Пес издал вдруг какой-то странный шипящий звук. В ту же секунду пираты бросились на нас и скрутили нам руки. Я слышал, как громко стонала Мила и как кряхтел и сопел, отбиваясь от пиратов. Юрка.

— Пустите! — что было сил закричал я. — Вы не имеете права!

— Ха! — усмехнулся Одноглазый, связывая мне руки.

Он приблизил свой единственный глаз к моему лицу, и я увидел в черном зрачке столько ярости и жестокости, что почувствовал, как весь холодею от ужаса.

ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой все оборачивается самым неожиданным образом

— Юную леди и юного джентльмена привязать к пальмам! А негритенка — ко мне! — приказал Рыжий Пес.

Меня и Милу крепко прикрутили к деревьям. Рыжий Пес тем временем важно опустился в кресло, и к его ногам швырнули бедного Юрку. Рыжий Пес торжественно пробасил:

— За белых птенцов, пираты, мы потребуем хороший выкуп — мешок денег! А ты, негритенок, будешь служить мне. Слушайте все! Я назначаю себя губернатором этого острова. Ура губернатору!

— Ура-а!.. — заорали пираты.

И где-то в скалах откликнулось раскатистое эхо. В темноте в недалеком лесу шумно вспорхнула стая испуганных птиц.

— Мы вас не признаем губернатором! — крикнула Мила.

— Воркуйте, воркуйте, птенчики! Клянусь брюхом акулы, это только услаждает мой слух! — посмеивался Рыжий Пес.

Пираты по-хозяйски расположились на нашей площадке и съели зажаренную на костре рыбу, запивая ее ромом. По мере того как эти страшные люди отхлебывали из своих фляжек, они делались все развязней и болтливей и, наконец, запели песню:

Чтобы сладко есть и пить,
Без труда на свете жить,
Нужно денежки добыть,
Ой-ха-ха!..

А чтоб денежки добыть,
Нужно лишь пиратом быть,
Обмануть, украсть, убить,
Ой-ха-ха!..

От свирепых голосов и дикого смеха мороз продирает по коже. В конце концов они перепились и захрапели.

— Ах, если бы у меня были свободными руки! — зашептал я своим товарищам. — Юрка, ты не можешь каким-нибудь образом развязать нас с Милой?

— Не могу, — простонал он из темноты.

Луна закатилась, костер погас, и вокруг нас черной плотной стеной стоял мрак. Все потонуло в этой непроницаемой и жуткой темноте.

— Юрка, — умоляя я, — попробуй как-нибудь доползти до нас.

Я слышал, как он вздохнул.

— Рыжий Пес привязал меня к своей ноге...

Мила тихонько всхлипывала:

— Противный, Борька... Зачем ты нас затащил на этот гадкий остров?

Что я мог ответить? Я молчал, глотая слезы обиды и бессильной злобы.

Под конец я задремал, уронив голову на грудь.

Проснулся я от зычного крика Рыжего Пса. Было светло. Солнце сверкало в синих волнах океана, снова свистели и щелкали в лесных зарослях птицы.

Пираты сустились на площадке. Рыжий Пес сидел в кресле, величественно поглядывая на стоявшего перед ним на коленях Юрку. Я заметил, что руки у Юрки были уже развязаны.

— Может быть, ты тоже не признаешь меня губернатором? — спросил Рыжий Пес, расчесывая свои огненные бакенбарды серебряной гребенкой.

— Я вас презираю! — страстно и громко воскликнул Юрка.

Рыжий Пес вскочил, и его красный нос побагровел еще больше.

— Чисти мои сапоги, бой!

— Ха! — прищелкнул языком Одноглазый.

Все пираты столпились вокруг Юрки.

— Чистить ваши сапоги? — качнул Юрка курчавой головой. — Да ни за что!

Я просто обомлел от его храбрости и только ахнул, когда увидел, как он преспокойно плюнул на сапог капитана.

Рыжий Пес отшвырнул Юрку ногой и заревел, словно бык:

— Вздернуть чернокожего на эту рею! — И он указал пальцем на дерево.

Пираты подхватили Юрку на руки, набросили на его шею петлю и, похотывая, потащили к пальме.

— Боря!.. — истерически закричала Мила.

— Рыжий Пес, не смей! — Я задыхался от волнения. — Слышите, не смейте! Ох, если бы у меня были свободными руки!

Пираты расхохотались. Вообще, как я заметил, они хохотали по всякому поводу и даже без повода.

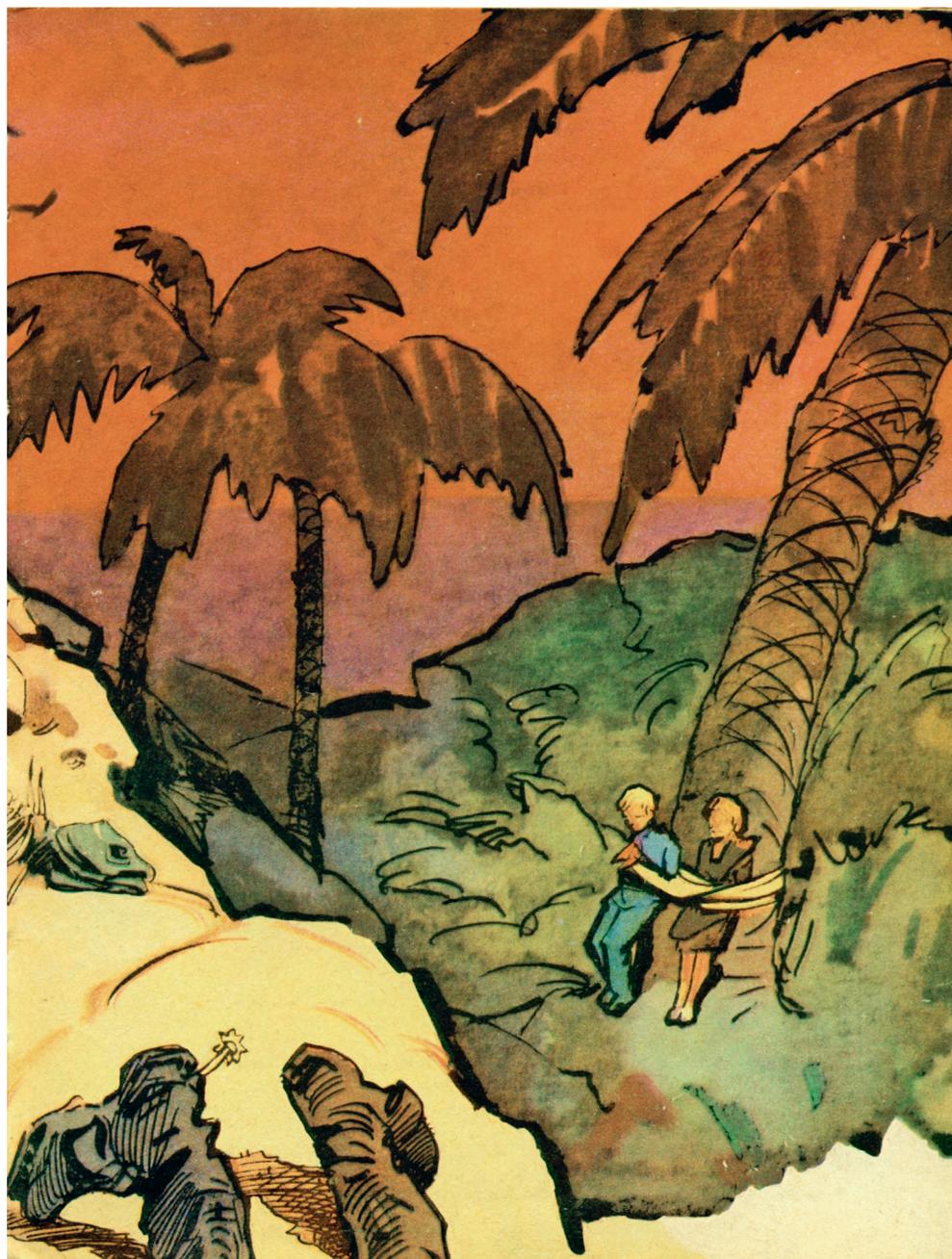
Ко мне подошел одноглазый и больно потянул за ухо.

— Уж не думаешь ли ты, птенец, что если бы у тебя были свободными руки, то ты поколотил бы его превосходительство нашего губернатора?

— И еще как поколотил бы!

*Пираты по-хозяйски расположились на нашей площадке
и съели зажаренную на костре рыбу, запивая ее ромом.*

*По мере того как эти страшные люди
отхлебывали из своих фляжек*

Они, конечно, не могли отнестись к моим словам всерьез и опять захохотали, хватаясь за животы и приседая.

— Ваше превосходительство, — давясь смехом, с трудом выговорил Кошачий Зуб, — вам сделали вызов! Бокс! Восемь раундов!

У Рыжего Пса от смеха выступили слезы. Он вытер глаза кулаком и поднес его к моему носу.

— Тысяча чертей и одна ведьма! Мне это нравится! Клянусь брюхом акулы, это будет самое веселое представление в мире! Ну-ка, развяжите птенцов!

Потирая затекшие руки, я незаметно махнул волшебным платком и прошептал:

— Хочу быть сильным и непобедимым.

Пираты, посмеиваясь, расчищали от сучьев площадку, а Мила и Юра в это время поражённо шептали мне:

— Ты сошел с ума, Борька!

— Он убьет тебя одним ударом!

— Посмотрим!.. — сказал я и пошел навстречу Рыжему Псу.

— Внимание! — пробасил капитан. — Сейчас начнется представление! Мальчишка! Слышишь, мальчишка? Знаешь ли ты, что в Лос-Анжелесе и в Рио-де-Жанейро я дважды побил Шестипалого Джека?

— Знать не знаю никаких Шестипалых и не понимаю, зачем вы хвастаетесь, Рыжий Пес, — сказал я, глядя прямо в его глаза. — Наверно, вы боитесь, что я вас побью!

— Я боюсь? — взревел Рыжий Пес. — Смотри сюда, мальчишка!

Плечистый, рыжеволосый, он подошел к большому, величиной с одноэтажный дом, замшелому камню. Этот камень словно врос в землю на краю обрыва.

Напрягаясь и тяжело дыша, Рыжий Пес попытался сдвинуть его с места плечом.

Конечно, это было ему не под силу. Однако он сказал, вытирая пот с красного лица:

— Ты видишь, этот камень сдвинулся с места. Неужели тебе не страшно, мальчишка?

— Что же тут особенного? — пожал я плечами и, засучив рукава, показал пиратам свой указательный палец. — Вы видите этот палец? Так... Теперь смотрите...

Я подошел к обрыву и совсем легонько ткнул камень пальцем. Земля зашевелилась у нас под ногами — это камень вывернул целые пласты песка и глины. Сначала медленно, словно нехотя, камень перевернулся два раза вокруг себя, а затем с оглушающим грохотом, сбивая и увлекая

за собой другие камни, полетел в океан. Было слышно, как внизу всплеснулись волны, и каскад брызг взметнулся до самой площадки.

— Ха! — сказал в наступившей тишине Одноглазый.

— Вот это волшебство! — тихонько вскрикнула Мила.

Все пираты были в замешательстве. Но тут Кошачий Зуб крикнул:

— Случайность! Самая обыкновенная случайность, уверяю вас. Губернатор сдвинул камень, и он уже держался на волоске!

— Конечно, случайность, ваше превосходительство, — подтвердил Рваное Ухо. — Разве по силам птенцу опрокидывать скалы?

Рыжий Пес наконец пришел в себя от изумления.

— Тысяча чертей и одна ведьма! Если мальчишка действительно силен, то тем приятнее будет его поколотить!

— На ринг, на ринг! — хрипло закричали пираты.

— Держись, Борис! — шепнул мне Юрка подбадривающе.

Мила задержала меня и сказала умоляюще:

— Борик, может быть, лучше отказаться?

— Отказаться? — сжал я кулаки. — Нет уж, тысяча чертей и одна ведьма!

Все умолкли. Мы сошлись с Рыжим Псом в самом центре площадки и, как это делают настоящие боксеры перед началом боя, пожали друг другу руки. Когда я протягивал ему руку, то видел над собой могучую гору в полосатой тельняшке, увенчанную рыжей растительностью. Но вдруг эта гора присела и завизжала:

— Ай-ай!.. Не могу! Ой, больно!.. О, моя бедная рука! Отпусти же мою руку, мальчик!

Я отпустил его руку, и он отпрянул от меня, пританцовывая от боли и дря на пальцы.

— Что случилось, Рыжий Пес? — спросил кто-то из пиратов.

— У этого мальчишки не руки, а клещи!.. Сейчас я его нокаутирую!

Он сделал молниеносный выпад и с силой ударил меня в левую скулу. Но как это ни странно, я не почувствовал этого удара, а Рыжий Пес отлетел на несколько метров, словно наткнулся на стену.

Все безмолвствовали.

— Ничего не понимаю... — бормотал Рыжий Пес, потирая кулак.

— Ты боишься его, Рыжий Пес? — сказал Кошачий Зуб.

— Что? — заревел капитан. — Я его боюсь? Я сделаю сейчас из него медузу!

Как бык, наклонив голову и вращая налившимися кровью глазами, он двинулся на меня. Честное слово, я стукнул его совсем не сильно. Но Рыжий Пес пролетел через всю площадку, сбив с ног Кривую Ногу, и

*Как бык, наклонив голову и вращая налившимися
кровью глазами, он двинулся на меня*

плашмя грохнулся на камни. Я видел, как безмолвные, потрясенные пираты склонились над ним и разжимали стиснутые зубы, чтобы влить в рот глоток рома.

Мила подпрыгивала возле меня на одном месте, не в силах сдержать своего восторга.

— Ты самый сильный человек на свете, Борик!

Юрка изумленно заглядывал мне в лицо.

— Как ты все это делаешь, Борька?

Я не успел ответить, потому что услышал за спиной крадущиеся шаги и оглянулся. Вынув кривые ножи и свирепо вращая глазами, на нас наступали четверо пиратов. Рыжий Пес сидел в отдалении и указывал на меня пальцем.

Я смело принял этот неравный бой. Через несколько секунд четыре морских разбойника валялись на камнях.

— Ага, получили?! — закричала Мила.

Один за другим, трусливо оглядываясь, пираты уползли за обрыв.

ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой Кошачий Зуб предлагает мне быть капитаном пиратов

— Полная победа, ребята! Небось, больше не явятся! — сказал я и, обняв Юрку и Милу, положил им на плечи руки. А это мне никак нельзя было делать, потому что оба они в ту же секунду полетели на землю.

— Чего вы? — обескуражено спросил я.

Они поднялись, потирая плечи.

— Что ты положил нам на плечи?

— Руки...

— Это не руки, а какие-то железные рельсы.

Только теперь я начал понимать по-настоящему, что обладаю невероятной, нечеловеческой силой. Я пощупал свои пальцы, локти, мускулы — казалось, что все было таким же, как всегда. В рассеянности я оперся на пальму. Дерево затрещало и переломилось, словно спичка. Оно с шумом рухнуло на площадку, накрыв своими ветками Милу. Я хотел помочь ей подняться, но она живо вскочила на ноги и бросилась от меня наутек.

— Борис, это невозможно!

— Да, да, Борька, так нельзя! — крикнул мне Юрка, высовывая лицо из-за скалы. — Не подходи ко мне, пожалуйста. Стань сначала таким, как прежде.

Я отлично понимал, что так продолжаться не может, и, превратив себя в обычного человека, бросил волшебный платок на ствол упавшей пальмы.

— Ребята, идите сюда, я теперь такой же, как всегда.

Они осторожно приблизились и ощупали меня.

— Да, теперь ты, кажется, похож на человека, — успокоено проговорил Юрка. — Объясни, наконец, как ты все это устроишь.

— Очень просто... — сказал я. — Но согласитесь сначала, что волшебником быть очень приятно!

Они промолчали.

— Чего вы молчите?

— Как бы тебе сказать?.. — задумчиво сказал Юрка. — Мне понравилось, как ты колотил... Но...

— Что «но»?

— Но ведь так бывает только в сказке.

— Совершенно правильно, — оживилась Мила. — А в настоящей жизни до всего надо доходить вот этим. — Она показала на свой лоб. — И вот этим, — и она показала на свои руки.

— Да ну вас! — рассердился я. — Смотрите, какие птицы полетели!

Это была стая красивых длиннохвосток с разноцветными перьями.

Они промелькнули над нами с певучим клекотом и скрылись в лесу.

— Мы уже видели одну такую, — сказал Юрка. — Очень похожи на павлинов. Наверно, у них вкусное мясо. Вот бы поймать и изжарить на костре!

Я полез в карман за волшебным платком, совсем позабыв о том, что он лежит на стволе пальмы.

— Пожалуйста... Сейчас эта птица свалится к твоим ногам.

— Стой, Борька! — остановил он меня. — Ты хочешь опять сделать какой-нибудь фокус? А что, если мы поймем ее, как настоящие робинзоны?

— А как же мы поймем эту птицу, Юрка?

— В силок.

Я отошел в сторонку и начал придумывать схему силка. Но в это время Юрка крикнул:

— Вот и все! — и показал мне небольшую веревочку с петлей.

— Только и всего? — Я был разочарован. — Хм... У меня получается побольше.

Я показал Миле и Юрке свою схему, которую начал чертить на площадке.

Они переглянулись и рассмеялись.

- В такой силок, Борька, надо ловить не птиц, а диких слонов.
— Смешной ты, Борик, — вздохнула Мила, с улыбкой глядя на меня. — Ничего-то ты не умеешь.
— Это я не умею? — взорвался я.
— Ты только не сердись... Я же по-дружески...
— Хватит! Надоели мне ваши нотации.

В эту минуту мы отчетливо услышали страшную песню пиратов и умолкли. Я подбежал к обрыву. Морские разбойники сидели на песке и отхлебывали из фляжек. Океан был спокойным, как ягненок. Там, где недавно kloкотал прибой, чуть-чуть шевелились ленивые и прозрачные волны.

Я видел, как Кошачий Зуб сделал какой-то знак Одноглазому и отполз в сторону. Одноглазый загородил от него Рыжего Пса.

— Кошачий Зуб опять лезет к нам, — зашептала возле моего уха Мила. — Боря, мне это надоело!

— Да, Борька, пора домой, — опасливо вглядываясь в приближающегося пирата, сказал Юрка. — Дома, наверно, уже беспокоятся.

— Погодите, ребята... Смотрите. В руках у Кошачьего Зуба белый флаг. Они предлагают нам мир?

— А ну их! — топнула ногой Мила.

— Нет, это интересно, что они нам скажут. Давайте послушаем.

— Только ты на всякий случай опять стань сильным, — предложил Юра.

— Что ты! Теперь они и так будут меня бояться! — небрежно сказал я.

Мы отошли в сторону. Сначала из-за камней высунулся белый флаг, а затем показалась усатая физиономия Кошачьего Зуба. Увидев нас, он умиленно и почтительно заулыбался.

— Сэр! Я прислан к вам как парламентар.

— Вижу, — сурово сказал я. — Что вам надо?

Он по-прежнему жевал табак. И, переложив его языком из-за щеки за щеку, с той же почтительностью продолжал:

— Сэр! Я уполномочен сделать вам чрезвычайно важное предложение.

— Я слушаю.

Он вылез на площадку и сел на камень.

— Видите ли, сэр... Разговор должен быть секретным.

Я посмотрел на приятелей и понял, что они встревожены.

— Не беспокойтесь, ребята...

Грациозно изгибаясь, Кошачий Зуб приблизился ко мне, ступая на носках.

— Сядем, сэр...

Мы сели на ствол пальмы.

Юрка и Мила скрылись в ущелье.

— Если что — свистни! — крикнул мне издали Юрка.

— Если только вы... — предостерегающе сказал я.

Кошачий Зуб испуганно отодвинулся, подвигав в подобострастной улыбке свои кошачьи усы.

— Что вы, что вы, сэр!

— Я вас слушаю.

— Мы признаем вашу полную непобедимость, сэр, и предлагаем вам быть нашим капитаном!

Я смотрел на него во все глаза.

— Что? Я — вашим капитаном?

— Да, сэр.

— У вас есть капитан.

— Рыжий Пес? Мы убьем его, сэр, — спокойно сказал Кошачий Зуб.

Тут я даже привскочил.

— Убьете своего товарища? Да как же вам не совестно говорить это?

Кошачий Зуб сделал какое-то изящное движение рукой.

— Таков закон жизни, сэр. Сильные бьют слабых. Рыжий Пес свое уже сделал. Мы держали его, пока он был нужен, но теперь он сыграет в ящик, сэр! Он не захочет уйти по доброй воле, и нам придется его убраться. Да, сэр, таков закон жизни!

— Это какой-то... звериный закон! — возмутился я.

Кошачий Зуб посмотрел на меня со снисходительной улыбкой.

— Будем откровенны, сэр, как джентльмен с джентльменом... Мы живем для того, сэр, чтобы поменьше работать, но иметь побольше!

Он говорил все это, пережевывая табак и поглаживая мне руку. Но вдруг он скрестил свои руки на груди, и я похолодел, увидев, что мои маленькие ручные часы, которые мне подарила мама в День рождения, исчезли.

— Эй, Кошачий Зуб, отдайте мои часы!

— Ваши часы, сэр? Какие часы?

— Которые вы сейчас сняли с моей руки!

Он глуповато заулыбался и вернул мне часы.

— Простите, сэр, привычка. Больше не буду... Это называется клептоманией, сэр. Когда я работал клерком, все в конторе знали мою болезнь и берегли свои вещи. Совершенно не могу видеть чужую вещь, чтобы не положить в карман... Да, так что вы все-таки думаете о нашем предложении, сэр?

Мы сели на ствол пальмы

Кошачий Зуб сделал какое-то изящное движение рукой

— Мне не нравится ваша жизнь...

— Ах, сэр, я уже сказал вам, что все мы живем для того, чтобы работать поменьше, а иметь побольше! Для этого всегда один человек пожират другого. Вот, например, мой родной дядя... Он раньше был пиратом, сэр! Он убил и ограбил сто восемьдесят два человека и стал миллиардером!

— Какой ужас! — вырвалось у меня.

— А теперь дядю знает вся страна, и его охраняет полиция, — мурлыкающим голосом продолжал Кошачий Зуб, пережевывая табак. — Обратите внимание на то, сэр, что мой дядя сейчас ровным счетом ничего не делает и только ходит по воскресеньям в церковь, чтобы помолиться Богу. На него работают другие, и уж, будьте уверены, он дерет с них три шкуры, сэр! А разве это не тот же разбой?

Мне становилось все больше не по себе от разговора с Кошачьим Зубом.

— Значит, миллиардеры — это одно и то же, что разбойники?

— Конечно, сэр! — воскликнул он, обрадованный тем, что я, наконец, начал понимать его. — Вообще все люди в той или иной степени разбойники. Согласитесь, сэр, что это очень приятно — ничего не делать, а иметь много.

— Это... неправильно...

Кошачий Зуб хитро подмигнул мне.

— А разве вы сами, сэр, любите работать?

Я не сразу нашел, что ответить, и замялся.

— Говорите, говорите, не стесняйтесь, сэр, — подбадривающе хлопал он меня по плечу.

— Я... люблю... работать...

Он рассмеялся, не открывая рта и топорща усы. Сейчас он еще больше походил на кошку.

— Не верю, сэр, хоть убейте!

— Я не буду вашим капитаном, — сказал я решительно.

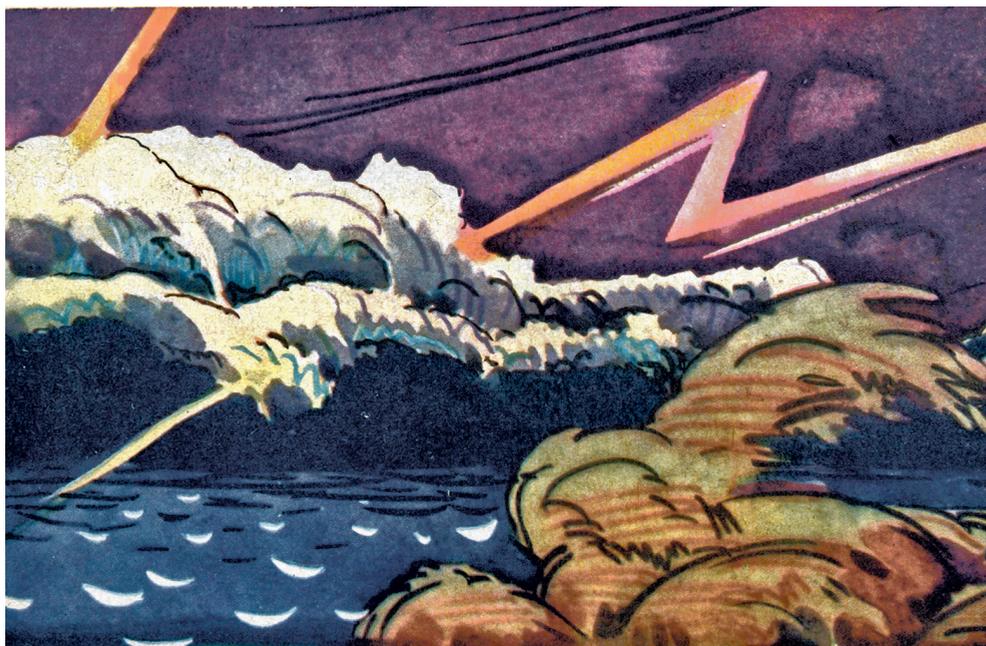
— Сэр...

— Нет, нет! Не хочу!

Кошачий Зуб приподнялся и взмахнул рукой.

— С вашей ужасающей силой, сэр, мы подчиним себе все моря и океаны! Мы ограбим и уьем тысячи людей! — Он говорил, все более увлекаясь, и глаза его алчно засверкали. — Вы станете самым богатым человеком в мире и сможете всю жизнь не работать! На вас будут работать другие! Только подумайте, сэр: до самой смерти ничего не делать!

— Я не разбойник и не миллиардер, чтобы ничего не делать.

— Весьма сожалею, сэр, что вы отказываетесь от своего счастья. Но я думаю, что вы еще подумаете и согласитесь.

— Уходите! — сказал я сердито.

— Но я хотел...

— Уходите! Ну?!

Он мягко отскочил от меня, не переставая кланяться.

— Уношу ноги... — Кошачий Зуб вдруг выпрямился и потянул носом воздух. — Сэр! Сейчас будет шторм! Будет страшный шторм, не приведи Бог! Я знаю эту лужу, как лягушка свое болото, и не говорю попусту. Штормы налетают в этих местах мгновенно, и спасения от них нет! Ищите убежище, пока не поздно, сэр!

Он торопливо убежал.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в которой выясняется, что мой волшебный платочек исчез

Я продолжал сидеть на стволе упавшей пальмы, совсем расстроенный разговором с Кошачьим Зубом. Больше всего меня обижало и возмущало то, что пираты, эти воры и убийцы, посмели обратиться ко мне с гнусным предложением, словно видели во мне своего единомышленника.

Печальные мысли все больше овладевали мной. Какие наглецы! Ну, допустим, я не люблю подметать пол, стелить кровать, мыть посуду... Но ведь это, в сущности, мелочь, и она не дает им никакого права втягивать меня в свою шайку. А может быть, это не такая уж мелочь, как мне кажется? Мама не раз говорила, что на таких мелочах и проверяется характер человека!

Мои грустные размышления нарушили Мила и Юрка.

— Борик, а что он тебе говорил?

— Всякие глупости...

— Что именно? — допытывался Юрка.

— Да так...

— Ты не хочешь нам сказать? — удивилась Мила.

— Ну, смотри, Борька, я тебе это припомню! — в голосе Юрки прозвучала обида.

— Ребята, — сказал я смущенно, — Кошачий Зуб предложил мне быть пиратским капитаном.

— Вот болван! — всплеснул Юрка черными ладонями.

— Я его прогнал...

— Как ему только это пришло в голову? — весело рассмеялась Мила и вдруг подняла лицо к небу. — Ребята, вы посмотрите, как потемнело.

Из-за линии горизонта на океан напозала величественная темно-фиолетовая туча. Солнце уже скрылось за ней, и потоки лучей

тонкими шпагами вырывались из-за разорванных вихрящихся концов тучи.

Было очень тихо. Не шумел океан, и на его потемневшей глади не было заметно ни одной шероховатости. Только теперь я обратил внимание на то, что в лесу умолкли все птицы, которые совсем недавно наполняли воздух щебетаньем. Острые листья на пальмах висели не покачиваясь, словно мертвые.

Все застыло в каком-то оцепенении. Стало трудно дышать. Воздух был тяжелым и душным.

— Кошачий Зуб сказал, что сейчас будет шторм, — проговорил я, роясь в кармане. — Кажется, он прав. Я читал, что все затихает перед штормом. Но нам этот шторм не страшен...

Последние слова я сказал уже не очень уверенно, потому что не обнаружил в кармане своего волшебного платка.

— Что ты ищешь? — спросила Мила.

— Платок... Где мой платок?

— Синий платок? Ты, кажется, положил его сюда... на ствол пальмы.

— Где? Где он?

Платка нигде не было.

Кривая молния разрежала тучу и словно провалилась в океан. Слабо затрепетали над нашими головами листья деревьев, и в ту же минуту мы увидели, как с океана к берегу идет, растянувшись на несколько километров, высокий черный вал. Только на самой его вершине пенилась вода.

Следом за этим валом шел второй, еще более высокий и грозный. А дальше уже ничего не было видно, потому что фиолетовая туча опустилась к самому океану и скрыла бушующие волны.

На нас пахнуло холодом, зашелестели, зашептали густые листья в кронах деревьев. Со страшной силой рывкнул гром, и почти в ту же секунду с пушечным грохотом разбился о берег первый вал. Стволы деревьев закачались и затрещали, и мою рубашку вздуло ветром.

— Ищите, ищите! — кричал я. — Ищите, иначе мы погибли!

Второй вал разбился с еще большим шумом. Каскады брызг взлетели над скалой и градом забарабанили по нашей площадке.

Мы бросились в ущелье. Но и туда ворвалась разъяренная пена третьего вала. Милу подхватила волна и понесла из ущелья. Уцепившийся за камень Юрка с трудом удержал ее. Но в это время на нас обрушилась новая волна и понесла всех в глубину ущелья. Вероятно, она и спасла нас. Задыхаясь и глотая соленую воду, я выбрался на какой-то скользкий выступ.

Стало темно, как ночью. Но молнии вспыхивали одна за другой, и в их синеватом свете я видел, как копошатся на другой стороне ущелья Мила и Юра.

Все грохотало и выло вокруг. Казалось, мир рушится.

Потом тяжелым водопадом ударил тропический ливень, сверху посыпались камни, и один из них больно стукнул меня по голове. Я потерял сознание.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в которой мы пытаемся найти выход из трудного положения

Удивительно, что я совершенно ясно слышал, как по комнате ходит мама. Я лежал в постели и, не открывая глаз, спросил:

— Это ты, мамочка?

— Я... — слышался ее голос.

— Ты уже пришла с работы?

— Да...

— Я подмел комнату и вымыл посуду.

— Молодец, сынок! — сказала мама, как мне показалось, сдерживая смех.

— Сейчас я встану и уберу кровать.

— Очень хорошо.

Я приподнялся и протер глаза.

— Такая кровать жесткая... Все тело болит... Понимаешь, мамочка, мне приснился кошмарный сон...

— Какой?

— Будто я, Мила и Юрка... — Я отнял от лица руки, которыми тер глаза, и отшатнулся.

Надо мной склонялись улыбающаяся Мила и чернолицый Юрка. Оказывается, это Мила разыгрывала меня, подражая голосу мамы.

— Значит, сон продолжается? — со страхом спросил я.

— Продолжается! — вздохнула Мила.

— Юрка, ущипни меня.

— С удовольствием! — обрадовался Юрка и ущипнул меня так крепко, что я привскочил.

— Ну-ну, ты не очень, пожалуйста...

В ущелье было светло и сухо, над самой головой сверкало солнце, и где-то неподалеку посвистывали птицы. Было слышно, как внизу вздыхает океан.

— Вот это был шторм! — восторженно проговорил Юрка. — Меня так трахнуло камнем по коленке, что я до сих пор не могу ступить на ногу.

— А у меня все руки в синяках, — пожаловалась Мила.

— У меня у самого болит голова, — сказал я. — Ребята, что же мы будем теперь делать?

— Как что? — удивилась Мила. — Отправляться домой.

— Это невозможно...

— Ой, почему? — испуганно вскрикнула она.

— Я ведь говорил вам, что у меня пропал платок...

— Не морочь нам голову! — сверкнул глазами Юрка. — При чем тут платок?

— Это волшебный платок...

— Никогда не думал, что платки бывают волшебные. Чепуха какая-то.

— Чепуха? А как мы попали на этот остров, ты об этом знаешь?

— Ничего я не знаю.

— Так вот знай — с помощью волшебного платка!

Лица моих приятелей стали очень серьезными.

Я видел, как у Милы задергался подбородок.

— А если... платка нет?

— Значит... — сказал я, чувствуя, что у меня самого начинает дергаться подбородок. — Значит, мы навсегда останемся на этом острове...

Мила и Юрка молчали. Потом я услышал, как Мила всхлипывает.

— Мне надоел этот противный остров! Я хочу домой! Зачем ты нас притащил сюда?

Должен, к своему стыду, сознаться, что тут и я заплакал.

— Перестаньте завывать! — вдруг сердито закричал нам Юрка.

— Я хочу домой! — растирал я кулаком слезы.

— Все хотят домой!

— Я хочу к... к маме... — всхлипывала Мила.

— Все хотят к маме. Борька! Мила! Нам надо что-то придумать.

— Что можно придумать? — безнадежно сказал я.

— Не знаю... Но что-то надо.

— Что? Что?

— Сколько мы пробудем здесь, неизвестно, так?

— Ну, так...

— Нам нужно где-нибудь жить? Ведь правда?

— Правда...

— Нам нужно есть?

— Нужно... — согласился я. — Мне хочется есть.

Осененная какой-то мыслью, Мила перестала плакать и выпрямилась.

Слезинки еще сверкали на ее ресницах.

— Давайте строить дом, ребята!

Посоветовавшись, мы решили построить дом где-нибудь в лесу, чтобы его не нашли пираты. И, не раздумывая больше ни минуты, отправились в чащу.

Когда мы спускались со скалы, ветер донес до нас смех и хриплые голоса пиратов. Они распевали свою песню.

А чтоб денежки добыть,
Нужно лишь пиратом быть,
Обмануть, украсть, убить,
Ой-ха-ха!..

— Наверное, опять пьют ром, — покачала головой Мила.

Я с тревогой прислушивался к их песне.

— Боюсь, что они все равно убьют нас... Они такие сильные...

— Не убьют! — ободряюще сказал Юрка. — В общем-то они бездельники и пьяницы! Не трусь, Борька!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, в которой я начинаю понимать смысл одной пионерской песни

После шторма в лесу парило. Мы с трудом пробирались сквозь заросли, наполненные криками птиц и шелестом бесчисленного количества крыльев. То и дело ноги попадали в невидимые в траве лужи, оставшиеся после тропического ливня. А с деревьев на нас сыпался град капель. Очень скоро мы промокли до нитки.

Лес становился все гуще. Деревья с огромными черными стволами сплетали над нашими головами ветки, закрывая солнце. Повсюду, словно уснувшие змеи, свисали лианы. Изредка солнечный свет пробивался сквозь кроны деревьев длинными тонкими пальцами, и тогда схваченные этими пальцами капли дождя сверкали, как хрустальные стеклышки.

Мы устали, хотелось есть и пить.

— Я больше не могу, ребята, — сказала наконец побледневшая и осунувшаяся Мила.

— Да, давайте отдохнем, — предложил я.

Но Юрка, шедший впереди нас, не оборачиваясь, крикнул:

— Только, пожалуйста, не вешайте носы!

В эту минуту из-под его ног выпорхнула большая птица, похожая на утку.

В гнезде мы обнаружили несколько крупных яиц и тут же разбили и выпили их.

Теперь мы почувствовали себя куда лучше и даже развеселились.

Внезапно впереди блеснул яркий свет, и мы вышли на большую поляну. Я широко открыл глаза: посреди поляны мирно пощипывали траву два светло-серых теленка! Они подняли головы на тонких красивых шеях и уставились на нас немигающими темными глазами.

— Лани! — вскрикнул Юрка. — Ребята, они совсем не боятся нас!

— Ну, ясно! — подтвердил я. — Остров необитаемый, и они никогда не видели людей.

Однако когда мы приблизились к ним и Мила уже протянула руку, чтобы погладить их, они стремительно сорвались с места и исчезли в чаще.

— Ничего, все равно поймает, — пробормотал Юрка, почесывая затылок, — Их мясо, наверно, очень вкусное.

— Ты с ума сошел! — возмутилась Мила. — Я ни за что не буду их есть! Вы видели, какие у них красивые, задумчивые глаза?

— Вегетарианка! — заворчал Юрка. — Интересно, чем же ты будешь питаться? Может быть, травой?

— Юрик, мне жалко их...

На черном лице Юрки засветилась хитроватая улыбка.

— А тех яиц, которые ты сейчас ела, тебе не жалко? Ведь из них могли бы вылупиться птицы с задумчивыми глазами!

— Ох, какие вы все, мальчишки, жестокие! — вздохнула Мила.

В конце поляны мы обнаружили одинокую скалу высотой примерно с трехэтажный дом. Вернее, это был огромный камень, попавший сюда, должно быть, еще в доисторические времена, во время какого-нибудь землетрясе-

ния. У подножия камня журчал родник с чистой водой. Яркие цветы, растущие вокруг родника, отражались в воде.

Мы не сразу увидели эту скалу, потому что сама природа тщательно замаскировала ее в зелени деревьев. Вся скала была густо увита ползучими растениями.

— Тра-ля-ля! — запел Юрка. — Ребята, в таких случаях Архимед говорил: «Эврика!» Здесь будет наш дом.

— Где?

— В пещере!

— Где ты видишь пещеру?

— Протри глаза!

Наконец я разглядел овальный вход в пещеру на высоте восьмидесяти метров.

— Туда трудно добраться...

— Вот и хорошо, что трудно. Мы сможем там спокойно спать, без боязни, что нас захватят пираты.

Пока Мила собирала на поляне цветы (девчонки всегда приходят в восторг от цветов), мы с Юркой, цепляясь за лианы, с невероятным трудом добрались до пещеры и сели у входа, свесив ноги и тяжело дыша.

— Придется складывать из камней лестницу, — сказал я.

Юрка метнул на меня презрительный взгляд и прикоснулся пальцами к моему лбу.

— Я так и думал: у тебя жар! Ты хочешь, чтобы по этой лестнице вместе с нами в пещеру поднимались и пираты?

— Юрка, но как же мы будем подниматься сами? А Мила вообще сюда не сможет влезть.

— Мы сделаем лестницу из лиан, — сказал Юрка, смотря на меня покровительственным взглядом. — Надо думать, старина! На ночь мы эту лестницу будем поднимать, а утром спускать.

— Юрка, ты гений!

— Я в этом никогда не сомневался, — усмехнулся он.

Мы обследовали пещеру. Она оказалась просторной, уютной и сухой. Наши голоса и шаги гулко отдавались под темным сводом.

Только к вечеру мы сплели лестницу и натаскали в пещеру травы и сухого мха. Постели получились превосходные. Я блаженно вытянулся на своем мягком ложе, чувствуя, как гудят от усталости все мускулы моего тела. В лесу стемнело, но вход в пещеру освещался розовыми отблесками костра, на котором Мила жарила пойманную Юркой птицу. Я слышал, как Мила напевала в тишине:

Работай, друг,
И станет, друг,
Легко на свете жить!
Враг в трудный час
Не сломит нас,
Коль будем мы дружить!

Запомни, друг,
Что пара рук
Немало дел свершит.
«Терпенье, труд
Все перетрут», —
Народ наш говорит.

Пришла беда —
Будь смел всегда,
Пусть взор горит, как луч,
Трудись бодрей,
Будь веселей, —
Союз друзей могуч!

В нашем пионерском отряде мы частенько распевали эту песенку. Но никогда раньше ее слова не волновали меня так, как сейчас. Ведь действительно, если у тебя хорошие друзья и если ты любишь работать — ничто не страшно!

Юрка, наверно, подбросил в костер хворост, потому что я слышал, как затрещали ветки, и вход осветился еще ярче. А я лежал и думал: «Дорогие мои Юрка и Мила! Какие вы хорошие товарищи! Что бы я без вас делал сейчас? Да, чудесно жить на свете, если у тебя настоящие друзья!» Я так расчувствовался, что к моему горлу даже подступил комок. Но в это время Юрка крикнул:

— Волшебник, иди есть!

Я спустился по лестнице и уселся у костра. Какой вкусной оказалась жареная птица! Мы вгрызались зубами в горячее ароматное мясо, и жир золотыми каплями стекал по нашим подбородкам и пальцам.

— Тебе не жалко ее? — съязвил Юрка, кося глаза на Милу.

Она не ответила.

— Не найдут ли нас пираты? — сказал я, с тревогой поглядывая в темную чащу.

— Могут найти за милую душу. — Юрка отбросил в темноту кость и старательно вытер травой руки и подбородок. — Нам нужно произ-

вести разведку и узнать, что они замышляют. Всегда полезно знать, что делается в стане врагов.

Он рассуждал прямо как опытный полководец, и я посмотрел на него с уважением.

— А как мы найдем дорогу обратно? — забеспокоилась Мила. — В этом лесу очень легко заблудиться.

Юрка указал пальцем на родник.

— Эта водичка поможет нам найти путь к нашей пещере.

— Каким образом? — удивился я. — Юрка, ты иногда говоришь умные вещи, но сейчас ты что-то загибаешь.

Юрка поднялся во весь рост и взмахнул рукой. Черное его лицо со сверкающими глазами, в которых отражались отблески догорающего костра, сейчас было удивительно красивым.

— Я загибаю? Вы видите, что из этого родника вытекает ручей? Как вы думаете, куда он течет?

— Не знаю.

— Туда же, куда текут все реки мира! Ты очень плохо учил географию в школе. Я уверен, что этот ручей впадает в океан. По берегу ручья мы всегда сможем идти туда и обратно!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

в которой я узнаю, кем похищен волшебный платок

Утром я отправился по берегу ручья к океану. На нашем совете было решено, что я произведу разведку, а Мила и Юра тем временем соберут побольше кокосовых орехов. Мы вспомнили, что молоко кокосовых орехов очень питательно, а нападало их с пальм после шторма очень много. Крупные, твердые и тяжелые, покрытые жестковатой щетиной, они валялись всюду. Я то и дело натыкался на них, когда шел берегом ручья.

Юрка оказался прав: ручей действительно впадал в океан. И путь по ручью оказался куда удобней и короче, чем через лесные заросли. Вскоре я вышел к океану на песок, размывтый ручьем. Здесь ручей был уже темным от ила и беспокойным, потому что смешивался с набегающими с океана волнами.

Запомнив получше место, я двинулся к видневшимся неподалеку прибрежным скалам.

Шторм начисто разметал пиратский корабль. Морские разбойники соорудили из разбитых досок подобие какого-то жилища. Черный флаг с черепом и скрещенными костями развевался над их станом.

Я подобрался как можно ближе к этому страшному логову и залег в камнях.

Рыжий Пес, Одноглазый и Кривая Нога ничком спали на песке. Пират с расплющенным ухом сидел на бочке и курил трубку.

Меня удивило, что они устроили свой лагерь так близко к океану. Но когда Рваное Ухо вынул из бочки затычку и наполнил свою фляжку, я понял, что их удержало здесь. Бочка с ромом! Она была слишком большой и тяжелой для того, чтобы переправить ее в глубь острова. Эта бочка притягивала их к себе, как магнит.

Я долго лежал неподвижно в канаве. Мягкий ветерок шевелил по временам мои волосы. Остро пахло водорослями. Океан мерно вздыхал в двухстах метрах от меня.

В конце концов меня разморило на солнце и начало клонить ко сну. Но в это время Рыжий Пес пошевелился и сел на песке. Солнце слепило ему глаза. Он прищурился, выплюнул попавший в рот песок и поерошил пальцами свои огненные бакенбарды.

Я слышал, как Рыжий Пес длинно, со свистом зевнул.

— Рваное Ухо! — окликнул он.

— Да, капитан, — лениво ответил пират на бочке.

— А где Кошачий Зуб?

— Полез на скалы, капитан. Мы никак не можем понять, куда делись ребята. Они провалились словно сквозь землю.

— Одноглазый, приведи Кошачьего Зуба, — приказал Рыжий Пес.

— Слушаю, капитан. — Одноглазый неохотно поднялся и скрылся за скалой.

Кривая Нога в это время проковыляла к бочке и сделал большой глоток из фляжки Рваного Уха.

Рыжий Пес молча проследил за Кривой Ногой и потянулся к своей фляжке.

— Мне кажется, клянусь брюхом акулы, этот Кошачий Зуб что-то замышляет против меня, — заворчал он, делая глоток.

Рваное Ухо и Кривая Нога многозначительно переглянулись.

Рыжий Пес вдруг рывком поднялся и, тяжело ступая по песку, двинулся к бочке.

— Вы молчите? Может быть, вы все теперь в заговоре против своего капитана, тысяча чертей и одна ведьма? А?

Кривая Нога предусмотрительно перешел на другую сторону бочки.

— Мы так преданы тебе, Рыжий Пес!..

Я не знаю, чем кончился бы этот разговор, если бы в лагере не появились Одноглазый и Кошачий Зуб.

— Что делают дети, Кошачий Зуб? — спросил капитан, по-бычьи наклоняя голову, так что глаз его совсем не было видно за мохнатыми рыжими бровями.

Кошачий Зуб стянул с головы клеенчатую шляпу.

— Я не могу найти их, капитан. Я думаю, что во время шторма их смыло волной в океан.

— Врешь, негодяй! — закричал Рыжий Пес, вскидывая голову. — Ты, наверно, в заговоре с ними! Я еще не знаю, что ты замышляешь, но вижу по твоим подлым глазам, что дело нечисто! Разузнайте, куда скрылись ребята, и я уничтожу их! Клянусь брюхом акулы, я их сотру в порошок и пушу по ветру!

— Ты забыл кулаки юного джентльмена, Рыжий Пес? — негромко проговорил Кривая Нога.

— У меня тоже есть кулаки, тысяча чертей и одна ведьма! Может быть, кто-нибудь из вас забыл, как они пробивают черепа? А? Я могу вам напомнить это! — Рыжий Пес сжал кулаки и взметнул их над головой.

Пираты в страхе отодвинулись от своего капитана.

— Ха! — вырвалось у Одноглазого.

— Опустите кулаки. Рыжий Пес, — невесело улыбнулся Кошачий Зуб, — мы их хорошо помним...

Страшно сверкая глазами, Рыжий Пес походил перед бочкой туда и сюда и остановился перед Кошачьим Зубом.

— Что у тебя торчит из кармана?

Прежде чем Кошачий Зуб успел ответить, капитан сделал быстрое движение, и я увидел в его руке мой синий волшебный платок. В моей груди горячо заколотилось сердце. Так вот кто украл мой платок! Видно, недаром Кошачий Зуб говорил, что не может пройти мимо чужой вещи, чтобы не прикарманить ее.

В первую минуту у меня появилось желание вскочить и потребовать свою вещь.

Ведь пираты еще не знали, что я потерял силу. Но страх перед пиратами удержал меня.

— Мне нравится эта штука, Рыжий Пес! — зафыркал Кошачий Зуб, хватаясь за нож. — Это моя добыча!

Рыжий Пес неторопливо спрятал платок в свой карман.

— Теперь это моя добыча, Кошачий Зуб!

— Вот как?

Рыжий Пес и Кошачий Зуб сошлись лицом к лицу, глядя друг на друга с какой-то тупой яростью. Это продолжалось долго — минуту,

а может быть, и две. Они стояли, держась за ножи, не мигая и чуть-чуть рыча, совсем по-звериному. Наконец Кошачий Зуб не выдержал и отошел в сторону.

Мне было очень неудобно лежать среди острых камней. Я сделал неосторожное движение, камни посыпались и застучали. Пираты сразу умолкли и насторожились.

Обливаясь холодным потом, несмотря на то что было очень жарко, я попятился ползком за скалу и бросился в чащу леса. Поминутно оглядываясь и спотыкаясь о корни и кокосовые орехи, я добрался по ручью до нашей пещеры и совсем обессиленный упал на траву.

Мила и Юрка жарили на вертеле куски мяса. Как настоящий охотник, Юрка освежевал лань. Серая шкурка сушилась на солнце.

— Если хочешь, можешь сегодня спать на этой шкуре, — сказал мне Юрка. — Мила отказывается, потому что, видите ли, никак не может забыть глаз лани. Но мясо, представь себе, она попробовала и наша очень вкусным. Ты чем-то взволнован, старина?

Я рассказал о пиратах.

— Дело дрянь, — озабоченно проговорил Юрка. — Раз ты выяснил, что они во что бы то ни стало хотят нас уничтожить, придется смотреть во все глаза!

Обед был такой вкусный, солнце светило так ласково и в лесу так весело пели птицы, что мы мало-помалу развеселились. Мила и Юрка, пока я был на разведке, собрали целую гору кокосовых орехов, и теперь мы перетаскивали их в пещеру. Во время работы Мила запела пионерскую песенку. Я и Юрка подпевали ей.

Работай, друг,
И станет, друг,
Легко на свете жить!
Враг в трудный час
Не сломит нас,
Коль будем мы дружить!

Наступила тревожная ночь. Мы долго не могли заснуть и тихонечко переговаривались, лежа в своих постелях. Наконец Мила и Юрка умолкли, а я еще долго ворочался на мягкой шкуре лани, прислушиваясь к далекому и грозному шуму океанского прибоя.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, в которой пираты осаждают нашу пещеру

— Этого еще не доставало! — сказал утром Юрка, морщась и потирая ногу. — Понимаете, я вчера где-то ушиб ее, и сейчас мне больно ступить. А надо бы сходить посмотреть, не попалось ли чего в наш силок.

— Оставайся дома, — предложила Мила, — все равно кому-нибудь надо сторожить пещеру. А мы с Бориком пойдем. Я знаю, где ты ставил силок.

Мы спустились, и Юрка из предосторожности поднял лестницу.

В силках билась птица с разноцветным хвостом. Мила тут же, в зарослях, ощипала ее, и мы отправились обратно. У меня нет слов, чтобы описать тот ужас, который охватил нас, когда мы услышали на поляне голоса пиратов.

Скрываясь в высокой траве, нам удалось добраться незамеченными до самой поляны.

Пираты сидели вокруг потухшего костра и жадно доедали остатки нашей лани.

— Хорошо, да мало, — проворчал Рыжий Пес, ковыряя в зубах щепкой.

Кошачий Зуб слегка подтолкнул капитана и глазами указал на пещеру:

— Я думаю, у них там есть большие запасы!

— Произвести обследование? — предложил Кривая Нога.

— Непременно! Загляни-ка туда, Кривая Нога.

— Туда не добраться без лестницы, — покачал головой Рваное Ухо.

Но Рыжий Пес приказал односложно:

— Псть!

Он сидел у костра и смотрел, как его подчиненные строят пирамиду.

Кривая Нога оказался на самом верху. Но когда его голова поравнялась с пещерой, оттуда вдруг высунулся Юрка и довольно крепко стукнул пирата палкой.

Это было так смешно, что я прикусил язык, чтобы не расхохотаться. Под крики и ругательства пиратов пирамида развалилась. А Юрка очень вежливо сказал:

— Прошу прощения, Кривая Нога. Кажется, я нечаянно задел вас?

Рыжий Пес замахнулся на Кошачьего Зуба.

— Дьявол! Ты же сказал мне, что дети на охоте!

Кошачий Зуб шараясь в сторону и ответил почтительно:

— Я видел, как на охоту пошли белые дети, капитан...

Рыжий Пес нерешительно подергал свои бакенбарды, снял шляпу и поклонился Юрке.

— Добрый день, господин бой. Как ваше здоровье?

— А как вы думаете?

— Не знаю, клянусь брюхом акулы...

— Стерегу наш дом.

Рыжий Пес что-то соображал.

— От кого же, господин бой, надо сторожить дом на необитаемом острове?

— Будто вы не знаете...

— От кого же?

Юрка таинственно понизил голос:

— От диких зверей!

— Я не видел на острове ни одного четвероногого, кроме ланей.

— Зато я видел двуногих!

— Ай-я-я! — воскликнул Рыжий Пес, заражаясь игривым тоном Юрки. — Вы видели двуногих зверей?

— Да, именно двуногих, представьте себе!

— Вот как? И много их вы видели?

Юрка демонстративно пересчитал пиратов, указывая на них пальцем:

— Целых пять...

— Вот как? Пять зверей и три ребенка! Ну так они вас sloпaют.

— Подавятся! — подмигнула чернолицый Юрка Рыжему Псу.

— У зверей острые зубы, господин бой!

Кошачий Зуб прибавил мурлыкающим голосом:

— А у вас такие нежные косточки!

— Ничего! — бодро ответил Юрка. — У нас есть такие приспособления, которыми мы выбиваем слишком острые зубы!

— Ха! — рывкнул Одноглазый.

— Вы там один, господин бой? — спросил Рыжий Пес.

— Нет, с приятелем...

Рыжий Пес метнул на Кошачьего Зуба бешеный взгляд. Кошачий Зуб безмолвно пожал плечами. Честно говоря, мы с Милой тоже не сразу поняли, какого приятеля Юрка имеет в виду.

— Кто же этот приятель, господин бой? Он или она?

— Она...

— Можно на нее взглянуть?

— Да, конечно, можно! — и Юрка показал пиратам большую палку.

— Хороша приятельница! — кашлянул Кривая Нога, потирая уши-бленное место.

Пираты окружили своего главаря и о чем-то пошептались.

— Скажите, господин бой, вы любите деньги? — внезапно спросил Рыжий Пес.

Вопрос был таким неожиданным, что Юрка не сразу сообразил, что ответить.

— Как вам сказать...

— Давайте будем откровенны, господин бой, как джентльмен с джентльменом.

— Вообще я не против денег.

Рыжий Пес торжествующе взглянул на пиратов.

— Так я и думал. Хотите получить много денег, господин бой?

— Сколько? — бодро спросил Юрка.

— Ровно столько, сколько влезет в ваши карманы! И, клянусь брюхом акулы, чистым золотом!

— Интересно, почему вам так захотелось подарить мне золото?

Красная физиономия Рыжего Пса расплылась в улыбке:

— А мы добрые люди, господин бой!

— О, я знаю! — тут Юрка не выдержал и рассмеялся, показав белые зубы.

— А что же я должен сделать, чтобы получить золото?

— Выполнить одно пустячное поручение, господин бой... И заметьте, что это вам ничего не будет стоить, — быстро говорил Рыжий Пес. — Когда молодой белый джентльмен будет есть, посыпьте его пищу порошком...

Рыжий Пес порылся в кармане и что-то показал Юрке.

— А, понимаю! — заговорщицки воскликнул Юрка. — Я должен его отравить?

— Совершенно правильно, господин бой! Я всегда любил догадливых мальчиков!

Обрадованный Рыжий Пес оседлал одного из пиратов и протянул руку Юрке, который бесстрашно высовывался из пещеры.

— Значит, по рукам, господин бой?

— Нет, по голове! — задорно крикнул Юрка и сразу с размаху ударил палкой по клеенчатой шляпе. Рыжий Пес взвыл и свалился на землю.

— Тысяча чертей и одна ведьма! Ты мне еще попадешься, чернокожий!

— У нас предателей не бывает, Рыжий Пес! — скрестив руки, настаивательно говорил Юрка.

Рыжий Пес топал у костра ногами.

— Жаль, что у нас нет пороха, не то я по кусочкам разнес бы вас всех по этому острову!

Должно быть, я слишком неосторожно высунул из травы голову, потому что кто-то из пиратов в страхе закричал:

— Белый джентльмен!

Пиратов словно сдуло с поляны. С минуту мы слышали удаляющийся треск и шуршание веток.

Посмеиваясь, мы собрались у костра и зажарили птицу. Я совсем расхрабрился.

— Вы видите, они меня по-прежнему боятся! Сегодня же я пойду к ним и потребую свой платок.

— Тише!

Мила испуганно дернула меня за рукав. Я оглянулся. Из-за дерева высовывалась улыбающаяся физиономия Рыжего Пса.

— Добрый вечер, сэр, — пролепетал он снова хриплым басом и, не переставая кланяться, сделал несколько шагов к костру. — Не пожертвуете ли бедному морскому волку хотя бы небольшой кусочек вашей ароматной дичи?

Моя храбрость моментально улетучилась.

— Зачем вы пришли сюда. Рыжий Пес? — дрогнувшим голосом спросил я.

— Запах, сэр... Райский запах от вашего костра бродит по всему острову и бьет в нос, будто ваши кулаки. Ведь мы голодны, как бездомные собаки, сэр: пьем один ром! Мои парни боятся идти к вам, но я подумал, что у белого джентльмена доброе сердце и он не обидит несчастного Рыжего Пса...

— На острове много дичи, — сказала Мила. — Вы можете сами себя накормить.

— Мы привыкли есть чужое, миледи, — вздохнул Рыжий Пес. — Ой, как мне хочется есть!

Сердобольная Мила зашептала мне и Юрке:

— Может быть, дать ему кусочек?

Я не ответил Миле, потому что вдруг увидел, что на шее Рыжего Пса повязан мой синий волшебный платок! Мое сердце заколотилось, к лицу прилила кровь, и, забыв о всякой предосторожности, я подскочил к пиратскому капитану.

— Рыжий Пес! — закричал я гневно. — Вы вор!

— Конечно, сэр, — ответил он, испуганно пятась. — Даже больше, сэр: бандит!..

— Отдайте мне платок!

— Разве это ваш платок, сэр?

— Да, мой.

Я рывком протянул руку к платку. Рыжий Пес отшатнулся и инстинктивно схватил меня за руку. Суставы моей кисти захрустели. Я рванулся, но было уже поздно...

— Что? — как бык заревел Рыжий Пес. — Ха-хаха! Юный джентльмен, кажется, потерял силу? Хаха-ха! Теперь мы посчитаемся с тобой, мальчишка!

— Пустите меня, — кряхтел я, еле ворочая языком от страха и боли. — Пустите!..

Тут Юрка и Мила, мои добрые, славные друзья, как вихрь налетели на пирата. В руках они держали большие палки.

— Мы тебе покажем, морская медуза! — кричал разъяренный Юрка.

— Брюхо акулы! — вторила ему Мила. — Старая ведьма!

Палки мелькали в воздухе и с таким треском обрушивались на Рыжего Пса, что где-то в лесу даже слышалось эхо от их ударов.

Капитан отпустил меня и, закрывая голову руками и страшно сопя, бросился наутек. Я быстро сказал товарищам:

— Скорей наверх, ребята! Сейчас они вернутся! Плохо наше дело... Теперь они знают, что я потерял силу...

Мы поднялись в пещеру и втащили за собой лестницу.

Пираты долго не являлись. По-видимому, они удрали далеко, оставив своего капитана. Мы беспрерывно высовывали из пещеры головы, напряженно прислушиваясь к шелесту деревьев и далекому рокоту прибоя.

Наверно, у меня был очень жалкий вид, потому что Мила участливо спросила:

Рыжий Пес отшатнулся и инстинктивно схватил меня за руку

- Тебе страшно?
- Страшновато... — сознался я. — А что?
- Так просто... Борик, ты не волнуйся, все будет хорошо.
- Да я...
- Видишь, Рыжего Пса мы одолели без всякого волшебства.
- Это верно, но...
- Что «но»? — ободряюще говорила Мила. — И жилище без всякого волшебства себе устроили.
- Я ведь не спорю...
- И еды у нас достаточно.
- И знаете, ребята, — взглянул я на лица своих товарищей, — ведь это тоже похоже на волшебство... На острове восемь человек...
- Три человека и пять животных, — поправил меня Юрка.
- Пусть так, — подумав, согласился я. — Трое ребят и пятеро сильных зверей. И эти звери ничего не могут с нами сделать. Разве это не похоже на волшебство?

Мила чуть-чуть улыбнулась:

- А ты прав, у нас есть один добрый волшебник...
- Кто же это?

Она не успела ответить, потому что кусты в отдалении затрещали и на поляну выскользнули пираты. Рыжий Пес рычал, восторженно потрясая руками.

— Он стал слабым, как мокрица! Я мог бы свить из него веревку! Мы быстро выкурим их из этого гнезда!

— Ха! — громыхнул Одноглазый. — Жареная птица!

— Молчать! — ткнул его кулаком капитан. — Сперва добудьте мне этого мальчишку!

Пираты попытались добраться до нашей пещеры, становясь друг другу на плечи. Но догадливый Юрка метнул в них кокосовый орех, и Кошачий Зуб со стоном полетел на землю.

Мы обрушили на пиратов целый град кокосовых орехов. Тяжелые, как бомбы, они сбивали разбойников с ног. Бессильно ругаясь и проклиная нас, разбойники отползали по траве в сторону.

— Не лезьте, куда вас не просят! — крикнула Мила, стараясь попасть орехом в Рыжего Пса.

— Это вам не поможет, миледи! — ответил он, уклоняясь от удара. — Мы расположимся здесь лагерем и возьмем вас измором. Хотите условие?

— Какое условие?

— Выдайте мне юного джентльмена, и мы оставим вас в покое!

Тут Юрка и Мила, мои добрые, славные друзья, как вихрь налетели на пирата. В руках они держали большие палки

— Никогда! — в один голос крикнули Мила и Юрка.

— Прекрасно, тысяча чертей и одна ведьма! Эй! Тащите сюда бочонок с ромом! Будем пировать здесь, на страх птенцам. Рано или поздно они выпадут из своего гнездышка!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, в которой раскрывается секрет узелка

Осада была долгой и утомительной... Каким-то образом пиратам удалось доставить на поляну тяжелую бочку с ромом. Вероятно, в ней сильно поубавилось содержимое.

Они пили, пели и даже плясали. Только на вторые сутки четверо из них свалились и заснули. Но Рыжий Пес все еще бодрствовал. Покачиваясь, он бродил по поляне и пьяно бормотал:

— Кошачий Зуб, налей еще... Спишь? Спи, Кошачий Зуб! Вы все спите? Один я держусь на ногах... Рыжего Пса не так-то легко свалить, клянусь брюхом акулы! — Он отхлебнул из фляжки и погрозил мне кулаком. — Я сделаю из тебя медузу!

Ветер раздувал его рыжие волосы. Он потоптался на одном месте и пропел заплетающимся языком:

Нужно лишь пиратом быть,
Обмануть, украсть, убить,
Ой-ха-ха!..

Он хотел потанцевать, но, зацепив одной ногой за другую, упал в траву.

— Все спят, тысяча чертей и одна ведьма! — невнятно бормотал он, беспомощно барахтаясь в траве. — Один я... держусь на ногах!

Через несколько секунд мы услышали его зычный храп.

Мила вдруг сбросила из пещеры лестницу. Прежде чем я успел сообразить, что она собирается сделать, мы с Юркой увидели ее уже внизу на поляне. Мы отчаянно махали ей руками.

— Вернись! Что ты делаешь! Ты погибнешь!..

Она приложила палец к губам.

— Тише... Я за твоим платком, Борик...

Затаив дыхание, я видел, как она наклонилась над Рыжим Псом. Он заворочался и зачмокал губами. Мне показалось, что она заколебалась на несколько секунд, но вдруг решительно сдернула платок с шеи пиратского главаря.

Кто бы мог думать, что в этой девочке столько смелости! Через минуту, слегка задыхаясь, она поднялась в пещеру.

— Они завязали на платке какой-то узелок... Такой крепкий! Придется зубами...

— Не развязывай! — закричал я. — Не смей! В этом узелке главное волшебство!

— Ой! А я уже развязала!..

Вокруг нас вдруг потемнело.

— Что ты наделала, Мила!

Я выхватил из ее рук платок и безнадежно сел на шкуру лани. Наступила полная тишина. Что-то загремело и заскрежетало. Красные, желтые, синие, зеленые огни вихрем закружились вокруг меня. Я зажмурился, но как раз в это время все смолкло. Мне было так страшно, что я долго не решался открыть глаза.

— Ребята, — тихонько позвал я.

Мне никто не ответил.

Я чуть-чуть приоткрыл один глаз и сквозь ресницы увидел белую скатерть и настольную лампочку.

Я попал домой! Какое это было счастье! Я перенесся с острова прямо на диван в столовой.

— Миленькая ты наша столовая! — зачарованно шептал я, озираясь. — Миленький ты мой диванчик!

Настольная лампа тускло освещала комнату. Мне показалось, что в темном углу кто-то стоит.

— Мила, Юрка! — окликнул я. — Это вы?

Из мрака вышли... кто бы вы думали? Пираты! Пять звероподобных людей подходили ко мне, сняв шляпы и противно улыбаясь.

— Здравствуйте, сэр! — прохрипел Рыжий Пес. — Зачем вы бежали с острова?

— Уходите... — стучал я зубами, не в силах закричать.

— Не будем больше ссориться, сэр. Мы уже так привыкли к вам, и без вас нам сделалось очень грустно.

Они окружили меня, и я почувствовал душный запах рома.

— Уходите! — сжимался я на диване. — Что вам от меня нужно?

— Мы хотим, сэр, чтобы вы поняли, что такие люди, как мы...

— Бездельники и тунеядцы! — перебил я. — Я это давно понял.

— Ха! — рявкнул Одноглазый.

— А ведь мы вас так полюбили, сэр! — продолжал Рыжий Пес. — Я даже решил уступить вам добровольно место капитана!

— Пропадите вы пропадом! Как вы сюда попали?

— Это легко объяснить, сэр. Ведь вы сами вызвали нас из старой книжки, которую читали...

— Уходите опять в книжку!

— Нет, сэр, — промурлыкал Кошачий Зуб, топорща усы. — Теперь мы не расстанемся с вами. Куда вы, туда и мы. Вы наш волшебник!

— Никакой я не волшебник! — воскликнул я. — Теперь я знаю, что самый великий волшебник на свете — это труд...

— Ха!

— Убирайтесь вон! — завопил я. — Мама, мама!

— Не зовите маму, сэр, — покачал головой Кошачий Зуб, старательно пожевывая табак, — это бесполезно.

Я замахал волшебным платком. Но платок больше не действовал: ведь Мила развязала узелок!

— Мы больше вас не отпустим, сэр! Вы — наш! — говорил Рыжий Пес.

— Наш! — зарычали пираты, протягивая ко мне руки.

Я в ужасе зарылся лицом в подушку и вдруг почувствовал легкое прикосновение чьей-то руки к плечу. Так осторожно и ласково прикасаться ко мне мог только один человек на свете...

— Мама! — закричал я. — Мамочка, милая!..

Как я обнимал и целовал ее! Она очень растрогалась и даже сделала вид, будто не замечает, что я в ботинках лежу на диване.

— Мама, а где... — я хотел сказать «пираты», но почему-то так и не выговорил этого слова.

— Ты хотел спросить, где Юра и Мила?

— Да...

— Они только что звонили по телефону. Это очень странно. Они оба чувствуют себя плохо и не придут сегодня. — Она легонько сжала мою голову своими теплыми ладонями. — Ты выглядишь тоже совсем больным, мой милый...

— Нет, я здоров, мамочка...

Я случайно взглянул на синий платок, который все еще держал в руке, и вздрогнул.

— Мама, ты говорила, что главное волшебство этого платка заключалось в узелке.

Она улыбнулась:

— Да, у бабушки в старости была плохая память, и чтобы не забыть чего-нибудь, она завязывала на платке узелок.

— Ну?

— Поэтому она ничего не забывала и в конце концов стала называть свой платок волшебным.

— И все?

— Все...

— Но кто же тогда развязал узелок на платке?

— Наверно, ты сам, — сказала мама, поглаживая меня по голове. — А ты снова завяжи его, чтобы никогда не забывать...

— Чего?

— Ну, например, того, что нужно помогать своей маме. Вот тогда этот платок и для тебя станет волшебным!

Ночью я спал плохо, бредил и вскакивал с постели. Но, знаете, что самое удивительное? Утром я узнал, что милиция задержала в нашем городе пять жуликов. Говорят, что один из них был совершенно рыжий, другой прихрамывал на одну ногу, а третий носил на лице черную повязку. Человек, который рассказывал мне об этом, не запомнил, как выглядели еще два задержанных.

Может быть, эти жулики никогда не были пиратами, но с моего сердца свалилась тяжесть, и в следующую ночь я спал совершенно спокойно...

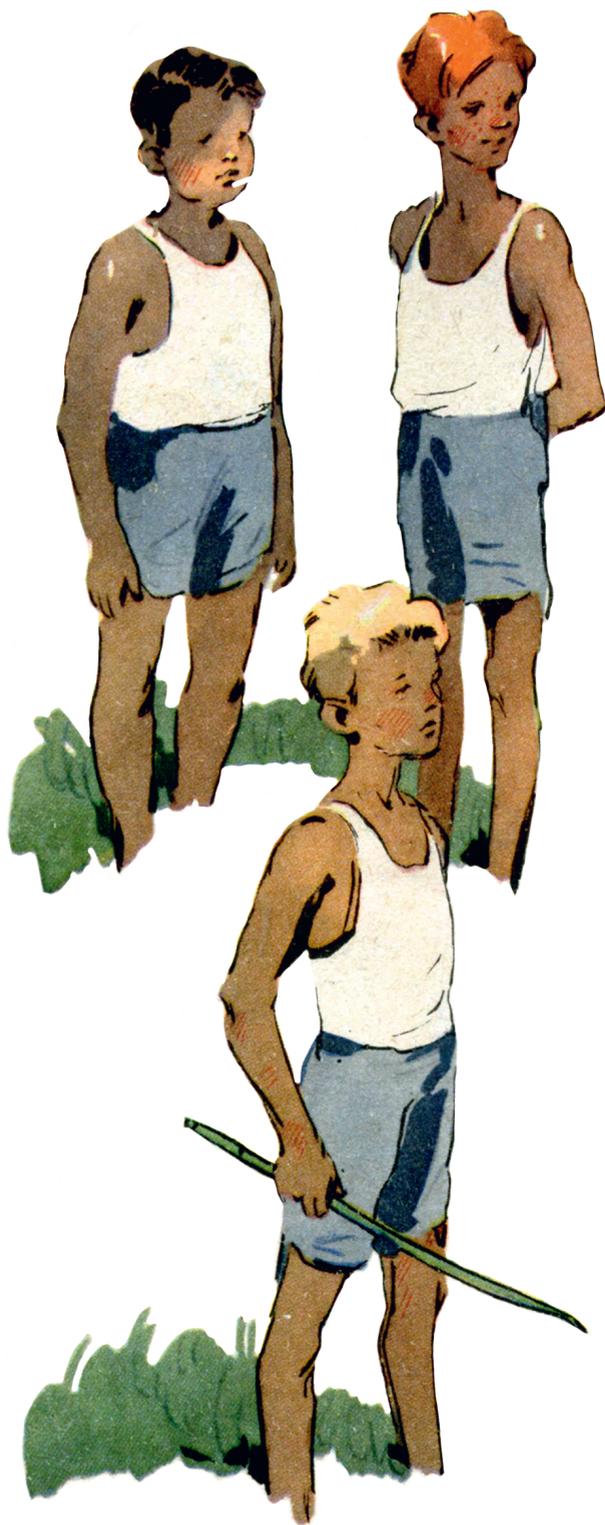

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой три приятеля знакомятся с внучкой Волшебника

Вероятно, вы уже заметили, что в очень многих книгах живут добрые или злые волшебники. В этой повести тоже есть волшебник с белой, мягкой, почти шелковой бородой. Знающие люди утверждают, что такие бороды бывают только у добрых волшебников.

Долгое время в дачном поселке никто не подозревал, что этот человек — волшебник. Его тесовый домик, похожий на древний теремок, с башенкой и узорчатой резьбой, стоял на отшибе, на крутом пригорке, окруженный зеленым забором и со всех сторон скрытый высокими густыми елями. Ни один житель поселка не знал, что делается за зеленым забором. Изредка поселковые мальчишки видели, как человек с белой бородкой куда-то уезжал из своего дома на машине, но в тот же день обычно возвращался обратно.

Он всегда сам правил машиной. Иногда рядом с ним сидела белокурая девчонка. Ее волосы были живительно светлыми, почти такими же, как борода человека, сидящего за рулем. Поэтому мальчишки прозвали девочку «Седой».

Седая выходила из кабины, открывала ворота и снова закрывала их, когда машина въезжала во двор. Легко щелкал запор на воротах, и все затихало.

Можно было подумать, что в тесовом домике за густыми елями никто не живет.

Но однажды девочка появилась в поселке. Это случилось, когда три приятеля, ученики шестого класса Илья, Никита и Лешка играли посреди улицы в «чижа». Все трое были в белых майках и синих трусиках, с царапинами и ссадинами на коленях, и все на первый взгляд походило друг на друга, потому что все одинаково загорели и три их носа одинаково облупись.

Но при желании вы, конечно, сразу отличили бы одного от другого.

Русоволосый Илья выше ростом, широкоплечий, коренастый, сероглазый. Никита — пониже, толстенький, кругленький, пышнощечкий, волосы у него темные, со светлым отливом, а глаза большие, карие. Третий, Лешка, был худощав, костляв, рыжеват, и глаза на его конопатом лице светились непонятным зеленовато-желтым цветом. Итак, они играли в «чижа»...

Илья ударил палкой по заостренному носику «чижа» и широко размахнулся, чтобы «запулить» подскочивший «чиж» подальше от кона к стоящему в отдалении Лешке.

Но «чиж» так никуда и не полетел. Он шлепнулся рядом с Ильей на дороге, потому что Илья замер в замахе с удивленно приоткрытым ртом. Он застыл так, словно позировал художнику или скульптору.

— Седая! — шепнул Илья.

Сидевший на траве Никита вскочил.

Стройная девочка в ярко-голубом платье неторопливо шла по улице, помахивая пустой хозяйственной сумкой. Светлая коса свешивалась через ее плечо на грудь.

Девочка была красива. Пожалуй, даже очень красива. Когда она подошла поближе, приятели сразу убедились в этом. И еще они увидели, что глаза девочки такие же ярко-голубые, как и платье, смотрят вперед задумчиво и грустно и словно ничего не замечают.

Она прошла бы мимо, если бы ее не окликнул конопатый Лешка. Он был самый большой задира в поселке.

— Эй, Седая! — крикнул Лешка. — Споткнешься!

Он медленно подходил к ней, скрестив на груди костлявые загорелые руки.

Девочка остановилась, и ее светлые ресницы, густые, словно веточки молодой елки, чуть-чуть дрогнули.

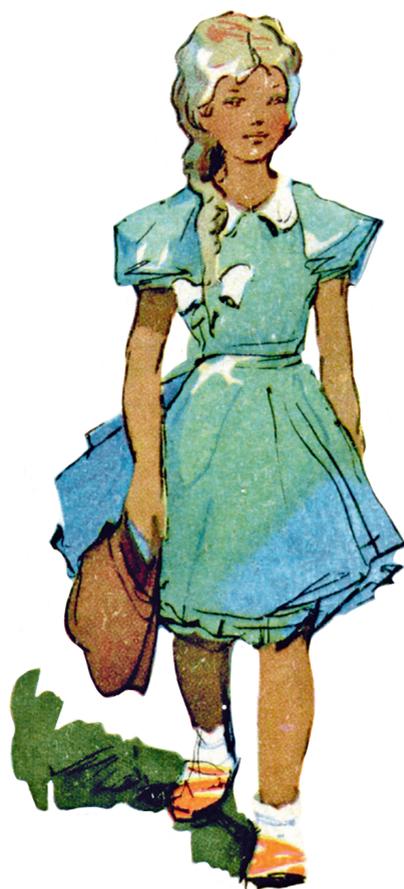
— А, это вы, — сказала она, будто была давно знакома с ними. — Здравствуйте, богатыри.

— Чего?.. — удивленно протянул Лешка. — Какие богатыри? А хочешь, я тебя чижом стукну?

— Молчи, Рыжий! — шикнули на него возмущившиеся ребята.

— А чего она дразнится? — почесал Лешка кончик облупленного носа.

— Я же в шутку, — сказала девочка. — Это дедушка про вас сказал, что вы богатыри в трусиках...

— А откуда твой дедушка про нас знает? — недоверчиво улыбнулся Илья.

— Мой дедушка все знает, — серьезно сказала она. — Он Волшебник.

Приятель переглянулся, и Лешка презрительно прыснул:

— Вот врет и не краснеет!

— Я никогда не вру, — чуть обиженно проговорила девочка. — Мой дедушка самый большой Волшебник на свете!.. Скажите, ребята, где здесь магазин? У нас кончился сахар.

— За тем углом, — предупредительно указал Илья.

Но Лешка ядовито посмеивался:

— Если твой дедушка Волшебник, почему же он сам не сотворит сахар?

Она вздохнула:

— Если бы он захотел, то смог бы сделать и сахар. Но он думает о другом. Он даже не станет вечером пить чай, если я не напомню...

— А о чем он думает? — допытывался Илья.

— Это тайна, — снова вздохнула она и пошла дальше.

Приятель молчали. Можете себе представить, как они были озадачены.

— Девочка! — крикнул ей вслед Илья. — Как тебя зовут?

Она полуобернулась и ответила:

— Забава.

— Забава? — пробормотал Илья. — Вот чудное имя...

Когда девочка скрылась за углом, кругленький и толстощекий Никита, который до сих пор не проронил ни одного слова и стоял неподвижно, словно замороженный Волшебником, передернул вдруг плечами и горячо шепнул:

— Ребята! Это нельзя так оставить!

Илья и Лешка выжидательно посмотрели на него.

— Давайте разведем эту историю? — заговорщическим тоном продолжал Никита.

— Как? — в один голос спросили Илья и Лешка.

— Перелезем через забор...

— Когда?

— Сегодня вечером.

— Вот здорово! — воскликнул Лешка и от удовольствия потер ладонь о ладонь. — Только, чур не дрейфить! Встретимся, когда стемнеет... Да, ребята, наденьте штаны, а то возле забора такие густые елки, что можно исколоться.

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой приятели узнают, что происходит за зеленым забором

Как совсем стемнело, мальчики осторожно подобрались к таинственному забору. Ночь была тихая, безлунная и черная. Звезды отчетливо мерцали над елками, и Млечный Путь стыл в небе огромным неясным облаком. Было душно, пахло смолой и теплой сыроватой землей.

Приятели долго лежали на колючем ковре из высохших елочных иголок, прислушиваясь и безуспешно стараясь разглядеть что-нибудь в щелях забора.

— Полезли! — наконец решительно сказал Илья и пошевелился.

Елочные иголки зашуршали под ним.

— Тише!.. — зашипел Лешка, который храбрился днем, но теперь вдруг почувствовал, что его покидает смелость. — Ребята, может, не надо?

— Почему? — удивился Никита.

— А если там собака?

— Ну да! — Илья выплюнул попавшую в рот елочную иголку. — Если бы там была собака, она давно бы нас учуяла.

— А может, собака ученая... Ты перелезешь, она тебя хватъ за это самое место!

— Ну да, хватъ! — усмехнулся в темноте Илья. — Я ее сам хвачу за это место... Тьфу! Сколько иголок в рот набилось! Полезли!

Высокий и сильный, он легко подпрыгнул, ухватился за верхнюю доску, бесшумно подтянулся и сел, опустив ноги по ту сторону забора.

— Чего там? — нетерпеливо спросил Никита.

— Темнота... За ветками ничего не видно, — шептал Илья. — Нет, стой, где-то светится!

— Где?

— Да кто же его знает!

— Дай руку! — заволновался Никита и через несколько секунд, отдуваясь, сел на заборе рядом с Ильей.

— Ребята, не надо! — жалобно простонал внизу Лешка.

— Отстань ты! А еще говорил: «Чур, не дрейфить!» — презрительно бросил Илья и спрыгнул по ту сторону забора.

— Ребята! — заметался среди елок Лешка. — А как же я? Никита, помоги!

— Не пищи! — сердито сказал Никита. — Держись за мою ногу. Да не дергай так, а то я слечу!

— Ух ты, — пробормотал Лешка, взбираясь на доски. — Какой забор высокий. А где Илья?

— Чш-ш!.. — раздалось из темноты. — Прыгайте...

Никита и Лешка прыгнули и тихонько взвизгнули, потому что угодили в заросли крапивы.

— Илья, куда теперь? — простонал Лешка. — Ох, лицо горит! Где ты, Илюшка?

— Здесь... Молчите!

Наконец они нашли его. Илья лежал в высоких лопухах в десяти метрах от веранды тесового дома. Темный силуэт загадочного дома с ажурной башней над верандой ясно вырисовывался на фоне звездного неба. Все окна были темны, и только в чуть приоткрытой двери на веранде серебрилась полоска света.

— Небось спят, — сказал Лешка, но Илья предостерегающе ткнул его кулаком в бок.

Над круглым столом на веранде вспыхнула лампа. Свет упал на крыльцо и на круглую клумбу с яркими цветами.

Дверь распахнулась, и на пороге показалась Забава. Она была все в том же голубом платье.

В одной руке девочка держала обычный никелированный чайник, а в другой — решетчатую подставку к нему. Капельки пота сверкали на ее лице.

Она негромко напевала песенку, смысл которой стал понятен мальчикам значительно позже:

Мамы, папы, до свидания!
Космонавтам вылет дан!
Полетел в созвездье дальнее
Наш волшебный мыслеплан!
Во Вселенной все мы высмотрим
И доложим обо всем.
Не страшны нам реки быстрые,
И моря нам нипочем!
Видим горы, скалы грозные...
Странный мир... тревожный час!
Мамы, папы, в ночи звездные
Поищите в небе нас!
Нет конца просторам Вечности,
Но тепло родной земли
По дорогам Бесконечности
Мы с собою пронесли!

Она поставила на скатерть чайник и, перегнувшись через перила, глубоко вздохнула и крикнула в темноту:

— Дедушка! Чай готов! Слышишь, дедушка? Хватит гулять!

— Иду, внучка! — раздался за домом глухой, чуточку сипловатый голос.

Из-за угла быстро вышел человек с седой бородой. Десятки белых мотыльков, потревоженных его шагами, вспорхнули с клумбы и закружились в воздухе, словно хлопья снега. Помахивая в такт шагам рукой, словно он дирижировал невидимым оркестром, человек обогнул клумбу и бодро взбежал по заскрипевшим ступенькам на веранду. Он был строен, так же как и его внучка, и если бы не шелковая борода, наверно, походил бы на совсем молодого человека. И глаза у него были молодые — ясные и голубые, как у внучки.

Забава внимательно посмотрела на него.

— У тебя сегодня веселые глаза, дедушка.

— Да, внучка! — сказал он торжественно.

— Дедушка! — вскрикнула она радостно. — Неужели ты...

— Да, я нашел, наконец, то, что искал! Великое волшебство совершено! Еще когда ты не родилась, я сделал много удивительного и волшебного. Всякий раз люди радовались и благодарили меня, потому что все, что я давал им, помогало жить и быть сильными. Ведь ты знаешь, что я добрый волшебник.

— Знаю, дедушка.

— Я не мог найти только одного...

— Это я тоже знаю.

— Да, Забава, год за годом искал я эту волшебную тайну и не мог найти. Ты подросла и стала понимать, как мне трудно... Я часто видел тебя печальной, и от этого мне становилось еще тяжелее! Ты всегда помогала мне, девочка, как могла, и я очень ценю твою помощь. Я очень люблю твои заботливые руки!.. И вот сегодня... несколько минут назад я совершил то, о чем мечтал всю жизнь.

Забава внезапно обняла Волшебника и прижала голову к его груди. Так стояли они с минуту в молчании, и он поглаживал ее растроганно и нежно.

Наконец она повернула к свету лицо, и мальчики увидели, что ее ресницы влажно сверкнули.

— А теперь пить чай! — вытирая глаза кулаком, строго сказала Забава.

— Слушаюсь! — по-военному ответил дедушка и сел за стол спиной к затаившим дыхание мальчикам.

— Ты опять забыл положить в стакан сахар, — покачала головой Забава.

Волшебник склонился над стаканом и зазвенел ложечкой.

— Забавушка, а почему ты не приглашаешь пить чай наших гостей? — совсем неожиданно спросил он.

— Каких гостей, дедушка?

— Трех богатырей, которые лежат сейчас в лопухах и не сводят с моего затылка глаз. Видишь, лопухи зашевелились?.. — продолжал он, не поворачивая головы. — Стойте, богатыри! Бежать бесполезно, потому что калитка заперта, а через забор перелезть не так уж просто, если я захочу поймать вас. Идите лучше пить чай.

— Ребята, идите же, — гостеприимно сказала Забава.

Казалось, она совсем не была удивлена.

Первым поднялся Илья, затем показалось толстошее и очень смущенное лицо Никиты, и, наконец, из лопухов вынырнула огненная Лешкина шевелюра.

Переминаясь с ноги на ногу, приятели молча стали перед крыльцом. Волшебник оглядел их с улыбкой, щуря один глаз.

— Я понимаю, вы хотите извиниться за то, что тайком перелезли через забор, но от смущения не можете найти слов, — сказал он лукаво. — Не будем больше говорить об этом. Мне точно известно, что вы сюда пришли с добрыми намерениями. Ведь правда?

— Правда, — поспешно ответил Лешка, — честное слово!

— Не нужно без толку давать честное слово. Ведь я и так вам верю. Вам очень хотелось узнать, что происходит за этим забором, и вы просто не догадались постучать в калитку.

Человек с белой бородой каким-то непонятным образом читал их мысли.

Мальчикам стало даже немножко страшно. Теперь они уже почти не сомневались, что перед ними сидит самый настоящий волшебник.

Забавушка зазвенела посудой.

— Пейте, ребята, чай остывает.

Приятели робко поднялись на веранду, потоптались перед столом и сели.

Продолжая щурить глаз, Волшебник молча ждал, когда они сделают по глотку из своих стаканов.

— Я пью чай только с сахаром и терпеть не могу конфет, — проговорил он, — но Забава любит конфеты. Я подозреваю, что вы сходите с ней вкусами. В этой вазочке лежат конфеты. Хорошие шоколадные конфеты! Берите их смело.

Илья засунул в рот конфету. Она оказалось очень вкусной, и он тут же пожалел, что взял только одну.

— Ты сейчас подумал, что хорошо бы взять вторую конфету, — вдруг сказал Волшебник. — Бери, богатырь! Тебя зовут Ильей?

— Да, — тихонько сказал Илья, потрясенный умением волшебника видеть все насквозь.

— Илья... Славное имя... Итак, ты Илья Муромец, — продолжал человек с белой бородой и внезапно посмотрел на Алешку.

— А ты Алеша Попович?

Лешка вздрогнул и поперхнулся.

— Алеша Попов, — сказал он, откашливаясь и краснея так, что на его лице исчезли веснушки.

— Нет, братец, Алешей Поповым ты был по ту сторону забора. А здесь ты Алеша Попович. Вот так! А что касается третьего богатыря, то мы назовем его Добрыня Никитич. Согласен?

— Согласен, — поспешно кивнул Никита, посасывая конфету и причмокивая. — Только по правильному меня зовут Никита Добрынин.

— Это ничего, что не совсем подходит, — сказала Забава. — Дедушка любит переименовывать имена. Меня, например, зовут не Забава, а Вероника.

Волшебник чуточку рассердился.

— Я ничего не переиначиваю, потому что ты на самом деле Забава, а эти мальчики — Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович! У нас повсюду много богатырей, только они об этом не подозревают, хотя и совершают богатырские дела. Да, друзья мои, на нашей земле никогда не переводились богатыри и волшебники! Никогда!

— Но мы... еще не сделали ничего богатырского, — нерешительно сказал Илья.

— Сделаете! Обязательно сделаете! — Человек с белой бородой сжал кулак и слегка пристукнул им по столу. — Помнишь ли ты о том, Добрыня Никитич, как много веков назад ты победил Змея Горыныча и спас из плена красавицу Забаву Путятишну?

— Я? — изумленно открыл рот Добрыня Никитич, переставая сосать конфету.

— Да, именно ты!

— Не... помню...

— А я помню! И сдается мне, что тебе еще раз придется спасти Забаву.

— Когда?

— Скоро, очень скоро... Кстати сказать, вам, добрые молодцы Илья Муромец и Алеша Попович, тоже придется очень скоро совершать подвиги!

Приятели молчали, не зная, что подумать. Может быть, человек с белой бородой потешается над ними?

— Товарищ Волшебник, — сказал Илья Муромец, отодвигая пальцем стакан, — а какое волшебство вы совершили сегодня?

— Я давно ждал этого вопроса, потому что, лежа в лопухах, вы слышали, как я говорил Забаве о великом волшебстве. Хорошо, я расскажу вам. Слушайте...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой человек с белой бородой раскрывает трем богатырям тайну своего волшебства

Волшебник задумчиво помолчал. Было слышно, как в темноте трещали кузнечики. Вдали на железной дороге зашумела электричка. Эхо в лесу настойчиво повторяло ее удаляющийся шум. Ночной ветерок принес на веранду резкий запах цветущего табака. Два белых мотылька вились над столом, то и дело ударяясь об электрическую лампу.

— Вы любите сказки? — вдруг спросил он.

— Да, — в один голос сказали богатыри.

— Так я и думал, — закивал он головой. — Только не думайте, что волшебство бывает только в сказках. Хорошая сказка только предвосхищает то, что случается потом на самом деле.

— Это как? — спросил Алеша Попович и потрогал пальцем облупленный нос.

Приятели знали, что он всегда поступает так, когда чем-нибудь озадачен.

— Очень просто! — быстро сказала Забава. — Было много сказок о ковре-самолете, а теперь люди и вправду летают на самолетах.

— Правильно, — снова закивал человек с белой бородой. — А вспомните старую сказку о волшебном яблоке, которое катается по блюдцу и показывает то, что происходит где-то далеко-далеко.

— Телевизор! — догадался Добрыня Никитич и самодовольно заулыбался.

— Тоже правильно... Давайте вспомним еще что-нибудь, — продолжал Волшебник. — Ну, вспомнили?

— Вспомнил, — сказал Илья Муромец. — Иванушка скачет на Коньке-Горбунке на Луну... к Месяцу Месяцовичу!

— Космическая ракета! — выпалил Добрыня Никитич, и его толстощекая физиономия снова расплылась в улыбке.

— А теперь скажите, богатыри, разве все это не волшебство? Ракета, летящая на Луну? Ведь чудеса, правда? И согласитесь, что творить такие чудеса под силу только волшебникам и богатырям! Я ведь уже сказал вам, что у нас никогда не переводились волшебники и богатыри!

— Волшебники — это ученые, — сказал Илья Муромец. — Я знаю: вы — ученый.

— Думай обо мне, что хочешь, — прищурился человек с белой бородой, пряча под опущенными ресницами улыбку, — только я волшебник, и вы сейчас в этом убедитесь... Что бы вы сказали, если бы я перенес вас... — Он поднялся из-за стола и протянул руку к ночному небу. — Что бы вы сказали, если бы я перенес вас к одной из этих звезд?

— Полетели! — сорвался с места Илья Муромец. — Товарищ Волшебник, пожалуйста, давайте полетим!

— А куда мы полетим? — с сомнением в голосе спросил Добрыня Никитич, который не любил принимать поспешных решений. — Если на Марс или на Венеру, то это еще можно... А если куда-нибудь дальше...

Волшебник остановил его движением руки:

— Ты хочешь сказать, что если лететь дальше нашей солнечной системы, то для этого может не хватить человеческой жизни?

Добрыня Никитич помолчал, соображая.

— Ну, конечно, не хватит... До Луны наша ракета летит около трех суток... Ну так Луна совсем рядом! Если же на Марс или на Венеру лететь, небось потребуются много месяцев. А ведь Марс и Венера, можно сказать, наши соседи. Они вместе с Землей вокруг одного Солнца вертятся. Ну, а если улететь из нашей солнечной системы к другим солнцам... — Добрыня безнадежно покачал головой. — Ста лет будет мало!

— А можно со скоростью света лететь! — торопливо сказал Илья Муромец, давно и очень страстно мечтающий о межпланетных путешествиях. — Триста тысяч километров в секунду! Я читал, что есть ученые, которые уже изобретают такие ракеты. Забыл, как она называется...

— Фотонная ракета, — подсказал Волшебник. — Ну что же, я вижу, что вы неплохо разбираетесь в космосе, что делает честь ученикам шестого класса. Однако я считаю, что для космического пространства триста тысяч километров в секунду — черепашня скорость. Конечно, до нашего Солнца с такой скоростью можно добраться за несколько минут, но, если бы вы полетели на фотонной ракете к другому солнцу — а другое, самое ближайшее к нам солнце в созвездии Центавра, — для такого путешествия потребовалось бы четыре года. Заметьте, четыре года только туда, да четыре года обратно!

— Ой-ой! — вздохнул Алеша Попович. — Что-то мне не очень хочется лететь на Центавр...

— А я все равно полетел бы! — тряхнул головой Илья Муромец. — Подумаешь, восемь лет!

— А мы перенесемся еще дальше! — вдруг сказала Забава.

Богатыри, словно по команде, повернули к ней удивленные лица. Она сидела за столом, положив подбородок на колени и с нежностью глядя на Волшебника.

— Правда, дедушка?

— Правда, Забава, — улыбнулся он. — Я перенесу вас в такую даль, в такую даль...

— Неужели со скоростью света? — спросил Илья Муромец.

— Быстрее! В миллион раз быстрее! — воскликнула Забава.

— Этого не может быть! — сказал Добрыня Никитич. — Триста тысяч километров в секунду — это предельная скорость, известная на Земле. Волшебник положил руку на его плечо.

— Ты правильно сказал, Добрыня: известная на Земле... А что, если существует скорость, которая еще никому, кроме меня, не известна?

Все молчали. Да и что можно сказать, когда слышишь такое, что никак не укладывается в голове? У Добрыни Никитича вдруг мелькнула

мысль: «Этот человек — великий гений! А может быть... Может быть, он сошел с ума?!» А человек с белой бородой неожиданно для всех рассмеялся весело и задорно, совсем как школьник:

— Ты подумал сейчас, Добрыня, что я гений или сумасшедший! Не опускай стыдливо глаз, богатырь! И не беспокойся: я не сумасшедший. Я ведь уже сказал вам, что я волшебник... Самый обыкновенный волшебник... Но даже волшебнику не всегда все бывает под силу. Так вот, я много лет искал волшебную тайну пространства и времени... Кстати, знаете ли вы, что они совершенно различны?

— Знаем, — дрогнувшими губами шепнул вспотевший от смущения Добрыня Никитич.

— Пространство и время не имеют ни начала, ни конца. Я бы сказал, что они едины в своей бесконечности... Вы понимаете меня? — строго спросил Волшебник.

— Да, — соврал Добрыня Никитич и незаметно вытер рукавом капельки пота на своем лице.

— Нет, вы совсем не понимаете меня! — вдруг рассердился Волшебник. — Мальчишки! Хорошо, я буду говорить яснее... Сколько метров от веранды до калитки, Вероника? — спросил он, впервые за вечер называя внучку ее настоящим именем.

— Двадцать метров, дедушка.

— Сколько нужно секунд, чтобы пройти это расстояние?

— Не знаю... Быстрыми шагами — секунд десять.

— Так вот, люди мыслят на Земле, приравниваясь ко всему земному. Они рассуждают так: двадцать метров до калитки — это мало. А вот до города от нашего поселка — шестьдесят километров — это много... Дальше... Десять секунд — это очень мало. А если Земля повернулась один раз вокруг своей оси — это уже много: двадцать четыре часа.

Но что такое «много» или «мало» для космоса, где нет ни калитки, ни земных минут, секунд и часов?

Как только вы отрешитесь от земных представлений, вам не от чего будет вести отсчет расстояния и времени! И тогда секунда будет все равно, что тысяча или миллион лет. А двадцать метров — все равно, что миллиард километров. Я нашел тайну бесконечности! Мое волшебство заключается в том, что мне не нужно ни часа, ни года, ни тысячи лет, ни тысячной доли мгновения, чтобы перенестись с Земли в другие миры!

— Но это... — робко начал Илья Муромец.

— Сказка? — сверкнув глазами, быстро спросил Волшебник. — Да, сказка! Как только вы перелезли через зеленый забор, вы очутились в сказке.

— Он помедлил и вдруг добродушно улыбнулся. — Когда вы будете рассказывать о том, что видели и еще увидите сегодня, найдутся люди, которые скажут, что это совсем неправдоподобная сказка. И пусть себе говорят! Они очень скучные люди, потому что не умеют мечтать!

Илья Муромец зачарованно смотрел на Волшебника, и в его широко открытых глазах горел такой восторг, что Забава, нечаянно взглянувшая на него, почему-то порозовела и, запрокинув голову, расхохоталась звонко и весело. Ее белая коса змейкой скользнула с плеча на спину.

Но он не обратил на Забаву никакого внимания.

— Теперь я все знаю, — уверенно сказал Илья человеку с белой бородой, рассеянно теребя свой чуб, выгоревший за лето на солнце, — вы специалист по всяким полетам.

— Да, — сказал Волшебник, — когда-то я подарил людям ковер-самолет, а сегодня я дал им мыслеплан! Хотите, я покажу вам свой мыслеплан?..

— А где он? — тихо спросил Алеша.

— Да вот же он! — Волшебник развел руками, и что-то вдруг ослепительно сверкнуло.

Мальчики вскочили со своих мест. От изумления они не смогли сказать ни одного слова.

Терраса, на которой они только что пили чай, исчезла...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой герои этой сказки попадают на неизвестную планету

Они очутились в квадратной комнате с золотистыми светящимися стенами.

Ни окна, ни двери! Стены, излучающие ровный приятный свет, были гладкими, будто отполированными.

В комнате стояло несколько мягких кресел. Вот и все, что было в ней, если не считать прикрепленного к одной из стен щита со множеством белых кнопок и над щитом большой карты звездного неба.

— Садитесь, — повелительно сказал Волшебник.

Они сели в кресла.

— А куда мы полетим? — спросил Добрыня Никитич.

— Ребята, а может никуда не надо? А? — тихонько захныкал Алеша Попович.

— Молчи, Рыжий! — шепнул Илья Муромец.

— Мы перенесемся, ребята, в одно из самых далеких от Земли созвездий, — негромко сказала Забава. — Да, дедушка?

— Да, Вероника, да, Забава! Мы понесемся сейчас, друзья, со скоростью мысли, или, если хотите, со скоростью мечты!

— Пожалуйста, не надо далеко, — продолжал хныкать Алеша Попович. — Товарищ Волшебник... ребята! Давайте лучше на Венеру или на Марс.

— Ну какая же это будет сказка? — пожал плечами Волшебник. — Перенестись на Марс или на Венеру можно с помощью обыкновенной ракеты, которую наши люди уже научились строить.

— Мы перенесемся, ребята, в созвездие, которое носит мое имя, — сказала девочка и покраснела. — Первое путешествие в космос дедушка обещал посвятить мне. Это созвездие называется Волосы Вероники.

— Да, да, Волосы Вероники, — взволнованно закивал Волшебник и ткнул твердым пальцем на карту. — Вот оно, небольшое созвездие нашего северного неба... Видите, оно расположено между созвездиями Волопаса, Девы, Льва и Гончих Псов.

Здесь находится северный полюс Галактики. И так далеко это созвездие, эта крохотная кучка звезд, что все они кажутся нам совсем неяркими, едва различимыми с Земли. А между тем в созвездии Волосы Вероники десятки огненных живых солнц! К одному из этих солнц — смотрите, вот к этой малюсенькой точке — мы и перенесемся сейчас.

— И погибнем! — визгливо вскрикнул Алеша Попович.

— Почему? — недоуменно посмотрел на него Волшебник.

— Потому что ни на какой звезде нельзя жить. Мы сгорим в одно мгновение, — быстро и громко проговорил Алеша Попович.

Звуки его голоса до краев наполнили квадратную комнату и, казалось, с треском отскакивали от светящихся стен.

— Не говори так громко, пожалуйста, — поморщился Волшебник. — Я сказал, что мы перенесемся к одному из солнц созвездия, а не на само солнце.

У многих звезд есть свои планеты, так же, как у нашего солнца есть Земля, Марс, Венера... Никто еще не видел ни в один телескоп планет в других солнечных системах. Но они есть! На одной из таких планет мы сейчас и окажемся... — И он подвинул свое кресло к щитку с белыми кнопками и задумался.

Внезапно Волшебник вскинул руки, и его пальцы забегали по кнопкам, как бегают по клавишам рояля пальцы музыканта. Кнопки слабо пощелкивали, наполняя комнату шелестом. Наконец он медленно опустил руки, словно устал.

- Забава, — тихо сказал Волшебник, — сколько сейчас времени? Она посмотрела на маленькие ручные часы.
- Десять часов вечера, дедушка...
- Ты видишь на щите эту крайнюю кнопку?
- Да, дедушка.
- Нужно сделать последнее движение... Пусть эта честь принадлежит тебе! Прикоснись же пальцем к этой кнопке, девочка!
- Забава сделала шаг к щитку и прикоснулась к кнопке.
- Мыслеплан чуть-чуть дрогнул. Впрочем, это, может быть, только показалось взволнованным путешественникам.
- Все, — проговорил Волшебник торжественно.
- Что «все»? — шепотом спросил Илья Муромец и облизнул пересохшие вдруг губы.
- Волшебник поднялся с кресла. Его лицо было спокойным и бледным.
- Мы в созвездии Волосы Вероники, друзья! В одной из солнечных систем этого созвездия, на планете, о существовании которой на Земле даже не подозревают!
- А на этой планете есть воздух? — тревожно спросил Алеша Попович.
- Я уже проверил... Есть! Забава, сколько сейчас времени?
- По-прежнему десять часов, дедушка... Нет, уже одна минута одиннадцатого.
- Мы уже целую минуту находимся на другой планете!

ГЛАВА ПЯТАЯ, **в которой рассказывается о первых приключениях** **космических путешественников**

Стена мыслеплана раздвинулась. В образовавшемся проходе все увидели тьму. Непроницаемую ночную тьму, из которой отчетливо повеяло теплом и запахом каких-то цветов.

Может быть, Волшебник пошутил, и они попрежнему на террасе в дачном поселке? Разве не цветами с маленькой клумбы пахнет сейчас?

Нет! Слишком острым и незнакомым был аромат.

— Как сильно пахнет медом! — сказала Забава.

Волшебник первым шагнул в темноту, и следом за ним, торопясь и сталкиваясь в проходе, бросились остальные. Густой теплый мрак со всех сторон навалился на них.

Мыслеплан, снаружи оказавшийся круглым, будто огромный золотой апельсин, лежал в очень густой и высокой траве. Она доходила

мальчикам до пояса. Глаза путешественников начали привыкать к темноте, и в слабом свете, исходящем от золотого шара, трава показалась им необычайно розового цвета.

На ощупь она была клейкой и мягкой и резко пахла медом. Порывы теплого ветра раскачивали ее, и трава шелестела беспрерывно и ровно.

Черное небо над их головами пылало бесчисленными звездами. Что это было за небо! Незнакомые созвездия, целые группы звезд, словно живые, дрожали, мерцали, переливались голубоватым, желтым и красным светом.

Все молчали, пораженные невиданным зрелищем.

— Как красиво! — взволнованно прошептала Забава. — Дедушка, а где наша Земля?

— Земля? Неужели ты думаешь, девочка, что сможешь увидеть отсюда нашу Землю? Скорее можно разглядеть пылинку в облачке. Но наше солнце я покажу вам...

— Где, где, дедушка?

— Вон в том маленьком созвездии чуть виднеется желтая звездочка...

— Я не вижу...

— Да, ее трудно рассмотреть, эту звездочку... Но это и есть наше Солнце, и где-то там вокруг него совершают свой вечный полет Земля, Венера, Юпитер, Марс и другие наши планеты.

— Как далеко!

— Далеко? Это не то слово, девочка! В человеческом языке нет названия, которым можно было бы обозначить число километров, отделяющих сейчас нас от нашей солнечной системы.

— Даже страшно становится... — повел плечами Алеша Попович.

— Не бойтесь, друзья! С вами добрый волшебник!

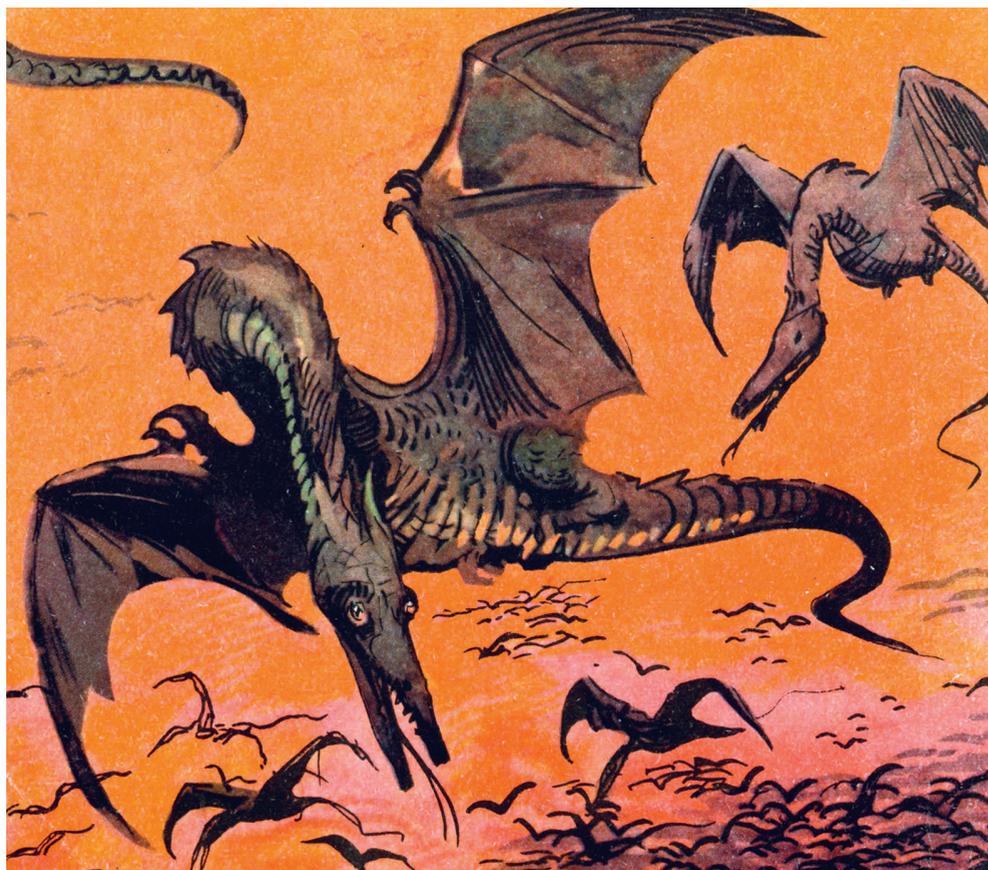
Между тем тьма поредела, и вдали начали вырисовываться неясные очертания скалистых гор.

Острые пики и глыбы вздымались над незнакомой планетой высоко и грозно.

Небо над ними быстро бледнело, звезды тускнели, таяли на глазах и исчезали.

Ветер стих. В молочном сумраке стало видно все пространство вокруг мыслеплана. Это была широкая долина, поросшая высокой розовой травой.

Слева линию горизонта закрывала темная гряда леса. Он тянулся в сторону скал и терялся где-то в предгорьях. Справа долина постепенно понижалась и, по-видимому, заканчивалась обрывом над рекой. Оттуда слабо доносились журчание и плеск воды. Однако разглядеть,

что происходит там, внизу, было невозможно, потому что за обрывом огромным мохнатым облаком висел белый туман.

Космонавты не двигались, зачарованно глядя, как рождается утро на незнакомой планете. Вот в розовой траве засвистала невидимая птичка тонко и прерывисто: «Фью-фью-фью-фью!» Ей ответила другая, потом третья, четвертая... Но, может быть, это свистели не птицы, а какие-нибудь животные?

— Смотрите, смотрите! — вдруг испуганно вскрикнул Алеша Попович.

Из тумана одна за другой вынырнули огромные крылатые тени. Их было не меньше десятка. Забава вздрогнула:

— Ой, какие странные птицы!

— Кажется, летучие мыши... — неуверенно сказал Илья Муромец.

— Какие же это летучие мыши? — запротестовал Добрыня Никитич. — В каждом крыле метра три!

Крылатые чудовища с длинными хвостами пролетели над путешественниками, издавая пронзительные воркующие звуки. Теперь были хорошо видны их змеевидные темные туловища с четырьмя короткими лапами и большие вытянутые головы с маленькими круглыми глазками. Легко и бесшумно взмахивали они перепончатыми крыльями. Одно из чудовищ отстало от стаи, сделало плавный круг и, открыв пасть, тонко запищало.

— Будто ножом по сковородке! — усмехнулся Илья.

В пасти чудовища блеснули белые игольчатые зубы.

— Пожалуй, их можно назвать птерозаврами, — сказал Волшебник, — хотя я представлял их себе несколько иначе... Крылатые ящерицы. Да, да, гигантские крылатые ящерицы. Подобные твари жили на Земле в юрском периоде...

Птерозавр все еще парил над ними, вытянув перепончатые крылья. Наконец он с недовольным клекотом полетел следом за стаей.

— А они опасны? — спросил Алеша Попович, приходя, наконец, в себя и зябко поводя плечами.

— Как знать... — Волшебник задумчиво поглаживал белую бороду. — Даже волшебники не всегда понимают все сразу, особенно если они находятся на чужой планете...

Небо над далекими горами покраснело, накаляясь все ярче и ярче, и стало, наконец, багровым. Вершины скалистых гор внезапно ослепительно засверкали.

— Снег, снег! — ахнула Забава. — На горах снег!

На долину от гор упали длинные тени. И теперь в свете разгорающегося дня путешественники вдруг увидели: все, что растет на этой планете, удивительно розового цвета! Розовая трава... Странные розовые деревья в лесу... Далеко внизу за обрывом, за облаком тумана, нежно-розовая дымка покрывала неясные просторы заречья: должно быть, там тоже рос розовый лес.

— Это просто... просто невероятно! — развел руками Илья Муромец. — Честное слово, так не может быть!

— Не бросай на ветер честного слова! — строго посмотрел на него Волшебник. — Ты же видишь, что здесь все растения розовые? Значит, это может быть!

— Но, понимаете... — помялся мальчик. — Мы учили в школе, что в каждом растении есть хлорофилл, от которого зависит зеленый цвет. Хлорофилл обязательно зеленеет под действием солнечных лучей! Ну, конечно же, я это точно помню: растения вдыхают углекислоту и под действием хлорофилла разлагают ее и выдыхают кислород. Таким образом, растения поддерживают жизнь всех животных. Ведь без кислорода жить нельзя!

— Без кислорода действительно нельзя жить, — ворчливо проговорил Волшебник, — но кто тебе сказал, что вот эти розовые растения тоже не вдыхают углекислоту и не выдыхают кислород?

— Но ведь они розовые. Значит, в них нет хлорофилла!

— А это бабушка надвое сказала, дорогой Илья Муромец! На нашей Земле тоже есть розовые и даже красные растения, содержащие хлорофилл. Вероятно, ты невнимательно слушал учителя... Багрянки! Да, друзья, багрянки, целое семейство водорослей! Кстати сказать, из багрянки добывают йод. Их происхождение до сих пор не выяснили ученые. Но я-то уверен, что именно эти водоросли были прародителями всей растительности на Земле в ту пору, когда на ней зарождалась жизнь. Ведь то, что водоросли были первыми нашими растениями, известно давно. Неизвестно только, какого цвета они были. Уверяю вас, друзья, они были красного цвета! Такие же, как и современные багрянки.

Эти багрянки великолепно приспосабливаются к разным условиям жизни. Они могут существовать и в море на большой глубине, и на суше! Они, остатки древнего мира, всегда напоминают нам о его молодости.

— Дедушка, — быстро перебила его Забава, — если все так, как ты говоришь, значит эта розовая планета совсем молодая?

— Именно это я и хочу сказать! — взмахнул рукой Волшебник.

И словно по движению его руки из-за снежной вершины вырвался поток режущих глаза лучей, и солнце, неведомое, незнакомое солнце, но такое же, как и то, к которому они привыкли на Земле, — огнедышащее, слепящее и радостное — засверкало над планетой.

— Это... это чудесно! — тихо и взволнованно прошептала Забава.

ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой Забаве и Алеше угрожает смертельная опасность

— А теперь, — сказал Волшебник, — я с Ильей Муромцем и Добрыней Никитичем посмотрю, что делается внизу, вон там, за обрывом, а Забава и Алеша Попович останутся сторожить наш волшебный шар.

— Дедушка, — надула губы внучка, — но мне тоже хочется пойти с вами.

Он покачал головой.

— Нет, Забава, мыслеплан оставлять нельзя. Никто не знает, что может случиться... Надеюсь, тебе здесь не будет ни страшно, ни скучно: ведь с тобой останется такой отважный богатырь! — И он прижал пальцем облупленный нос Алеша Поповича. — Пойдемте же, Илья и Добрыня!

Они удалились, шурша травой, и скоро скрылись за обрывом.

— Алеша, — вздохнула Забава, — с шаром ничего не случится, если мы немного походим.

— А куда ты хочешь идти? — опасливо спросил тот.

— Совсем недалеко. Давай только дойдем до леса и посмотрим, какие там деревья. Кругом ровное поле, и нам все время будет виден мыслеплан.

— Ну что же, пойдём... — согласился Алеша не очень охотно.

Забавка шла впереди. Крупные бабочки с такими же розовыми, как трава, крыльями вспархивали из-под ее ног и снова садились, становясь невидимыми.

«Фью-фью-фью-фью!» — свистели там и тут какие-то птицы.

Несколько стрекоз величиной с голубя кружились над Забавой и Алешей.

— Ого! Да они кусаются! — вскрикнул вдруг он, ударяя себя по затылку и отшвыривая странное насекомое. — Тьфу, какие хрупкие и противные! Я думаю, что они больше похожи на комаров, чем на стрекоз.

Девочка не ответила, внимательно глядя вперед. Она неторопливо шагала, раздвигая траву руками. Сочные стебельки, увенчанные мохнатыми метелочками, шуршали, ломались и хрустели под ногами. Розовая, пахнущая медом пыльца окрасила ее руки. Скоро светлые волосы Забавы, ее брови и ресницы порозовели.

А солнце в безоблачном и таком же нежно-синем, как и на Земле, небе поднималось все выше. Становилось жарко.

— Пойдем обратно, — предложил Алеша. — Хочется пить.

— Отдохнем немного в лесу. Ладно? Смотри, шар отсюда хорошо виден, и кругом никого нет.

Они подошли к лесу. Теперь, когда их глаза все больше привыкали к розовому цвету, заполнившему весь этот удивительный мир, лес уже не казался им необычным. Он стоял неподвижным, высокий, густой. Его деревья очень напоминали гигантские папоротники. Но в глубине этот розовый лес темнел так же, как и на Земле, и из его таинственной чащи тянуло сыростью и прохладой.

— Как здесь хорошо! — весело пропела Забава. — Как хорошо!.. Побежим, Алеша!

Он остановился и засопел недовольно:

— Хватит!

— Еще чуточку. Самую чуточку!..

Платье Забавы замелькало между стволами величественных папоротников. У основания они были корявыми и скорее бурыми, чем розовыми. Такие же бурые мягкие мхи устилали почву, скрадывая шум шагов. Лапчатые ветви сплетались в вышине, и в разрывы ветвей там и тут призрачными туманными колоннами падал солнечный свет.

— Забава! — кликнул Алеша. — Я не пойду дальше! Где ты? Я тебя не вижу!

— Я здесь! — ответила она издалека. — Здесь поляна. И очень красивые цветы... Ты слышишь меня, Алеша? Как они пахнут! Как они пахнут, Алеша!

Недовольно посапывая, он пошел на ее голос и вдруг остановился, удивленный. Забава стояла посреди большой поляны. Ее окружали большие цветы с яркими красными лепестками. Густой, сладкий аромат наполнял воздух.

— Упругие, как резина! — крикнула Забава, с трудом срывая цветок и поднося его к лицу. — Похожи на тюльпаны... Правда?

Он не успел ответить, потому что Забава вдруг вскрикнула и упала.

— Забава? Что с тобой? — закричал Алеша, подбегая к девочке.

Она лежала без сознания.

— Забава, Забава... — повторял он растерянно, не зная, что предпринять, и заплакал.

Яркие цветы неподвижно стояли вокруг. От нежных лепестков волнами струился теплый дурмящий аромат. У него закружилась голова...

Забава вдруг вскрикнула и упала

Девочка лежала без сознания

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в которой Волшебник и двое богатырей делают неожиданное открытие

Волшебник, Илья Муромец и Добрыня Никитич спускались с отлогого холма, поросшего все той же густой розовой травой. А им навстречу от шумящей где-то внизу воды поднимался белый туман. Теплый и влажный, он скоро окружил их плотной стеной.

— Держитесь-ка за руки, друзья, чтобы не потеряться, — сказал Волшебник. Его голос прозвучал в тумане глухо, будто в подземелье. — А знаете что? Ведь это, кажется, не туман, а самый обыкновенный пар...

Разумеется, так и есть!

Они сделали еще десяток шагов и остановились у скалы, из-под которой прозрачным потоком вырывался могучий источник. Ветерок срывал с воды клубы пара и уносил их в сторону, на холм.

Вода в источнике хлопотала так сильно, что им пришлось говорить очень громко, чтобы слышать друг друга. Сначала Волшебник, а потом и мальчики опустили в воду руки. Она была горячая и такая прозрачная, что сквозь завихрения воды можно было различить каменистое дно.

Путешественники медленно шли по каменистому берегу источника. А когда клубы пара рассеялись, они поняли, что этот теплый ключ дает начало реке, широко разлившейся в долине. Там и тут виднелись небольшие островки с высокой розовой растительностью. Две большие птицы, испуганные пришельцами, забились в зарослях крыльями и с гортанным криком улетели в туман. Их тревожный крик, наверное, послужил сигналом для тысяч других птиц.

Бескрайней тучей взметнулись они в воздух со всех островков. В воздухе потемнело. Шум их крыльев походил на внезапный ураган, который, однако, затих так же быстро, как и начался.

Но, по-видимому, этот ураган обеспокоил еще одно существо, пришедшее на водопой и задремавшее в теплой воде. Посреди реки заплескалось что-то черное.

Притихшие путешественники увидели, как над водой вытянулась толстая, как бревно, змееподобная шея с маленькой головкой. Голова неторопливо повернула узкие глаза сначала направо, потом налево. Затем над водой выросло гигантское темно-серое туловище.

Богатырям стало страшно. Они крепче прижались к Волшебнику, а он вдруг рассмеялся и начал весело потирать руки.

— Бронтозавр! — совсем по-мальчишески воскликнул он. — Клянись моей бородой, один из самых роскошных видов травоядных ящеров! Надо думать, эта малютка весит не менее сорока тонн. Чудеснейший экземпляр! Не бойтесь, друзья! Это животное страшно только по виду, ведь оно не признает никакого мяса.

Медленно ступая по воде, бронтозавр вышел на берег и шумно отряхнулся.

Неуклюжий многометровый хвост животного тяжело ударил по воде, взметнув каскад брызг.

Вытянув такую же многометровую шею, бронтозавр медленно озираялся.

Наконец он успокоено изогнул шею, открыл пасть, очень похожую на пасть змеи, и с хрустом сорвал пучок розовой травы. Шея его снова вытянулась вверх. Он звучно и неторопливо жевал траву, прикрыв свои узкие глазки серыми веками.

И вдруг бронтозавр застыл. Казалось, он даже перестал дышать.

Недоеденная трава выпала из пасти на песок.

В зарослях розового кустарника послышалось грозное рычание. И в ту же секунду со стремительностью, которая так не вязалась с его неуклюжим видом, бронтозавр повернулся задом к кустарнику. Но он не собирался бежать. Голова на длинной шее медленно раскачивалась, потемневшие глазки загорелись яростью, и из пасти вырвался громopodobный воинственный вопль. Трудно сказать, что это больше напоминало — рычание льва или рев разъяренного быка. Но таким жутким был этот крик, что мальчишки снова в страхе прижались к Волшебнику.

Бронтозавр воинственно бил по земле хвостом. Прошла секунда, другая...

Из зарослей высунулась чудовищная хрипящая пасть с оскаленными зубами.

Длинный раздвоенный язык, точно молния, метался между рядами зубов.

Прошло еще несколько секунд, и на песок выползла на четырех мощных лапах то ли ящерица, то ли крокодил, если только так можно назвать звероподобное пресмыкающееся величиной со слона. Это чудовище было несколько меньше бронтозавра, но по тому, как оно готовилось к борьбе, как прижимало к песку брюхо, собираясь сделать прыжок, как нервно подрагивало его тело, одетое в темно-серебристый костяной панцирь, было видно, что перед бронтозавром опасный враг.

— Что это? — невнятно бормотал Волшебник. — Диноцефал? Очень похоже! Так и есть, диноцефал! Ну, это, кажется, страшный хищник, и мы, друзья, сейчас будем свидетелями никем еще не виданной битвы. Диноцефал сделал прыжок. И в то же время бронтозавр взмахнул хвостом.

Раздался пушечный удар. Диноцефал, этот бронированный великан, отлетел в сторону и перевернулся на спину. Мальчики ахнули.

Однако диноцефал, как видно, обладал ужасающей силой. Он тут же вскочил на лапы, сделал новый прыжок и вновь был опрокинут. Снова и снова бросался он на врага, и все неуверенней действовал хвостом бронтозавра. Вот его многотонный хвост впустую свистнул в воздухе и обрушился на берег, вывернув целую гору песка и красной глины.

Этого и ждал диноцефал. Два гиганта вцепились в смертельной схватке.

Тучи пыли, брызги воды и комки мокрой глины полетели на безмолвных путешественников, потрясенных этой битвой. Почва сотрясалась под ногами, и где-то далеко в заречье эхо повторяло дикие вопли сражающихся.

Огромные челюсти диноцефала сомкнулись на шее бронтозавра, раздался треск, и фонтан крови с силой ударил в воздух. Бронтозавр захрипел и умолк.

Диноцефал лежал на поверженном сопернике и отдыхал, закрыв глаза и тяжело дыша. Отчетливо слышалось, как журчит и булькает кровь бронтозавра.

Наконец диноцефал открыл глаза, приподнялся на передних лапах и вдруг рванул зубами тушу бронтозавра.

Его челюсти были остры как бритва. Они легко вырывали огромные куски мяса, и диноцефал с жадностью проглатывал их, поматывая своей бронированной головой и удовлетворенно урча. Гигант пожирал гиганта... Это было отвратительное зрелище.

— Я... не могу... это видеть, — прошептал Добрыня Никитич. — Пожалуйста, давайте уйдем отсюда...

Волшебник не успел ответить, потому что диноцефал внезапно перестал рвать свою жертву и уставился на путешественников неподвижными красноватыми глазками.

Он не торопился нападать. Может быть, он был удивлен появлением невиданных существ, а может быть, в нем пробудилось то чувство невольного трепета, которое уже давно испытывают на Земле все животные перед высшим существом — Человеком.

Путешественники не двигались. Шли секунды, а диноцефал не сводил с них круглых, налитых красной мутью глаз.

Но вот его пасть приоткрылась, снова молнией заметался в ней раздвоенный язык и раздалось негромкое хрипкое рычание.

Переваливаясь с боку на бок, диноцефал сбежал на коротких лапах с туши бронтозавра, прижал брюхо к песку и снова зарычал.

— Бежим! — не выдержал Добрыня Никитич и попятился.

Диноцефал прыгнул. И в то же мгновение произошло что-то странное и непонятное.

Тело звероподобного пресмыкающегося удивительным образом перевернулось в воздухе. Громко застучав своим жестким панцирем, диноцефал плашмя упал на камни. Он был мертв, и только его хвост все еще конвульсивно подергивался.

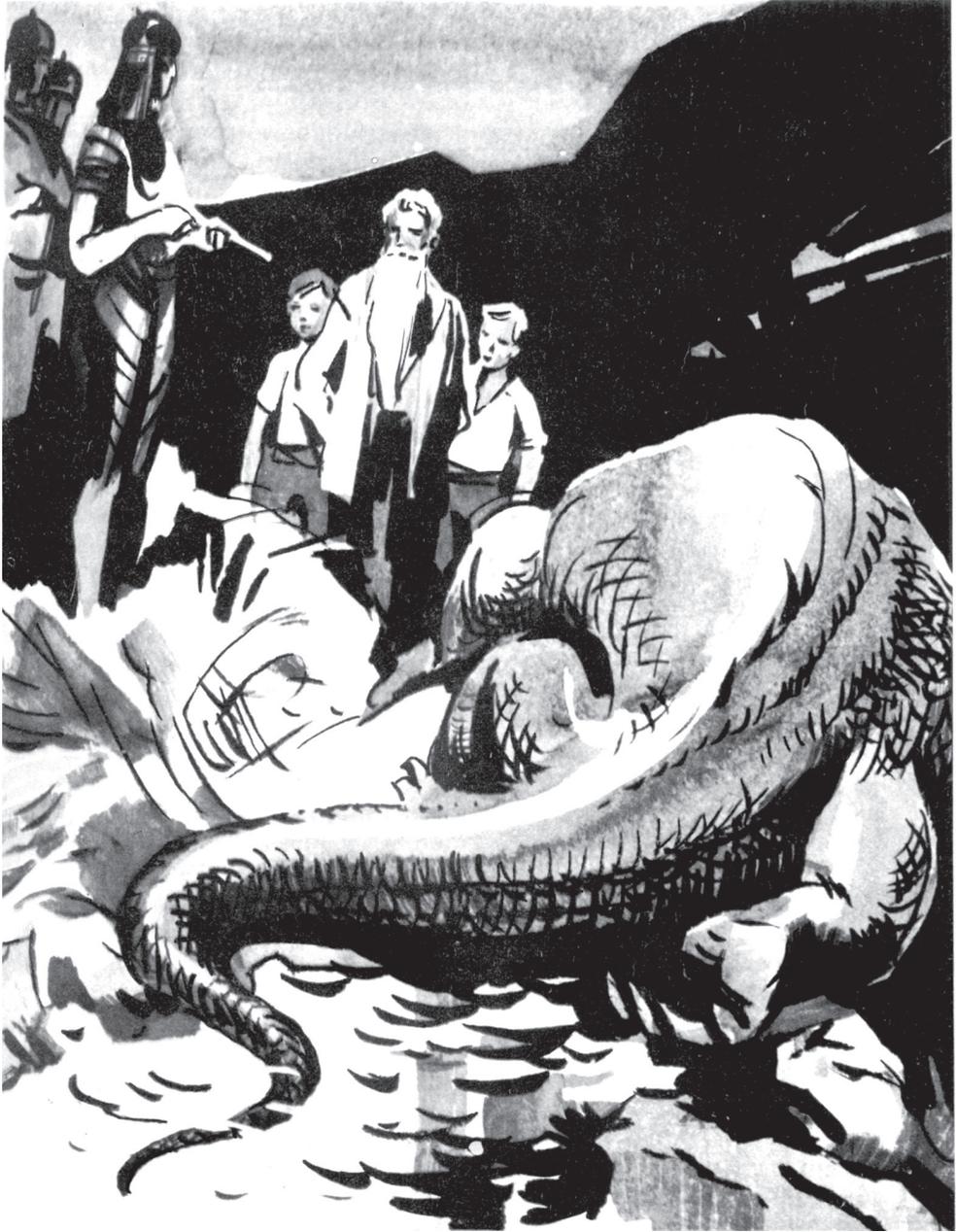
— Это... сделали вы? — приходя в себя, спросил Волшебника побледневший Илья Муромец.

— Нет, это сделал не я, — медленно покачал головой Волшебник и подошел к мертвому чудовищу.

— Но кто же?

*Громко застучав своим жестким панцирем,
диноцефал плашмя упал на камни*

— Не знаю, не знаю, — пожал он плечами. — Такое впечатление, что диноцефал убит электрическим током. Или... или, может быть, ультразвуковым лучом... Я не думал, что...

Волшебник не договорил, так как розовые кусты раздвинулись, и на берег быстро выскользнули какие-то люди. Именно люди, а не другие существа, потому что они стояли на двух ногах, а в верхних конечностях держали серебристые трубки с многочисленными темными клапанами. Одетые в глухие желтые костюмы, плотно облегающие их стройные тела, они остановились в нескольких метрах от путешественников и нацелили в них свои серебристые трубки.

Их было четверо, этих необычных людей с невидимыми лицами, скрытыми такими же, как и костюмы, желтыми масками. Лишь в узких прорезях у лба можно было различить блеск настороженных и любопытных глаз.

— Ну, теперь я ничего не понимаю, — тихонько проговорил Волшебник. — На этой молодой планете, где жизнь зародилась, судя по всему, не так уж давно, еще не может быть мыслящих существ. Придется мне лишиться себя звания Волшебника!

Услышав его голос, люди в желтых костюмах зашевелились. Тот из них, кто стоял впереди, протянул к Волшебнику руку и сказал певучим гортанным голосом:

— Сино Тау?

В его голосе отчетливо слышался вопрос. Волшебник развел руками и миролюбиво улыбнулся:

— К сожалению, я бессилён ответить вам, уважаемый.

Человек в желтом костюме повторил:

— Сино Тау?

— Нет, нет, лучше не спрашивайте, — продолжал улыбаться Волшебник. — Вот если бы все поднялись к нашему мыслеплану, я бы мог при помощи волшебной шкатулки понять ваши слова и разъяснить вам, кто мы такие. — И Волшебник жестом пригласил незнакомцев следовать за собой на холм.

— Тото! — строго крикнул человек в желтом.

— Ага, понимаю! — закивал Волшебник. — «Тото», должно быть, означает «нельзя». Выходит, ребята, мы пленники. Но в таком случае, уважаемый, не разрешите ли вы сбегать за моей шкатулкой одному из мальчиков?

Он ткнул пальчиком в грудь Добрыни и снова указал на холм.

По-видимому, незнакомцы на этот раз поняли Волшебника. Они коротко посоветовались друг с другом, заворковав своими гортанными голосами, и тот, кто стоял впереди, указал рукой на Добрыню.

— Риду!

— Риду, — повторил Волшебник. — Беги, Добрыня, иначе, клянусь моей бородой, нам придется плохо... Волшебная шкатулка стоит в мыслеplane под моим сиденьем.

Добрыня со всех ног бросился выполнять распоряжение.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в которой Добрыня Никитич оказывает помощь Забаве и Алеше Поповичу

Подбежав к мыслеплану, запыхавшийся Добрыня прежде всего увидел, что Забава и Алеша исчезли. Сначала ему казалось, что они спрятались в розовой траве.

— Перестаньте дурачиться! — громко сказал он, вытирая рукавом пот на лице. — Мне не до шуток, ребята!

Ему никто не ответил. Только розовая трава ровно шумела под ветром да звонко посвистывали скрывающиеся в ней какие-то существа.

Добрыня обеспокоено огляделся по сторонам, заглянул в мыслеплан. Там было душно и пусто.

— Ребята, — закричал он, все больше тревожась, — где вы?

И тут Добрыня обнаружил в хрупкой и ломкой траве след. Он отчетливо был виден до самого леса.

— Хороши сторожа! — недовольно проворчал Добрыня и, не раздумывая, побежал по следу.

Розовые мотыльки и стрекозы вились над ним.

Он остановился только в лесу, в густой тени могучих папоротников. Следы товарищей терялись в мягких мхах.

— Ребя-а-ата!.. — в отчаянии закричал Добрыня.

«А-а-ата!» — ответило эхо.

— Где-е-е-е вы?..

«Де-е вы?..» — отозвался лес.

Он был наполнен жуткой тишиной. Белые неясные столбы света, словно дым, переплетались в его таинственной чаще.

Добрыня прислонился к бурому величественному папоротнику и всхлипнул. И в ту минуту, когда ему показалось, что Алеша и Забава погибли в этом жутком и суровом лесу, он услышал слабый крик.

Спотыкаясь о цепкие корни папоротников, Добрыня стремглав бросился на него. Он падал, вскакивал и снова бежал.

И вот, наконец, поляна. Огромные красные тюльпаны. И душный сладкий запах...

Он не сразу нашел Алешу и Забаву. Они лежали неподвижные, бледные среди цветов, которые нежно склонялись к ним, прижимались к их рукам и лицам.

— Ребята, — дрогнувшим голосом проговорил Добрыня.

Алеша открыл глаза и прошептал:

— Не дыши... Цветы выпускают какой-то газ. — Его глаза обессиленно закрылись.

Добрыня все понял. Сначала он вытащил из цветов Забаву и положил на мох в тени папоротника.

Удушье стискивало грудь мальчика. Он вытер вспотевшее лицо, жадно глотнул воздух и снова бросился в цветочные заросли.

Подхватив под руки бесчувственного товарища и чувствуя, что теряет силы, Добрыня добрался до папоротника и тоже свалился на мох.

Долго пролежали они, обессиленные, безмолвные, забрызганные темным тягучим соком страшных цветов.

Непонятный звук донесся до слуха Добрыни. Ему почудилось, что кто-то вытягивает свою ногу из густой, вязкой грязи.

«Пфф-чмок!» — раздалось совсем близко. Затем наступила короткая тишина. И снова «пфф-чмок!» Добрыня открыл глаза и совсем неподалеку снова увидел высокий цветок с красными лепестками.

Выступающие наружу темно-багровые корни цветка сокращались, словно самые обыкновенные гусеницы, и ползли. Неудержимо ползли! Они упрямо вырывали из почвы свои острые влажные присоски — «пфф-чмок!» — и все ближе подбирались к лежащим ребятам. Вместе с корнями двигался стебель, оранжевые листья, красный венчик. А следом ползли, чуть покачиваясь в воздухе, сотни других цветков.

— Они живые! — громко сказал Добрыня и вскочил. — Вставайте, ребята! Скорей!..

Забаву и Алешу с трудом поднялись.

— Очень кружится голова, — слабо сказала девочка, когда они медленно тронулись в обратный путь.

Только теперь Добрыня заметил, что лица, шеи, руки Забавы и Алешы покрыты синевато-розовыми пятнами.

— Ой, что с вами делается?! — воскликнул он.

Девочка посмотрела на Алешу, потом на свои руки и с тревогой спросила:

— У меня такое же лицо?

— Да... Эти цветы, кажется, присосались к нам, как пиявки, и пили нашу кровь.

Забава вдруг заплакала: что делать, все девочки боятся потерять свою красоту.

— Забава, — с мольбой в голосе проговорил Добрыня, — я тебя очень прошу, не плачь...

Как всякий мужчина, он не выносил женских слез.

— На кого я теперь похожа? — всхлипывая, говорила Забава, отворачивая лицо.

— Честное слово, ты очень красивая! — горячо сказал Добрыня.

— Эти пятна скоро пройдут, — успокоил ее Алеша, который совсем расхрабрился, когда опасность миновала. — Давайте, ребята, вернемся и уничтожим эти проклятые цветы!

— Нельзя! — быстро запротестовал Добрыня. — Нас ждут...

И он рассказал об удивительной встрече с людьми в желтых одеждах.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

в которой путешественники узнают, что розовая планета называется Эо Тау, а на русском языке — Утренняя Звезда

Люди в желтых одеждах, должно быть, решили, что Добрыня обманул их и скрылся. Посоветовавшись на своем гортанном языке, незнакомцы приказали Волшебнику и Илье подняться на холм и, не спуская с них серебряных трубок, двинулись следом. Когда Забава и ее товарищи вышли из леса, Волшебник и Илья, конвоируемые желтыми стражами, уже подходили к мыслеплану.

Все встретились у входа в мыслеплан. Увидев пятна на лицах у ребят и следы темной жидкости на их костюмах, незнакомцы разом взволнованно заворковали, объясняя что-то друг другу.

— Ах, Забава, — сказал Волшебник внучке, — я вижу, что вы попали в какую-то переделку! Наверняка виновато, как обычно, твое любопытство, а ведь я просил вас посторожить мыслеплан.

— Прости меня, дедушка...

— Я всегда прощаю тебя, — вздохнул тот. — Однако сейчас я прежде всего хочу выяснить, с кем мы встретились на этой планете.

Старик скрылся в мыслеплане и сейчас же вынес наружу металлическую голубую шкатулку. Он надел на плечи ремни и укрепил ее на груди. Затем Волшебник включил рычаг, и в шкатулке раздался легкий треск.

Поняв, что им ничто не угрожает, незнакомцы опустили серебряные трубки и с интересом склонились над шкатулкой.

— Почему вы задержали нас, уважаемые? — спросил старик.

И звенящий металлический голос внутри волшебной шкатулки сейчас же перевел эту фразу на какой-то незнакомый язык: «Тико лизаро нифту?» Пораженные незнакомцы дружно рассмеялись. Это был самый обыкновенный человеческий смех.

— Эль Сино Тау? — ответил вопросом на вопрос один из них. — Эль Синот?

Звенящий голос в шкатулке перевел:
«Вы со Звезды Гроз? Вы синоты?»

— А где находится планета, на которой живут синоты и которую вы назвали Сино Тау — Звездой Гроз? — спросил Волшебник.

— А разве вы не знаете сами? — удивился незнакомец.

— Нет, клянусь моей бородой!

— Сино Тау — одна из трех планет нашего солнца.

— Как называется планета, на которой мы сейчас находимся?

— Эо Тау — Утренняя Звезда. Это самая молодая планета нашей солнечной системы.

— А вы сами, уважаемые, постоянно обитаете здесь, на Утренней Звезде?

— Нет, мы эферицы — жители третьей, наиболее древней планеты. Она называется Эфери Тау, что означает — Холодная Звезда.

— Очень приятно познакомиться... Кстати, как вас зовут, уважаемый эфериец?

— Клад.

— Очень приятно, — повторил Волшебник. — Как я и думал, вы такие же космические путешественники, как и мы! Ведь правда?

— Мы действительно прибыли сюда с Холодной Звезды. Но скажите нам, откуда прибыли вы с этими милыми детьми?

Волшебник с любезным видом предложил всем войти в мыслеплан и указал эферицам на звездную карту. Они внимательно рассматривали мириады светлых точек на темном фоне карты.

— Вот ваше солнце, — сказал Волшебник. — Видите, оно затерялось здесь, в продолговатом пучке звезд. Мы называем этот пучок, это несколько необычное созвездие, Волосами Вероники...

Клад долго молчал соображая.

— Звездная карта кажется мне несколько необычной, — наконец проговорил он. — Наше солнце мы называем Ладо.

— А теперь я покажу вам наше Ладо, — улыбнулся Волшебник. — Взгляните вот на это созвездие, уважаемый Клад. Вот звезда побольше Альфы Центавра. А рядом с ней совсем крохотная звездочка. Это и есть наше солнце! Прямо скажем, оно далековато отсюда. Но, уж поверьте мне, это совершенно великолепное Ладо! Кстати, по величине оно очень напоминает ваше светило. Только у нашего светила не три планеты, а девять. На одной из них мы и обитаем. Наша планета называется Земля!

— Земля... — задумчиво повторил Клад.

— Ну, а мы, если хотите, земляне...

— Земляне, и, кроме того, еще мы земляки, — улыбнулась Забава.

— Зэмлаки... — с трудом выговорил эфериец и, как показалось землянам, чуть пожал плечами. — Но это невозможно!.. — вежливо прибавил он.

— Что невозможно, уважаемый Клад?

— Полет из такой далекой солнечной системы.

— Почему?

— Для этого не хватит многих человеческих жизней, даже если лететь с самой большой скоростью, какая существует в природе, — со скоростью света. Синоты, например, уже овладели тайной этой скорости. Но и они, друг земляк, рискуют отправляться в путешествие со своей планеты — Сино Тау лишь к солнечным системам ближайших звезд. Вы назвали эти звезды Волосами Вероники. О, земляк, нам, конечно, давно известно ваше созвездие, но оно всегда представлялось нам недоступным. Нам всегда казалось, что его можно достигнуть лишь в мыслях, в мечте! Поэтому ваше созвездие у нас так и называется — Лотари Тау — Созвездие Мечты.

— Красиво, клянусь бородой! — воскликнул Волшебник. — Ведь правда, ребята, приятно жить в таком созвездии? Но продолжим наш разговор... Вы, уважаемый Клад, близки к истине, когда говорите, что в мыслях можно достигнуть самого недоступного. Значит, все-таки существует такая, я бы заметил, волшебная сила, данная природой разумному существу. Вот этой силой, смею вас заверить, мы и владем. И волшебный шар, который нас сюда доставил, так и называется — мыслеплан!

— Мыслеплан? — помедлив, повторил Клад и поднял руку к своей голове, скрытой желтой маской.

— Вы меня прекрасно поняли, уважаемый! — обрадовался Волшебник. — А теперь ответьте мне еще на один вопрос. Мне показалось, что вы приняли нас за представителей Звезды Гроз — Сино Тау. А синоты, как видно, не очень-то пользуются вашим расположением...

— Синоты — наши ненавистные враги! — так резко и быстро сказал эфериец, что звенящий голос в голубой шкатулке даже поперхнулся, переводя его слова. — Вы, друг земляк, скоро все узнаете об этих подлых существах... Только не сейчас. Сейчас надо позаботиться о ваших детях, которые отравлены ядом Тибери Като — Цветов Смерти.

— Отравлены ядом? — всплеснул руками Волшебник и растерянно опустил в кресло. — Что вы наделали, Забава?..

Забава хотела что-то ответить и не смогла — только беззвучно шевельнула побелевшими губами. Ее синие глаза с ужасом смотрели на эфериюца.

— Не волнуйся, девочка, — ласково сказал Клад. — Яд Тибери Като становится смертельным лишь после второго восхода Ладо. У нас есть еще время... Но, чтобы предупредить действие яда, нам нужно немедленно отправиться в горы, где находится временная стоянка космических разведчиков с Эфери Тау — с Холодной Звезды.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, в которой земляне совершают полет над Утренней Звездой

В руке Клада появился крохотный светлый коробок. Вначале землянам показалось, что это обычные спички. Но эфериец четко произнес в коробок:

— Эми вур тонто...

«Говорит руководитель экспедиции», — тут же перевел голос волшебной шкатулки.

«Дежурный экспедиции слушает», — прозвучал из коробки ответ.

Илья толкнул плечом Добрыню и прошептал восторженно:

— Вот это радиоаппарат!.. Наверное, на полупроводниках...

Клад продолжал:

— Друг дежурный, срочно вышлите летательный аппарат в долину горячих источников.

Последовала небольшая пауза, и голос дежурного сообщил:

«Летательный аппарат поднялся в воздух, друг руководитель».

Все вышли из мыслеплана, и вход за ними беззвучно закрылся.

Раскаленное, слепящее солнце стояло в самом зените. Воздух стал горячим и тяжелым. Умолкли птицы, все утро звеневшие в долине. Ветер стих, и розовая трава склонила мохнатые головки, словно замерев в поклоне перед всеильным и могучим Ладо.

Из-за папоротникового леса на небо напозла большая иссиня-черная туча, косые молнии непрерывно бились в ее толще, будто хотели вырваться наружу и не могли. Медлительный гром, как далекий крик бронтозавра, катился из-за леса.

— Ого! — сказал Волшебник. — Собирается роскошный дождь!

— На Утренней Звезде часто бывают дожди, — ответил Клад. — Но пусть это не беспокоит вас, друг земляк. Гроза не мешает нашему полету. Мы сможем легко уйти от тучи.

Волшебник посмотрел на мыслеплан. Эфериец понял его без слов и предупредительно проговорил:

— И это пусть вас не беспокоит, друг земляк. Ваш мыслеплан останутся сторожить трое моих товарищей. У них надежное оружие! — И он показал свою серебряную трубку.

Добрыня, которого, по-видимому, не так уж сильно обеспокоило сообщение о том, что он отравлен ядом Цветов Смерти, заинтересованно спросил:

— Скажите, пожалуйста, там, возле источника, вы убили диноцефала из такой штуки?

— Да, мальчик.

— Эта штука заряжена какими-нибудь пулями?

— Штука? — удивился Клад. — Какое странное слово... Штука у нас называется фланом, мальчик. Флан — это конденсатор ультразвуковой энергии. Зверь, которого ты назвал диноцефалом, был убит ультразвуковым лучом.

— А разве я говорил не то же самое? — удовлетворенно заулыбался Волшебник и погладил свою бороду. — Нет, старый бородач, ты еще не потерял права называться волшебником!

— Флан обладает колоссальной силой, — продолжал Клад. — Ультразвуковой луч молниеносно разрушает клетку — основу всякой материи.

Эфериец вскинул серебряную трубку и навел ее в гущу травы. Чуть слышно щелкнул клапан, и розовые растения вдруг полегли, словно срезынные косой.

— Вот это да! — прищёлкнул языком Добрыня. — Если бы у нас была такая вещица, Цветы Смерти уже гнили бы в лесу!

Забаву мало интересовало грозное оружие эферицев. Заслоняясь рукой от жаркого Ладо, она то и дело облизывала сухие губы и, наконец, жалобно прошептала Волшебнику:

— Как хочется пить!..

Она сказала это очень тихо, однако голос волшебной шкатулки немедленно перевел: «Перито фамур!..»

Клад вынул из бокового кармана круглую пластину, которая сразу же превратилась в его руке в прозрачный сосуд.

— Складной стакан, — шепнул Алеша и провел кончиком языка по губам: жажда уже давно томила и его.

Эфериец протянул сосуд Забаве. Она взяла и разочарованно пролепетала:

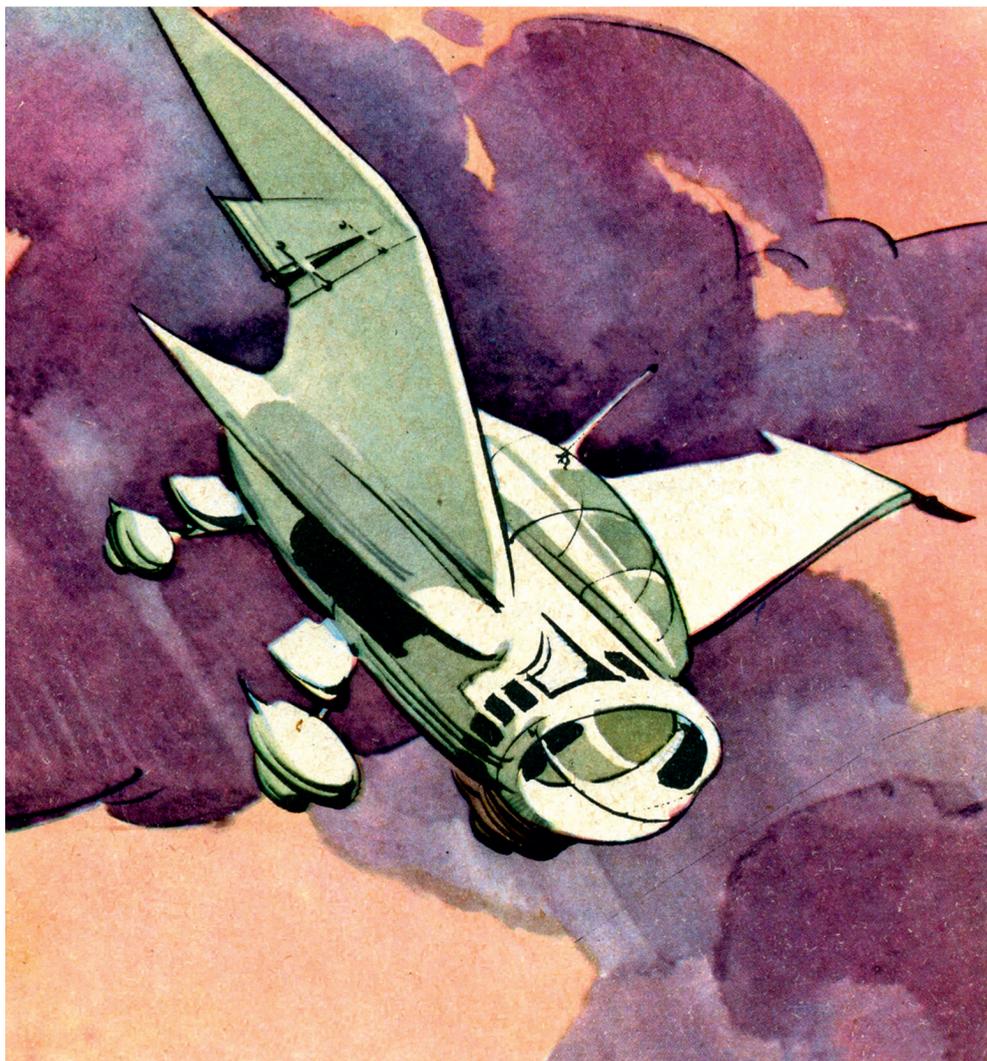
— Но ведь... он пустой...

— Но сейчас будет полный! — рассмеялся Клад.

Его глаза весело блеснули в прорези маски. Он бросил в сосуд щепотку какого-то порошка. Порошок зашипел, воздух легко завихрился над сосудом, и через несколько мгновений он до краев наполнился прозрачной водой.

— Пей, девочка.

Забаву с жадностью прильнула к сосуду.

— Чудесная вода! — благодарно улыбнулась она. — Вкусная и холодная. Большое вам спасибо!

Затем напились мальчики.

— Химическая реакция, — сказал Волшебник, беря сосуд с новой порцией воды. — Насколько я понимаю, уважаемый Клад, вы добываете эту жидкость прямо из воздуха?

— Да, друг земляк. Воздух Эо Тау содержит не менее пяти процентов водяных паров. Ну, а теперь мы отправимся в горы...

Летательный аппарат, похожий на большую белую птицу, плавно помахивая широкими крыльями, вынырнул из-за тучи и начал стремительно снижаться.

Неподалеку от мыслеплана крылья аппарата приподнялись и затрепетали, как трепещут крылья голубя, когда он садится на землю. Белая птица мягко опустилась в траву.

— Очень интересно! — воскликнул Волшебник. — Летательный аппарат с подвижными крыльями вместо пропеллера. Надо полагать, друг Клад, вы полностью овладели тайной полета птиц.

Земляне поднялись по маленькой лестнице в кабину и сели на мягкие откидные стулья.

Илья Муромец вопросительно посмотрел на Волшебника:

— Кажется, у эферийцев все сделано из пластмассы: и этот самолет, и костюмы, и складной стакан, и даже ружья... то есть фланы...

— Возможно, возможно... — задумчиво сказал Волшебник. — Видишь ли, дорогой Илья, очень скоро и на нашей милой Земле пластмасса станет основой всей жизни. Когда-то у нас был каменный век... Был у нас век железный... А теперь наступает век пластмассы. Великолепный и прочнейший материал, равного которому я ничего не знаю!

Тяжелый удар грома покотился из наплывающей тучи. Клад поспешно поднялся в кабину, и в ту же минуту над головами путешественников что-то коротко прошуршало и смолкло. Земляне не сразу поняли, что над ними появилась легкая куполообразная крыша, такая прозрачная, что казалось, их ничто не отделяет от внешнего мира. Только сразу стало очень тихо. Молнии беззвучно резали темную тучу.

Земляне видели, как трое эферийцев у мыслеплана прощально подняли руки.

Летательный аппарат неслышно оторвался от поверхности планеты и, плавно набирая скорость, взвился над долиной.

Удивительная панорама открылась перед глазами космонавтов.

Далеко-далеко раскинулась розовая планета с оврагами и невысокими холмами. Повсюду дымились паром горячие источники. С высоты они выглядели крошечными. Казалось, что кто-то разбросал в розовой траве клочки ваты.

Ручейки и реки затейливо вились там и тут.

Тень от тучи медленно ползла по долине. Бескрайний лес, уходящий за линию горизонта и похожий на огромный ярко-розовый ковер, задернула серая пелена ливня. Туча была совсем рядом с космонавтами, лучи невидимого солнца нежно золотили ее рваные клубящиеся края.

Через несколько секунд туча осталась позади, и все зажмурились от ворвавшегося в кабину солнца.

Летательный аппарат пересек долину и полетел над лесом. Громада снежных гор торжественно плыла навстречу. Над самой высокой конусообразной вершиной виднелся узкий дымок.

— Вулкан! — воскликнул в тишине Илья.

— Да, — подтвердил Клад, — действующий вулкан. Мы называем его Гаустаф, что означает Огнедышащий.

Внезапно снежные горы скрылись: летательный аппарат влетел в затемненное ущелье. Темные нагромождения скал справа и слева бесшумно понеслись назад.

Забава испуганно вскрикнула. Ей казалось, что аппарат сейчас врежется в стремительно приближающийся выступ скалы. Но аппарат, чуть накренившись, плавно обошел выступ, и Забава снова вскрикнула — на этот раз восхищенно и радостно:

— Море!

— Океан! — поправил Клад.

Беспредельная синяя ширь виднелась в расщелине скал.

Летательный аппарат вынырнул из ущелья и круто повернул налево.

Зачарованные путешественники молча смотрели по сторонам, на их лицах застыли неподвижные улыбки. То, что они видели, было непередаваемо величественным и красивым...

Справа, на глубине трех-четырех километров, под солнцем поблескивал солнечными бликами океан. Его синева была густой, как масло.

Слева проносились горы, поросшие розовой растительностью. За первым хребтом виднелся второй, голый и скалистый. А еще дальше — третий, высокий, заснеженный и суровый, нестерпимо сверкающий в лучах полуденного солнца.

— Это восхитительно, друзья мои! — с чувством промолвил Волшебник. — Есть на свете такая волшебная сила, перед которой снимаем шапки даже мы, волшебники. Имя этой силы — Природа!

Снова стал виден Гаустаф. Он царственно возвышался над всеми горами. За его острую вершину зацепилось светлое облачко: темный дым вулкана обхватывал это облачко с двух сторон и словно сжимал в своих объятиях.

— Сейчас мы будем в лагере, — сказал вдруг Клад и легким движением руки сбросил с головы маску.

Земляне с нескрываемым интересом смотрели на эферийца. У него было продолговатое лицо с очень белой, пожалуй, даже несколько изнеженной кожей.

Над высоким лбом слегка завивались редеющие волосы каштанового цвета. В общем, это было почти обыкновенное, «земное» лицо, с прямым носом, тонкими губами; его темные большие глаза смотрели на землян с приветливой улыбкой.

Необычными были только ресницы и брови Клада. Густые, черные, четко очерченные, они подчеркивали белизну его лица.

— Да, — заулыбался Волшебник, — таким ресницам, друг Клад, могла бы позавидовать любая земная красавица.

— Ресницы — отличительная черта людей с Эфери Тау, друг земляк, — пояснил Клад и вздохнул. — Страшные ураганы часто проносятся по нашей холодной планете. Они несут пыль и мельчайший песок: мы все давно ослепли бы, если бы наши глаза не защищали такие ресницы.

— Понятно, — сказал Волшебник и с достоинством прикоснулся к своей бороде. — Ну, а такая растительность, простите меня, друг Клад, украшает лица эферийцев?

— Украшает? — спросил Клад, не скрывая своего удивления. — Мне это не кажется красивым, друг земляк.

— Вот как! — слегка обиделся Волшебник.

— Право же, это совсем бессмысленная растительность, и мы уничтожаем ее специальным раствором, как только мальчик становится мужчиной. Если хотите, мы уничтожим и вашу бороду, друг земляк.

— Ну нет! — воскликнул Волшебник. — Я иного мнения о своей бороде.

Клад рассмеялся и сказал:

— Кстати сказать, наши враги, люди Сино Тау, тоже носят бороды. Именно поэтому мы приняли вас за синота.

— Это меня очень огорчает, друг Клад. Но, как у нас говорится, о вкусах не спорят...

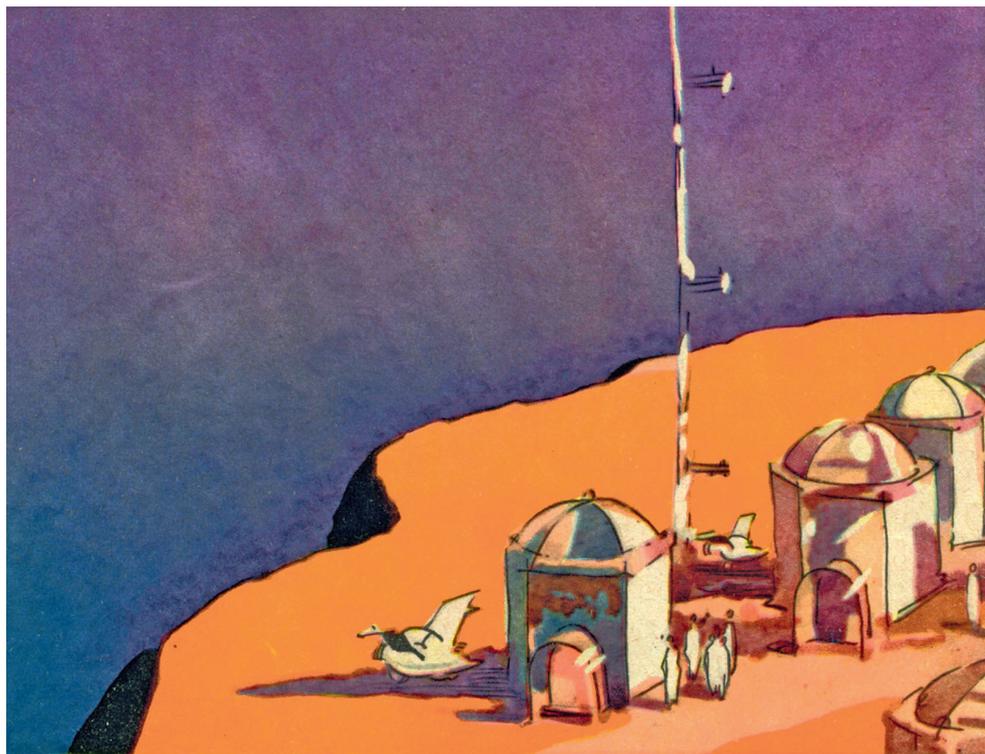
Старик смущенно оглянулся на мальчиков и невнятно пробормотал:

— Хотел бы я видеть доброго волшебника без бороды...

Чтобы прекратить неприятный для дедушки разговор, Забава спросила, краснея и запинаясь:

— Скажите, пожалуйста, друг Клад... зачем вы носите эти желтые маски и костюмы?

— Эти маски и костюмы, девочка, предохраняют нас от зноя Эо Тау, которого мы никогда не испытывали на нашей холодной планете. Даже в горах Эо Тау, где сравнительно прохладно, мы чувствуем некоторые затруднения. Кроме того, у нас на Эфери Тау воздух в сравнении с воздухом Эо Тау сильно разрежен. Поэтому легко дышится нам только здесь, в горах. А внизу от излишков кислорода нам помогают избавляться наши желтые маски. Но, друзья, мы продолжим беседу позже... Мы уже прилетели в наш лагерь.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, в которой земляне знакомятся с красавицей Флер

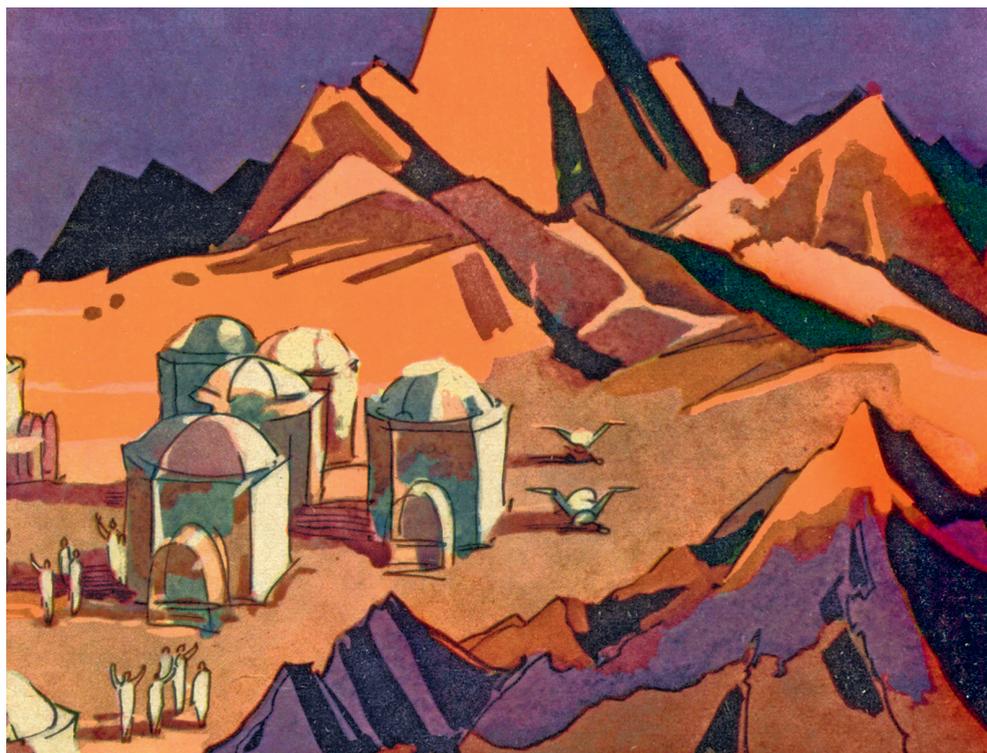
Взволнованные космонавты, словно по команде, посмотрели вниз.

Летательный аппарат медленно парил над огромным горным плато, с трех сторон окруженным темными зубчатыми скалами.

Четвертая, открытая сторона плато кончалась головокружительным каменистым обрывом над океаном. Даже отсюда, с воздуха, было видно, на какой страшной высоте основали разведчики Эфери Тау свой лагерь.

Глубоко-глубоко внизу белела тоненькая и, казалось, неподвижная ниточка океанского прибоя. Там, должно быть, бушевал шторм. Но здесь, в тишине можно было лишь догадываться, с каким шумом разбивались о прибрежные камни пенные валы.

Посреди плато двумя рядами возвышались шестигранные строения с прозрачными, поблескивающими под солнцем куполообразными крышами. А рядом с ними стояли летательные аппараты, такие же, как и тот, в котором находились сейчас земляне.

Из строений торопливо выбегали люди. Их было много — несколько десятков. Они приветливо махали руками снижающимся космонавтам.

— Они приветствуют вас, друг Клад? — спросил Илья Муромец.

— Нет, они приветствуют вас, мальчик.

— Нас? Разве они уже знают о нашем прибытии на Эо Тау?

— Об этом в лагерь должны были сообщить мои товарищи, оставшиеся сторожить мыслеплан. Троим из вас врач нашей экспедиции сейчас окажет помощь.

Крылья летательного аппарата приподнялись и затрепетали, словно крылья птицы. Легкая вибрирующая дрожь передалась от аппарата землянам. Но это продолжалась не больше трех секунд. Аппарат неслышно коснулся поверхности плато. Невидимая крыша над головами путешественников разомкнулась, и в кабину ворвались струи холодного воздуха и громкие гортанные возгласы:

— Верито, зэмлаки!

— Верито, верито!

— Зэмлаки, верито!

Волшебная шкатулка поперхнулась, защелкала и наконец перевела: «Привет землякам!» Летательный аппарат окружили люди в желтых костюмах. Десятки глаз, опушенных темными ресницами, сияли улыбками.

Волшебник поднялся во весь рост и торжественно крикнул:

— Верито, эферийцы!

— Верито! — дружно ответили разведчики Эфери Тау.

Земляне вышли из кабины. Им было холодно, и их зубы начали мелко мелко постукивать. Они дышали, широко открыв рты: им не хватало воздуха. В ушах зашумело.

Клад сделал движение рукой, и разведчики Эфери Тау сразу умолкли и расступились, образуя проход.

С трудом поднимая сразу ослабевшие ноги, земляне двинулись за Кладом к высокому шестистенному строению. Одна из стен с мягким шелестом поднялась перед ними и сейчас же опустилась, как только они вошли в помещение. Клад остался по ту сторону входа.

В помещении было относительно тепло и дышалось легче.

— Приступ горной болезни, — сказал Волшебник. — Не огорчайтесь, друзья, это неприятно главным образом вначале. Я думаю, постепенно мы сможем привыкнуть к разреженному воздуху. В молодости я поднимался с альпинистами на Казбек и испытывал тогда то же самое.

Земляне осмотрелись. Они стояли посреди шестигранной комнаты с высокими гладкими стенами. Солнце заливало ее светом сквозь прозрачный потолок. Как потом убедились земляне, таких шестигранных комнат в каждом строении насчитывалось не меньше дюжины; они примыкали одна к другой, словно соты в пчелином улье. Внутренние стены этих комнат-сот были непрозрачными, а наружные просвечивали, как стекло, и закрывались легкими золотистыми шторами.

Несколько низких мягких сидений, и перед каждым сиденьем такой же низкий столик с отполированным верхом — вот и все, что было в той комнате, в которой оказались земляне.

— Ну что ж, — сказал Волшебник, — эти сиденья располагают к отдыху. Давайте сядем, друзья.

— Эферийцы, кажется, уже забыли про нас, — капризно проговорила Забава, — а Клад обещал показать нас врачу.

Волшебник погрозил ей пальцем:

— Я сам беспокоюсь о вашем здоровье, однако это не означает, что мы должны ворчать, как это делаешь ты, внучка. Эферийцы приняли нас, как самых почетных гостей, и...

Он не договорил, потому что наружная стена поднялась, на землях снова пахнуло холодом, и в комнату вошла девушка со светлым ящиком в руке.

Невысокая, стройная, с короткими вьющимися волосами, с еще более нежным, чем у Клада, лицом, с неясными тенями от ресниц под глазами, она казалась слабенькой и беспомощной, но была так необыкновенно хороша, как иной раз выглядит хрупкий, но прелестный цветок, распустившийся не в лесу под ярким солнцем, а зимой в заснеженной оранжерее. Это сравнение пришло в голову Волшебнику: он любил цветы.

И Волшебник, и Забава, и мальчики смотрели на девушку затуманенными, улыбающимися глазами — так некоторые люди слушают чарующую слух музыку или рассматривают какую-нибудь удивительную, поразившую воображение картину.

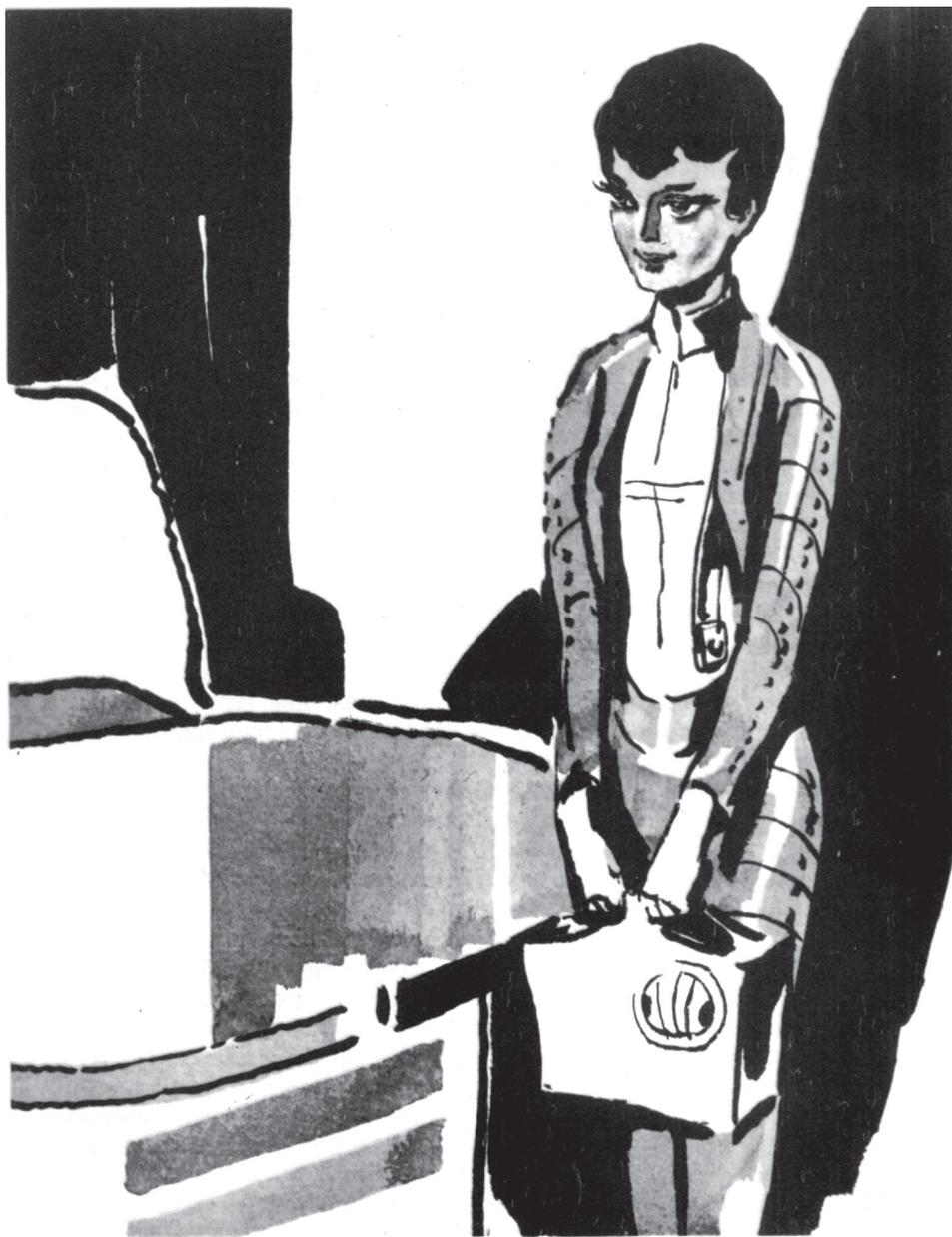
Вошедшая, вероятно, не поняла, что они ошеломлены ее красотой. Ее губы дрогнули в улыбке, и она певуче проговорила:

— Верито...

— Верито, дитя мое, — глухо и растроганно ответил Волшебник.

— Мне сказали, что вы сможете понимать меня при помощи какого-то механизма, — продолжала она все еще улыбаясь. — Я врач экспедиции.

— Вы врач? — изумился Волшебник. — Но сколько же вам лет, прелестное дитя?

В комнату вошла девушка со светлым ящиком в руке

Она помедлила несколько мгновений.

— Я хочу ответить так, чтобы вы поняли меня, потому что не знаю, сколько времени длится год на вашей планете.

— В нашем году триста шестьдесят пять суток... Иными словами, наша Земля, совершая полет вокруг солнца, оборачивается вокруг себя триста шестьдесят пять раз.

Она закивала головой и пояснила:

— Эфери Тау оборачивается вокруг себя четыреста двадцать два раза, пока летит вокруг нашего Ладо.

— Сколько же раз планета Эфери Тау облетела Ладо с тех пор, как вы родились, прелестное дитя?

Она спокойно ответила:

— Сто девяносто два раза, и еще после этого Эфери Тау обернулась вокруг себя триста один раз.

— Что?! — воскликнул Волшебник, вскакивая. — Это невыносимо! Вам почти сто девяносто три года?... Да нет же, значительно больше в переводе на земное время! Ведь наш год короче вашего. Вы шутите, дитя мое!.. Впрочем, я не имею права называть вас так. Ведь вы значительно старше меня, старика!..

— Дедушка, — перебила его Забава, — а может быть, сутки на Эфери Тау короче, чем на Земле?

— Гм... не думаю... — Он помолчал и погладил свою бороду. — Сейчас проверим. Скажите, дитя мое... Простите! Скажите, доктор, знаете ли вы, что такое секунда?

Он ритмично постучал по столу: раз, два, три, четыре...

Она сразу поняла его и, согнув длинные изящные пальцы, повторила стук.

— Тиль, — сказала она. — Секунда — это тиль. Правда, мне показалось, что вы стучали несколько чаще, чем я. Возможно, ваша секунда на какую-то долю короче нашего тила. Сто тилей составляют один тиль-тиль. А сто тильтилей равняются одному солтану. В наших сутках, которые мы называем по солнцу — ладос, восемнадцать солтанов.

— Значит, вам, уважаемый доктор, в два раза больше земных лет, чем я предполагал, — упавшим голосом проговорил Волшебник. — Ну, конечно же, в ваших сутках сто восемьдесят тысяч тилей, то есть пятьдесят земных часов. Причем это в том случае, если считать, что тили и секунды суть одно и то же... Но скажите, пожалуйста, каким образом эферицам удастся жить целые столетия? И еще один вопрос, как вас зовут?

— Меня зовут Флер, дорогой земляк, — ответила она. — Об остальном я расскажу после того, как сделаю детям прививку против яда Тибери Като и накормлю вас обедом.

— Нужна прививка? — испугалась Забава. — А это больно?

— Как тебе не стыдно, Забава! — вдруг рассердился Илья Муромец и покраснел. — Может, ты думаешь, что лучше умереть, чем делать прививку?

Девочка смущенно взглянула на Илью и потупилась:

— Терпеть не могу никаких прививок...

— Хорошо, — серьезно сказал Волшебник, — не делайте ей прививку, дорогая Флер.

Забава молчала. Ее светлые реснички задрожали и подбородок задержался часто-часто.

— Ты хочешь, бабушка... чтобы я умерла? — Она почти плакала. — Да? Скажи, бабушка?

— По-моему, этого хочешь ты сама, Забавушка.

— Я же... не отказываюсь от прививки...

Флер весело рассмеялась и открыла свой ящик с какими-то иглами и пробирками.

— Милая девочка, — сказала она, — врачи Эфери Тау уже много тысячелетий не причиняют боли своим пациентам.

И действительно, укол, который она сделала в позвоночник Забаве, а потом двум богатырям, был совершенно безболезненным. Казалось, что она легко касается спины своими тонкими пальцами.

— Вот и все, — проговорила Флер, закрывая медицинский ящик. — Вам больше ничего не угрожает, дети.

Затем она направилась к одной из внутренних стен и кивком головы пригласила землян следовать за собой. Стена поднялась, и все перешли в другую комнату.

— Это ваша столовая... или, если хотите, ваша кладовая.

— Наша? — удивленно шевельнула бровями Забава. — Почему наша?

— Весь этот дом по распоряжению руководителя экспедиции принадлежит вам.

— Но зачем же нам весь дом?

— Вы наши добрые гости. Для вас в этом доме поддерживается необходимая температура, и вы не будете испытывать здесь нужду в кислороде.

Волшебник церемонно поклонился.

— Передайте, дорогая Флер, горячую благодарность вашему начальнику.

— Руководителю, — поправила она. — У нас нет начальников.

— Приношу свои извинения...

— Меня беспокоит только одно, — продолжала Флер. — Сможете ли вы привыкнуть к нашей походной пище? Если нет, мы попробуем обеспечить вас такой едой, к которой вы привыкли на своей планете.

С этими словами Флер вынула из стенового шкафа несколько желтых банок и поставила их на стол перед путешественниками.

— Консервы? — догадался Добрыня и проглотил слюну.

И он, и его товарищи уже давно проголодались, но никто из них не решался заговорить об этом.

— Да, — сказала Флер, — в этих консервах есть все необходимое, чтобы в человеческом организме поддерживалось горение. Такой банки достаточно на сутки.

— А это вкусно? — неожиданно спросила Забава, и ее щеки, лоб и даже шея залились румянцем.

— Во всяком случае, сытно, девочка, — улыбнулась Флер и, обернувшись к Волшебнику, прибавила: — Ешьте, пожалуйста, и вы. Консервы открываются очень легко. Вот так...

— Кисель? — спросила Забава, разглядывая темную ароматную жидкость, и нерешительно поднесла банку к губам. — О, ребята, это напоминает дыню! Пахнет дыней! Я могу выпить десять таких банок!

Однако она не выпила и половины содержимого банки.

— Больше не могу. Кажется, я пожадничала... Большое спасибо, дорогая Флер!

Ее голос звучал совсем вяло, она потерла пальцем глаза.

Флер взглянула на Забаву и сказала:

— А теперь, дорогие земляки, вы ляжете спать. Очевидно, вы давно не отдыхали.

Забава посмотрела на часы.

— Очень давно! Ой, на Земле сейчас десять часов утра! Значит, мы покинули Землю двенадцать часов назад!

— Удивляюсь, как ты до сих пор не заснула, — покачал головой Волшебник. — Должно быть сказалось нервное напряжение... Да, уважаемый доктор, сейчас нам нужен сон. Только сон...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, в которой Флер рассказывает землянам историю умирающей планеты Эфери Тау

Богатыри спали долго. Первым проснулся русоволосый Илья Муромец. Сбросив с себя очень легкое, но теплое одеяло, он потянулся и свесил с постели ноги.

Постель напоминала небольшую лодку. В ее мягком углублении было удобно спать, но не сидеть. Илья зевнул и спрыгнул на пол.

Рядом с ним безмятежно и сладко спали в постелях-лодках приятели.

Толстощекий Добрыня Никитич лежал на спине, смешно вытянув трубочкой губы, и при каждом выдохе тоненько посвистывал. Конопатый Алеша Попович спал, свернувшись клубочком и подложив под щеку костлявый кулак.

— На зарядку становись! — весело скомандовал Илья.

Добрыня всхрапнул, потер глаза и молча выпрыгнул из постели.

Алеша заворочался, забормотал что-то и перевернулся на другой бок.

— Лешка, вставай!

— Отстань! — сердито сказал Лешка. — Чижикомогрею!

Илья и Добрыня переглянулись и расхохотались.

— А чижик-то улетел, Лешка!

— Врете вы все! — сонно бормотал он. — Я бы ни в жизнь вам не проиграл, если бы Илюшка не задулил чижика на огород.

Добрыня, посмеиваясь, пощекотал высунувшуюся из-под одеяла Алешину пятку. Алеша взвизгнул и вихрем слетел с постели.

— Ух ты! — воскликнул он, пораженно уставясь на золотистую штору. — Где это мы, ребята?

Но тут Алеша увидел синеватые пятна на своих руках и сразу вспомнил о Цветах Смерти. Он хотел было поведать друзьям о нахлынувших на него чувствах и мыслях про далекую милую Землю, где можно было так чудесно играть в «чижика», но в эту минуту в стену постучали.

Затем стена приподнялась, мальчики увидели ноги Забавы с синяками на щиколотках и услышали ее голос:

— Вы проснулись, ребята? Скорей принимайте душ и завтракайте. Нас уже ждет Флер... А душ здесь чудный, ребята! Вода бьет прямо с потолка, со стен, с пола. Замечательно!

...После завтрака все собрались в самой большой комнате дома. На одной из ее стен был укреплен широкий стекловидный экран и под ним два ряда клавишей.

Красавица Флер сидела подле экрана в кресле.

— Доброе утро, — неожиданно сказала она по-русски. — Сегодня я хочу попробовать говорить с вами на вашем языке. Не удивляйтесь... Пока вы спали, я в течение трех солтанов упражнялась с вашей шкатулкой. И, кажется, сделала некоторые успехи. Правда?

Она произносила слова совершенно правильно, ее выдавал лишь самый легкий акцент.

Волшебник развел руками:

— Но разве можно за три часа... то есть за три солтана, изучить язык, уважаемый доктор?

— Видите ли, друг земляк, эферийцы в сравнении с жителями вашей планеты живут долго. С самого раннего детства нас воспитывают так, чтобы наша память с каждым днем делалась все более отточенной. Каждый нормальный взрослый человек обладает у нас такой натренированной памятью, которая дает ему возможность запоминать все новое сразу, моментально. А чтобы не утомлять мозг, мы можем заставлять себя забывать все ненужное. Но так же быстро мы восстанавливаем в памяти и все забытое.

— Это не укладывается в моем уме, друг доктор!

— А эферийцев это не удивляет уже много тысячелетий. Собственно, я и хочу сейчас вам рассказать об эферийцах и нашей планете Эфери Тау. Садитесь, друзья. — Она указала им на низенькие кресла, стоящие перед экраном.

— Но не отрываем ли мы вас от каких-либо важных дел? — предупредительно спросил Волшебник.

— Нет, нет... В экспедиции еще есть врачи, друг земляк. А мне поручено находиться с вами до тех пор, пока вы будете нашими гостями.

— Мы чрезвычайно обязаны вам, друг доктор!

Она опустила ресницы, чтобы скрыть блеснувшую в глазах улыбку. Было похоже, что ее немного забавляет торжественная церемонность Волшебника.

— Я не стану утомлять вас очень подробным рассказом, — начала Флер своим певучим голосом. — Наша планета Эфери Тау прошла такой же путь, какой проходят во Вселенной все планеты. Миллионы и миллионы раз обернулась она вокруг Ладо, прежде чем на ней зародилась жизнь. И снова миллионы раз Эфери Тау обернулась вокруг Ладо, прежде чем из простейших организмов образовались более совершенные животные. Одно из них стало в конце концов передвигаться на двух конечностях, освободив две другие конечности для труда. Я имею ввиду руки... А как только появился труд, животное перестало быть животным, так как стало размышлять. Таким образом, труд сотворил человека.

— Ну что ж, — сказал Волшебник, — это очень напоминает историю жизни на нашей Земле.

— Правда, — продолжала Флер, — синоты, побывавшие в других солнечных системах, утверждают, что они встречали мыслящие существа, передвигающиеся на четырех конечностях, и что эти конечности служат им одновременно как руки.

— Человекообразные обезьяны, — вставил Добрыня.

— Нет, — запротестовал Волшебник, — обезьянообразные люди! Обезьяны не мыслят, дорогой богатырь!

— Не будем, однако, сейчас говорить о том, что происходит в других солнечных системах, — снова заговорила Флер. — Итак, на Эфери Тау появился человек. Вначале он мало отличался от животного, но все-таки это уже был человек, потому что его действия уже были сознательными.

— Первобытный человек, — подсказала Забава.

— В истории Эфери Тау этот человек называется безресничным. У него были узкие глаза в виде щелей, с толстыми сморщенными веками без ресниц.

Бесконечное количество звериных инстинктов еще руководило многими действиями безресничных людей. Они ели сырое мясо, они собирались стаями, нападали друг на друга, и сильные отнимали у слабых добычу. Убить, отнять — это было законом жизни! Стаи безресничных людей говорили на разных языках. И снова миллионы раз планета Эфери Тау облетела вокруг Ладо, прежде чем эти звероподобные люди стали более или менее походить на современного человека.

В то далекое время природа Эфери Тау отдаленно напоминала природу Утренней Звезды, на которой мы сейчас с вами находимся. Это был расцвет нашей планеты! Короткая зима и большое, сравнительно теплое лето. Люди научились выращивать полезные растения и разводить нужных животных. Начала развиваться наука. Но по-прежнему группы людей говорили на разных языках и по-прежнему враждовали. Очень часто страшные войны прокатывались по нашей планете, и люди безжалостно уничтожали друг друга. И как это ни странно, меньше всего страдали те, кто сам не воевал, а посылал на войну других.

Флер умолкла на несколько секунд и посмотрела на гостей. Они внимательно слушали ее.

— Тут я должна сказать о людях, которые назывались у нас в ту далекую старину торри. Сейчас это кажется невероятным, но что делать, так было!

Жизнью командовало жалкое меньшинство — торри, а народ лишь исполнял волю этого меньшинства. Торри имели все, но не работали и жили в неге и изобилии.

А большинство не имело ничего. Абсолютно ничего!.. Люди голодали и очень часто умирали от разных болезней. Торри считались особенными, избранными.

Они уверяли, что существуют для того, чтобы все остальные работали на них и воевали за их интересы. Они всячески доказывали, что так хочет владыка Вселенной, который в образе пылающего Ладо постоянно смотрит на Эфери Тау.

«Таков закон Ладо, — говорили они. — Кто не подчинится этому закону, того великий Ладо сожжет огненным светом своих глаз!» Увы, люди верили этой глупости, и ужасающая несправедливость длилась долго, очень долго...

Бесчисленное количество раз Эфери Тау облетела вокруг Ладо, прежде чем люди решили построить жизнь иначе, более справедливо.

— «Кто не работает, тот не ест»? — вдруг спросил Волшебник. — Не по этому ли признаку решили построить жизнь эферийцы?

— Именно так, друг земляк!

— Это нам знакомо, — заулыбался Волшебник и торжествующе подмигнул богатырям. — Великолепный принцип!

— С тех пор прошло много времени. На нашей планете наступила Эра великой дружбы. Наука достигла величайшего расцвета и сделала радостным труд человека. Руки человеку стали нужны лишь для того, чтобы управлять механизмами. Эферийцы уничтожили все болезни и удлиннили свою жизнь в семь-восемь раз. Постепенно все люди начали говорить на одном языке. Но Эфери Тау облетела вокруг Ладо еще несколько миллионов раз, и в нашу жизнь пришло необратимое бедствие.

— Что случилось, дорогая Флер?

— Наша планета начала стареть так же, как рано или поздно стареет и умирает все во Вселенной. Давно исчезли полезные ископаемые... Правда, мы научились создавать их искусственно и получать необходимую нам энергию и тепло из воды океанов. Но, совершая свой вечный полет, Эфери Тау все больше и больше теряла во Вселенной атмосферу. Сначала планета теряла такие ничтожные крохи, что это никого не беспокоило. Но проходили миллионы лет, и потери стали катастрофическими. Вместе с атмосферой начала исчезать вода.

Человечеству Эфери Тау грозит гибель!

— Это ужасно!.. — прошептала Забава.

— А еще раньше в результате какого-то катаклизма из мирового пространства прилетел огромный метеорит и превратился в спутника Эфери Тау.

В силу сложных законов всемирного тяготения этот спутник-гигант движется по очень вытянутой орбите. Но приближаясь и удаляясь, он систематически нарушает режим Эфери Тау, уносит остатки атмосферы. Страшные пыльные ураганы стали охватывать нашу планету, разрушать и засыпать песком города. Вместе с ураганами на нас обрушился холод мирового пространства. И наши люди вынуждены были уйти с поверхности в глубь планеты.

— Давно это произошло? — спросил Илья.

— Сравнительно недавно: пятьдесят тысяч лет назад... Но в наших внутрипланетных хранилищах иссякают запасы воды и кислорода, которые заготовили для нас предки...

Флер умолкла. Молчали и земляне, взволнованные ее рассказом. Волшебник задумчиво теребил шелковую бороду.

— Я чувствую, друзья, что вас огорчил мой рассказ, — мягко сказала Флер. — Право же, я не хотела этого... Чтобы успокоить вас, я добавлю, что эферийцы не смотрят мрачно на свое будущее. Ведь жизнь во Вселенной вечна, друзья. А раз так, то мы будем жить! Не так давно эферийцы приняли решение переселиться с умирающей планеты на Эо Тау — на Утреннюю Звезду, самую юную планету нашей солнечной системы.

— Именно это я и предполагал! — воскликнул Волшебник.

Забава всплеснула руками:

— Какие же эферийцы молодцы!

Флер рассмеялась:

— Спасибо, девочка, за ласковые слова о нашем народе. Ну что ж, ты права! Я люблю наш народ — упорный, сильный, жизнелюбивый и талантливый!.. А теперь, если хотите, я покажу вам нашу планету Эфери Тау.

— Пожалуйста, покажите, дорогая Флер!

Флер прикоснулась пальцами к клавишам. Стекловидный экран озарился мерцающим светом и слабо загудел.

— Космический телевизор, — восхищенно шепнул Добрыня Никитич приятелям.

Флер расслышала его и пояснила:

— Это не совсем так, мальчик. Я понимаю, что ты имеешь в виду, но это скорее космический локатовизор. Ведь для телевизора необходима станция, передающая изображение, а локатовизор не нуждается в такой

станции. Я сама выбираю нужный объект и посылаю к нему пучок радиоволн.

Эти волны отражаются от объекта и возвращаются обратно в виде изображения. С помощью космического локатовизора мы можем наблюдать все, что происходит в нашей солнечной системе. Волны локатовизора проходят расстояние от Утренней Звезды до Эфери Тау в течение двухсот тилей. Это составляет около трех с половиной ваших минут. Столько же времени волны идут обратно.

Следовательно мы будем наблюдать с вами то, что происходило на Эфери Тау около семи минут назад.

Экран потемнел. Бесчисленные звезды, подрагивая, заблестели в чернильной тьме. Затем крохотная звездочка в центре экрана начала набухать, расширяться и вдруг засияла, словно луна в ночном небе. Неясные контуры материков и горных хребтов угадывались на золотистой планете. А планета продолжала быстро расти и словно летела навстречу сидящим у экрана землянам.

Золотистый цвет бледнел, таял, планету окутывала едва различимая блекло-голубая дымка.

— Остатки атмосферы? — не сводя глаз с экрана спросил Волшебник. Флер молча кивнула.

Планета с каждой секундой разрасталась, стала серовато-бурой и наконец заполнила своей массой весь экран. Горы, пропасти, пустыни летели, будто под крылом самолета. Темные рваные тучи там и тут вихрились над поверхностью.

— Пыль, — тихо сказала Флер. — Как всегда, пыль... Смотрите, здесь когда-то был главный город эферийцев.

В темных клубах урагана на экране мелькнули развалины города.

— Здесь больше нечего смотреть, — вздохнула она и нажала клавишу. — Уйдем внутрь планеты...

Земляне вздрогнули от неожиданности. Нет, то, что они увидели, совсем не казалось «внутренностью планеты»!

На синем своде горели искусственные солнца. Среди бледно-зеленых садов и плантаций голубели тонкие извилистые каналы. А на их берегах повсюду виднелись стройные шестигранные строения с прозрачными крышами. И повсюду под синим сводом в лучах искусственных солнц парили легкие летательные аппараты, точно такие, как и тот, на котором уже совершили полет земляне.

— Сколько тысячелетий, сколько гениального народного разума потребовалось соединить воедино, чтобы создать это чудо! — вдруг глухо проговорил Волшебник и в волнении поднялся с места.

Забава и мальчишки взглянули на Флер. Она все так же грустно улыбалась.

— Флер, — сказала Забава, — дорогая Флер, неужели вы должны все это покинуть?

— Да, девочка. И как можно скорее! — Она ударила пальцем по клавише и выключила локатовизор. — Тысячи наших разведчиков на Эо Тау уже готовы к приему первых космических кораблей с переселенцами. Первыми прилетят дети и молодежь. Уже давно юные эферицы живут на нашей умирающей планете в условиях, приближенных к условиям Утренней Звезды. У нас мало кислорода, но для детей и молодежи мы ничего не жалеем. Поэтому им не нужно будет привыкать здесь, на Эо Тау, к теплу и к излишкам кислорода в атмосфере.

Разведчики уже построили для них целые города. Сейчас отряды разведчиков заканчивают уничтожение ядовитых растений и хищных животных на Эо Тау.

Волшебник заинтересованно посмотрел в темные глаза Флер.

— А ведь вы, друг доктор, сдаете мне, уже акклиматизировались на Утренней Звезде. Во всяком случае вы дышите одним с нами воздухом.

— Да, мне это дается сравнительно легко. Но мой отец...

— Мы знаем его?

— Да, это Клад.

— Руководитель экспедиции?

— Он не только руководитель экспедиции. Он крупнейший ученый Эфери Тау.

— И ему здесь трудно?

— Очень... Ведь он уже не молод...

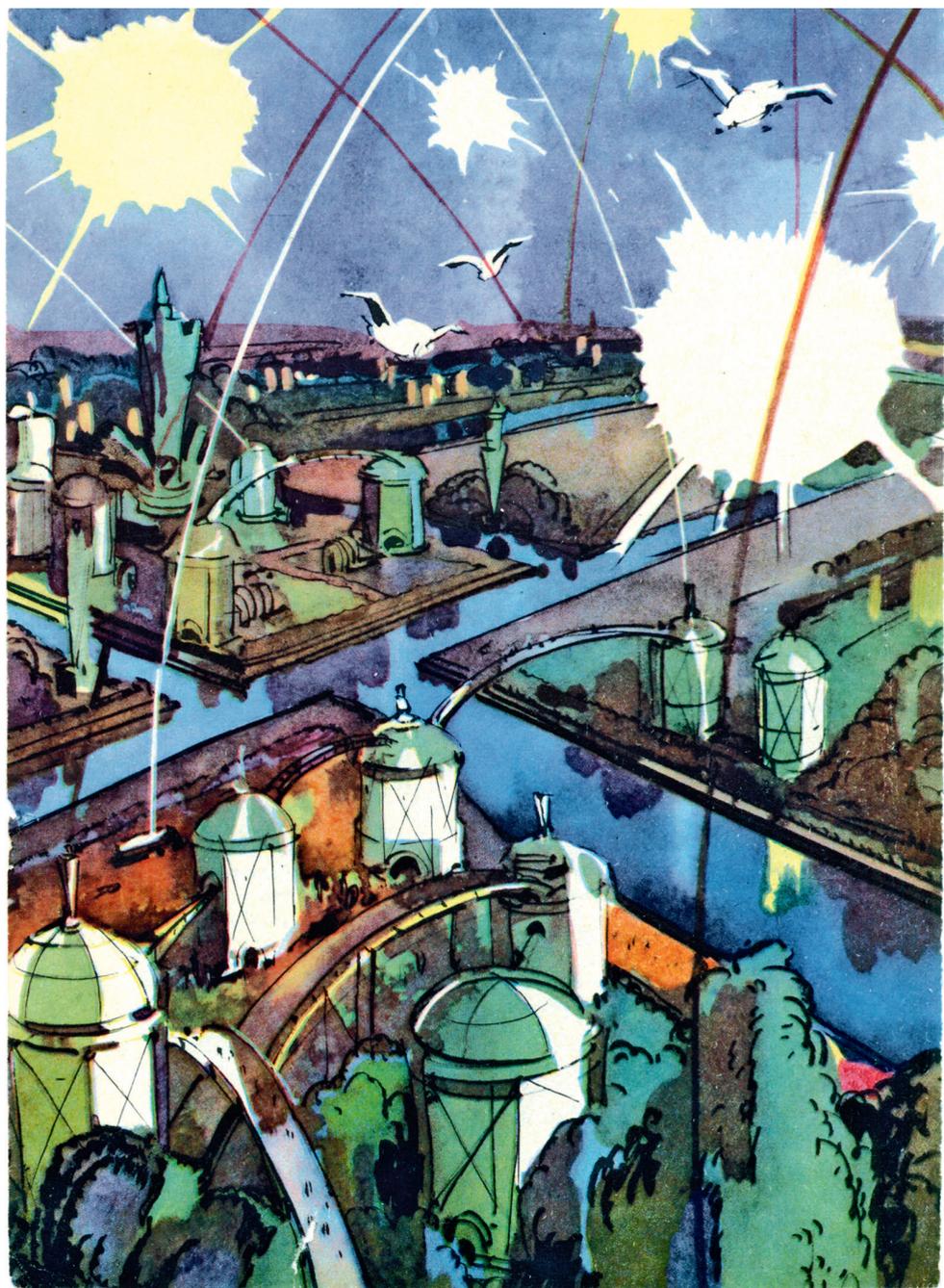
Флер не закончила. Где-то под прозрачным куполом комнаты раздавался шорох невидимого радиорепродуктора, и мужской голос отчетливо произнес:

«Бесонто! Бесонто!»

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ, в которой земляне узнают о борьбе двух миров

Флер рывком поднялась с места, и землянам показалось, что ее красивое лицо стало еще белее.

— Тревога! — с некоторым трудом выговорила она и вынула из кармана на груди светлый коробок — крохотный радиоаппарат, который земляне видели накануне у Клада.

*Это уже не первая их попытка высадиться на Эо Тау
и уничтожить эферийцев*

Она спросила что-то взволнованной скороговоркой, и мужской голос так же быстро что-то ответил ей.

— Мне разрешено остаться с вами, — уже спокойней сказала Флер, пряча радиоаппарат. — По экспедиции объявлена тревога, и разведчики на всей планете занимают места для обороны. Наши приборы зарегистрировали в космосе полет межпланетного корабля.

— Кто это может быть? — спросил Волшебник. — Синоты?

— Только синоты! Это уже не первая их попытка высадиться на Эо Тау и уничтожить эферийцев.

— Уничтожить? Зачем? Что за бессмысленная жестокость! Вы очень взволнованы, Флер?

Она, не отвечая, опустила в кресло и одну за другой нажала несколько клавишей. И снова экран локатовизора озарился мерцающим светом.

— Вы уже знаете, что в нашей солнечной системе существуют три планеты: Эфери Тау, Сино Тау и Эо Тау.

— Да, Флер...

— Наиболее древняя, уже отжившая свой век планета Эфери Тау, обращается вокруг Ладо по самой дальней орбите. А самая молодая и, если так можно выразиться, еще необжитая планета Эо Тау — первая по порядку от Ладо планета. Ее среднее расстояние от Ладо — сто десять миллионов земных километров.

— Гм... Примерно такое же расстояние разделяет Солнце и нашу юную планету Венеру, — задумчиво пробормотал Волшебник. — И как это не удивительно, ее тоже называют Утренней Звездой... Впрочем, удивляться нечему; я думаю, что в каждой солнечной системе есть и молодые, и старые планеты. Но, простите, я отвлекся... Продолжайте, дорогая Флер.

— Сино Тау — вторая по порядку планета нашей системы. Ее отделяют от Ладо сто сорок миллионов километров, в то время как наша бедная умирающая планета удалена от Ладо почти на триста миллионов километров. Сино Тау находится в полном расцвете... Да вот она, эта злополучная планета! Смотрите...

И снова с черного экрана на землян полетел золотисто-сизый шар, с каждой секундой увеличиваясь в объеме. Вот он заполнил всю ширину экрана, и земляне увидели сквозь голубую дымку атмосферы белоснежные облака, густую синеву океанов и нежную зелень незнакомых материков.

Флер с сердцем ударила по клавише и выключила локатовизор.

— Огромная планета — и всего полтора миллиарда жителей! — сказала она, сдвигая черные брови. На ее переносице четко обозначилась

морщинка. — Великолепные стойкие урожаи, чудесный климат! Что еще надо людям этой планеты? Нет, я не хочу называть людьми хищников!

Волшебник тихо спросил:

— Вы их ненавидите?

Она промолчала.

— Сорок лет назад на Эо Тау опустились наши первые корабли и на планету высадились разведчики — сорок тысяч человек. Это были наши лучшие люди, лучшие ученые Эфери Тау! Они очень долго, с самой ранней юности готовили себя к научному подвигу, к жизни в необычных условиях. Они жертвовали всем, чтобы спасти человечество Холодной Звезды от гибели... А через год на Эо Тау высадились синоты и убили наших разведчиков! Убили безжалостно и хладнокровно сорок тысяч великих ученых! Разведчики даже не оказали им сопротивления, они радостно приветствовали гостей с соседней планеты и... были уничтожены...

Флер говорила, опустив подрагивающие ресницы. Больше ничто не выдавало ее волнения, но земляне ясно чувствовали, сколько усилий ей стоило сдерживать себя.

— Зачем синоты это сделали, Флер?

— После своего дикого злодеяния они прислали на Эфери Тау ракету с наглым посланием. Они объявляли Утреннюю Звезду своей планетой и заявляли, что и впредь будут уничтожать всех эферийцев, пытающихся обосноваться на Эо Тау. Мы отправили на Сино Тау своих парламентаров, чтобы рассказать, что наша планета умирает. Разумеется, синоты уже знали об этом, их космические корабли иногда посещали Эфери Тау... Парламентеры должны были убедить синотов, что у нас нет другого выхода, что добраться до других солнечных систем мы пока не в состоянии. А у синотов уже есть сверхскоростные корабли, на которых они давно путешествуют по Вселенной. Нам было известно, что они видели много необжитых планет, еще более прекрасных, чем Утренняя Звезда! Но синоты не захотели об этом говорить с нашими парламентарями. Тогда парламентеры предложили им другой выход: совместно обосноваться на Утренней Звезде, если они когда-нибудь пожелают покинуть свою цветущую планету Сино Тау. Они рассмеялись в ответ. Наконец мы пообещали синотам навечно покинуть нашу солнечную систему, если они откроют тайну своих сверхскоростных кораблей.

— Что синоты ответили вашим парламентарям, Флер?

— Они убили парламентаров... Среди них был мой муж...

Земляне безмолвствовали. Флер поднялась с кресла и прошла по комнате.

Ее желтый костюм мягко зашуршал в тишине.

— Гады! — вдруг громко сказал Илья Муромец. — Как я ненавижу этих синотов!

— И я! — горячо прибавила Забава.

— Милые дети! — печально улыбнулась Флер, останавливаясь посреди комнаты. — Было бы несправедливо ненавидеть всех синотов без исключения...

Я не сообщила вам одного важного обстоятельства... Видите ли, наши ученые свое главное внимание долгое время посвящали только одной цели: как украсить жизнь внутри планеты. Понимаете? Это был для нас вопрос жизни и смерти! Что ж, поэтому ученые Сино Тау, к сожалению, кое в чем опередили наших ученых.

Но только кое в чем... Во многом они отстают от нас. Общественный строй на Сино Тау бесконечно отстает от наших высокогуманных, чистых и светлых человеческих отношений. Синоты переживают сейчас тот период своей истории, который очень напоминает былые отношения нашего народа с торри. Меньшинство на их планете имеет власть и все блага, а большинство живет на положении рабов. У нас великая эра дружбы, у них — бесконечные войны. У нас наука служит народу, а у них — кучке хищников. Вся их планета разделена на два враждующих лагеря. Торри обоих лагерей яростно борются друг с другом за власть на планете.

— А народ страдает? — возмутился Добрыня Никитич.

— Конечно. Очень страдает!

— А что же народ не уничтожит этих торри? — засопел Алеша Попович и сжал кулаки. — Я бы им так дал!..

Флер пожала плечами:

— Ну, это уж дело народа Сино Тау. Я-то уверена, что наступит время, когда торри исчезнут на их планете так же, как они исчезли когда-то на Эфери Тау. Но пока они существуют, мы вынуждены считаться с этим. Тем более, что торри владеют совершеннейшими средствами межпланетных путешествий и страшным всеразрушающим оружием.

В радиорепродукторе раздался шорох и снова прозвучал тревожный мужской голос: «Берку тино латос!»

— Дежурный сообщает, что приборы зарегистрировали в космосе второй межпланетный корабль, — сказала Флер.

Одна из шестигранных стен комнаты поднялась, и земляне увидели Клада.

Он был в том же, что и вчера, желтом, плотно облегающем его фигуру костюме.

Лишь лицо руководителя экспедиции оставалось открытым, маска свободно висела за его плечами.

Темные глаза Клада смотрели спокойно и сосредоточенно.

— Верито, — проговорил он и, не ожидая ответа на приветствие, быстрыми твердыми шагами подошел к экрану и включил локатовизор.

Волшебник поспешно поднял с пола голубую шкатулку и щелкнул рычагом.

— Рито фас! — сказал Клад.

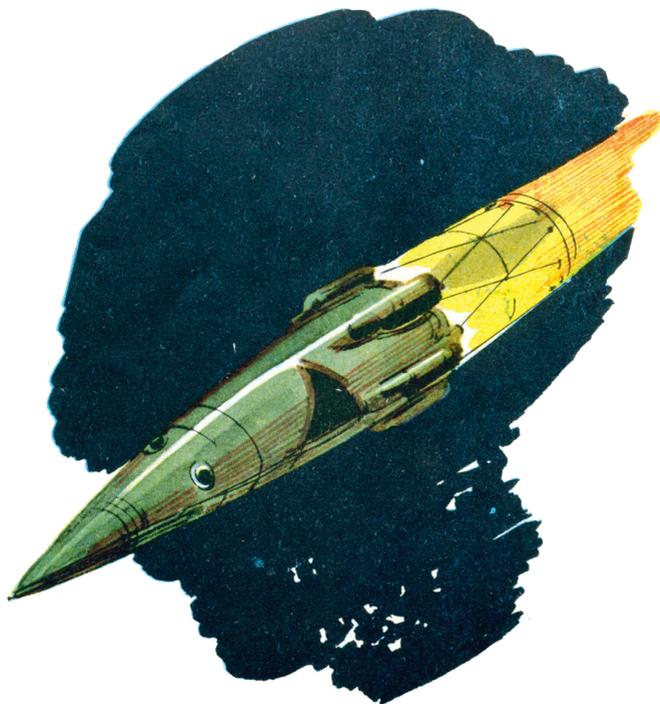
«Вот они!» — перевел металлический голос шкатулки.

Посреди черного океана, на фоне далеких мерцающих звезд и неясных туманностей грозным видением возникла конусообразная ракета. Гигантский поток белого огня вырывался из конуса, но на экране этот поток казался совершенно неподвижным.

Неправдоподобный, захватывающий дыхание столб огня упирался в широкий раструб хвостового устройства, и сразу можно было подумать, что столб, словно огненный мост, соединяет конус ракеты с хвостом. В ослепительно белом тумане земляне не сразу увидели сложные ажурные крепления, внутри которых сверкал и бушевал этот страшный лучистый поток.

Когда дело касается техники, у всех мальчиков сразу появляются десятки вопросов. Поэтому три богатыря сразу зашептались и заспорили. Забава замахала на них руками, но они даже не заметили ее движений.

— Что случилось? — громким шепотом недовольно спросил Волшебник.

Илья Муромец кашлянул.

— Это фотонная ракета?

— Судя по всему...

— Значит, из сопла ракеты бьет поток лучистой энергии?

— Допустим...

— Но это же поток невыносимой силы!

— Конечно...

— Почему же он не срывает и не сжигает вон того раструба в хвосте ракеты?

Флер оторвала глаза от экрана и посмотрела на богатырей.

— Этот раструб, мальчики, не что иное, как огромный отражатель. Он не принимает энергию на себя, а отбрасывает ее назад, и вся конструкция ракеты поэтому устремляется вперед.

— С какой скоростью?

— Со скоростью близкой к скорости света.

— Но почему же все-таки, — допытывался Добрыня, — эта энергия не расплавляет и не испаряет отражатель? И вообще всю ракету?

— Как раз это и есть тайна синотов. — Она повернула лицо к экрану и прибавила: — Вы видите черный круг на конусе ракеты?

— Да, — в один голос сказали богатыри.

— Это отличительный знак одной из враждующих групп торри. Другие торри рисуют на своих космических кораблях черный треугольник. Одних мы называем кругляками, а других угловатыми.

— А какая из этих групп лучше? — спросила Забава.

— Обе хуже, — невесело усмехнулась Флер.

— А ведь в этих названиях есть смысл, — подумав, сказал Илья.

— И еще какой! — прибавил Алеша Попович. — Одни круглые дураки, а другие угловатые!

— К сожалению, это не так, — вздохнула Флер. — Если бы наши враги были дураками, нам не стоило бы труда справиться с ними. Они умные и жестокие хищники!

Клад защелкал клавишами локатовизора. Ракета с кругом на конусе исчезла, и во мгле, как водопад, посыпались звезды. Через несколько секунд волнение на экране улеглось, и все увидели другую ракету. Она мало отличалась от первой, если не считать того, что на ее корпусе был изображен большой черный треугольник. Так же мощно и ровно сверкала в бездонной темноте Вселенной колонна белого огня. Клад молча смотрел на ракету.

— Кругляки будут на Эо Тау через тридцать пять минут, а угловатые — минут через пятьдесят, — спокойно проговорил он и выключил локато-

визор. — По предварительным расчетам, их ракеты опустятся в районе Большого города... Флер, я немедленно вылетаю.

— В район Большого города?

— Да.

— Хорошо, папа... — Ее голос звучал так же спокойно. — Только надень, пожалуйста, маску. Ты очень часто забываешь это делать, а потом тебя мучает сердце.

— Да, да, — рассеянно кивнул он.

— Надень немедленно! — настойчиво твердила она. — В этот дом ты тоже не должен был входить без маски.

Клад послушно натянул на голову желтую маску и направился к выходу.

— Я рекомендую, Флер, тебе и нашим гостям спуститься к морю, — сказал Клад с порога. — Торри знают, что на берегу у нас нет никаких строений. Там вы будете в безопасности.

— Хорошо, папа...

Клад переступил порог, но она остановила его.

— Папа!

— Да, Флер.

— Береги себя... — сказала она совсем тихо. — Помни, что, если... с тобой что-нибудь случится, твоей дочери и твоему внуку будет очень больно...

Он, не отвечая, прощально поднял руку и скрылся за стеной.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, в которой на Утреннюю Звезду высаживаются хищники с Сино Тау

Летательный аппарат за одну минуту перенес Флер и землян на широкий каменный берег.

В воздухе было очень тихо, и океан дремал. Его бесконечная пустынная синева походила на туго натянутое полотно. Ни одной складочки, ни одного пятнышка на поверхности, и только отраженное Ладо пылало в воде и слепило глаза.

Земляне вышли из кабины, и в их лица резко пахло влажным теплом, запахами сырости и водорослей. И еще что-то знакомое вплеталось в эти запахи моря — запах меда. Он плыл, этот нежный, чуточку пряный запах, в дрожащих клубах горячего воздуха со склонов гор, заросших розовой травой и папоротниками. А тысячи каких-то птиц

в зарослях так же, как и на Земле, на все голоса звонко пели свой радостный гимн великому Ладо и вечной жизни во Вселенной.

Флер сразу ушла в тень скалы, которая круто нависала над морем. Два огромных птерозавра сорвались из-за нагромождения камней и, лениво взмахивая перепончатыми крыльями, улетели в ущелье. Эхо доносило на берег их недовольный пронзительный писк. Флер не обратила на птерозавров никакого внимания.

— Вам жарко и трудно дышать, Флер? — участливо спросил Волшебник, прислушиваясь к ее беспокойному дыханию.

— Нет, нет! Мой организм уже достаточно натренирован...

Она опустила на камень и предложила землянам сесть.

Море нежно шевелилось на прибрежной гальке.

В его насквозь просвечивающей глубине, в колеблющихся отсветах солнца виднелось каменистое дно, красно-бурые водоросли. Мелкие пузырьки блестели на игольчатых листьях. Медуза величиной с метр плыла над водорослями, словно парус раздувая свой розовато-лиловый зонт. Невдалеке из воды с легким плеском выскочила огромная оранжевая рыба и, пролетев метров двести, бесшумно исчезла в синеве моря. Илья опустил руку в воду и вскрикнул обрадовано:

— Ребята, вода просто горячая!

— Не горячая, а теплая, — поправила Забава, — градусов тридцать.

Если ты, читатель, даже чем-нибудь озабочен, но если тебе всего двенадцать лет и если ты жарким днем находишься на берегу реки или теплого моря, разве не появится у тебя желание окунуться в прозрачную ласковую воду?

Богатыри молча смотрели друг на друга, и в их глазах было написано одно и то же нестерпимое томление.

— Скажите, доктор, — запинаясь пробормотал Илья. — Можно?

— Что? — не поняла Флер.

— Искупаться...

— Но... — начал Волшебник. Флер перебила его:

— Конечно, можно, мальчик. В морях и океанах Эо Тау уже уничтожены подводные хищники. Во всяком случае, те из них, которые близко подходят к берегам.

Через минуту три загорелых богатыря, фыркающая и повизгивая, плескались в море. Забава с завистью посматривала на мальчиков. Она не умела плавать. Так она и бродила по воде у самого берега, подтянув подол голубого платья.

Волшебник и Флер беседовали о чем-то в тени скалы, и он то и дело озабоченно прищуривал глаза, поглядывая на купающихся.

Богатыри отплыли довольно далеко, но их голоса четко звучали над тихой водой.

— А вода-то соле-о-ная, — восторженно отплевывался Добрыня.

— Смотрите, ребята, как я по-соминому ныряю! — визжал рыжий Алеша Попович и, зажимая пальцами нос, ушел вниз головой. Ноги его беспомощно барахтались над водой.

Забава поднесла к глазам ладонь, закрываясь от солнца, и внезапно ясно увидела, как далеко-далеко на горизонте от небольшого облака отделилась небольшая черная точка. Девочка не успела открыть рот, чтобы крикнуть, потому что через секунду точка превратилась в ракету, с бешеной скоростью приближающуюся к берегу. А еще через секунду она гигантской тенью мелькнула в вышине над головой Забавы и скрылась за снежным хребтом.

Ракета пролетела с выключенными двигателями, однако скорость ее казалась неправдоподобной, фантастической. Лишь после того, как она исчезла, слуха Забавы достиг надрывный, хватающий за сердце свист. Теплая волна воздуха зарябила воду, ударила в берег и зашумела на склонах горы ветками папоротников.

— Ракета! — закричала девочка задыхаясь. — Торри!

Все произошло так быстро, что богатыри, увлеченные купанием, ничего не заметили. Но сидящие под скалой Флер и Волшебник услышали удаляющийся свист и вскочили.

Забавы бежала к ним, прыгая через камни.

— Дедушка!.. Флер!.. Синоты!..

— Куда полетела ракета? — глухо спросила Флер.

— Вон туда... Над ущельем...

Флер растерянно взглянула на Волшебника:

— Я покину вас ненадолго...

— Этого нельзя делать, Флер! — запротестовал он. — Ни в коем случае!

— Я вернусь очень скоро, — торопливо проговорила она, и ее лицо впервые порозовело. — Я только посмотрю, что собираются делать синоты...

Судя по всему, их ракета опустится не там, где ее ждали. Нужно радировать разведчикам...

— Но это безумие, Флер! Нельзя лететь навстречу смерти!

Она закачала головой:

— Поймите: в Большом городе наши люди... отец... Я только посмотрю и радирую...

— В таком случае я полечу с вами. Я не оставлю вас одну, Флер.

— А я? — сорвавшимся голосом спросила Забава.

— Хорошо, и ты, — согласилась Флер. — Только скорей! Пожалуйста, скорей! Нельзя терять ни одной секунды!

Они бегом бросились к летательному аппарату.

Богатыри почувствовали, наконец, что-то неладное и размашистыми саженками поплыли к берегу.

Летательный аппарат взлетел над камнями, сделал крутой полукруг и на мгновение повис над плывущими мальчиками. Волшебник высунулся из кабины и торопливо крикнул:

— Ни о чем не беспокойтесь, богатыри! Мы сейчас вернемся!

Белая птица взмыла в высоту. Забава видела, как богатыри в синих трусиках выбрались на берег и, подняв головы, следили за удаляющимся аппаратом.

Ее сердце тоскливо забилося.

— Надо было их взять с собой, — сказала она.

— Нет, нет, девочка, у нас нет времени!

Аппарат набирал скорость.

Пронеслись назад и словно провалились скалы. Снежные вершины внизу кутались в туман. Величественный белый Гаустаф с дымящейся вершиной поднимался впереди из туч. Вначале Забаве показалось, что вулкан не так уж велик и что до него вот-вот можно будет дотянуться рукой. И лишь по тому, как медленно приближались провалы и скалистые выступы, торчащие из снега, можно было догадаться, насколько велик этот необычный вулкан.

Но вот и он остался позади.

Снова скользили под аппаратом темные скалы, ущелья... Совсем неожиданно скалы оборвались над котловиной.

— Ракета! — вскрикнула Забава.

Даже отсюда, с высоты, она выглядела гигантской. Стоэтажный дом, может быть, мог сравниться с ней.

Ракета стояла на хвосте, среди выжженной почерневшей растительности, обратив к небу острый конус. Крепления между конусом и хвостом были усеяны сотнями крошечных фигурок. Будто муравьи, сновали они по бесчисленным лестницам ракеты.

Крылья летательного аппарата вдруг затрещали, захлопали и застыли. Флер рывком схватилась за рычаги управления.

— Не понимаю, что это?.. Что?.. — шептала она, включая и выключая пощелкивающие рычаги.

Крылья аппарата не двигались. Все больше и больше кренясь и планируя, белая птица снижалась на скалы.

— Мы падаем! — Забава стиснула зубы и вцепилась в рукав бабушки.

Ракета стояла на хвосте, среди выжженной почерневшей растительности, обратив к небу острый конус

Не говоря ни слова, старик крепко прижал девочку к своей груди.

Однако удар оказался не сильным. Амортизаторы смягчили его и мягко подбросили аппарат в воздух. Снова и снова белая птица подскакивала на камнях и наконец успокоилась на краю пропасти.

Трое пассажиров, не спуская глаз с космического корабля синотов, вышли из кабины.

Грозная ракета, усеянная снующими фигурками, возвышалась посреди котловины в трех-четыре километрах от них. На ее сером конусе был ясно виден черный круг.

— Как бороться с этими хищниками? — голос Флер задрожал. — Мы не привыкли воевать, друг земляк... На нашей планете все войны закончились тысячелетия назад!..

Волшебник молча теребил свою бороду.

— Дедушка! — вскрикнула Забава. — Почему ты молчишь? Почему ты ничего не придумашь?

— Погоди, Забава... Я, кажется, придумал...

Флер взглянула на него с надеждой. Он продолжал:

— С хищниками надо поступать так, как принято поступать с хищниками. Их уничтожают, дорогая Флер!

— Как? — вырвалось у нее.

— Та же, как вы уничтожаете хищных зверей и ядовитые растения на этой планете.

— Это можно сделать с помощью ультразвукового флана?

— Почему только флана, Флер? В той комнате, где я сегодня спал, висит схема. Эта схема объяснила мне, что ученые Эфери Тау при помощи ультразвуковой энергии колоссальной силы могут даже останавливать землетрясения... Простите, планетотрясения. И не только останавливать, но и вызывать их.

Флер смотрела на него широко открытыми глазами.

— Вызвать планетотрясение? О, я поняла вас, друг земляк! — Она торопливо вынула из кармана свой крошечный радиоаппарат. — Эми танто Флер... Эми танто Флер, — упорно повторяла она и, наконец, спрятав радиоаппарат, безнадежно опустила руки. — Он тоже не действует...

— Смотрите, смотрите! — закричала Забава.

С одной из лестниц космического корабля выбросились два темных человеческих силуэта. И сразу же за их спинами распахнулись косые крылья.

Два человека, вытянувшись в воздухе, летели над выжженной котловиной к скалам. «И-и-и-и», — послышался ровный звук, напоминающий свист пули.

Флер бросилась в кабину летательного аппарата и выпрыгнула из нее с серебряной трубкой в руке. Ее глаза посветлели от ненависти. Она прицелилась в летящих синотов и застонала:

— Не действует... Все вдруг перестало действовать... Все!

Два человека в продолговатых головных уборах и сложных костюмах, очень похожих на водолазные, опустились рядом с ними на скалу. Их крылья, словно веера, неслышно сложились за спиной.

Один из синотов, с пышными красноватыми бакенбардами на таком же красноватом лунообразном лице, что-то резко и коротко сказал другому. Другой синот, с лицом землистого цвета и выпуклыми стекловидными глазами, сделал шаг к Флер и грубо вырвал из ее рук серебряную трубку.

— Я бы не сказал, что у этих молодцов хорошие манеры! — сердито проговорил Волшебник, нажимая какие-то клапаны на голубой шкатулке.

Металлический голос немедленно перевел его слова на язык синотов.

— Горено! — повелительно сказал человек с рыжими бакенбардами, оборачиваясь к своему спутнику. — Отбери у старика этот ящик. Быстрей, Горено!

— Слушаю, великий Скорпиномо, — странным скрипящим голосом проговорил синот с землистым лицом и двинулся к Волшебнику.

— Но, но! — прикрикнул Волшебник, отступая. — Если вы отнимете мою шкатулку, то потеряете всякую возможность понимать нас.

— Хорошо, пока не трогай его, Горено, — поднял руку синот с бакенбардами. — Но скажи мне, старик, почему кибернетическое устройство в твоём ящике не перестало действовать так же, как перестали действовать ваш летательный аппарат и ваше ультразвуковое ружье, из которого меня собиралась застрелить эта красивая женщина? Ведь наша ракета сейчас излучает особые электромагнитные волны. А в радиусе действия этих волн вся техника становится мертвой.

— Но ведь не стали же мертвыми летательные приборы за вашими спинами, — сказал Волшебник.

— Это уж наша военная тайна, старик!

— А почему вы думаете, что у меня нет никаких тайн?

Круглые зеленоватые глаза Скорпиномо смотрели на Волшебника со злым любопытством.

— Я вытрясу из тебя эту тайну, старик. Вы — мои пленники! Меня лишь удивляет, почему ты носишь бороду и скорееходишь на синота, чем на эферийца.

— Теперь я очень сожалею, что не сбрил бороду, — с сердцем сказал Волшебник. — Впрочем, меня успокаивает мысль, что моя борода не походит на ваши отвратительные бакенбарды!

Два человека в продолговатых головных уборах и сложных костюмах, очень похожих на водолазные, опустились рядом с ними на скалу. Их крылья, словно веера, неслышно сложились за спиной

— Дедушка! — испуганно вскрикнула Забава.

— Послушай, старик, — не повышая голоса, сказал Скорпиномо, — если ты будешь неуважительно говорить о великих завоевателях космоса, я прикажу Горено по волоску выдрать твою седую щетку. Ты меня понял, старик? А теперь скажи мне, кто эта девчонка?

— Моя внучка.

— А кто эта женщина?

— Вы можете сами спросить ее об этом.

Скорпиномо в упор взглянул на Флер.

— Кто ты, красавица?

Отвернувшись от Скорпиномо и вздрагивая от волнения, Флер сказала Волшебнику:

— Дорогой земляк, передайте, пожалуйста, этому злодею, что я презираю его и не буду отвечать на вопросы.

Забава похолодела от ужаса. Ей представилось, что синот сейчас ударит Флер. Однако Скорпиномо не двинулся, а его зеленоватые птичьи глаза смеялись.

— Ну, что ж, — проговорил он, — когда я наведу порядок на этой планете, ты будешь почитать меня! Ты мне нравишься, красавица. Я заберу тебя на нашу планету и сделаю одной из своих жен. Я...

Скорпиномо не договорил. Над скалой потемнело. Второй космический корабль, все больше и больше замедляя полет, с шипением пронесся над ними.

Он летел сейчас не быстрее, чем обыкновенный самолет, и на его конусе легко можно было различить черный треугольник.

Все произошло молниеносно. Длинный, странно дымящийся луч вырвался из черного треугольника, как нож полоснул по выжженной котловине и уперся в ракету с черным кругом.

— О-о-о!... — вдруг звонко завыл Скорпиномо, будто у него мучительно заболели зубы.

Ракета на равнине закачалась, крошечные фигурки, лестницы и укрепления, как игрушечные, посыпались вниз, и конус с черным кругом рухнул на планету.

...Несколькими минутами раньше сучавшие мальчики на берегу океана тщательно обстреливали камнями медуз, всплывавших на поверхность воды. В конце концов им надоело это занятие, и Илья Муромец предложил:

— Пошли, ребята!

Добрыня и Алеша не ответили. Они сидели на берегу, обхватив руками колени и меланхолично разглядывая красноватых рыбок в прозрачной воде.

— Ну, что же вы, ребята?

— А куда идти? — не поднимая головы, спросил Добрыня.

— На кудыкину гору! — рассердился Илья.

— А ты знаешь дорогу на эту гору?

— Знаю.

— Смотри, какой ты умный!

— Поумнее тебя!

— Ты умница-разумница, — продекламировал Алеша, поморщив в невеселой ухмылке конопатое лицо, — об этом знает вся улица...

— Петух да курица, — нараспев продолжал Добрыня, — кот да кошка, дурак Ермошка.

— И ты немножко! — закончил Алеша.

— Хватит, ребята, — не обидевшись сказал Илья. — Много мы здесь не высидим, а там, может, что-нибудь случилось... И Забава...

— Ах, Забава! — вскочил Добрыня. — Тебе нужна Забава? Несчастный рыцарь! Твоя принцесса улетела и даже ручкой тебе не помахала. А тебе не терпится ее увидеть? Да?

Илья густо покраснел.

— Какой рыцарь? Какая принцесса?

— А та самая, на которую вы с Лешкой все время пялите глаза.

— Кто? — взорвался Алеша Попович и тоже вскочил. — Я пялю глаза на Седую? Илюшка, давай его поколотим!

— Давай!

— Бросьте, ребята, — сразу сбавил тон Добрыня. — Я пошутил...

— Да ты сам с нее глаз не сводишь! — ядовито рассмеялся Алеша. — Я давно заметил... Еще когда мы были дома и Волшебник говорил, что ты... то есть Добрыня Никитич, несколько сот лет назад освободил Забаву из плена Змея Горыныча...

— Ребята! — перебил его Илья. — А интересно получается: наш Добрыня и на самом деле спас Забаву, да и тебя, Лешка, из плена Тибери Като. А ведь эти цветочки, небось, пострашнее Змея Горыныча! Стойте! Что это?

Над их головами со свистом пронеслась ракета. Она мелькнула, как черная молния, но ребята четко видели, что ракета исчезла за горами, как раз там, куда совсем недавно улетели их друзья. Никто из мальчиков не догадывался, что это уже второй космический корабль синотов и что он преследует такой же корабль с такими же хищниками. Разгоряченным умам трех богатырей сразу представилось, что синоты охотятся за их друзьями.

Несколько секунд они настороженно прислушивались к удаляющемуся свисту и посмотрели друг на друга.

- Пошли! — твердо сказал Добрыня.
— Пошли! — в один голос так же твердо ответили Илья и Алеша.
Три богатыря двинулись в трудный путь.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ, в которой путешественники слышат стон планеты

Потрясенный гибелью своего корабля, Скорпиномо не сразу пришел в себя.

Забава видела, как мгновенно побелела красная физиономия торри и как конвульсивно задергались его бакенбарды. Обезумевшими, неподвижными глазами наблюдал он за удаляющейся ракетой с черным треугольником. Недавно стремительная, она летела теперь совсем медленно, оставляя в воздухе дымный след. Через полминуты ракета скрылась за чертой дальних скал.

— Горено! — будто вздох вырвался крик из груди синота.

— Да, великий Скорпиномо, — хладнокровно ответил другой синот своим скрипучим голосом.

— Надень на пленников наручники!

Горено выполнил это приказание с нечеловеческой быстротой. И сила у него была нечеловеческая: сопротивляться ему было бесполезно. Его руки, казалось, были налиты железом. Наручники щелкнули, и Забава только слабо застонала.

— Стереги пленников, Горено!

— Я буду зорко стеречь пленников, великий Скорпиномо.

Торри сделал шаг к обрыву и прыгнул в пропасть. За его спиной веером распахнулись крылья. Он летел к обломкам ракеты, быстро удаляясь, и скоро стал похож на летучую мышь.

Волшебник повернул лицо к Горено.

— Послушайте, уважаемый... или как там вас надо называть?

Горено молчал, его неприятные стекловидные глаза без всякого выражения уставились на голубую шкатулку.

— Горено, — сказал старик, — я обращаюсь к вам.

— Я вас слушаю, — однотонно проскрипел синот, услышав из шкатулки свое имя.

— Вы действительно... будете стеречь нас?

— Да, я буду стеречь вас.

— Но зачем мы вам?

— Я не знаю, зачем вы мне.

— Гм... Вы нас ненавидите?

— Нет, вы мне безразличны.

— Гм... и мы должны стоять на одном месте?

— Да, вы должны стоять на одном месте.

— Но для чего?

— Так приказал великий Скорпиномо.

Горено отвечал медленно, словно подыскивая нужные слова. Его губы такого же землистого цвета, как и все лицо, едва приоткрывались, пропуская скрипящие звуки. Он был отталкивающе некрасив.

— Клянись бородой, мы не представляем для вас никакого интереса, Горено!

— Так приказал великий Скорпиномо, — безжизненно повторил Горено.

— А если мы захотим уйти?

— Если вы захотите уйти, я убью вас.

— Он действительно это сделает, — сказала Флер и отвернулась от Горено. — Оставьте его в покое, дорогой земляк...

— Но, Горено, — сказала Забава, — ведь ваша ракета погибла. Вы сами теперь не в лучшем положении, чем мы.

— Меня не интересует, в каком я положении.

— Вам самому угрожает смерть от угловатых!

— Я не боюсь смерти.

— Разве вы не любите жизнь?

— Нет, я не люблю жизнь.

— А что же вы любите?

— Я ничего не люблю.

— Да у вас есть сердце или нет?

— У меня нет сердца.

— Вы не человек! Вы — чудовище!

— Я не человек и не чудовище.

— А кто же вы, Горено?

— Я механизм, такой же, как и ваша говорящая шкатулка.

— Робот! — вскрикнул Волшебник. — Я уже давно подозревал это. Совершенно великолепный экземпляр человекообразной машины! О, как бы я хотел порыться в ваших внутренностях, Горено!

— Если вы прикоснетесь ко мне, я убью вас.

— Нет уж, будьте вы неладны со своими внутренностями!.. А скажите, Горено, много ли таких механизмов прилетело в вашей ракете на Утреннюю Звезду?

— На эту планету прилетели только механизмы, не считая великого Скорпиномо, который управляет нами.

— Гм... и все, кроме вас и Скорпиномо, погибли... А почему, собственно, Скорпиномо не взял с собой людей?

— Великий Скорпиномо не взял с собой людей, потому что не доверяет им.

— Вот как! Плохи дела у Скорпиномо, если он не доверяет людям даже своей планеты.

Робот молчал. Он неподвижно смотрел вперед: над противоположными скалами котловины вновь показалась ракета угловатых. По-видимому, она сделала разворот и теперь возвращалась обратно.

— Угловатые хотят сделать посадку в этой же котловине, — сказала Флер.

Она уже была совсем спокойной и стояла, подняв к карману на груди скованные руки. Забава заметила, что она беспрерывно шевелит пальцами, сжимая карман с радиоаппаратом.

— Так и есть, — продолжала Флер. — Скорпиномо торопится обратно... Ага, злодей, кажется, повредил свои крылья!

Скорпиномо действительно летел очень странно, какими-то короткими рывками. Одно его крыло то и дело падало и опять выравнивалось.

Робот вдруг задвигался на месте, беспокойно оглянулся.

— Я чувствую непонятные радиоволны, — быстро заговорил он, поднимая землистую руку к продолговатому головному убору. — Я чувствую радиоволны, я чувствую радиоволны... — повторял он снова и снова. — Что это значит? Где работает радиоаппарат?

Задышающийся Скорпиномо подлетел к скале и прыгнул с воздуха на камни.

Крыло болталось за его спиной, словно у подбитого птерозавра.

— Все погибло... Все мертво... — бормотал он, ни к кому не обращаясь, и, тряхнув плечами, сбросил крылья.

Они упали на скалу с легким шелестом.

— Великий Скорпиномо, где-то здесь работает радиоаппарат, — бесстрастно доложил робот.

Скорпиномо пропустил его слова мимо ушей. Он смотрел, как ракета с черным треугольником плавно подняла нос к небу и начала вертикально опускаться на планету. Свистящий поток огня и дыма вонзился в котловину, и через несколько секунд волна пыли и горячего воздуха пронеслась над скалой.

Забава зажмурилась.

Когда она открыла глаза, все стихло, и ракета уже стояла на хвосте, обратив к облакам свой острый конус.

— Горено! — яростно крикнул торри.

— Да, великий Скорпиномо!

— Ты полетишь сейчас к этой ракете!

— Я полечу к ракете.

— Ты смешаешься с другими роботами...

— Я смешаюсь с другими роботами...

— И сделаешь так, чтобы они приняли тебя за своего...

— Я сделаю так, чтобы они приняли меня за своего...

— И ты, Горено, убьешь командира корабля.

— Я убью командира корабля.

— Лети, Горено!

— Слушаю, великий Скорпиномо.

— погоди! Отдай мне эту серебряную трубку. Теперь она мне может пригодиться. Так... Лети же!

Робот прыгнул и камнем полетел вниз. Его крылья открылись лишь у самого основания скалы. Он заскользил низко над поверхностью и стал неразличимым на выжженной траве котловины.

— Он убьет его! — хрипло шептал Скорпиномо, приходя в себя. — Стоять, иначе я разнесу вас на клочки вашим же оружием! Вы мои заложники! Эферийцы не посмеют вредить мне, пока вы в моих руках. А потом... потом я знаю, что делать, когда овладею ракетой.

— Послушайте, вы, убийца! — негромко сказала Флер, глядя в зеленые глаза синота.

Было в ее спокойствии столько бесстрашия, столько уверенности в своем превосходстве и столько было отвращения в ее сверкающем взгляде, что удивленный синот умолк.

— Знайте же, Скорпиномо, что вы уже никогда не овладеете ракетой угловатых!

— Почему? — спросил он, глядя на нее исподлобья.

— После гибели вашей ракеты электромагнитное поле вокруг нас исчезло, и мне удалось связаться по радио с разведчиками Эфери Тау.

Они уже готовы — понимаете? — полностью готовы смести синотов с лица Утренней Звезды!

Правда, мы до сих пор не знали, что такое война, мы не изобрели специальных средств для убийства людей... Ах, вы смотрите, Скорпиномо, на ультразвуковую трубку, которую робот вырвал из моих рук... Это оружие было создано только для уничтожения хищных животных на Утренней Звезде, и оно действует всего лишь в радиусе трехсот метров. Но у нас есть могучие средства для борьбы с силами природы. И одно из этих средств мы вынуждены обратить против вас, против хищников Сино Тау!

— Что эферийцы собираются делать? — растерянно спросил Скорпиномо.

— Наша сейсмическая станция сейчас вызовет в этом районе самое разрушительное планетотрясение, которое только может нарисовать ваше воображение, Скорпиномо! Сейсмические ультразвуковые установки в одно мгновение разрушат здесь кору планеты, и вся эта горная котловина провалится в магму вместе с обломками обеих ваших ракет.

— Вы лжете! — вскрикнул он.

— Нет, я не лгу, Скорпиномо. Ложь не знакома эферийцам... Сейсмологи только ждут моего сигнала, и, если бы со мной не было друзей из другой солнечной системы, я уже подала бы этот сигнал. Вы видите, я держу руку на кармане с радиоаппаратом. Одно движение пальцем, и...

— Подождите! — визгливо закричал Скорпиномо. — Не надо!.. Я хочу жить. Слышите, я хочу жить!

— Так я и думала! — презрительно усмехнулась Флер. — Ступайте в летательный аппарат.

Торри торопливо юркнул в кабину и сел в угол, сжимая серебряную трубку. Его зубы стучали.

Флер, Волшебник и Забава сели напротив.

— Флер, — взволнованно проговорила девочка, — но там на берегу океана...

— Мальчики? — быстро спросила Флер. — Не беспокойся, милая, им ничто не угрожает. Планетотрясение ограничится этой котловиной.

— Только имейте в виду, — пошевелил Скорпиномо перекошенными губами, — я не сниму с вас наручников, вы мои пленники! И если вы доставите меня к эферийцам, я убью вас!

— Неужели вам не надоело, Скорпиномо, произносить это слово: убью, убью, убью? — не выдержал Волшебник и в сердцах тряхнул головой.

— Сигнал дан! — сказала Флер и положила закованные руки на рычаг.

Летательный аппарат по вертикали взвился в воздух. В ту же минуту продолжительный гул, похожий на стон, потряс все вокруг. Этот необычный стон достиг слуха путешественников даже в кабине, куда, казалось, не мог проникнуть ни один звук извне.

Они видели, как закачались, задвигались скалы, наползая одна на другую, как вдруг наискось разверзлась котловина и в черную бездну обрушились ракеты синотов, глыбы камней, гигантские ворохи песка и глины. Туча клокочущего пара взлетела к небу и окутала летательный аппарат.

А стонущий гул все нарастал и нарастал. Можно было подумать, что из глубины планеты рвется крик боли, дикий вопль ни с чем не сравнимого страдания... Они долго летели вслепую, охваченные плотной тучей белого пара.

Аппарат вздрагивал и качался.

— Странно, — в голосе Флер прозвучала тревога, — на нас что-то сыплется.

Аппарат тряхнуло с новой силой. Сквозь поредевшие клубы пара путешественники увидели Гаустаф. Но каким-то страшным он выглядел теперь!

Над его кратером полыхало зарево, дым и пепел вились в небе, и огненные потоки лавы, растапливая на склонах вулкана снега, пробивали себе путь к океану. Раскаленная глыба вылетела из кратера, разорвалась как бомба и рассыпалась в воздухе золотыми осколками.

— Извержение! — истерически закричал Скорпиномо. — Вниз! Вниз! Скорее вниз!

Огненный осколок ударил в крыло, и летательный аппарат задымился.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ, в которой побеждает жизнь

Все выше и выше поднимались мальчики по крутому дну горной расщелины.

Справа и слева почти отвесно вздымались черные, отсвечивающие, как стекло, базальтовые стены. Когда мальчики смотрели вверх, они словно из колодца видели далекую полосу синего неба.

В ущелье было сумрачно и прохладно, но им скоро стало жарко. Они упорно шли все вперед и вперед, тяжело дыша и все чаще вытирая рукавами мокрые от испарины лица.

— Берегитесь, ребята! — вдруг крикнул Добрыня.

Толстая змея с поблескивающей чешуей быстро скользила по камням навстречу мальчикам. В нескольких шагах от них она замерла, чуть пошевеливая острым хвостом. В ней было не меньше трех метров.

Мальчики попятились.

— Да это целый удав! — пробормотал Илья.

Змея вскинула голову и, разинув розовую пасть, коротко прошипела.

— Здравствуйте, — сказал Алеша, — давно не видались! Пошла вон с дороги!

Змея вытягивалась вверх, раскачивая голову с круглыми, как бусинки, глазами. Раздвоенный язычок беззвучно мелькал в ее пасти.

— Ну, пошла же!

Добрыня подхватил камень и швырнул в змею. Это был снайперский удар.

Змея опрокинулась, но в то же мгновение стрелой метнулась на Добрыню. Он едва успел отклониться, огромная стрела пролетела у самой его головы.

— Бежим, ребята! Скорей!..

Однако бежать по камням в гору было трудно. Они спотыкались и падали. К счастью, змея не собиралась их преследовать.

— Хватит! — сказал Илья. — Давайте выбираться из этого змеиного колодца.

Царапая об острые выступы базальта руки и колени, мальчики медленно поднимались к синей полоске неба.

На полпути на них, как вихрь, налетел птерозавр, которого они, должно быть, потревожили в гнезде. Оглушая приятелей писком, птерозавр бил их крыльями, клевал и царапал когтями своих четырех лап.

— Глаза! Берегите глаза!.. — крикнул Илья, с трудом цепляясь за выступ.

Он изловчился и с силой ударил птерозавра ногой.

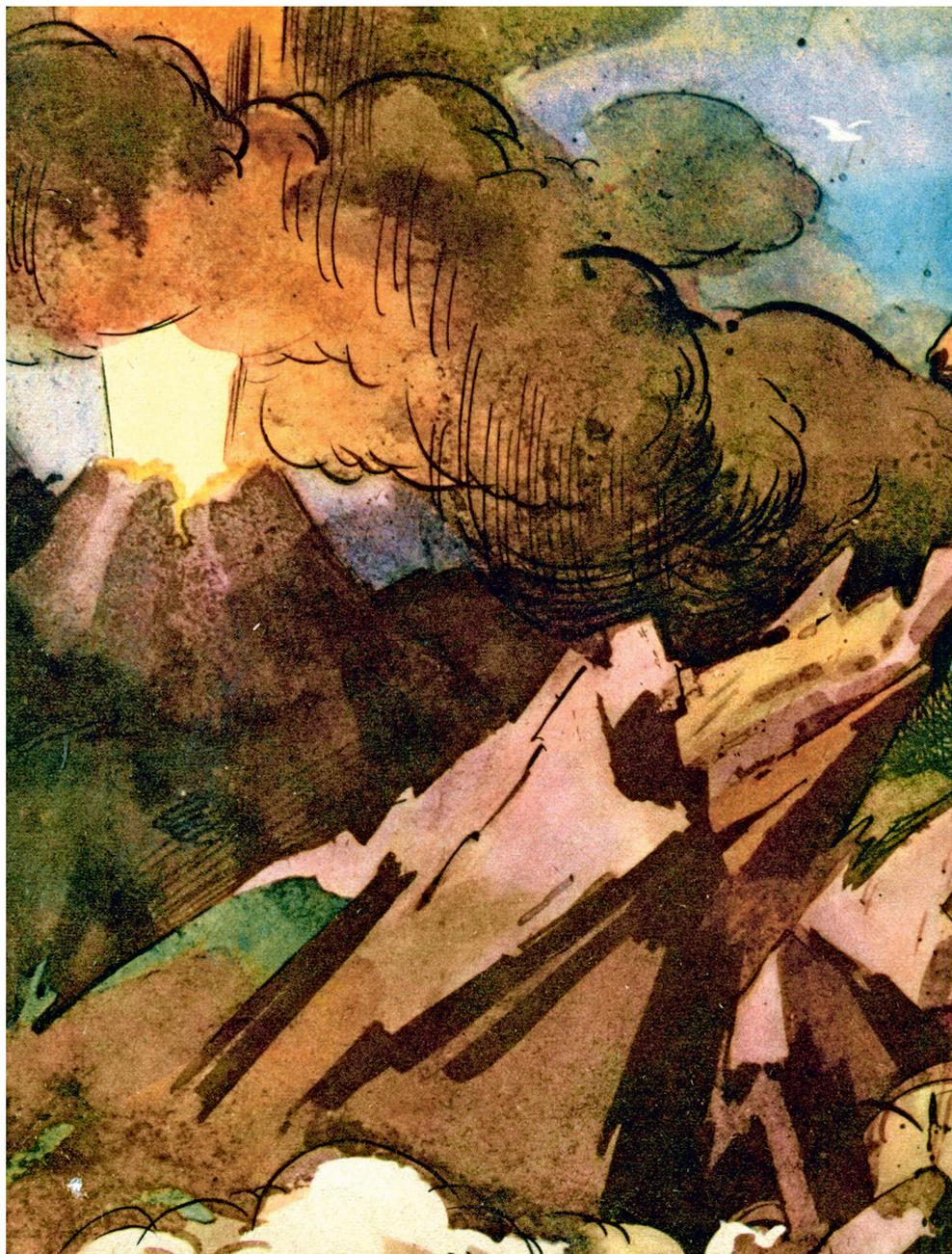
Удар отбросил птерозавра в сторону. Он сразу умолк и, распластав крылья, неторопливо полетел вниз. Через некоторое время приятели услышали из темноты ущелья его недовольный клекот, будто он кому-то жаловался на дерзких пришельцев.

Мальчики немного отдохнули и отдышались.

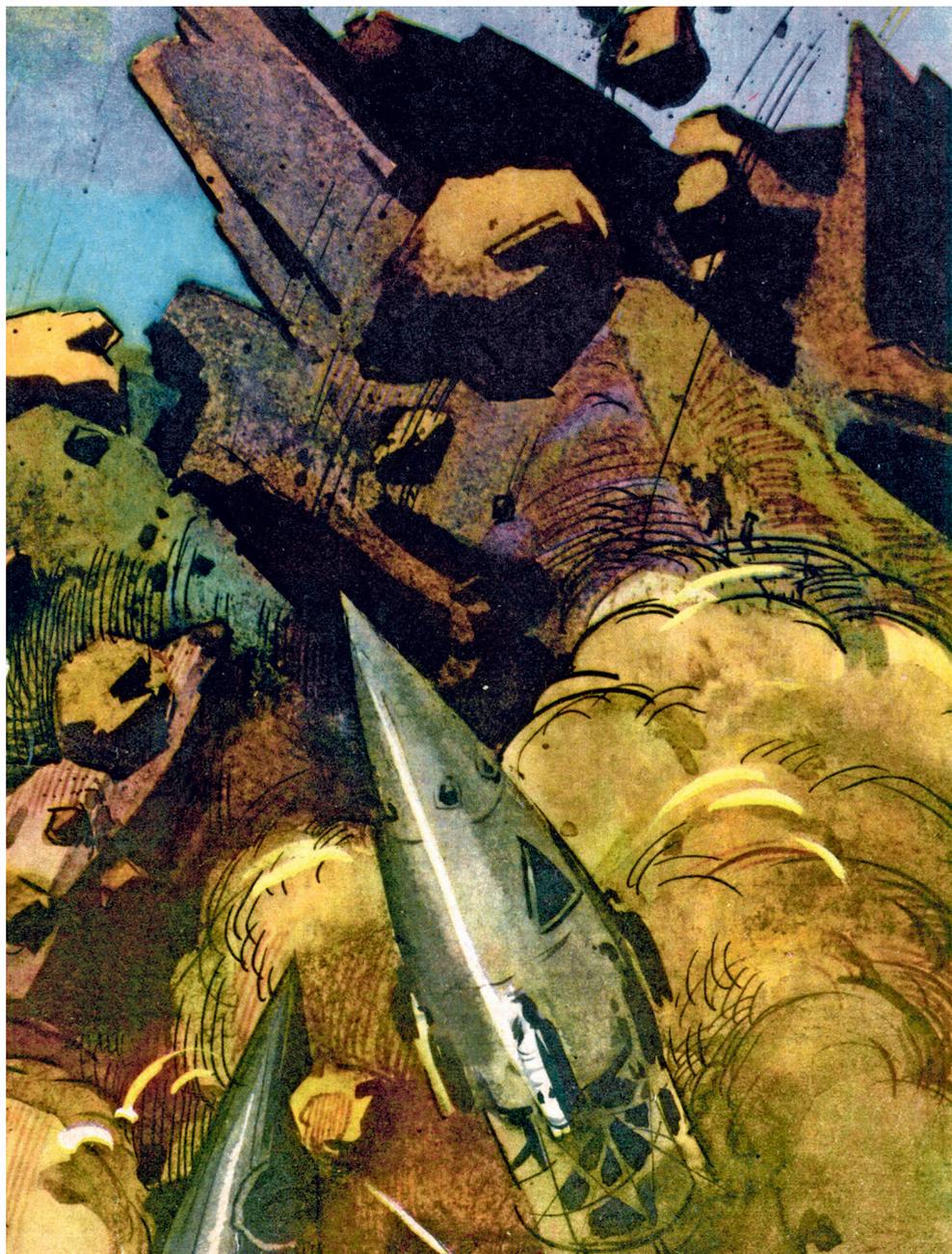
Они стояли на крохотной площадке, шириной в четверть метра, прижимаясь к холодной скале. Под их ногами чернел провал. И оттого, что во мраке не было видно дна, провал казался бездонным.

Им стало страшно, но никто из них не сказал об этом ни слова. А синее манящее небо над головой было еще так далеко...

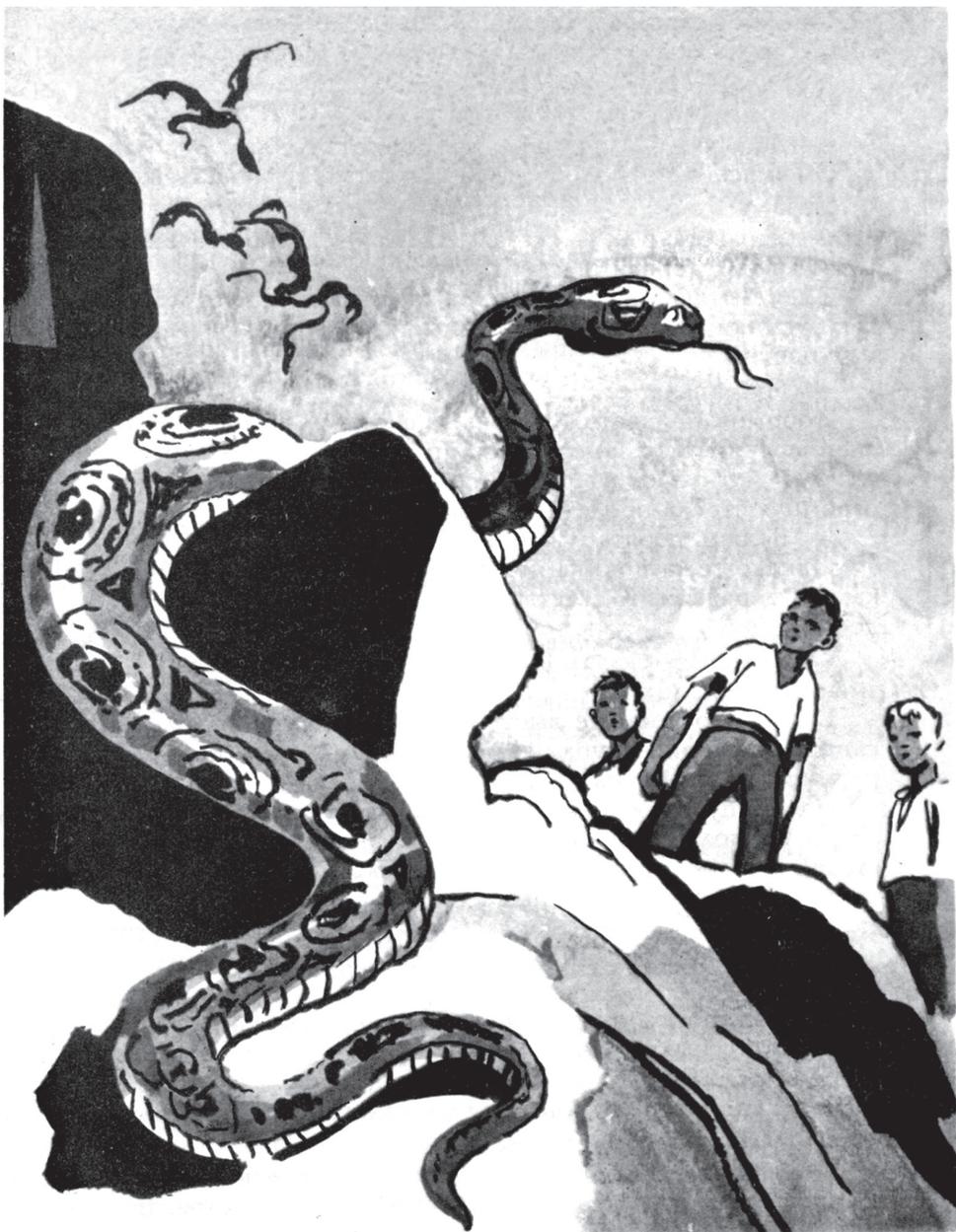
— Полезли, — сказал Илья. — Осталось совсем немного...

Они видели, как закачались, задвигались скалы, наползая одна на другую, как вдруг наискось разверзлась котловина и в черную бездну обрушились

*ракеты синотов, глыбы камней, гигантские ворохи песка и глины. Туча
клокочущего пара взлетела к небу и окутала летательный аппарат*

*Змея вскинула голову и, разинув розовую пасть,
коротко прошипела*

Друзья снова стали карабкаться вверх. И когда их отделяли от цели всего несколько метров, они почувствовали, как вздрогнуло все ущелье, и услышали глубокий громоподобный гул. С пушечным раскатом напротив треснула базальтовая стена.

Напрягая последние силы, они выбрались из ущелья и, совсем обессиленные, легли на камнях.

В воздухе горько пахло серой, ветер сыпал на них теплый пепел. Потом они услышали странные звуки, похожие на шум далекого поезда.

Богатыри подняли головы. Шум нарастал и внезапно хлынул в ущелье. Оно наполнилось оглушающим шипением и ревом. Десятки птерозавров, сталкиваясь в воздухе и сбивая друг друга, вылетели из ущелья, тучей закружились над скалами.

Изумленные мальчики заглянули вниз и отшатнулись. Что-то ослепительное до боли резануло глаза, опалило жаром лица и волосы. Рукав Алешиной рубашки затлелся.

По ущелью неслась, вздуваясь и клопоча, огненная река.

— Лава!.. — закричал Илья. — Извержение!

Приятели видели, как шевелились его губы, но слов не услышали.

Они бросились прочь от ущелья, обогнули скалу и остановились.

Впереди, над грядой снежных гор, ворочалась туча дыма и пепла. В самом центре тучи с трудом различались крутые склоны Гаустафа. Всплески пламени то и дело взметались и угасали над неясной вершиной вулкана.

Горы глухо гудели, стонали, и от сотрясающейся почвы телам передавалась противная мелкая дрожь.

— Гаустаф ожил! — снова закричал Илья, и снова никто не разобрал его слов.

В ту же минуту мальчики заметили летательный аппарат. Он промелькнул над головами, оставив в воздухе ровную черту дыма, и исчез в полукилometре от них за хаотическим нагромождением горных пород.

Богатыри забыли об усталости. Они бежали, спотыкаясь, они падали, сбивая в кровь колени, и снова бежали, бежали...

И вдруг совсем рядом они увидели человека с рыжими бакенбардами. В необычном костюме, похожем на одежду водолаза, он возвышался на камне, размахивая серебряной трубкой, и что-то яростно кричал Забаве, Волшебнику и Флер.

А Забава, Волшебник и Флер стояли перед этим человеком беспомощные, со скованными руками.

Летательный аппарат догорал рядом с ними.

Человек с рыжими бакенбардами вскинул серебряную трубку и прицелился в пленников. Но он не успел сделать выстрела, потому что Илья Муромец что было силы рванул его за ногу.

Скорпиномо грузно свалился с камня лицом вниз. Его продолговатый головной убор ударился о камни и сорвался, обнажив лысоватую голову.

Остальное произошло почти мгновенно.

Добрыня одним рывком выхватил из его рук серебряную трубку, и три богатыря сели верхом на поверженного синота.

А потом, прежде чем все успели опомниться, где-то внутри горного хребта раздался короткий гром. И сразу стало удивительно тихо. Было лишь слышно, как в тишине стонет Скорпиномо и вдали, постепенно утихая, шумит поток лавы.

Огонь на вершине Гаустафа погас, но пепел и дым все еще вились в небе, и все еще воздух был наполнен удушливым запахом серы.

— Bravo сейсмологам! — услышали мальчики взволнованный голос Флер. — Они остановили извержение! И bravo вам, отважные мальчики! Вы спасли нам жизнь!

Забава молчала. Но девочка подарила приятелям такую улыбку, что их лица в синяках и ссадинах невольно заулыбались в ответ. Они все еще сидели верхом на синоте, не решаясь отпустить его.

— Ой вы, гой еси, добры молодцы! — восторженно заговорил Волшебник.

— А не я ли утверждал, что не перевелись богатыри на нашей Земле! Этот хищник по имени Скорпиномо сначала сделал нас своими заложниками, а потом решил отомстить за гибель синотских ракет и расстрелять!

— Отпустите этого хищника, мальчики, — сказала Флер, — он больше не страшен. К нам идет помощь!

Они подняли головы. Трепеща крыльями, на камни опустился летательный аппарат.

Сначала из кабины вышел Клад. Но тот, кого они увидели вслед за ним, поверг их в такое изумление, что все онемели.

Тяжело ступая по лестнице летательного аппарата, из кабины спустился робот Горено.

— Ты?! — хрипло закричал Скорпиномо. — Ты жив, мой славный Горено?

— Да, я жив, — скрипуче ответил робот.

— Но почему же ты не отвечал на мои позывные? Каким образом тебе удалось спастись?

— Когда началось планетотрясение, я еще был в воздухе, и это спасло меня.

— Так что же ты медлишь, Горено? — завопил Скорпиномо. — Убей этих людей! Скорей убей! Ты ведь можешь излучать смертоносную энергию! Ты один можешь убить тысячу человек! Нет, десять тысяч! Сто тысяч!.. А потом я свяжусь с Техническим центром N 1, и мы вызовем сюда новую ракету!

— Технический центр N 1 уже связался со мной, — медленно проговорил робот, поднимая руку в перчатке к головному убору. — Я получил приказ Технического центра. Мне приказано арестовать Скорпиномо.

— Ты рехнулся, Горено! Электронные извилины твоих мозговых полушарий, наверно, получили повреждение во время планетотрясения, и ты неправильно понял приказ.

— Нет, я понял приказ совершенно правильно.

— Ты должен беспрекословно подчиняться мне, проклятый робот!

— Да, я должен был беспрекословно подчиняться великому Скорпиномо до тех пор, пока меня обязывал это делать Технический центр.

— Так подчиняйся же!

— Не могу. Я механизм, и механические указания моего центра для меня важнее, чем даже слова великого Скорпиномо. Я только механизм, и вам это известно так же, как и мне.

— Идиот! В Техническом центре N 1 мои друзья!

— В Техническом центре N 1 нет больше ваших друзей, Скорпиномо.

— Как нет? Куда они делись?

— Слушайте радиogramму, принятую мною, — бесстрастно говорил робот. — Слушайте, вот эта радиogramма дословно: «Всем, всем, всем! Враждующие между собой правители Сино Тау начали новую страшную войну. Но народ Сино Тау больше не хочет погибать. Он взял власть в свои руки. Все технические центры Сино Тау находятся в руках народа. На нашей планете объявлена Эра великой дружбы. Технический центр N 1 приказывает всем роботам, находящимся за пределами планеты, арестовать командиров кораблей и доставить их на Сино Тау. Технический центр N 1 приказывает также роботам связаться с народом Эфери Тау и объявить, что народ Сино Тау предлагает ему вечный мир и вечную дружбу».

Горено сделал быстрое движение, и на руках Скорпиномо щелкнули наручники.

— Космический корабль очень скоро придет за вами, Скорпиномо, — сказал робот. — Народ Сино Тау будет судить вас.

Затем Горено освободил от наручников Флер, Забаву и Волшебника. Все вошли в кабину летательного аппарата и поднялись высоко-высоко над горами, над редеющей тучей дыма и пепла.

*Горено сделал быстрое движение,
и на руках Скорпиномо щелкнули наручники*

Они летели над снежными вершинами, над розовыми лесами и розовыми равнинами и наконец увидели огромный светлый город. Его прозрачные крыши ярко сверкали в лучах Ладо.

Летательный аппарат опустился неподалеку от города, в долине, где росли очень красивые и очень ароматные цветы. Эти цветы были самых разнообразных расцветок, потому что их семена разведчики доставили со своей планеты.

И в тот же день, прежде чем Ладо скрылось за горизонтом, на Утреннюю Звезду прилетел первый корабль с маленькими переселенцами умирающей планеты Эфери Тау.

Корабль был очень большой. Он сел среди цветущей долины, и по бесчисленным лестницам начали спускаться тысячи веселых, смеющихся детей.

Все мальчики и девочки были одеты в белые, красные, зеленые, желтые и синие комбинезоны и издаലെка очень походили на живые цветы.

Космический корабль эферийцев привел на Эо Тау молодой ученый — сын Флер и внук Клада. Они стояли втроем, держась за руки, и со счастливыми улыбками смотрели, как радуются дети теплым лучам золотистого Ладо. Ведь они выросли внутри планеты, и многие из них видели солнце в первый раз.

— Так победила жизнь! — тихо сказала Флер.

— А иначе и не могло быть, дорогая Флер, — проговорил растроганный Волшебник, теребя свою шелковую бороду. — Ведь жизнь — вечный закон Вселенной! Уж нам, волшебникам, это доподлинно известно!

Он посмотрел на Забаву и вдруг спросил:

— Сколько сейчас времени, внучка?

— А какое это имеет значение, дедушка? — усмехнулась Забава. — Ведь здесь совсем другое время. Я уже давно не смотрю на свои часы.

— Гм... Помнишь ли ты, в котором часу мы покинули Землю?

— В десять часов вечера. А сейчас... без четверти десять.

— Гм... Клянусь бородой, нам пора возвращаться домой!

Флер и Клад проводили землян в летательном аппарате до самой Долины горячих источников.

Золотистый шар спокойно стоял в розовой траве, так удивительно пахнущей медом.

Трое стражей в желтых костюмах приветственно подняли руки.

— Ну что ж, давайте прощаться, дорогие друзья! — сказал Волшебник эферийцам. — Пусть ваша жизнь будет счастливой на Утренней Звезде!

— Прощайте, дорогие земляки! — подняла руку Флер. — Да здравствует жизнь!

Земляне вошли в мыслеплан, и проход неслышно закрылся за ними.

— А сколько сейчас времени на твоих часах, Забавушка?

— Ровно десять часов, дедушка.

— Нажми эту кнопку...

Девочка прикоснулась пальцем к кнопке, и мыслеплан чуть-чуть вздрогнул.

— Итак, — торжественно сказал Волшебник, — мы на Земле, друзья мои!

Что-то сверкнуло, и все увидели, что сидят на террасе тесового домика, и почувствовали резкий запах цветущего табака.

— Здравствуй, Земля!.. — воскликнула Забава.

Они спустились с крыльца. Белые ночные мотыльки, потревоженные их шагами, вспорхнули с клумбы и, как снег, закружились в воздухе.

— Земля! Наша милая, хорошая Земля!.. — шептала Забава.

Они долго стояли возле террасы и молча смотрели, как в черном небе, в бесконечном пространстве Вселенной мерцают миллионы солнц, миллиарды далеких Ладос.

— Спокойной ночи, богатыри! — наконец сказал Волшебник.

И когда мальчики двинулись к калитке, он поднял руку и прибавил:

— Да здравствует жизнь!

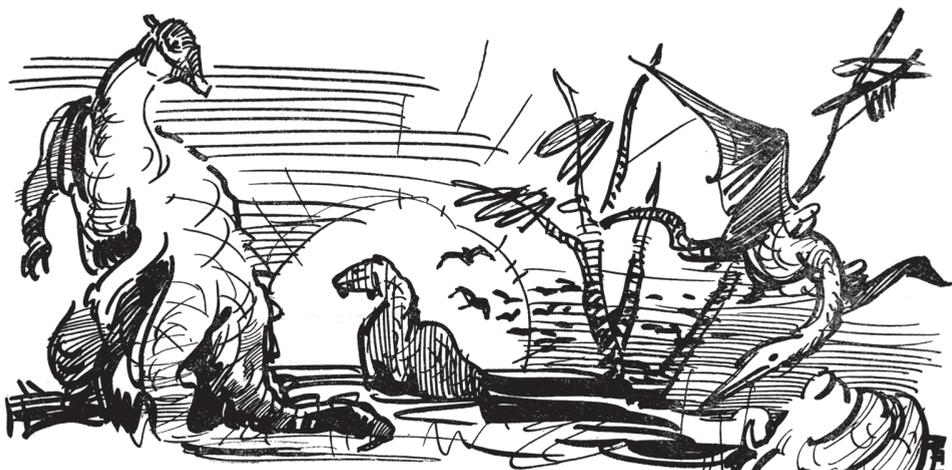
И словно в ответ на его слова, где-то в саду радостно и звонко запел соловей.

ЧАСЫ ВЕКОВ

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой начинаются приключения Мухи

Прежде всего надо сказать, что Муха не насекомое, а маленькая девочка двенадцати лет, с чёрными косичками, с густыми, словно нарисованными чёрной тушью, бровями, с большими глазами, окаймлёнными кустарником чёрных, очень красиво изогнутых ресниц. Может быть, за эту черноту её и прозвали Мухой. А может быть, за то, что она на переменах стремительно носилась по школе, появляясь то на одном, то на другом этаже, не переставая тихонько напевать какие-то песенки без слов. Эти её песенки весьма походили на мушиное гуденье.

Как бы там ни было, её называли Мухой. Кличка до такой степени привязалась к ней, что даже учителя говорили: «Муха, иди к доске». Или: «Муха, перестань гудеть!» Мало кто помнил, что настоящее имя этой девочки — Маша.

Приключения Мухи начались в первый день летних каникул, когда родители, пожурив её за тройку по истории, ушли на работу. Муха

грустно повертела в руках табель со злополучной тройкой, длинно вздохнула, сунула табель в ящик письменного стола и собралась идти во двор, где её ждали подружки. В эту минуту в коридоре раздался резкий звонок.

Она открыла дверь и невольно улыбнулась. У порога стоял крошечный старичок, совершенно заросший седыми, сияющими, будто свежие белила, волосами. Эти неестественно белые волосы росли так густо, что никак нельзя было определить, где кончаются брови, а где начинается борода. А глаза старичка были голубыми, как летнее небо, и весело поблёскивали из белых зарослей. Муха и старичок были одного роста, но, разумеется, совсем не походили друг на друга, как вообще чёрное не походит на белое. Если глаза Мухи темнели, как два таинственных колодца, то глаза старичка светились, словно два прозрачных родника.

«Это лилипут, — подумала Муха с любопытством, — интересно, какой у него голос? Наверно, писклявый».

— Здравствуй, девочка, — сказал старичок раскатистым басом, — я часовой мастер. Я пришёл исправить ваши часы.

— Какие часы? — удивилась Муха. — Папа забрал свои часы на работу.

— Я говорю не о ручных часах, а о напольных, — пробасил старичок, — о тех самых, которые стоят в углу вашей столовой.

— Да разве можно починить те часы! — воскликнула Муха. — Они достались нам в наследство от бабушки, но когда я родилась, они уже стояли. Все мастера говорят, что они никогда не будут ходить.

— Все мастера? — презрительно фыркнул старичок. — Хотел бы я взглянуть хотя бы на одного такого бездельника! Уж будь уверена, ему не поздоровилось бы! Нет на нашей планете таких часов, которые нельзя починить. Во всяком случае нет таких, которые не смог бы починить часовой мастер Великанов, то есть я!

Старичок Великанов отстранил Муху своей маленькой, но сильной ручкой и, смешно пританцовывая на паркете, уверенно направился в столовую. На ходу он негромко припевал:

Не идут часы никак —
И ни тик и ни так,
Но я знаю сделать как,
Чтоб ходили тик да так.

Муха рассмеялась. Ей нравился этот необыкновенный старичок. Он так заразительно напевал и пританцовывал, что она незаметно для самой себя начала повторять его движения и напевать:

Не идут часы никак —
И ни тик и ни так,
Но я знаю сделать как,
Чтоб ходили тик да так.

У входа в столовую старичок вдруг остановился и сказал:

— В сущности все люди — дети. И маленькие и взрослые.

— Так не бывает, — нерешительно заметила Муха.

— Бывает сколько угодно, — возразил он, — только взрослые напускают на себя солидность, хотя на самом деле им очень часто, так же, как детям, хочется прыгать, играть и дурачиться. Они просто притворяются, что они уже не дети. Они думают, что становятся величественными оттого, что ходят, задрав нос и сжав губы. А на самом деле величие человека зависит совсем не от этого.

— А от чего? — спросила заинтересованно Муха, которой пришлось по душе рассуждения часового мастера. Это и понятно: кому из девочек или мальчиков не хочется чувствовать себя наравне со взрослыми?

— Величие человека заключается вот в чём, — сказал старичок, прикладывая руку к голове и к груди. — В уме и в добром сердце! Подумай об этом, как следует, и ты всё поймёшь, потому что у тебя самой, как мне кажется, есть и ум и доброе сердце... Кстати, как тебя зовут?

— Муха.

— Великолепное имя! Я даже не спрашиваю, кличка это или настоящее имя. Важно, что ты сама себя так называешь. Должен тебе сообщить, что моя фамилия Великанов — тоже не настоящая. Злые языки дали мне это прозвище, надеясь ущемить моё самолюбие: ведь я очень маленького роста. А я с благодарностью принял новое имя, потому что решил, что оно подходит мне.

Ты улыбаешься? Но ведь я же говорил тебе, что самое важное для человека не рост и не возраст! Примером тому могут служить хотя бы памятники... Да, да, памятники, которые, как известно, ставятся только великим людям... Так вот, я напоминаю тебе, что на нашей планете есть не мало памятников, поставленных благодарным человечеством маленьким детям!

Голубые глаза старичка Великанова излучали потоки ласкового света. Он стоял перед Мухой, маленький, изящный, в аккуратном костюмчике, купленном, по-видимому, в магазине «Детский мир», подбоченясь и чуть раскачиваясь на носках. Муха смотрела на него с уважением.

— Ты, наверно, очень быстро бегаешь? — вдруг спросил он, оглядывая её с ног до головы.

— Быстрее всех в классе... — порозовела она.

— Я тоже быстро бегаяю, — сказал он, — интересно, кто из нас быстрее? Хорошо бы посязаться... Слушай, ведь ты, небось, — гроза всех школьных мальчишек? Правда? Тебя побаиваются они?

— Да, — созналась она, — если они задираются, я им спуска не даю!

— Прекрасно! — воскликнул часовой мастер. — Люблю смелых девочек! А как ты учишь-ся? Я думаю, у тебя нет ни одной тройки.

— Есть... — тихо вздохнула Муха. — Тройка по истории...

— О-о-о! — разочарованно пробасил маленький Великанов. — Я потрясён, Муха! История — великолепнейшая из всех наук! Я наверняка был бы профессором истории, если бы мой отец не захотел, чтобы я стал часовщиком. Дело в том, что и мой отец и мой дед были часовых дел мастерами... Ну что ж, идём посмотрим ваши напольные часы, потому что мы и так уже изрядно заболтались...

Часы занимали весь угол столовой. Это были очень старинные часы высотой не менее двух метров с бронзовыми инкрустациями и красивым светящимся циферблатом. Огромный золотистый круг маятника спал за стеклянной дверцей. Никто в доме не слышал, как эти часы тикают и звонят. Иногда, когда Муха вытирала с них пыль и задевала их локтем, часы издавали тихий шелестящий звук, похожий на вздох, словно они жаловались на томительную скуку и бездеятельность. Никто не относился серьёзно к часам, их просто сохраняли в квартире, как старинное украшение.

Но маленький Великанов пришёл от этих напольных часов в неистовый восторг. Его глаза расширились и стали ещё голубее, челюсть отвисла и подрагивала. Он силился что-то сказать, но волнение сковало язык часового мастера.

— Что я вижу! — наконец воскликнул он, отступая и взмахивая руками. — Что я вижу! Что я вижу! Нет, этого не может быть! Я, кажется, могу сойти с ума от радости! Я думал, что эти часы — плод фантазии моего деда! Но теперь я вижу, что часы веков существуют на самом деле! Муха! Доро-

гая Муха! Перед нами неповторимые, волшебные, единственные в мире часы веков! Это похоже на сказку! А может быть, мы на самом деле попали в сказку!

Муха почти ничего не поняла из сказанного старичком, но его волнение передалось ей.

— Часы веков? — спросила она. — Что это значит?

— Это значит, — торжественно сказал Великанов, — что цифры на этих часах показывают века! Да, да, не часы, а века и даже тысячелетия! Целые эпохи! Не будь я часовых дел мастером, если это не так! Видишь этот золотистый маятник?

— Вижу... Только он никогда не качается.

— Он будет качаться, чёрт возьми!.. Так вот, если открыть стеклянную дверцу, то за маятником можно будет обнаружить вторую, заднюю дверцу из красного дерева. А та задняя дверца, милая Муха, ведёт в прошлые века! Только открой её — и ты попадёшь в любую эпоху, с той поры, когда на нашей Земле появилось разумное существо, именуемое человеком! Неужели тебе неинтересно попутешествовать по векам?

— Конечно, интересно, — недоверчиво усмехнулась Муха, — но если открыть заднюю дверцу, уткнёшься носом в угол столовой...

— Уткнёшься, если часы будут стоять, — заворчал Великанов, — но на то я и часовщик, чтобы они ходили!

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой Муха и старичок Великанов проникают в доисторическую эпоху

Минут десять он копался в механизме часов. Для этого старичку Великанову пришлось стать на стул. Муха видела, как у часового мастера, должно быть от нетерпения, дрожат колени, а один каблучок выбивает на стуле мелкую дробь. Наконец он спрыгнул со стула и легонько,

одним пальчиком, толкнул золотистый маятник.

Маятник закачался.

— Тик-так, — чётко и неторопливо заговорили часы, — тик-так, тик-так...

— Идут! — крикнул Великанов своим зычным басом. — Ура! Дорогая Муха, учёные утверждают, что первый человек на нашей Земле появился примерно около одного миллиона лет назад. Сейчас мы проверим, так ли это... Видишь, стрелки часов сошлись на двенадцати. С этого часа, или точнее с далёкой и ещё никем не виданной эпохи, мы начинаем наше путешествие!

Он просунул руку между маятником и боковой стенкой часов и распахнул заднюю дверцу. Что-то зелёное, залитое ослепительно ярким светом, мелькнуло в открывшемся проходе, и в комнате сразу повеяло влажным теплом.

Сначала старичок Великанов, а за ним Муха проскользнули между маятником и боковой стенкой часов и очутились в зарослях величественных папоротников. Солнечный свет колеблющимися пятнами лежал на огромных лапчатых листьях. Было душно и жарко.

— Тик-так, — мерно стучали за спиной часы веков, — тик-так...

Муха оглянулась. Как это ни было странно, но она и старичок Великанов вошли в доисторическую эпоху из узкой и тёмной трещины в гранитной скале. Никаких часов не существовало! Только из глубины трещины доносились торжественные звуки:

— Тик-так, тик-так...

— Ну, что ж, Муха, — сказал Великанов, — пойдём посмотрим на этот странный мир!

— А мы найдём дорогу обратно? — затревожилась она. — В этих зарослях очень легко заблудиться.

— Не беспокойся! Куда бы мы ни ушли, мы всегда будем слышать тиканье наших волшебных часов... Идём же!

Они скоро миновали заросли папоротников и вышли по мягким мхам к берегу реки. Бурное течение несло тёмные коряги и какие-то зелёные пучки: вероятно, река где-то подмыла обрывистый берег, и растения обрушились в воду.

Река была очень широкой и мутной. Противоположный берег едва угадывался в дымке тумана, в котором зоркие глаза Мухи разглядели неясную гряду остроконечных вершин леса.

Великанов и Муха стояли на высоком, неровном берегу, овеваемые горячим ветром, наполненным запахами сырости и неведомых трав. От этих сладковато-острых запахов во рту появлялась оскомина и кружилась голова. Было ли что-нибудь знакомое в этих запахах? Пожалуй, ничего, кроме тёплой сырости. Всё казалось необычным и ни с чем не сравнимым.

— Тише! — прошептал Великанов, обеспокоенно указывая с обрыва на что-то тёмное в воде. Это тёмное и неопределённое вначале показалось Мухе небольшим островком, поросшим бурными водорослями. Но островок вдруг зашевелился, из воды высунулась продолговатая голова с длинным хоботом и двумя белыми бивнями. Хобот, извиваясь, взметнулся над рекой и шумно выпустил

целый каскад воды. Только теперь поняла Муха, что мохнатую шерсть какого-то гигантского животного она приняла за водоросли.

— Слон? — спросила она шёпотом. — Ну, конечно же, смотрите у него хобот. Настоящий слон!

— Не думаю, — ответил Великанов. — Скорей всего мамонт... А может быть, предок и слонов и мамонтов. Во всяком случае он раза в три больше известных мне видов слонов.

Гигант явно наслаждался купанием. Мохнатое животное словно из мощного брандспойта поливало себя речной водой, вымывая из шерсти каких-то огромных насекомых и круглых рыжих клещей. Некоторые из них достигали в диаметре не менее метра. Клещи падали в реку, переворачиваясь на спину и беспомощно шевеля множеством ножек; течение быстро относило их в сторону, вода сразу закипала вокруг, и стаи рыб в несколько мгновений пожирали клещей.

И тут произошло нечто такое неожиданное и страшное, что Муха потом долго не могла придти в себя. Река в самой стремнине вдруг бешено забурлила и заклокотала.

Это шумное клокотанье стремительно приближалось к берегу. Мохнатый гигант на секунду застыл с приподнятым хоботом и, захрипев, рванулся к берегу. Тонны грязно-жёлтой воды взлетели над ним, посеяв целый дождь противных, тепловатых брызг на Муху и Великанова.

Как ни торопился гигант, он не ушёл от своей гибели. Вода уже плескалась и клокотала вокруг него. Сотни, а может быть, тысячи каких-то речных хищников со всех сторон атаковали могучее животное, высывая из воды зубастые пасти. Было отчётливо видно, как они терзают несчастного гиганта, вырывая из его туши куски мяса. Животное страдальчески затрубило. Предсмертный вопль, от которого похолодело в груди Мухи, полетел над рекой, отдался эхом в заречье и заглох в туманной дали. Гигант свалился и исчез под водой. Река ещё с минуту клокотала

*Мохнатый гигант на секунду застыл
с приподнятым хоботом и, захрипев, рванулся к берегу*

над ним и успокоилась. А ещё через минуту, когда течение унесло ил и песок, поднятые со дна гибнущим гигантом, стал виден его обглоданный остов. Ни одного клочка мяса не было на гигантских белых костях.

Река по-прежнему спокойно несла куда-то к неведомому морю или океану свои мутные воды, и тишину горячего, влажного дня нарушали только гортанные крики парящих в вышине белых птиц, похожих на огромных чаек.

— Да! — передохнул Великанов, качнув седой головой. — Такое и во сне не приснится!.. Не желаешь ли ты, Муха, искупаться в этой прелестной речушке?

— С удовольствием, — быстро сказала она, — только после того, как вы, товарищ Великанов, покажете мне пример!

— Ишь ты, какая сообразительная! — усмехнулся он. — Нет уж, что касается меня, то я предпочитаю подождать миллион лет, когда наступит наша эра, и реки очистятся от тварей, пожирающих в одно мгновение тонны живого мяса!

Они медленно шли по берегу, слыша, как где-то за спиной размеренно и неотступно стучат часы веков:

— Тик-так, тик-так...

Солнце поднималось всё выше, становилось нестерпимо жарко, и Муху начала мучить жажда. Она отстала от своего спутника и, наконец, взмолилась:

— Товарищ Великанов, зачем мы идём под солнцем? Смотрите, совсем рядом лес!

— А ты уверена, что в лесу нет зубастых гадов, какие водятся в здешних водах? — спросил он, останавливаясь, но, подумав, прибавил:

— Впрочем, как говорится, бояться гадов — в лес не ходить...

Однако первобытный лес оказался мало приспособленным для прогулок. Они с трудом пробивались сквозь нагромождения гниющего бурелома, сырого и скользкого. Стало почти совсем темно. Толстые стволы шершавых и влажных деревьев, породу которых невозможно было определить в полумраке, тесно поднимались вокруг чёрными привидениями. Душные гнилостные испарения наполняли воздух смрадом. Муха то и дело скользила, наступая на чудовищно большие грибы, которые лопались под ногой, как выстрел. Несколько раз она упала, больно исцарапав лицо и руки. В довершение ко всему на путников напали мириады летающих насекомых. Они больно жалили, а при дыхании врывались в рот, лезли в ноздри и уши.

— Я больше не могу! — жалобно крикнула Муха Великанову, выплёвывая отвратительную кашу из насекомых. — Пожалуйста, идёте домой...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой происходит смертельная схватка обезьяны с тигром

В эту минуту впереди мелькнул свет, и они скоро вышли на обширную поляну, заросшую высокой, сочной травой. С двух сторон поляну замыкали глыбы скал, образуя почти прямой угол. А в самом углу с высоты нескольких метров из тонкой расщелины выбивался узкий и прозрачный, словно стекло, весёлый ручеёк.

С каким наслаждением они пили приятную, почти ледяную воду! От холода у Мухи начало ломить лоб. Вода стекала по подбородку, забрызгала фартук, а она всё пила и пила...

— Не забывай, Муха, что ты попала в эпоху, когда на земле ещё нет ни врачей, ни лекарств, — ворчливо проговорил Великанов, — если ты простудишь горло, тебя некому будет лечить!

— Ещё один глоточек! — сказала она беспечно. — Я никогда не простуживаюсь.

К ней вернулось хорошее настроение. Она вытерла рукавом мокрое лицо и огляделась. Это было по-настоящему красивое место. В траве, там и тут, пестрели яркие, незнакомые цветы, а в центре поляны высоко к небу поднимались стройные стволы пальмовых деревьев. Их росло здесь не меньше десятка. В вышине остроконечные листья сплетались в густую крону, и на траву падала заманчивая тень.

— Вот бы отдохнуть в этой тени! — сказала она, потягиваясь, и уже было двинулась к пальмам, но Великанов остановил её.

— Осторожней! — понизил он голос. — Как бы Муха-мушка не попала в

липучку, из которой, как известно, твои летающие тёзки никогда не выбираются!

Часовой мастер указал ей на ствол пальмы.

— Не вижу никакой липучки, — пожалала она плечами.

— А ты присмотришься! То, что вижу я, пожалуй, даже похуже липучки!

Муха рассматривала дерево, заслонив ладошкой глаза от слепящего солнца. И вдруг вскрикнула:

— Какой ужас!

Вокруг ствола обвивалась огромная пятнистая змея. Казалось, она дремала.

— Не будем, Муха, вступать в конфликт с древнейшим пресмыкающимся. Пусть себе спит или делает вид, что спит... Я убеждён, что нам надо, как можно скорей, уносить отсюда ноги!

Уносить ноги им не пришлось, потому что на поляну совершенно неожиданно обрушился шквальный ветер с косым, сбивающим с ног дождём. Солнце светило всё так же ярко, и поэтому им показалось, что дождь льёт с чистого синего неба. Просто Муха и Великанов не успели заметить, как из-за леса не выплыла, а вылетела клубящаяся чёрно-фиолетовая туча. Дождь походил на поток, прорвавший плотину, он захлёстывал дыхание, гремел, рычал и свистел, заглушая все другие звуки древнего мира. Муха видела, как шевелятся губы согнувшегося под тяжестью дождя Великанова, понимала, что он что-то кричит ей, но не разобрала ни одного слова. Она лежала на земле, прижатая к ней дождевым водопадом.

Наконец ему удалось схватить её за руку и подтянуть к

скале. Напрягая силы, маленький часовой мастер втокнул Муху в небольшое круглое отверстие и протиснулся в него сам.

Долго лежали обессиленные путники в тёмной пещере. Ливень кончился так же неожиданно, как и начался, в круглом отверстии засверкало солнце, а они всё ещё не шевелились, слушая в наступившей тишине спокойное тиканье волшебных часов.

— Как ты себя чувствуешь, Муха-мушка? — услышала она слабый голос часового мастера.

Она не сразу ответила, потому что ей было трудно ворочать даже языком.

— Муха! — забеспокоился он. — Ты слышишь меня?

— Да... — вздохнула она. — Я себя чувствую так, будто меня раскатывали скалкой, а потом разрезали на лапшу.

— Ну, раз ты остришь, значит лапша из тебя не получилась, — успокоился он.

— Я бы с удовольствием похлебала сейчас маминой лапши, — снова вздохнула она.

— Боюсь, что это тебе не удастся, так как от мамы тебя сейчас отделяет небольшой отрезок времени — всего в один миллион лет! Может быть, ты недовольна, что отправилась со мной в это необычное путешествие?

— Что вы! Я хочу пропутешествовать целиком весь миллион лет!

— В таком случае давай выберемся из пещеры на солнышко и высушим нашу одежду. Ты смелая девочка, и я теперь вижу, что мальчишки тебя боялись не зря!

Муха поднялась, польщённая похвалой, взглянула в наружное отверстие и негромко ахнула.

— Тсс... — прошипел за её спиной Великанов. — Мы, кажется, видим то, что искали!

На прибитой ливнем траве валялось множество осыпавшихся пальмовых орехов величиной с добрый арбуз. А над орехами склонились большие волосатые обезьяны. Целая стая обезьян! Могучие, мускулистые, они грызли сосредоточенно орехи крепкими, как железо, зубами. По-видимому, это была трудная работа, потому что над поляной стоял такой скрип и скрежет, словно сто поваров выскребали ножами сто кастрюль.

Некоторые обезьяны, как было видно, уже прогрызли твёрдую кожуру и, приподняв орехи передними лапами, высасывали из них сок. Они делали это с таким старанием и причмокивали так аппетитно, что часовой мастер завистливо прошептал:

— Если бы у меня были такие зубы! — и вздохнув, пощупал свою челюсть.

Некоторые обезьяны, насытившись, сидели и лежали на траве и благодушно урчали. Одна из них на трёх лапах тащила куда-то сопротивляющегося детёныша. Четвёртой лапой она довольно грубовато держала его за шиворот, не придавая никакого значения его визгу. Детёныш барахтался и вопил так пронзительно и с таким упоением, как это делают некоторые дети ещё и в наше время. Его вопли походили на нечто среднее между визгом поросёнка и криками капризного первоклассника.

Обезьяне-мамаше, вероятно, надоели шумные стенания сына, она приподнялась на задних лапах и отвесила ему крепкий шлепок чуть ниже спины. Детёныш сразу умолк.

— Примитивное средство воспитания, — пробормотал Великанов, — но, кажется, убедительное...

И вдруг обезьяны стремительно, в несколько мгновений взлетели на деревья. Все, кроме одной, той самой, которая грызла свой орех слишком далеко от пальм. Дорогу наверх ей отрезал огромный полосатый тигр. Он появился на поляне так неожиданно и быстро, словно вырос из-под земли.

Обезьяна на четвереньках пятилась к скалам, в то время как её сородичи подняли на ветках оглушительный тревожный галдёж. Тигр не обратил на их крики ни малейшего внимания, его глаза неотрывно следили за попавшей в западню обезьяной.

Красивая полосатая кошка величиной с лошадь разлеглась на мокрой траве, громко мурлыкая и постукивая по земле сильным хвостом. Тигр не спешил схватить добычу, он играл с ней, как кошка играет с мышью.

— Надо спасти обезьянку! — горячо зашептала Муха. — Товарищ Великанов, придумайте что-нибудь! Ну, пожалуйста, я вас очень прошу!

— Это невозможно, — вздохнул он. — Впрочем, если ты согласишься предложить тигру себя вместо обезьяны...

— Вы шутите, а мне её очень жалко! — на глазах Мухи выступили слёзы.

— Если жалеть всех животных, которых сожрали хищники древнего мира, не хватит океана слёз, дорогая Муха! Но погоди, может быть, эта бедная обезьянка в полтора человеческих роста сама найдёт выход из, прямо скажем, критического положения...

Обезьяна дотянулась до отвесной скалы, упёрлась в неё хвостом и поднялась на задние лапы. Казалось, она приготовилась грудью встретить смертельного врага.

— Ага! — тихонько воскликнул часовой мастер. — Молодчина! Она приготовила передние конечности для борьбы! Посмотри, Муха, это волосатое страшилище стало походить немного на человека! Ну, конечно же, на человека! Хотя, пожалуй, для человека у этой обезьяны ещё слишком длинные руки и почти совсем отсутствует лоб...

— Да помолчите! — страдальчески прошептала Муха. — Лучше давайте придумаем, как её спасти!

— А тебе не кажется, что нам следует подумать, как спасти себя? Впрочем, тигр вряд ли сможет просунуть свою огромную башку в это круглое отверстие, куда с трудом могли влезть даже такие тоненькие и изящные существа, как мы с тобой!

Обезьяна явно не хотела сдаваться без боя. Она смотрела на тигра, ощеря пасть, и угрожающе ворчала. Это был мощный самец, в котором угроза смерти вызывала не страх, а ярость. Шерсть дыбом поднималась на его плечах и загривке. Узенькие глаза самца побелели от ярости. А тигр медлил, только его гибкий хвост, увенчанный метёлкой волос, бил о землю всё чаще и чаще. Обезьяна согнулась, как сгибается борец на арене, ожидая нападения противника. Её длинные передние лапы теперь касались больших тяжёлых камней, густо рассыпанных у подножия скалы. Это был крепкий гранит, обвалившийся на поляну в ещё более древние времена, в пору какого-нибудь землетрясения.

Всё, что произошло следом за этим, было настолько быстрым и неуловимым для человеческого глаза, что Муха скорей догадалась, чем увидела, как обезьяна подхватила с земли огромный, тяжёлый камень и обрушила его на голову прыгнувшего тигра. Полосатый хищник, отброшенный в сторону бешеным ударом самца-обезьяны, упал на бок с разможжённым черепом и засучил лапами. Фонтаном на траву брызнула кровь.

Поражённые Муха и Великанов не смогли промолвить ни одного слова. Они молча смотрели, как самец всё ещё стоит, полусогнувшись, с камнем в передних лапах, и остервенело рычит на поверженного хищника. Может быть, он всё ещё не был уверен, что его враг убит.

— Ура! — наконец негромко выдохнул Великанов. — Я предвидел, что этот получеловекообразный урод найдёт выход! Но что

руководило им? Инстинкт самосохранения или зачатки разума? А может быть, и то и другое? Почему он схватил в передние конечности такой тяжёлый камень? Кто мне ответит на этот вопрос?

— Не говорите так громко, иначе обезьяна услышит вас, — сказала Муха. — Смотрите, как она разглядывает камень, которым убила тигра!

— Она не только рассматривает, но даже нюхает его!

— И лижет!

— Совершенно правильно! Кажется, обезьяна уверена, что с тигром расправилась не она сама, а кусок гранита! Чего доброго, она подумает, что это какой-нибудь особенный камень! Так и есть! Смотри, Муха, обезьяны спустились с деревьев и тоже рассматривают камень! Они даже не интересуются убитым тигром! Я думаю, что эта бесформенная глыба гранита потрясает их тупое воображение больше, чем в своё время человека потрясло первое ружьё.

Действительно, сгрудившиеся вокруг самца обезьяны, гортанно воркуя, со всех сторон тянулись к удивительному камню. Может быть, впервые за всю свою полную опасностей жизнь, они увидели, как был побеждён их лютей враг, но тёмный мозг ещё не мог понять, что не камень сам по себе сделал это, а их сородич, воспользовавшийся камнем, как оружием. Одна из обезьян даже попыталась выхватить камень из лап самца, но он зарычал так грозно, что все обезьяны испуганно шархнулись в разные стороны.

— Уроды! — беззлобно выругался Великанов. — Вокруг валяются десятки таких же камней! Пошевелите же своими куриными мозгами! Однако интересно, что будет делать со своим камнем наш красавчик? Он-таки не хочет выпускать его из рук... прошу простить — из своих передних конечностей, потому что до рук ему ещё очень далеко... Ну, думай, думай, красавчик, если у тебя уже есть чем думать!

Самец сидел на корточках, любовно раскачивая кусок гранита с такой лёгкостью, словно это был резиновый мяч. Сейчас самец чуточку походил на футбольного вратаря, поймавшего мяч на линии ворот. Думал ли он о чём-нибудь? Глаза его бессмысленно моргали, не вы-

ражая никаких чувств. Может быть, устав, он внезапно с силой опустил камень на валяющийся в траве пальмовый орех.

Орех громко треснул.

Услышав треск, обезьяны умолкли и насторожились. Самец с любопытством наклонил на бок голову, торопливо отложил камень и поднял треснувший орех. Белый молочный сок стекал по его волосатым лапам.

Обезьяны снова громко и бессвязно заворковали. Самец легко разломал орех и, как из чашки, выпил из него сок.

— Так, так, — забормотал Великанов, — а что ты будешь делать дальше, красавчик?

Самец подхватил свой камень и ударил по другому ореху. На этот раз его постигла неудача: удар оказался слишком сильным, и вся скорлупа вместе с брызгами белого сока разлетелась в разные стороны.

— Ничего, ничего, милый, — бормотал довольный Великанов, — такие неудачи случаются даже с некоторыми людьми, если они не умеют рассчитывать свою силу... Главное, понял, что камень в твоих титанических лапах может стать орудием труда! Вот что самое главное, милый! Я сам испортил не меньше десятка часов, прежде чем научился чинить их! Не огорчайся, красавчик!

Но «красавчик» и не думал огорчаться. Он с упоением разбивал орех за орехом и всякий раз неудачно.

— Это невыносимо! — воскликнула Муха. — Давайте покажем обезьянам, как следует колоть орехи.

— А ты уверена, что вместе с орехами они не расколют наши головы?

— Не... знаю... Но ведь мы не сделаем им никакого вреда, — неуверенно сказала она.

— А на каком языке ты им это объяснишь? На русском? Или на английском? Хау-дую-ду, мисс обезьяна, меня зовут Муха, я родилась спустя десять тысяч веков после вас, давайте играть в салочки!

Муха обиделась и промолчала. Впрочем, она сейчас же забыла о своей обиде, увлечённая происходящим на поляне. А там творилось нечто невообразимое. Одна из обезьян, наконец, сообразила, что камень, которым действует «красавчик», совсем не камень преткновения. Подхватив такой же кусок гранита, она начала колоть орехи столь же старательно и столь же бессмысленно, как и её сородич. А через несколько секунд камнями вооружились все обезьяны, и поляна загремела от треска.

— Крушите, милые уроды! — потирая руки, говорил часовой мастер. — Действуйте, волосатые красавчики! Я уверен, что от лап до рук вас отделяет значительно меньше времени, чем можно было подумать! Вот что означает сила примера! Недаром даже в наше время ещё говорят — «подражает, как обезьяна»! Важно перенимать опыт! Может быть, именно поэтому потомки вот этой самой породы обезьян станут в своё время вполне разумными существами, то есть людьми! Ведь подражать — это значит использовать чей-то опыт!

— Не понимаю, чему вы радуетесь, — сказала Муха. — Обезьяны орудуют, как глупые мальчишки, когда им вдруг захочется покуралесить. Уж я-то видела это не раз и в школе и в нашем дворе...

— погоди, Муха, дай срок, и они всему научатся! Был бы только пример.

— Ой, смотрите! — вскрикнула она, и её чёрные глаза-колодцы радостно блеснули. — Самым сообразительным оказался детёныш: он очень осторожно раскалывает орехи... Смотрите, смотрите, он высасывает из ореха сок!

— Не думаю, чтобы он оказался сообразительней своих родителей, — помедлив, сказал Великанов. — Так и есть, у него не хватает силы поднять камень над головой... Видишь, он с трудом приподнимает его только до колен и аккуратненько ударяет по ореху. Хорошо, малыш! Орех трескается, но не разлетается!

Так, так... Кажись, его работой заинтересовались большие верзилы... Оказывается, в доисторические времена бывали случаи, когда яйца учи-

ли кур! Но ведь не это важно... Главное, как я уже сказал, в полезном примере. Ну что ж, верзилы, перенимайте опыт малыша!

И действительно, словно услышав тихое бормотанье часового мастера, обезьяны начали колотить по орехам значительно осторожней. Они смешно подражали детёнышу, неуклюже приподнимая камни не выше своих колен.

Муха расхохоталась, прикрывая рот ладошкой.

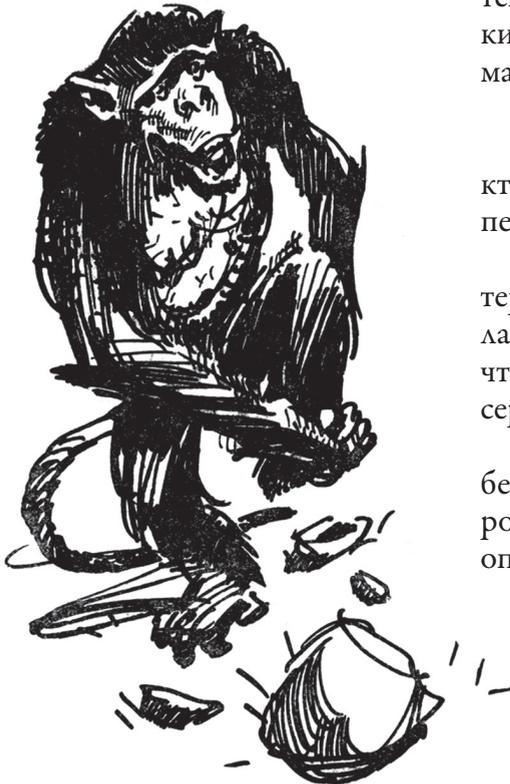
— Ты смеёшься, Муха, — вдруг серьёзно и торжественно сказал Великанов, — а между тем мы с тобой стали свидетелями одного из величайших чудес на нашей планете! Мы видели, как начал строиться мостик от обезьяны к человеку! Пусть это ещё очень слабый мостик, и ещё пройдут века, прежде чем обезьяна станет первобытным человеком. Но мы уже видели, как труд, пусть самый незадачливый, вызвал у этой породы обезьян первые проблески человеческого сознания. Мы видели, как труд начал создавать человека.

— Но ведь не каждая обезьяна станет потом человеком, — сказала Муха.

— Конечно! Все знают, что на Земле и в наше время обитают обезьяны, остановившиеся в своём развитии. Но ведь я говорю только об определённых породах обезьян!

Отчаянный вопль на поляне прервал рассуждения часового мастера. Муха вздрогнула и страдальчески скривилась.

— Какое несчастье! — Она сжала руку часового

мастера. — Детёныш уронил камень на свою ногу...

— Не на ногу, а на лапу, — спокойно поправил Великанов.

— Ну, пусть на лапу, — быстро говорила Муха, кривясь так, будто камень свалился на её собственную ногу. — Что делать? Скажите, что делать?

— Ничего не делать...

— Из его лапы льётся кровь!

— Польётся и перестанет.

— Но ведь ему больно!

— Поболит и перестанет!

— Как вам не стыдно, товарищ Великанов! Вы жестокий человек! Надо помочь бедному детёнышу!

— Не надо помогать детёнышу, тем более, что на его истощные крики не обращает внимания даже мамаша.

— Он изойдёт кровью и умрёт!

— Гм... Если он издохнет, его никто не похоронит, а его труп сожрут первобытные звери или птицы.

— У вас чудовищный характер! — возмущённо и громко сказала Муха. — И это вы говорили мне, что у человека должно быть доброе сердце и ум!

— Ум подсказывает мне, что мы бессильны помочь детёнышу, а доброе сердце заставляет беречь тебя от опасности...

Он хотел ещё что-то прибавить, но Муха в это время рыбкой выскользнула в круглое отверстие и стремглав бросилась к вопящему детёнышу.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ, в которой Муха и Великанов знакомятся с человеческими предками

— Безумная! — заорал Великанов, срываясь с баса на дребезжащий дискант и высовывая в отверстие голову с торчащими в разные стороны пучками белых волос. — Вернись немедленно!

Муха споткнулась о ногу убитого тигра, растянулась на траве и быстро вскочила. Обезьян словно ветром сдуло с поляны, они, как ракеты, взлетели на пальмы вместе с орудиями своего труда, с которыми, судя по всему, им было жаль расставаться.

В другое время Муха подивилась бы силе и ловкости обезьян, взбирающихся на деревья с такой тяжестью. Но сейчас всё её внимание было занято страдающим детёнышем, который не смог сдвинуться с места из-за разбитой лапы.

— Что она делает! Что она делает! — стонал часовой мастер и, вдруг махнув в отчаянье рукой, выбрался на траву, ловко перепрыгнул через тигра и бегом ринулся за Мухой.

Она подошла к детёнышу, который сразу же умолк, увидев её. Жёлто-зелёные глаза обезьяны, не мигая, уставились на девочку. Её появление не вызвало в детёныше страха, скорее его охватило любопытство. Как все малыши, он был очень доверчив, этот мохнатый ребёнок, которого ещё не научил жизненный опыт подозревать опасность во всяком незнакомце. Но желание познать новое, свойственное всем без исключения обезьянам, было в нём столь велико, что он даже забыл о раненой лапе. Во все глаза смотрел детёныш на неведомое животное с чёрными косичками, которое торопливо разрывало фартук, приготовляя бинт. Обезьяны в это время что-то тревожно лопотали на пальмах.

— Бедненький, — ласково сказала Муха, — кровь продолжает сочиться из твоей лапки. Сейчас я сделаю перевязку, и тебе не будет так больно.

Услышав её голос, обезьяны наверху умолкли.

— Нелепейшее занятие! — сердито бормотал за её спиной часовой мастер. — Эти медицинские чудачества в доисторическую эпоху вызывают

смех! Никогда мне не было так смешно, как сегодня! Я просто умру от хохота, если те верзилы на пальмах не забросают нас камнями!

Не обращая внимания на его бормотание, Муха осторожно забинтовала лапу детёныша.

— Не дрожи так, глупыш, — говорила она, поглаживая его по мягкой шерсти. — Видишь, как хорошо всё получилось! Скоро ты будешь совсем здоровым и перестанешь хромать...

— И пойдёшь в детский сад под названием «Древние ископаемые», — прибавил часовой мастер.

Муха нежно подняла детёныша, точно так, как все девочки поднимают больших кукол, и неторопливо отнесла его к пальмам. Обезьянка, мастерски орудуя тремя здоровыми ла-

пами, быстро вскарабкалась по стволу на ветки, где её подхватила явно обеспокоенная мамаша.

Обезьяны снова шумно залопотали на своём бессвязном языке. На этот раз они, казалось, были довольны.

— Всё, Муха, — сказал решительным тоном Великанов, хватит на сегодня опытов, от которых кровь стынет в жилах. Нам с тобой ещё предстоит трудная обратная дорога, давай торопиться... Ай!.. — вдруг вскрикнул он сразу осипшим голосом и попятился.

Перед Мухой и Великановым выросла трёхметровая фигура обезьяньей мамашы. Она стояла на задних лапах, чуть сутулясь, с камнем, прижатым к груди передней лапой. Другую переднюю лапу она протягивала к Мухе.

Никакого чувства не отразилось в её тусклых жёлто-зелёных глазах. Пасть обезьяны беззвучно ощерялась, обнажая крепкие клыки и розовые дёсна.

— Похоже, она пришла поблагодарить тебя, — переводя дыхание, прошептал часовой мастер. — Странно, очень странно, никогда не думал, что такие тонкости знакомы древним ископаемым...

Побледневшая Муха робко проговорила:

*Перед Мухой и Великановым выросла трёхметровая
фигура обезьяньей мамыши*

— Здравствуй...

— Хр... — ответила обезьяна, ощеряясь ещё больше.

— Я не понимаю тебя...

— Хр-хр... — пояснила обезьяна.

— Всё равно мне это непонятно.

— Хр...

— Так мы ни до чего не договоримся, милая, — сказала Муха и погладила её мохнатую лапу. Обезьяна вздрогнула и отдернула лапу.

— Хр-хр-хр, — произнесла она, по-видимому, какое-то многосложное предложение.

Муха рассмеялась. И вдруг в ответ девочка услышала смех. Необычный, булькающий, словно обезьяна давилась водой, но совершенно отчётливый смех.

— Это феноменально! — взвизгнул часовой мастер.

Продолжая булькать, обезьяна сделала шаг к Мухе и опять протянула лапу.

— Да ведь она тянется к остаткам твоего фартука! — сообразил Великанов. — Чёрт возьми, в этом чудовище пробудилось женское кокетство!

Она хочет, чтобы ты ей соорудила, как и детёнышу, браслет из бинта! Но что мы будем делать, если такие браслеты потребует всё стадо верзил? Тогда нам придётся возвращаться домой голыми!

— Я с удовольствием завяжу бантик на твоей лапе, милая, — весело сказала Муха, — фартук большой, и его, наверно, хватит на всё стадо.

Часовой мастер не ошибся: браслеты захотели иметь все обезьяны. Словно скользящие тени, слетали они по ровным стволам пальм на поляну и просяще протягивали лапы Мухе и Великанову. Огромные, мохнатые, тёмно-коричневые, они тесно сгрудились вокруг странных низкорослых существ, вызывающих в них

необычный, незнакомый им доселе трепет. Каждая из этих человекообразных обезьян могла бы в несколько мгновений растерзать обоих пришельцев из далёкого, как звё-

зды, будущего мира, но ни одна из них даже случайно не оцарапала Муху и Великанова своими острыми когтями. Они вздрагивали и замирали, когда люди прикасались к ним, и довольно сопели и хрюкали, когда на лапах появлялись белые повязки. Они нюхали их и пробовали на вкус, толкались, разглядывая повязки на лапах соседей, и даже приплясывали на одном месте, как приплясывают маленькие дети.

Вероятно, на более поздней стадии своего развития, став первобытными людьми, они приняли бы Муху и Великанова за двух богов или двух колдунов, но они ещё не стали людьми, хотя уже и не были просто животными. Не столько сознание, сколько инстинкт нашёптывал извилинам их несовершенного мозга, что перед ними существа высшего порядка, и они невольно трепетали и благоговели перед этими существами, так похожими чем-то на них, на обезьян.

Фартука на «браслеты» не хватило. В ход пошли носовые платки, косынка Мухи, галстук Великанова и, наконец, носки. Но и этого оказалось мало.

— Я говорил, что эти верзилы пустят нас по миру! — громко проговорил совсем осмелевший Великанов. — Так и быть, я ещё пожертвую на ваши украшения подкладку своего пиджака. Только не толпитесь, пожалуйста, так близко, красавчики! Я подозреваю, что вы сегодня забыли принять душ, и от вас весьма дурно пахнет...

— Не говорите с ними так грубо, всё-таки они будущие люди, — сказала Муха. — Мне кажется, они понимают интонации человеческого голоса.

— А это мы сейчас проверим, — усмехнулся Великанов, завязывая бантик на лапе последней обезьяны, и громко стукнул в ладоши. — А ну-ка, любезные предки, прошу вас занять свои места на пальмах!

Обезьяны отпрянули.

— Поживей, поживей, уважаемые! — наступал на них маленький часовой мастер, постукивая своими ладошками.

Обезьяны нехотя поднялись на пальмы, но мамаша детёныша, прежде чем подняться по стволу, всё-таки недовольно зарычала. Может быть, ей было грустно расставаться с Мухой.

— А теперь в путь, — сказала девочка, — я хочу есть и почти падаю от усталости.

Обратный путь через девственные заросли древнего мира им показался втрое тяжелей. Но Муху радовало, что над их головами, неотступно шурша густой зеленью, двигались невидимые в вышине обезьяны с белыми повязками на одной лапе и с камнями в другой. У самой реки, когда обессиленные путешественники в нескольких метрах от себя увидели

огромную змею с шипящей пастью и Великанов про себя простился с жизнью, произошло удивительное. Водопад гранитных камней обрушился на змею с вершин деревьев и захоронил её, перебитую и расплюснутую, в гранитной могиле.

— Спасибо, предки! — смог только прошептать часовой мастер.

— Спасибо, милые! — сказала Муха и помахала им рукой. — Я буду всегда вас помнить. Вот у кого доброе сердце, товарищ Великанов!

— Я посрамлён, Муха, — сказал он серьёзно, — но если рассуждать строго, то доброе сердце не у них...

— А у кого?

— У тебя, дорогая Муха! А что касает-

ся обезьян, то они по-своему ответили на твою ласку. В сущности, это не представляет чего-нибудь исключительного: почти все животные очень отзывчивы на ласку. А я, старый болван, забыл об этом!

— Ну зачем же вы так корите себя, — смутилась Муха, — мы оба делали им браслеты, и ваш пиджак пострадал больше всего.

— Дело совсем не в пиджаке... Ты оказалась не только доброй, но и смелой девочкой. А это черты благородного характера.

Муха улыбнулась.

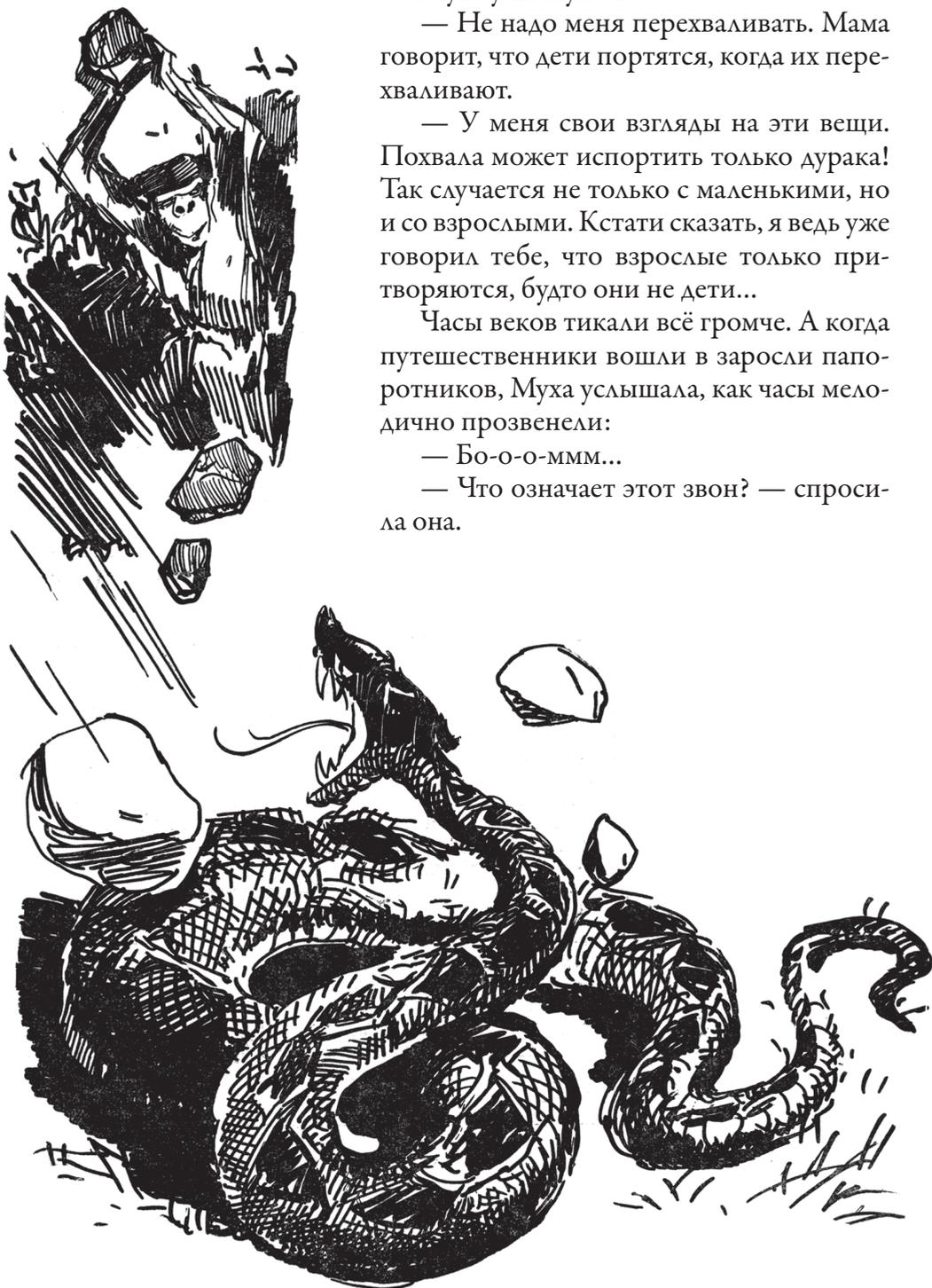
— Не надо меня перехваливать. Мама говорит, что дети портятся, когда их перехваливают.

— У меня свои взгляды на эти вещи. Похвала может испортить только дурака! Так случается не только с маленькими, но и со взрослыми. Кстати сказать, я ведь уже говорил тебе, что взрослые только приворяются, будто они не дети...

Часы веков тикали всё громче. А когда путешественники вошли в заросли папоротников, Муха услышала, как часы мелодично прозвенели:

— Бо-о-о-ммм...

— Что означает этот звон? — спросила она.

— Это означает, Муха, — сказал он, — что на земле кончилась доисторическая эпоха и начался каменный век, чему я и ты будем свидетелями. С этого времени на многие тысячелетия, даже больше этого — на многие десятки тысяч веков, камень станет неразлучным спутником двуногого существа. Я сказал бы, что «каменный век» — неточное название: ведь это величайшая эпоха в истории человека. Земля много раз будет менять свой облик и свой климат, будут подниматься и опускаться целые континенты, реки

находить новое направление, исчезать моря и вырастать горы, огромные ледники будут наступать на континенты и снова отступать, вымрут многие животные и растения и появятся новые, а двуное существо, освободившее передние конечности для труда, будет жить и развиваться... Мы ещё посмотрим с тобой, Муха, как человекообразная обезьяна станет настоящим человеком!

Она хотела что-то ответить, но в это время почва под их ногами как-то странно поплыла и закачалась, и глухой гул донёлся до них из глубины земли.

— Дело плохо! — быстро сказал часовой мастер. — Как бы нам не провалиться в тартарары! Землетрясения в эту эпоху довольно обычное явление... Бежим, Муха!

А земля под их ногами уже выла и гремела.

Высокие папоротники ползли мимо, падали и с треском ломались. Откуда-то сверху с нарастающим шумом катилась лавина камней.

Задыхаясь от бега, они влетели в расщелину скалы и упёрлись в заднюю дверцу волшебных часов. Муха распахнула дверцу и протиснулась между маятником и боковой стенкой часов в столовую. Здесь всё было так же, как и прежде. Кошка, свернувшись, спала в кресле. Через открытое окно слышался гул реактивного самолёта.

— Я приду завтра утром, — сказал часовой мастер, — до свидания.

Муха слышала, как за ним захлопнулась наружная дверь. А она всё ещё стояла посреди столовой, тяжело дыша, и никак не могла опомниться.

— Тик-так, — спокойно стучали за её спиной часы веков, — тик-так...
Её сердце стало биться ровней, но всё тело ныло от страшной усталости, веки отяжелели, и поднимать их становилось трудно.

«Спать, — подумала она, — скорее спать...»

ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой родители Мухи очень беспокоятся о её здоровье

Муха проснулась, потому что услышала тихие голоса родителей, вернувшихся с работы. Но она не открыла глаз и лежала неподвижно.

— Ты думаешь, она бредит? — спросил отец, склоняясь над ней.

— Да, — ответила мать. — Это какой-то странный бред... Очень странный!

— Что ты слышала?

— Я даже не смогу тебе всего передать. Какие-то обезьяны... И, кажется, змеи...

— Начиталась какой-нибудь книги.

— Нет, тут что-то другое...

— Что?

— Ты посмотри на её платье!

— Кошмар! — вздохнул отец. — Где она была?

— Я уверена, что она сегодня не выходила из дома.

— Но где же она так разукрасила платье?

— Ума не приложу.

— А не подралась ли она с мальчишками из нашего двора? У нас во дворе дети ведут себя возмутительно! Да она и сама, как мальчишка!

Муха открыла глаза и сказала, зевая:

— В сущности все люди — дети. И маленькие и взрослые.

Родители остолбенели в тех позах, в которых их застали столь неожиданные слова дочери.

— Что это за ересь, Муха? — наконец спросил отец, недоуменно взглянув на жену.

— Это не ересь, папа, — продолжала Муха неторопливо. — Взрослые только напускают на себя солидность, хотя на самом деле им очень часто, так же, как и детям, хочется прыгать, играть и дурачиться. Они просто притворяются, что они уже не дети. Они думают, что становятся величественным от того, что ходят, задрав нос и сжав губы.

Мать расхохоталась и села на кровать дочери.

— А ты знаешь, — начала она, обращаясь к мужу, и её такие же чёрные, как у Мухи, глаза озорно блеснули, — наша дочь не лишена остроумия. Разве ты не любишь дурачиться? А мне самой очень часто хочется играть и прыгать! И потом ещё: разве ты, мой миленький, немножко не задираешь нос? Особенно после того, как тебя назначили на работе начальником?

— Ересь! — упорствовал отец. — Как тебе не стыдно говорить все эти нелепости при ребёнке? Она уже и так перестала с уважением относиться к взрослым.

— Не думаю. Машенька достаточно умна...

— Она и меня не уважает, — с обидой в голосе сказал отец.

— Я тебя люблю, папа! — воскликнула Муха. — Но согласишься, величие человека зависит не от того, как высоко он задирает нос.

— Может быть, ты объяснишь нам, в чём заключается величие человека? — иронически спросил отец.

— В уме и добром сердце, папа!

— Попробуй ей возразить! — воскликнула довольная мать.

Отец смущённо кашлянул.

— Ну допустим, что это так... Но почему ты думаешь, что у взрослых нет ума и доброго сердца?

— Я совсем не думаю так, папа. Мне просто кажется, что ум и доброе сердце не всегда зависят от того, сколько человеку лет и какого он роста.

— Даже если человек качается в люльке? — усмехнулся отец.

— Зачем же брать крайности? — покачала головой мать. — Неужели ты не понимаешь, что Машенька не имеет в виду новорождённых? А вот я поняла её правильно: как только человек становится сознательным, он должен стремиться всё делать с умом и с добрым сердцем. В этом и заключается человеческое величие или, если хотите, отличие человека от несознательных животных, которыми руководит один инстинкт.

Муха подумала, что мать, как обычно, объяснила всё удивительно ясно и просто, и с нежностью взглянула на неё. А она, увидев полные теплоты глаза дочери, ответила ей таким же взглядом и ласково потрепала Муху по щеке.

— А теперь, доченька, расскажи нам, что произошло с твоим платьем.

— Я порвала его, мамочка, в доисторическом лесу, — сказала Муха.

Отец издал горлом какой-то странный звук.

— Где? — спросила мать, бледнея.

— В доисторическом лесу... А из фартука я сделала бинт, чтобы перевязать рану на лапе человекообразной обезьянки.

Отец и мать встревоженно посмотрели друг на друга.

— Деточка, — дрогнувшим голосом заговорила мать, — скажи мне правду, у тебя не болит головка?

— Нет, мамочка...

— Ты куда-нибудь выходила из дома сегодня?

— Нет... то есть, да...

— Куда?

— В доисторическую эпоху...

Это было очень жестоко с её стороны, и Муха пожалела, что так сразу, без всякой подготовки, выпалила всё обеспокоенным родителям. Ведь они могут подумать, что она не в своём уме.

— Пожалуйста, не подумайте, что я сумасшедшая, — сказала Муха мягко, — но всё, что я говорю, правда...

— Перестань дурачиться, Муха, — строго сказал отец, — всяким шуткам бывает предел!

Он стоял перед ней, высокий, плечистый, в хорошо выглаженном клетчатом костюме, и его чуточку выпуклые серые глаза смотрели на неё сквозь стёкла больших роговых очков с нескрываемой тревогой. Муха вдруг подумала, как выглядела бы человекообразная обезьяна, если бы на неё надеть такой костюм и очки? Интересно, стала бы она похожей на человека? Конечно, нет! Её длинные передние лапы высовывались бы из рукавов, а очки придали бы морде очень смешной вид...

— Почему ты улыбаешься, Машенька? — спросила мать, не сводя с неё глаз.

— Я представила, мамочка, какой красоткой была бы обезьяна в папином костюме.

— Это уже похоже на издевательство! — с сердцем сказал отец.

— Зачем ты нас огорчаешь, детка? — покачала головой мать. — Расскажи нам лучше, какой тебе приснился сон про обезьян, и мы успокоимся.

— Мне не снилось никакого сна, мама. Я взаправду побывала в доисторической эпохе!

— У неё продолжается бред! — сказал отец. — Надо вызывать врача!

— Бред? — вскрикнула Муха, вскакивая с кровати. — Хорошо, в таком случае, папа, подойди к часам в столовой и открой заднюю дверцу.

— Какую дверцу? О чём ты говоришь?

— О второй дверце за маятником.

— Там нет никакой дверцы!

— А ты посмотри, посмотри! Я раньше тоже думала, что там её нет...

Все трое молча направились в столовую. Отец твёрдыми шагами прошагал в угол комнаты, открыл стеклянную дверцу часов и заглянул внутрь деревянного футляра.

— Здесь действительно есть вторая дверца, — пробормотал он.

— Ага! — торжествующе воскликнула Муха.

— Странно, — бормотал он, — я не могу понять на-

значения этой дверцы... Наверно, она сделана для того, чтобы мастеру было легче чинить механизм.

— А ты открой её, папа!

Отец толкнул дверцу. Она открылась с резким скрипом и стукнулась о стенку комнаты. Муха ясно увидела за часами угол столовой, оплетённый давнишней, уже запылённой паутиной. Большой растревоженный паук бежал по стене, быстро перебирая тонкими ножками.

— Ну, и что же? — спросил отец.

— А там... дальше... больше ничего не видно? — упавшим голосом проговорила Муха.

— Видно...

— Что? — обрадовалась она.

— Видно, что у нас запущенная квартира. Вместо того, чтобы болтать глупости, ты бы почаще сметала пыль и паутину!

Муха пошла в кухню за веником, а когда возвращалась обратно, услышала, как мать говорила отцу:

— Ты уж будь с ней сегодня поласковей, девочке приснился страшный сон, и она до сих пор не может прийти в себя.

Муха старательно обмела угол за часами, надеясь втайне обнаружить какие-нибудь следы выхода в древний мир. Она даже постучала пальцем в стенку. Стенка была крепкой, каменной, и было бы просто глупо убеждать родителей, что она видела здесь зелёные папоротники.

И вдруг Муха радостно рассмеялась.

— Папа! Мамочка! Да ведь часы-то стоят!

— Что с тобой, детка? — обеспокоенно сказала мать. — Часы стоят уже пятнадцать лет! Разве ты забыла об этом?

Муха было открыла рот, чтобы рассказать о маленьком часовом мастере Великанове, но запнулась. Чего доброго, родители запретят впускать его завтра в квартиру, а ей так хотелось заглянуть в глубь веков хотя бы ещё один разок!

Но имеет ли она право молчать? Не будет ли это обманом? Её начали мучить угрызения совести. Она никогда не говорила родителям неправду.

А может быть, не говорить о чём-нибудь — это ещё не обман? Может быть, обман — это только тогда, когда говоришь неправду?

Муха поужинала, размышляя над этим сложным вопросом, но так ничего и не решила. Однако на душе у неё было прескверно. Прежде чем заснуть, она долго ворочалась в постели. И родители не спали, с тревогой прислушиваясь, как звенят пружины в её матрасе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

в которой часы веков снова начинают стучать

После того, как отец и мать ушли на работу, Муха вымыла посуду, подмела пол и вытерла пыль с мебели. Муха очень торопилась, чтобы успеть всё сделать до прихода часового мастера. Её томило нетерпение, и, когда в передней прозвучал звонок, она со всех ног бросилась открывать дверь.

— Здравствуй, Муха-мушка, — сказал часовой мастер, — я очень спешил и чуть не расшиб лоб на вашей лестнице.

Он стоял перед ней на пороге с каким-то свёртком в руке, маленький, окружённый ореолом своих белых волос, от которых, казалось, исходит серебристое сияние.

— Здравствуйте, товарищ Великанов, — взволнованно заговорила Муха, — а часы веков опять остановились!

Он перебрал свёрток из руки в руку и пошёл в столовую, пританцовывая и напевая негромким баском:

Не идут часы никак —
И ни тик и ни так,
Но я знаю сделать как,
Чтоб ходили тик да так.

Великанов, как и прошлый раз, влез на стул и покопался в механизме, выбивая каблучком мелкую дробь. Потом он спрыгнул на пол и толкнул пальчиком золотистый маятник.

— Тик-так, — чётко и неторопливо говорили часы, — тик-так, тик-так...

— Идут! — облегчённо вздохнула Муха. — А я так беспокоилась! Товарищ Великанов, а что в вашем свёртке и почему от него пахнет нафталином?

— В этом свёртке, дорогая Муха, некоторые приспособления, придуманные разумным человечеством для борьбы с холодом, а нафталином они пахнут для того, чтобы их не съела моль.

Он развязал свёрток. В нём оказались шубка, шапка-ушанка, валенки и тёплые перчатки.

— Я считаю, что ты должна прихватить для себя такое же снаряжение, если собираешься сегодня отправиться в древний мир, — сказал он Мухе.

— Но ведь там тропическая жара!

— Не уверен.

Она замялась.

— Но я... не спросила разрешения у мамы и папы... — сказала она и, что-то вспомнив, озадаченно посмотрела на часового мастера. — Ответьте мне, пожалуйста, на один вопрос, товарищ Великанов...

— Я готов ответить на тысячу вопросов, дорогая Муха, если ответы на эти вопросы разгуливают по извилинам моего мозга в ожидании, когда я открою им ворота... Если же они не разгуливают...

— Вы говорите очень запутанно, — перебила его Муха, — а у меня очень простой вопрос: обман или не обман не говорить правду?

— Гм... На мой взгляд, обман — это говорить неправду.

— А не говорить?

— Гм... Это значит не говорить неправду.

— А если не говорить правду?

— То есть говорить ложь?

— Нет, ничего не говорить.

— Ни лжи, ни правды?

— Нет, говорить, но не говорить правду.

— Гм... Или твои, или мои мозговые извилины пострадали от знакомства с человекообразными обезьянами. Ты сказала, что я говорю запутанно, а между тем я сам заблудился в дебрях твоего вопроса. Может быть, это происходит от косноязычия, которым страдают некоторые школьники, но я до сих пор не замечал у тебя такой болезни.

Муха обиделась.

— Вы сказали очень много слов, но я ничего так и не поняла...

— Но я тоже не понял тебя!

— Но у меня действительно очень простой вопрос... Я не рассказала про вас папе и маме. Хорошо это или плохо?

— Плохо, дорогая Муха! Очень плохо! Теперь мне ясно, что тебя беспокоит: ты утаила правду от родителей. Так?

— Так...

— Но раз тебя одолевают угрызения совести, значит, ты понимаешь, что утаить правду — это то же самое, что обмануть. Всегда полагайся на свою совесть: она очень

точно разъясняет человеку, как он обязан поступать.

— Полагаться на совесть, — задумчиво повторила она, — странно, что мне в голову не пришла такая мысль раньше...

— Хочу обратить твоё внимание, Муха-мушка, на то, что человек, теряющий совесть, в одну минуту превращается в животное! Собственно, совесть — один из главных признаков, которые отличают человека от животного.

— Я расскажу сегодня про вас папе и маме.

— Гм... Не убеждён, что это доставит им большое удовольствие, но уверен, что решение ты приняла правильное... А теперь, Муха, давай посмотрим, что происходит за второй дверцей наших часов...

Он распахнул дверцу, и в столовую широкими клубами повалил белый холодный пар.

— Там мороз! — вскрикнула Муха.

— Как видишь, я не напрасно рекомендовал тебе заpastись тёплым обмундированием, — сказал часовой мастер, поспешно прикрывая дверцу. — С тех пор, когда мы побывали в древнем мире, минуло не мало тысячелетий, и природа там явно претерпела изменения. Одевайся, Муха, и в путь! Ну, что же ты медлишь?

В темноте мухиных глаз блеснули две молнии.

— Если там мороз и снег, — сказала она, улыбаясь, — значит, мы сможем путешествовать на лыжах! Больше всего на свете я люблю лыжи!

— Но у меня нет лыж, Муха...

— С прошлой зимы у нас в кладовке стоят лыжи моей двоюродной сестры. Мне кажется, они будут вам как раз впору.

— Великолепно, Муха! — Довольный Великанов потёр ладонь о ладонь. — Готов поспорить с тобой в беге, несмотря на то, что ты в шесть раз моложе меня! Это будут первые лыжные соревнования в каменном веке!

Пока она доставала лыжи и переодевалась, он нетерпеливо расхаживал по столовой и напевал гулким басом:

Ах, куда, куда спешишь,
Пара лыж, быстрых лыж?
Современный человек
Мчит на лыжах в древний век!
Ах, куда ты угодишь,
Пара лыж, быстрых лыж?

Через четверть часа Великанов и Муха с некоторым трудом протиснулись между золотистым маятником и боковой стенкой часов. Ещё не улетучились окутавшие их клубы пара, а Муха уже почувствовала острый, холодный, ни с чем не сравнимый запах свежего снега. Она глубоко и с наслаждением вдохнула и зажмурилась от нестерпимого блеска сугробов. Это было совершенно поразительно — за несколько секунд из жаркого лета попасть в морозную зиму!

Они вышли в эту зиму прямо из снега: дверца волшебных часов, открываясь, разворотила высокий сугроб, и Муха увидела обратную сторону равномерно покачивающегося маятника. Густой пар скрыл от её глаз столовую, но она ясно слышала, как на кресле жалобно мяукает испуганная холодом кошка. Девочка поспешно захлопнула дверцу и огляделась.

Вокруг, насколько хватало глаз, лежала белая, искрящаяся в лучах полуденного солнца равнина. Маленький часовой мастер в детской шубке уже стоял на лыжах впереди неё, опираясь на широко расставленные палки. Шапка-ушанка смешно топорщилась на его голове, и на бороду свисали незавязанные тесёмки.

Муха стала на лыжи. На ней был зелёный спортивный костюм, и она подумала, что Великанову в шубе и валенках будет, пожалуй, трудно угнаться за ней.

Часовой мастер оглянулся, задорно подмигнул Мухе и сказал:

— Догоняй!

Он рывком оттолкнулся палками и стремительно побежал по сугробам. Было слышно, как он напевает в такт своим скользящим шагам:

Ах, куда, куда спешишь,
Пара лыж, быстрых лыж?

Муха рассмеялась и подхватила:

Современный человек
Мчит на лыжах в древний век!

Он сразу опередил её метров на сто. Кто бы мог подумать, что этот старичок бежит на лыжах, как мастер спорта?!

Расстояние между Мухой и часовым мастером всё увеличивалось. Издалека она уже с трудом разбирала слова его забавной песенки:

Ах, куда ты угодишь,
Пара лыж, быстрых лыж?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в которой выясняется, что по снегу можно ходить босиком

И вдруг Великанов остановился. Муха видела, как он воткнул лыжные палки в сугроб и присел на корточки. Когда она добралась до него, он всё ещё сидел, неподвижно разглядывая снег.

— Ну и ну! — выдохнула Муха, затормаживая бег и тяжело дыша. — Вы не Великанов, а Пеликанов!

— Кто? — рассеянно спросил он, даже не взглянув на неё.

— Пеликанов, — повторила она. — Есть такая птица — пеликан. А вы летаете на лыжах, как птица!

Остроумие Мухи, по-видимому, не произвело на него никакого впечатления.

— погоди, — сказал он серьёзно, — ты видишь, что я обнаружил на этой ледяной площадке?

Она заслонила глаза рукой: солнце слепило её.

— След, — ахнула Муха.

— Да, след! — взволнованно сказал часовой мастер, поднимаясь. — Но какой след! Ты только подумай, Муха, что ты видишь!.. Это же след босого человека!

Только теперь до её сознания дошло, что на припорошенной снегом глыбе льда отпечатаны еле заметные пять пальцев и пятка правой ноги человека. Судя по всему, в последние сутки здесь было очень тихо, снег падал лёгкий и нечастый и запорошил лёд, словно туман. И след странного человека, ходящего по снегу босиком, выглядел неясным и неправдоподобным, как сон.

И всё-таки это был след!

— Ну, хорошо, — переводя дыхание и заражаясь его волнением, сказала Муха, — я вижу на льдине след правой ноги... А где же левая нога этого человека, если это человек?

— Ты очень невнимательная девочка! — сердито проговорил часовой мастер. — Так слушай... Скорее всего это не просто льдина, а выступающая из-под снега небольшая ледяная площадка гигантского ледника, который, может быть, протянулся под снегом на тысячи километров. Она совсем крошечная — эта площадка, и на ней отпечаталась поэтому только одна ступня. Тем более, что босой человек, как мне кажется, не ходит, а скачет... Видишь вот здесь провал в снегу? Это след его левой ноги... Он сделал прыжок — и вот мы видим на льду пять пальцев правой ноги... А дальше он снова провалился в снег! Ну, конечно же, через каждые шесть-семь метров в снегу видны провалы от его ног! Пойдём по следу, и мы скоро узнаем, какие спортсмены в каменном веке бегали босиком!

Муха молча повернула лыжи и побежала по следу.

— Не торопись! — крикнул часовой мастер. — Мы же не знаем характера этого

босняка! Если это и человек, то во всяком случае — дикарь! Не ожидай, что он пригласит тебя на чашку чая...

Она нерешительно остановилась и спросила, помедлив:

— А что если... он людоед?

— Очень может быть!

— Но это же опасно!

— Конечно! — усмехнулся часовой мастер. — И я даже убеждён, что твои косточки ему придётся по вкусу больше, чем мои...

Муха вздохнула.

— Я начинаю думать, что иметь дело с человекообразной обезьяной приятней, чем с первобытным человеком.

— Не делай скоропалительных выводов, Муха... Но в какой-то степени ты не ошибаешься, потому что обезьяны никогда не потребляли в пищу мяса.

— Милые обезьяны!

— Опять ты торопишься с выводом!

Современные учёные доказывают, что когда наши предки начали есть мясо, их мозг начал развиваться значительно быстрее.

— Только благодаря мясу?

— Нет, не только... Чтобы пользоваться оружием и орудиями труда, они были вынуждены освободить передние конечности. Для этого они поднялись на задних конечностях, а позвоночник из горизонтального превратился в вертикальный. Ты учила в школе, какое значение для организма человека имеет позвоночник. И вот, так сказать, освобождённый из согбенного положения позвоночник дал новый толчок развитию и нервной системы и головного мозга!

— Как всё удивительно зависит одно от другого! — сказала Муха.

— Как и всё в природе, дорогая Муха-мушка! Но обрати внимание, что эти превращения произошли лишь потому, что наши предки научились труду!

Они неторопливо скользили по снежной равнине, залитой океаном солнечного

света. Было очень тихо. В прозрачном и чистом морозном воздухе слышалось только мягкое шуршание четырёх лыж да размеренное тиканье далёких часов:

— Тик-так, тик-так, тик-так...

— Странно, — задумчиво сказала Муха, — если бы не следы босого человека и если бы не тикали часы веков, можно было бы подумать, что мы вышли за город покататься на лыжах...

— Стой! — вдруг шепнул Великанов, хватая её за руку.

Снежная равнина неожиданно закончилась почти у самых ног лыжников. Они остановились на краю ледника, который длинными уступами, похожими на гигантские ступени, уходил вниз. Неслышно осыпался снег из-под лыж. Солнце искрилось в зеленоватых толщах льда. А внизу, в ста метрах от них, поднимался могучий кедровый лес, разрезанный глубоким оврагом. Панорама, открывшаяся их глазам, была величественной и необычной. Но не она приковала к себе их глаза. На нижнем уступе ледника, над самым оврагом, спиной к ним, стоял босоногий, волосатый человек!

Прошло несколько секунд, прежде чем опомнившийся Великанов с силой толкнул Муху в сторону от обрыва. Она упала за высоким обледенелым сугробом и, проломив тончайшую корочку льда, с головой зарылась в лёгкий, как пух, снег.

«Что вы делаете»! — хотела крикнуть возмущённая Муха, барахтаться в снежном пуху, но Великанов зажал её рот ладонью и знаками дал понять, чтобы она не шевелилась.

Он лежал рядом с ней, осторожно высовывая голову из-за сугроба, и она слышала, как часовой мастер дышит прерывисто и часто.

— К счастью, босяк не заметил нас! — шепнул он, поворачивая к ней лицо. Из седых зарослей его головы на Муху смотрели округлившись, испуганные глаза. — Странно... Ведь у него, я думаю, чертовски острый слух... Наверно, его внимание занято чем-нибудь очень важным...

Муха выглянула из-за сугроба. Босоногий человек стоял неподвижно, как изваяние. Чем-то он ещё был похож на обезьяну — длинные руки и короткая шея с слишком маленькой уродливой головкой. Вот он пошевелился, Муха увидела его профиль с приплюснутым носом и сильными, выдающимися вперёд челюстями. Лоб почти отсутствовал на волосатом, словно усечённом, черепе, а на всём его теле, под густой тёмно-коричневой шерстью, угадывались могучие, как железные канаты, мускулы. Целое сплетение мускулистых канатов!

И всё-таки это был человек. Он твёрдо стоял на ногах, а его длинные руки были несомненно человеческими руками.

*Они остановились на краю ледника, который длинными уступами,
похожими на гигантские ступени, уходил вниз*

На уступе ледника перед ним вздымалась груда огромных камней — очень большая груда, пожалуй, она не уместилась бы на железнодорожной платформе. Муха с удивлением подумала, отчего камни не срываются в овраг с покатога и скользкого уступа ледника? Это казалось противоестественным. Но она скоро поняла, в чём секрет: камни удерживал широкий ствол какого-то дерева, укрепленный на самом краю уступа.

Босоногий человек чего-то терпеливо ждал, не сводя глаз с оврага, теряющегося где-то вдали, в дебрях кедрового леса. Какие мысли теснились в его маленькой черепной коробке? Зачем он скакал сюда по заснеженному леднику?

Время тянулось медленно, и Муха почувствовала, что её начинает прохватывать мороз. Она попробовала подвигать руками, но Великанов свирепо зашикал на неё. Теперь она раскаивалась, что вышла из дома в древний мир в лыжном костюме.

— Хорошо вам шикать, — обиженно шепнула Муха, — когда на вас шуба и валенки!

— Тсс... — прошипел он.

— У вас «тс», а у меня «бр»... зуб на зуб не попадает.

— Тсс... — снова прошипел он и начал стаскивать с себя шубу.

— Не надо! — испугалась Муха, представив, как он будет лежать на снегу в своём лёгком детском костюмчике. — Мне уже стало тепло...

Великанов не успел ответить, потому что босоногий человек вдруг встрепенулся, вытягивая голову. Было похоже, что он к чему-то прислушивается. К чему? Как ни напрягала Муха свой слух, она ничего не услышала, кроме нежного шуршания осыпающегося то там, то тут молодого снежка.

Наконец и она что-то услышала — то ли стон, то ли вопль, неясный, как далёкое урчание грома. Вопль с каждой минутой приближался, и уже можно было разобрать, что он сливается из десятков воплей, мощных, резких и таких страшных, что у Мухи забилося сердце и по спине пробежали противные мурашки.

— Ы-ы-ы-ы-ы... — летели крики из леса.

Что-то неясное, тёмное катилось по дну оврага. Босоногий человек на уступе ледника задвигался и присел, высунув голову из-за камней. Муха и Великанов ясно видели его сжавшуюся напряжённую фигуру.

Неясное и тёмное приближалось. Оно металось по дну оврага, делая странные, порывистые прыжки то вправо, то влево.

А наверху, по обеим сторонам оврага, бежали десятки босоногих, волосатых людей. Они подскакивали на бегу, размахивали своими длин-

ными руками, размахисто швыряли в овраг тяжёлые глыбы камней. В морозном воздухе непрестанно гремел их жуткий вопль:

— Гр-ы-ы-ы-ы-ы... Гр-ы-ы-ы-ы-ы...

— Гон! — с дрожью в голосе сказал Великанов. — Кажется, они гонят гигантского пещерного медведя. В наше время таких медведей нет, изредка при раскопках учёные находят их невообразимые скелеты...

Это действительно был медведь. Но какой медведь! Может быть, только слон мог сравниться с ним!

Зверь заметно устал. Его прыжки под градом камней становились всё более неловкими. Из открытой пасти медведя по временам вырывался страдальческий хриплый рёв, заглушаемый таким же звериным воплем полулюдей-полуживотных:

— Гры-ы-ы-ы-ы... Гры-ы-ы-ы-ы-ы...

Муха вскрикнула. Два босоногих человека в азарте охоты столкнулись и в клубах снега рухнули с крутого обрыва на медведя. Девочке показалось, что они падают неестественно долго, неуклюже кувыркаясь в воздухе. На фоне огромной грязно-бурой туши зверя они выглядели совсем крошечными. Медведь отмахнулся от них когтистой лапой, как от мух, и два охотника погибли, отброшенные в сторону его ужащающим ударом. Их кровь брызнула на снег.

Гибель соплеменников не произвела на остальных охотников никакого впечатления. Они продолжали преследовать зверя с прежним упорством и яростью.

— Гры-ы-ы-ы-ы... Гры-ы-ы-ы-ы...

Овраг кончился, медведь был в западне. Он упёрся носом в ледник и, грозно рыча, поднялся на задних лапах. В эту минуту босоногий человек на уступе ледника привскочил и с победным криком «гры» вышиб из-под камней ствол дерева. Каскад каменных глыб с грохотом обрушился на голову зверя.

Медведь упал. Он лежал в сугробах всё больше вытягиваясь и суча задними лапами. Снег вокруг размозжённого черепа быстро краснел и таял.

Человек на уступе ледника ликующе потряс поднятыми руками, что-то зычно и гортанно крикнул и прыгнул вниз. Он грациозно пролетел по воздуху не меньше десяти-двенадцати метров и точно опустился на тушу зверя, вцепившись пальцами в его шерсть. А с откосов оврага, не переставая радостно вопить, скатывались прямо по снегу босоногие охотники. Они хохотали и приплясывали в сугробах и очень походили теперь на обезумевших обезьян. Некоторые из них, припав к черепу медведя, жадно пили горячую кровь. Другие ловко, одним ударом, разбивали камни и острыми гранями вспарывали тушу. Скоро в руках всех охотников оказались огромные куски мяса, которое они пожирали, громко чавкая и по-звериному урча. По-видимому, эти звуки означали высшее наслаждение, которое испытывали сейчас охотники.

— Да, — передохнул, наконец, Великанов, — сознаюсь, эта трапеза не вызывает у меня аппетита! Первобытное человеческое стадо! Но ты обратила внимание, Муха, что они уже пользуются камнями, как ножами и топорами! Это же колоссальный прогресс!

Каскад каменных глыб с грохотом обрушился на голову зверя

— Вижу, — прошептала Муха, — там творится такое, что мне стало даже жарко и на всём теле выступил пот...

— Да, Муха, они уже не обезьяны! Дикари, но клянусь, не обезьяны!

— Тише!.. То вы говорите мне «тс», то начинаете так басыть, что они могут нас услышать!

— Поверь мне, им теперь не до нас! Ты смотри, смотри, что там делается!..

Один из охотников, насытившись медвежатиной, завладел куском шкуры зверя, счистил каменным скребком остатки мяса и швырнул их волосатым подросткам — их было не меньше дюжины. Как самые обыкновенные резвые мальчишки, толкаясь и ссорясь, они набросились на мясо и тут же сожрали его. А сытый охотник благодушно разглядывал шкуру и вдруг, осенённый какой-то неожиданной мыслью, напялил её на свои плечи и опустил на четвереньки.

— Гры, гры! — весело зарычал он.

— Гры! — в ужасе завопили волосатые подростки тонкими голосами и бросились врассыпную.

Взрослые охотники перестали жевать и насторожились.

— Гры, гры! — передвигаясь на четвереньках, рычал скрытый шкурой охотник.

Оглушительный звериный хохот потряс овраг. Дикари окружили изобретательного охотника, с интересом заглядывая под шкуру и похлопывая его по широкой спине. Он поднялся во весь рост, продолжая кутаться в шкуру.

— Кто знает, — задумчиво сказал часовой мастер, — может быть, благодаря такой шутке у первобытных появился первый костюм. Видишь, он не хочет расставаться со шкурой, так как почувствовал, что под ней тепло и уютно...

Часовой мастер приподнялся, чтобы получше рассмотреть первый наряд первобытного человека, но от неосторожного движения сугроб, скрывающий его и Муху, заколыхался, сдвинулся с места и с шумом обрушился с уступа ледника.

Дикари умолкли и разом обернули к ним свои страшные лица.

— Бежим! — крикнул Великанов. — Скорей, Муха!

Она стремительно вскочила и побежала на лыжах по леднику.

— Скорей! — хрипло кричал за её спиной Великанов. — Они прыгают с уступа на уступ, как блохи! Скорей, иначе, клянусь всем прошлым и будущим человечества, будет поздно! Они, как пить дать, могут употребить наше мясо на второе блюдо! Обжоры! Мало им пещерного медведя!

— Да помолчите хоть сейчас! — в отчаяньи вскрикнула Муха.

Волосатые люди уже выскакивали на ледник, и она слышала их рычание.

Ветер засвистел в ушах Мухи. Она быстро скользила по своему старому следу и, оглянувшись ещё раз, увидела, что Великанов сильно отстаёт. Ветер раздувал полы его шубы, которую он расстегнул, лёжа за сугробом, чтобы согреть её, но так и забыл застегнуть. От дикарей, широко и изящно прыгающих по снегу, его отделяло не больше трёхсот метров.

— Застегните шубу! — крикнула Муха, но он не услышал её. Девочку охватил ужас. Но могла ли она в минуту смертельной опасности оставить без помощи своего спутника? А как она могла помочь ему — об этом Муха сейчас не думала. Девочка развернула лыжи и заскользила навстречу часовому мастеру.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в которой продолжают приключения Мухи и часового мастера

Стадо волосатых быстро приближалось. Когда Муха поравнялась с Великановым, дикарям осталось проскакать по сугробам около ста метров.

— Застегните же шубу! — что было сил прокричала девочка и вдруг увидела, что часовой мастер совсем не собирается торопиться. Он стоял спиной к Мухе, спокойно глядя, как на него накатывается рычащая орава людей-уродов.

— Бегите! — рыдающим голосом снова крикнула она. — Товарищ Великанов, бегите!..

— Береги нервную систему, Муха! — ответил он громко, не поворачивая к ней лица. — Стой и не шевелись!

Стадо волосатых было совсем близко. Она уже слышала их шумное дыхание, то и дело прерываемое грозным рёвом, и видела страшные получеловеческие лица с выпученными бесцветными глазами, наполненными бессмысленной яростью. Снег вихрился под их ногами.

И тут совершенно неожиданно они остановились, сталкиваясь друг с другом, и попятились.

— Жжи! — испуганно провопил один из них.

— Жжи! — в паническом ужасе повторило всё стадо. — Жжи!

Дикари повернулись и побежали назад.

— Ага, обжоры, не по зубам пришёлся орешек! — торжествующе закричал им вслед часовой мастер. — Ату, держи их! Я вам не пещерный медведь! Ах, вы, бессовестные босяки! Оказывается, вам нравится «гры», а «жжи» вы терпеть не можете!

Через минуту на леднике не осталось ни одного дикаря.

— Чем вы испугали их? — переводя дыхание, спросила Муха. — Что такое «жжи»?

Он повернулся к ней и показал карманный фонарик.

— Я зажигал и гасил его, когда приблизились эти босяки, — сказал Великанов усмехаясь. — Как я и думал, блеск огня привёл их в содрогание. Они смертельно боятся «жжи»! Насколько я понял их музыкальный язык, «гры» — это медведь, а «жжи» — огонь.

— Но я читала, что первобытные люди очень ценили огонь, — возразила Муха.

— Но это же ещё полулюди! — сказал он. — Первобытное стадо, хотя его и принято называть человеческим. Пройдёт ещё не мало тысячелетий прежде, чем они приручат огонь и заставят его служить себе и...

Великанов не договорил, потому что далеко-далеко за сугробами мелодично и звонко пробили часы веков:

— Бо-о-оммм...

И, словно по взмаху волшебной палочки, всё вокруг Великанова и Мухи чудесно изменилось. Они стояли уже не на леднике, а на прелестной зелёной лужайке, которую омывала широкая река с чистой, просвечивающей, будто стекло, водой. Жёлтый песок устилал её берега, поросшие там и тут камышом и осокой.

За лужайкой виднелся густой лес, и Муха без труда узнала так хорошо знакомые ей и милые сердцу берёзы, осины, сосны и ели...

— Куда мы попали? — радостно вскрикнула она, сбрасывая лыжи и взбираясь на большой валун, который высывался из травы, слово каменный гриб. — Какой здесь замечательный воздух! А как здесь много цветов! От ледника ничего не осталось!

— Нет, осталось, — качнул головой часовой мастер, снимая шапку и вытирая вспотевший лоб.

— Вы шутите! — рассмеялась Муха. — Здесь так тепло!

— И всё-таки осталось!

— Где?

— У тебя под ногами...

— Под ногами? — Муха сделала гримаску. — Да ведь это же камень!

— Именно!

— Что общего между ледником и этим камнем, который стал совсем горячим от солнышка?

— А ты посмотри, как этот камень великолепно отшлифован! Ни одного выступа! Его даже приятно погладить ладонью...

— Ну и что же?

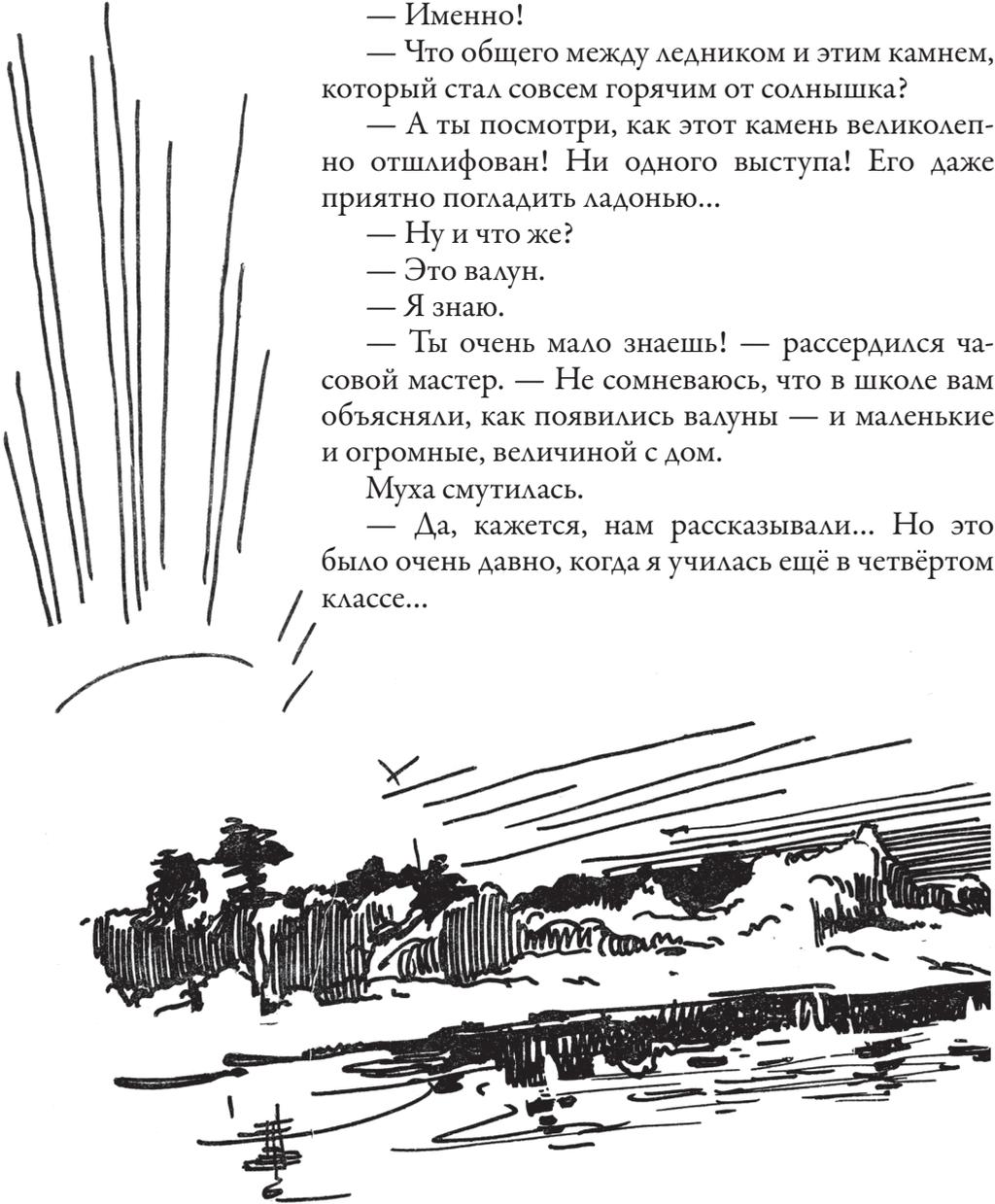
— Это валун.

— Я знаю.

— Ты очень мало знаешь! — рассердился часовой мастер. — Не сомневаюсь, что в школе вам объясняли, как появились валуны — и маленькие и огромные, величиной с дом.

Муха смутилась.

— Да, кажется, нам рассказывали... Но это было очень давно, когда я училась ещё в четвёртом классе...

— Давно! Всего год назад? А разве ты не должна всю жизнь помнить то, что слышала в школе?

— Я, наверно, была тогда невнимательной, — призналась Муха, вздыхая.

— Она была невнимательной! — проворчал часовой мастер. — И бедные учителя тратят на таких девчонок и мальчишек время и силы! Так знай же, нерадивая школьница, что валун, на котором ты сейчас стоишь, отшлифовал ледник! Тот самый ледник, где нас чуть-чуть не сожрали волосатые!

— Правильно!

— Ещё бы не правильно!

— Интересно, сколько лет потребовалось леднику, чтобы так мастерски отполировать этот камень?

— Ну, на этот вопрос ответить трудно, — пожал плечами часовой мастер. — Ледниковые эпохи длились многие тысячелетия. И сколько их было, этих эпох, никто точно не знает. Может быть, две, а может быть, четыре или даже пять... Менялся климат на Земле, постепенно наступали похолодания, а ледники тысячекилометровыми языками вытягивались с севера по нашему полушарию. По одному такому язычку мы с тобой и совершили нашу прогулку... Ой!.. — вдруг вскрикнул он, беспокойно теребя бороду.

— Что случилось? — испугалась Муха, прыгая с камня на траву.

— Я потерял на леднике свой электрический фонарик.

— Так он, наверно, валяется где-нибудь в траве, — сказала она озираясь.

— Каким образом фонарик мог оказаться в траве? — Часовой мастер посмотрел на девочку, иронически улыбаясь.

— Очень просто, — беспечно сказала Муха, — из ваших слов я поняла, что наш ледник отступил и растаял, потому что на Земле наступило новое потепление. А если так, то фонарик с растаявшего ледника мог свалиться только в траву.

— До чего же ты несерьёзное существо, Муха-мушка! — вздохнула Великанов. — Как ты думаешь, сколько лет прошло с той минуты, когда мы были на леднике?

— Не знаю...

— Потепление так же, как и похолодание, — процесс весьма и весьма продолжительный. Я считаю, что мы с тобой катались на лыжах по леднику не менее, чем сто тысяч лет назад!

— Ого!

— А может быть, и того больше!

— Ого-го!

— Если фонарик упал в снег сто тысяч лет назад, то что от него осталось?

— Он... проржавел... истлел за эти годы.

— За эти годы? Да он рассыпался в прах ещё девяносто девять тысяч девятьсот девяносто лет тому назад! Попробуй теперь разыскать его остатки!

— Как странно! — вырвалось у Мухи. — Но вы даже не успели снять лыжи со своих ног! Только подумать — сто тысяч лет! А каменный век всё ещё длится?

— Конечно! Каменный век длился не менее полумиллиона лет.

— Интересно, как выглядят сейчас дикари?

— Увидим... Послушай, Муха, ты не чувствуешь запаха гари?

Она потянула носом воздух.

— Чувствую! По-моему, в лесу горит костёр.

— Пойдём проверим... Только я предварительно освобожусь от лыж и сниму шубу. Становится нестерпимо жарко!

Великанов сбросил шубу на камень.

— Э-э, — проговорила Муха, — вы поступаете неосмотрительно! Зачем вы оставляете здесь шубу? Мы уйдём в лес, а часы веков снова пробьют...

— И моя шубка, как и фонарик, канет в лету! — усмехнулся он. — Ты права, уж лучше я не буду с ней расставаться.

Часовой мастер взял шубу под мышку и, помахивая ушанкой, двинулся к лесу.

В тени деревьев было прохладно, однако двигаться меж ними оказалось делом сложным. Заросли старых и молодых деревьев очень напоминали Мухе знакомые ей леса Подмосковья, но это был девственный лес, который ещё не слышал визга пилы и стука топора. На каждом шагу дорогу преграждали упавшие от старости деревья и бурелом. К счастью, путники обнаружили тропинку, которую, должно быть, проложили какие-то животные.

Гарью пахло всё сильнее, и скоро они набрали на большой участок выгоревшего леса. Обуглившиеся деревья все еще дымились, а в одном месте под свалившимся чёрным стволом путники увидели запёкшуюся тушу оленёнка.

— Бедный олешек! — горячо сказала Муха. — Почему же он не убежал от огня?

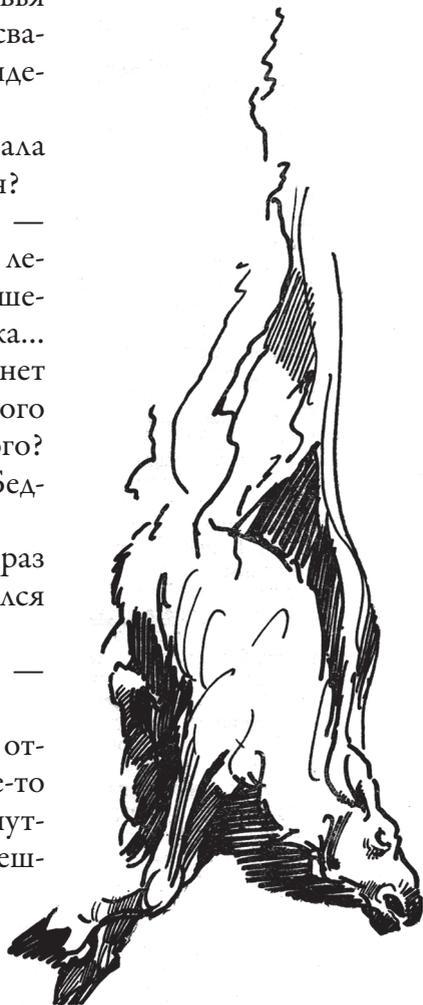
— Не успел, — вздохнул Великанов. — Похоже, что в ствол, под которым он лежит, ударила молния. Так и есть, загоревшееся дерево рухнуло и придавило оленёнка... Но послушай, Муха, как аппетитно пахнет жареным мясом! Не отведать ли нам этого приготовленного самой природой жаркого?

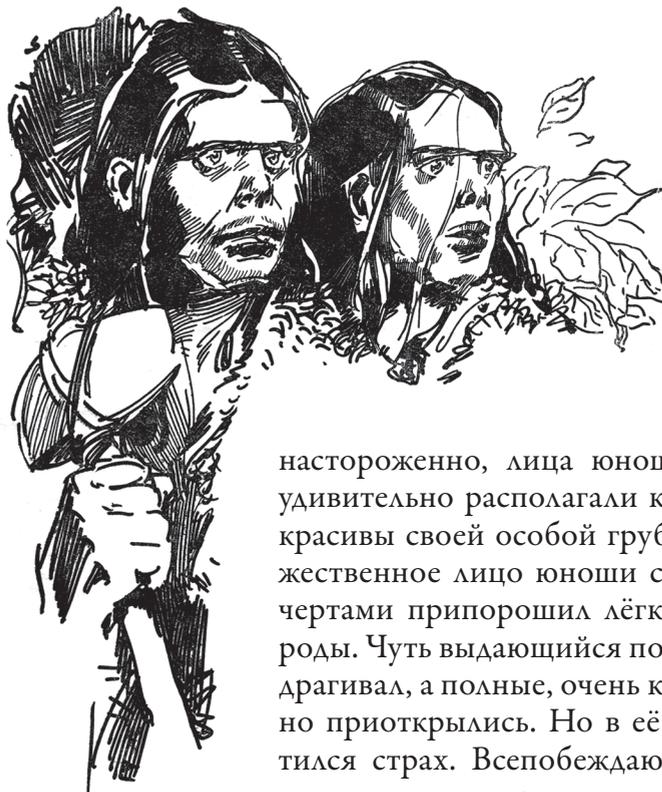
— Ни за что! — вздрогнула она. — Бедный олешек!

— Напоминаю тебе, что последний раз мы ели сто тысяч лет назад! — рассмеялся часовой мастер.

— Ни за что! — повторила Муха. — Я лучше умру от голода!

Однако Великанову тоже не удалось отведать жареной оленины, потому что где-то послышались человеческие голоса, и путники поспешили скрыться за густым орешником. Муха видела из своего укрытия, как на противоположной стороне выгоревшего участка зашевелились кусты

и в увядшей от недавнего пожара зелени мелькнули два смуглых лица.

Это были юноша и девушка. Несмотря на то, что их тёмно-русые волосы никогда не знали ножниц, гребёнки и мыла, а серые глаза смотрели на пожарище диковато-

настороженно, лица юноши и девушки чем-то удивительно располагали к себе. Они даже были красивы своей особой грубоватой красотой. Мужественное лицо юноши с резкими, угловатыми чертами припорошил лёгкий пушок первой бороды. Чуть выдающийся подбородок девушки подрагивал, а полные, очень красные губы поражённо приоткрылись. Но в её глазах отчётливо светился страх. Всепобеждающий страх первобытного человека перед непонятной и непобедимой

силой Великого Огня, который так больно жалит и уничтожает всё, что попадает на его пути.

Юноша что-то коротко сказал девушке и обнял за плечи. Он явно хотел пересилить её страх и ступить вместе с подругой на выжженную землю. А может быть, он сам боролся с собственным страхом, желая показать ей свою отчаянную смелость.

Она громко вскрикнула, отбросила его руку и скрылась за кустом.

Юноша рассмеялся и позвал подругу гортанным окриком. Она не показывалась. Тогда он осторожно раздвинул ветки и вышел из-за куста. Однако отвага сразу же покинула юношу, как только ступни его босых ног почувствовали тепло золы. Он остановился в нерешительности, высокий и стройный, в потёртой шкуре какого-то зверя, которая только до колен закрывала его сильные ноги. На мускулистых икрах юноши густо вились золотистые волосы — остатки первобытной шерсти. Такие же волосы покрывали его руки и грудь, наполовину скрытую шкурой зверя.

Сначала Мухе показалось, что он опирается на посох, но присмотревшись, девочка увидела, что он держит в руке топор. Отточенный

и гладко отшлифованный камень был накрепко прикреплен кожаными ремнями к длинному древку — в трёх местах эти тугие, искусно переплетённые ремни пронизывали камень насквозь. Муха невольно подумала, как трудно было юноше просверлить в топоре три отверстия: ведь ему пришлось камень сверлить камнем!

Юношу мучали сомнения. Он шагнул вперёд и опять остановился, приподняв одну ногу. Подрагивающие пальцы этой ноги неторопливо прощупывали тёплую золу: а вдруг там прячется огонь! Но огонь под золой уже погас, и он, успокоенный, сделал ещё несколько шагов.

— Э-о! — резко крикнул он, оборачиваясь к кустам. — Э-о!

Среди увядшей зелени снова появилось девичье лицо, на котором ясно отражались смешанные чувства ужаса и восхищения беспредельной смелостью юноши. Вероятно, ни один из знакомых ей соплеменников не подходил так близко к самому страшному из всего того, что можно встретить в жизни.

— Чоос! — тихо и проникновенно сказал юноша, улыбаясь ей и продолжая ворошить золу босой ногой.

Кто знает, что означало это странное слово «чоос»? Может быть, юноша хотел сообщить подруге, как мягок и приятен на ощупь серый пушистый порошок, сотворённый огнём, и какое ласковое тепло разливается по телу от соприкосновения с ним? Девушка тоже улыбнулась, пересилив страх. Но её приоткрытые красные губы всё ещё взволнованно подрагивали.

Ободрённый её улыбкой, он шёл по выжженной земле медленно и настороженно, затаив дыхание, как ходят в наши дни мальчишки по первому льду на речке. Внезапно юноша вздрогнул и замер на месте: он увидел погибшего в огне оленёнка. Вот оно, доказательство того, как коварно приятное тепло под ногами! Великий Огонь несёт смерть всему живому!

Он попятился. Но, видно, желание узнать неведомое на этот раз победило в нём страх. Что сделал огонь с оленёнком?

Юноша протянул вперёд топор и разрезал каменным остриём обуглившуюся шкуру. Она легко отвалилась от запечённого мяса, над которым поднимался тонкий ароматный пар.

Юноша потянул носом воздух. Непривычный запах, должно быть, и отталкивал и почему-то дразнил обоняние. Юноша брезгливо поморщился: он знал вкус крови и сырого мяса, знал вкус сырых кореньев и ягод, но никогда у него во рту не было ничего того, к чему прикасался огонь. И всё-таки лёгкий аромат изжаренного мяса чем-то привлекал его.

— Да попробуй же его, дурень! — услышала Муха шёпот часового мастера. — Смелее, молодой человек! Честное слово, жареный оленёнок куда приятней, чем какая-нибудь длиннохвостая крыса, которую вы, небось, не раз пожирали прямо с шерстью, когда бывали голодны!

— Тише! — с мольбой прошептала Муха. — Опять вы затараторили, как пулемёт!..

Юноша наклонился над оленёнком, вынул откуда-то из своего наряда каменный нож и отрезал довольно большой кусок жареного мяса.

— Очень хорошо! — зашептал Великанов. — Роскошное филе! Такое подадут не в каждом ресторане! Теперь отведайте его на вкус, молодой человек, и мы с Мухой станем свидетелями, как в жизни первобытного человека начнётся новая эра! Эра огня! Из врага огонь превратился в вашего вечного друга!

Юноша поднёс мясо к носу.

— Юх! Юх! — испуганно закричала девушка, что, наверно, означало — «нельзя, нельзя». Но было уже поздно: юноша жевал жареное мясо!

Сколько чувств отразилось на его диковатом лице! Любопытство, брезгливость, страх и, наконец, удовольствие, которое ему доставляла новая пища.

Девушка смотрела на него широко открытыми неподвижными глазами.

Юноша прожевал и проглотил мясо, комически вытягивая шею. На его лице блуждала улыбка. Он опять поднял ко рту кусок оленины и уже больше не опускал. Он звучно чавкал и посапывал от наслаждения, жир блестел на его щеках и кончике носа. Он сделал последний глоток и восторженно прокричал:

— Чоос! Чоос!

От возбуждения юноша пританцовывал, призывая свою подругу отведать жареной оленины. Она не шла, испуганно покачивая головой.

— Най шарос тогу! — убеждающим тоном сказал он и указал рукой на восток. Возможно, где-нибудь далеко в той стороне обитало племя, которое уже приручило Великий Огонь и заставило служить себе.

И возможно, люди из этого племени рассказывали о том, как хорошо огонь согревает их в холод, охраняет от болезней и делает пищу здоровой и вкусной. Но тем людям, наверно, не верили, считая их бессовестными хвастунами. А сегодня юноша убедился, что они говорили правду..

— Най шарос тогу, — значительно повторил он, отрезая ещё один кусок оленины. Держа мясо в вытянутой руке и мягко ступая по золе, юноша шёл к своей подруге. А она замерла на месте, не сводя глаз с оленины, дымящейся на его ладони.

— Ам, — ласково сказал он, протягивая ей мясо.

Девушка робко взяла мясо.

— Ам, — снова сказал он подбадривающе.

Она откусила небольшой кусочек. Юноша выжидательно смотрел, как она, перестав дышать, жуёт мясо.

— Чоос! — проговорила девушка нежным гортанным голосом, глубоко вздыхая и улыбаясь.

И в ту же минуту далеко-далеко раздался мелодичный звон:

— Бо-о-оммм...

Юноша наклонился над оленёнком

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, в которой Муха и часовой мастер спасают от смерти мальчика и возвращаются домой

Так же, как и в первый раз, когда пробили часы веков, всё вокруг Мухи и Великанова изменилось в одно мгновение. Прежде всего они почувствовали очень сильный, сбивающий с ног холодный ветер. Потом Муха увидела голый осенний лес, бешено раскачивающийся под ветром, и услышала тягостный вой урагана. Низкие клочковатые облака грязно-серого цвета, словно тени, неслись над ревущими и свистящими деревьями. И, казалось, что всё кругом летит куда-то в неровном, дрожащем свете.

Шуба вырвалась из рук Великанова и, хлопая полами, запорхала над пожелтевшей травой. Он побежал за шубой, с трудом удерживаясь на ногах, упал, поднялся и снова упал. Муха бросилась ему на помощь, но ветер свалил её и покатиł по земле. Она цеплялась пальцами за траву, сиюсь задержаться на месте, но трава вырывалась вместе с корнями.

Муха безуспешно пробовала кричать, ветер плотной, тугой массой вривался в лёгкие. Она катилась с закрытыми глазами неизвестно куда, беспомощная и обесиленная ураганом.

Наконец её прижало к какому-то облетевшему кусту. Рвущиеся из стороны в сторону ветки больно хлестнули Муху по щеке. Она открыла глаза и увидела в отдалении часового мастера, который, стоя на коленях, пытался отодрать свою шубу от белоствольной берёзы. Полы шубы так плотно обхватили дерево, будто прилипли

к нему. В конце концов Великанову удалось стянуть шубу на траву, и он рывком бросился на неё, как зверь бросается на добычу. Отдышавшись и продолжая лежать на шубе, Великанов каким-то сложным способом просунул руки в рукава, застегнул пуговицы и сел.

Он отыскал глазами Муху и поманил её к себе. Она не решалась оставить спасительный куст, но он звал её снова и снова.

Муха поползла по траве и на этот раз добралась до часового мастера без всяких осложнений. Ей показалось, что ветер начал ослабевать.

— Я вижу за деревьями какие-то скалы, — прокричал в её ухо Великанов, — там мы укроемся от урагана...

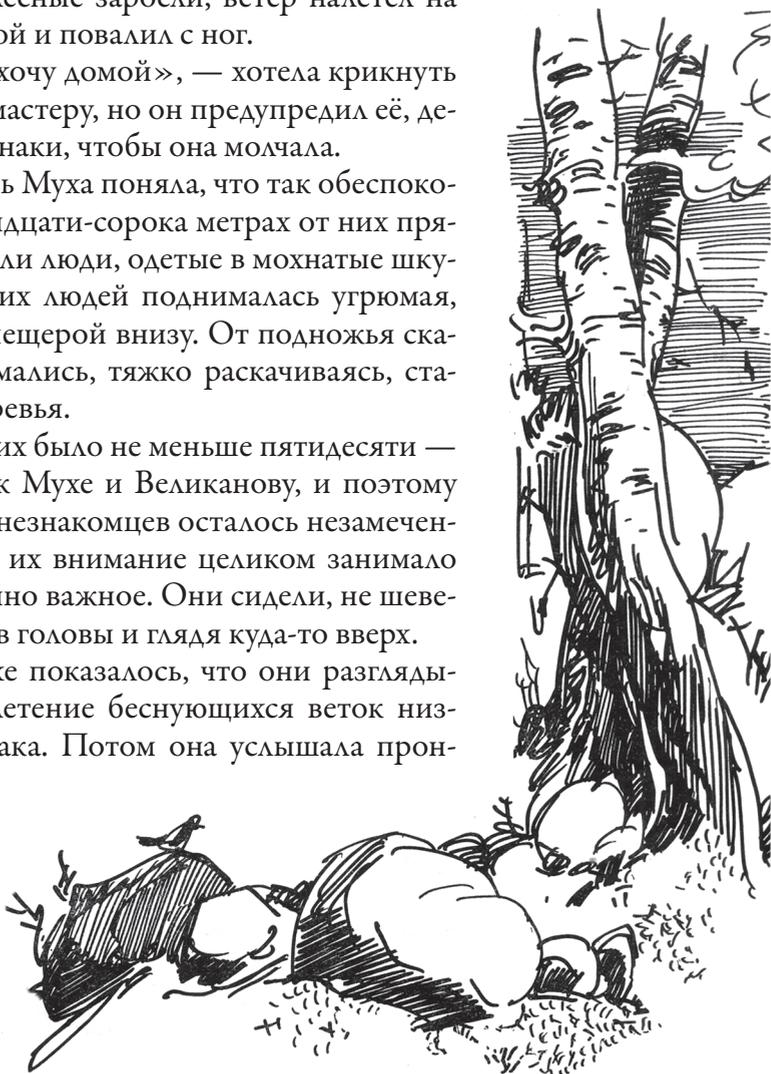
Однако укрыться в скалах от урагана им не пришлось. Как только они миновали лесные заросли, ветер налетел на них с новой силой и повалил с ног.

«Я устала и хочу домой», — хотела крикнуть Муха часовому мастеру, но он предупредил её, делая отчаянные знаки, чтобы она молчала.

Только теперь Муха поняла, что так обеспокоило его, — в тридцати-сорока метрах от них прямо на траве сидели люди, одетые в мохнатые шкуры. Слева от этих людей поднималась угрюмая, тёмная скала с пещерой внизу. От подножья скалы к небу вздымались, тяжело раскачиваясь, старые, толстые деревья.

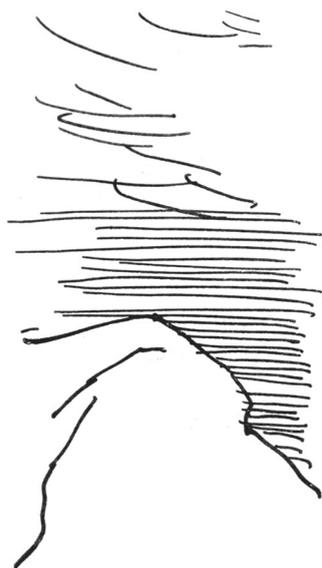
Все люди — их было не меньше пятидесяти — сидели спиной к Мухе и Великанову, и поэтому появление двух незнакомцев осталось незамеченным. К тому же их внимание целиком занимало нечто чрезвычайно важное. Они сидели, не шевелясь, запрокинув головы и глядя куда-то вверх.

Сначала Мухе показалось, что они разглядывают сквозь сплетение беснующихся веток низко летящие облака. Потом она услышала пронзительное, хватающее за сердце скрипение и поняла, что так заворжило этих людей в мохнатых шкурах.

До урагана или во время урагана с вершины скалы свалилась тяжёлая каменная глыба и тесно прижала ствол берёзы к другому такому же стволу. Ураган мощно раскачивал деревья, и поэтому ствол беспрерывно тёрся о ствол, издавая резкий скрип. И от того места, где стволы соприкасались, с каждым порывом урагана в воздух взлетал синий дымок, молниеносно уносимый ветром. А как только появлялся дымок, сидящие люди хором, словно по команде, радостно вскрикивали:

— ХХо-о!

Часовой мастер подёргал Муху за руку и отполз назад, за куст. Она последовала его примеру, и Великанов прокричал сквозь шум ветра:

— Это поразительно, Муха! Мы видим, как сама жизнь учит наших далёких предков добывать огонь!

— А они уже давно пользуются огнём? — крикнула девочка.

— Конечно!

— Опять прошло сто тысяч лет?

— Не знаю... Может быть, пятьдесят тысяч...

— И за пятьдесят тысяч лет они не смогли научиться добывать огонь?

Часовой мастер склонился к её уху, заслоняя рот ладонями.

— Ты должна помнить, что в каменном веке образ жизни людей не менялся многие тысячелетия!.. Это только в наше время при расцвете науки и цивилизации всякие изобретения сыпятся на человечество, как град... А для людей каменного века найти способ добывать огонь было большим событием, чем для нас открытие атомной энергии! Тысячелетия, бесконечные тысячелетия люди не гасили в своих пещерах костры! Дымящийся костёр переходил в наследство от поколения к поколению... А если он угасал — это было бедствием! Надо было ждать, когда молния подождёт лес, или похитить огонь у другого племени. Из-за горячей головешки происходили кровопролитные войны!

— Но это же ужасно! — крикнула Муха.

— Что поделаешь...

— Бедные предки!

— Я не сказал бы этого. Вспомни, как знакомые тебе юноша и девушка лакомились жареной олениной. По-моему, они были счастливы!

— Всё равно нашим предкам жилось очень трудно!..

— Как только на Земле появились люди, они всегда стремились устроить свою жизнь получше. Это так и называется — прогресс! Иногда правильные решения людям подсказывал разум: так, наверно, была придумана тёплая одежда из звериных шкур. В другой раз, как например сейчас, людей учил случай. Можешь не сомневаться, они поймут сегодня, что огонь можно добывать при помощи трения... Но погоди, Муха, ветер утихает, и я боюсь, что стволы деревьев уже не загорятся... Так и есть, все эти люди в роскошных мехах выглядят очень разочарованными... Но это не столь важно, они уже получили необходимый урок!

— Они будут добывать огонь?

— Обязательно! А человек, добывающий Великий Огонь, сам становится великим! — торжественно говорил часовой мастер. — Человек больше не будет привязан к костру! Он будет передвигаться по земле, искать новое и творить! Да, да, творить, дорогая Муха! Он закалит в огне камни и металлы, научится делать посуду и великолепные орудия труда! Он научится строить кирпичные здания! Его труд станет творческим! В конце концов, пройдя через тысячи испытаний, он построит такое общество, в котором станет возможным первый полёт в космос! Огонь — это начало цивилизации!

— Вы очень красиво говорите! — сказала Муха.

— Потому что красива жизнь человека, милейшая Муха-мушка! — с жаром проговорил Великанов. — И красивой её делает только труд! Терпеть не могу бездельников!

Между тем ураган совсем затих, и сквозь тучи прорвался яркий поток солнечных лучей. Он залил весёлым светом поляну, жухлую траву и людей в меховых одеждах, которые о чём-то громко спорили у входа в пещеру. Косые лучи скользнули в сумрак пещеры, осветили её стену, испещрённую рисунками каких-то животных, и упали на серую, холодную золу костра.

Муха вздрогнула.

— Кажется, в пещере погас костёр!

— Ах, какое несчастье! — сжал ей руку часовой мастер. — Нет, ты даже не представляешь себе, Муха, какое несчастье постигло этих людей! Так вот почему они так жадно смотрели на задымившиеся стволы! Но и там, увы, неудача...

У входа в пещеру кто-то громко воскликнул:

— Па!

Все почтительно расступились и умолкли. Из пещеры медленно вышел старик.

По обеим сторонам его морщинистого лица свисали длинные седые волосы. Старик сделал несколько шагов и остановился.

— Насколько я понимаю, мы видим предводителя всех этих людей, — заинтересованно проговорил Великанов. — Посмотрим, что решит этот Па...

Старик что-то спросил сипловатым, дребезжащим голосом. Молодой воин с большим тугим луком на плече и колчаном стрел у пояса шагнул навстречу Па и быстро заговорил. Было заметно, что ему не хватает слов, он часто повторял одни и те же звуки и для большей убедительности кривлялся и помогал себе руками. Он так размахивал ими перед лицом Па, то и дело указывая на стволы деревьев, что Муха невольно ухмыльнулась.

— К сожалению, с помощью рук объясняются ещё и в наши дни некоторые люди, — сказал часовой мастер. — Удивительная дикарская привычка, дошедшая до нас сквозь тысячелетия! Заметь, что он болтает и размахивает руками уже десять минут, а между тем всё можно объяснить несколькими словами: стволы деревьев не загорелись!

Старый Па только один раз взглянул на стволы. А когда воин умолк, заговорил он сам, точно так же двигая руками и кривя морщинистое лицо. Чем дольше говорил старик, тыча рукой то в потухший костёр, то в незагоревшиеся стволы над своей головой, тем больше краснело его морщинистое лицо и тем злее и испуганнее звучал его дребезжащий голос. Под конец Па начал визжать и топтать ногами.

— Кому-то придётся плохо, — вздохнул Великанов, — старик, видимо, разъяснил своим людям, кого следует наказать. Наверно, костровой

заснул, когда они были на охоте, и не подложил в костёр хвороста... Всё ясно: виновника до сих пор щадили, надеясь, что Дух Огня покровительствует ему и хочет зажечь стволы двух этих берёз.

— Но ведь стволы не загорелись потому, что утих ураган! — сказала Муха.

— Такие тонкости непонятны в этом обществе! Раз не загорелись, значит Дух Огня отказался покровительствовать костровому!

— Вы думаете, его накажут?

— Со всей строгостью первобытных законов!

— А что ему сделают?

— Не знаю... Да вот волокут и самого кострового... Ого! Ты посмотри, как этого беднягу скрутили ремнями!

— Но он же совсем мальчик! — вскрикнула Муха.

— Да, пожалуй, ему лет пятнадцать... Для каменного века, кстати сказать, возраст вполне достаточный, чтобы отвечать за свои проступки...

— Он стонет!

— Ещё бы! Ты видишь, как ремни впились в его руки и ноги?

— Я не могу смотреть на это, товарищ Великанов!

— Меня самого подирает мороз по коже, Муха! Ведь этот юнец уже человек, а не человекообразная обезьяна! Когда ты бросалась на помощь обезьяне, рискуя жизнью, я не очень понимал тебя... Но сейчас перед нами человек!

— Ему надо помочь, товарищ Великанов!

— Надо, но как? Боюсь, что... боюсь, что наши милые предки собираются принести его в жертву Духу Огня!

Муха окаменела. Она не могла двинуть ни одним пальцем. Сквозь странный туман, задёрнувший её глаза, она видела, как старик Па пнул ногой брошенного на землю мальчика и взял из рук какого-то воина каменный топор.

— Ах, я, старый дурень! — вдруг сказал часовой мастер. — Я потерял электрический фонарик... Но я не потерял свои спички! Целый коробок спичек!

В это время племя надсадно затянуло какую-то песню, а старый Па поднял над мальчиком топор.

— Остановись, Па! — громовым басом закричал Великанов, выходя из-за куста. — Остановись, иначе Дух Огня покарает тебя самого!

Выскользнувшая следом за Великановым Муха ясно увидела, что все люди в меховых одеждах шарахнулись в сторону.

Они сейчас же оправились и взметнули свои луки, топоры и дротики, чтобы поразить двух удивительных низкорослых незнакомцев. Однако

они не успели этого сделать, так как в руках часового мастера сверкнул огонёк зажжённой спички.

И этот крошечный огонёк поразил их больше, чем мог бы поразить приставленный к сердцу нож.

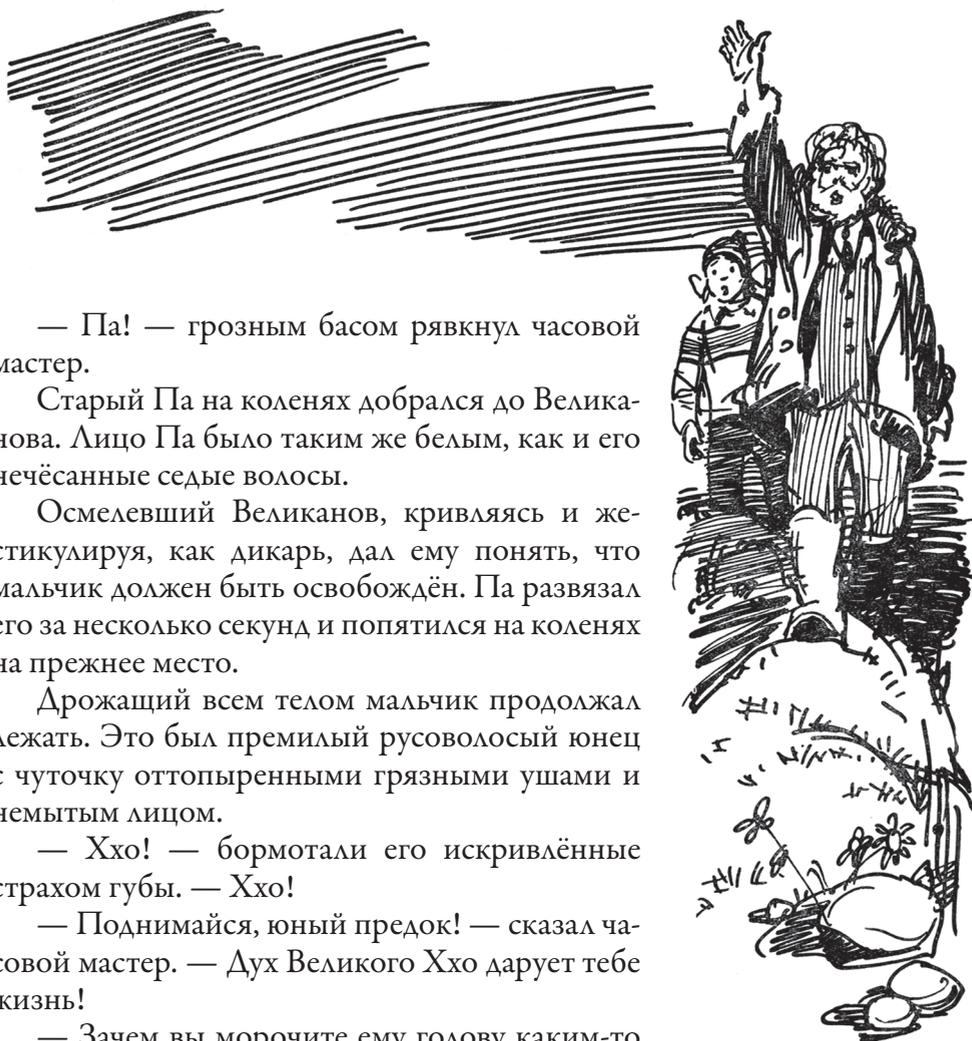
— Ххо! — завопили они в один голос.

Люди в меховых одеждах бросали оружие на землю. Они падали на колени и поднимали руки с растопыренными пальцами над своими головами, показывая, что в их руках больше нет никакого оружия.

— Не надо так волноваться, граждане! — говорил Великанов, подходя к связанному мальчику и продолжая зажигать спички. — Право же, вашему племени ничего не угрожает, потому что мы пришли из такого племени, где убийство человека считается самым мерзким преступлением! Вы не понимаете меня? Ну что ж, я на вас не в обиде... Скажу вам больше: я был уверен, что вы не поймёте меня... А говорю я вам всё это для того, чтобы мне самому не было страшно! Когда работает язык, как-то спокойнее на душе!

— Надо развязать мальчика, — заикаясь, сказала Муха. — Он так закручен, что тут и в год не разобратся!

— Па! — грозным басом рявкнул часовой мастер.

Старый Па на коленях добрался до Великанова. Лицо Па было таким же белым, как и его нечёсанные седые волосы.

Осмелевший Великанов, кривляясь и жестикулируя, как дикарь, дал ему понять, что мальчик должен быть освобождён. Па развязал его за несколько секунд и попятился на коленях на прежнее место.

Дрожащий всем телом мальчик продолжал лежать. Это был премилый русоволосый юнец с чуточку оттопыренными грязными ушами и нематым лицом.

— Ххо! — бормотали его искривлённые страхом губы. — Ххо!

— Поднимайся, юный предок! — сказал часовой мастер. — Дух Великого Ххо дарует тебе жизнь!

— Зачем вы морочите ему голову каким-то духом? — с чувством некоторого возмущения проговорила Муха. — Лучше бы вы разъяснили этим людям, что на земле нет и никогда не было никаких духов!

— Может быть, я ещё должен научить их таблице умножения? — усмехнулся Великанов. — Всему своё время, Муха-мушка! Пройдёт каких-нибудь полмиллиона лет, и всё станет ясно без моих объяснений... Гм... Впрочем, как тебе, наверно, известно, даже в наше время ещё существует какое-то количество людей, которые на полном серьёзе продолжают верить в разных духов...

— Это так, — сказала Муха, — но вы опять очень много говорите, а пещерные люди смотрят на нас и, чего доброго, подумают, что мы явились к ним со злыми намерениями!

— Ты права, Муха, тогда нам не сдобровать! Поднимайся же, мой неумытый предок, и принимайся за дело, которое было прервано твоим несвоевременным сном!

Он помог мальчику подняться и жестами показал, чтобы он положил в потухший костёр валежник. Мальчик немедленно повиновался указанию часового мастера.

— А теперь, — крикнул Великанов всему племени, продолжающему стоять на коленях, — смотрите сюда, мужчины, женщины и дети! Смотрите внимательно, сотворённые многовековым трудом люди! Я зажигаю ваш костёр! Я пошутил, я не дух Великого Ххо! Я просто человек, такой же, как и вы, но только поопытней, чем вы, и, пожалуй, подбрее. И потому что я поопытнее и подбрее вас, я возвращаю вам огонь, без которого вы уже не можете жить! Я возвращаю вам жизнь! Из племени в племя вы понесёте легенду о том, как к вам явились добрые духи. Легенда эта скоро забудется, но потомки ваши не забудут, что огонь можно добывать при помощи трения. Сегодня вы сами убедились в этом! И очень скоро самые дотошные из вас добудут огонь своим

трудом! Вот чем знаменателен ваш сегодняшний день! Один из самых исторических дней в истории человечества! Э-э, да вы же всё равно ничего не поняли из сказанного мной, дорогие предки!

Часовой мастер чиркнул спичкой.

— Гори, Великий Огонь! — пробормотал он.

— Давно бы так! — вырвалось у Мухи.

Сначала нежно-голубой, потом тёмно-серый дым заколебался над костром, и золотистые язычки пламени запрыгали в потрескивающем валежнике.

С каким наслаждением вдыхали пещерные люди знакомый с детства и такой невыразимо приятный, горьковатый запах горящего костра! Их ноздри раздувались и подрагивали, а глаза блестели. Со священным трепетом смотрели они на Великанова и Муху.

— Ххо! — тихо сказал спасённый от смерти мальчик.

— Ххо! — как эхо, проговорили люди всего племени.

— Живите, дорогие предки! — снова раздался бас Великанова. — И пусть ваша жизнь день ото дня становится лучше!..

Он поднял глаза на тесно сдавленные стволы двух берёз, с силой потёр руку о руку и многозначительно прибавил:

— Ххо!

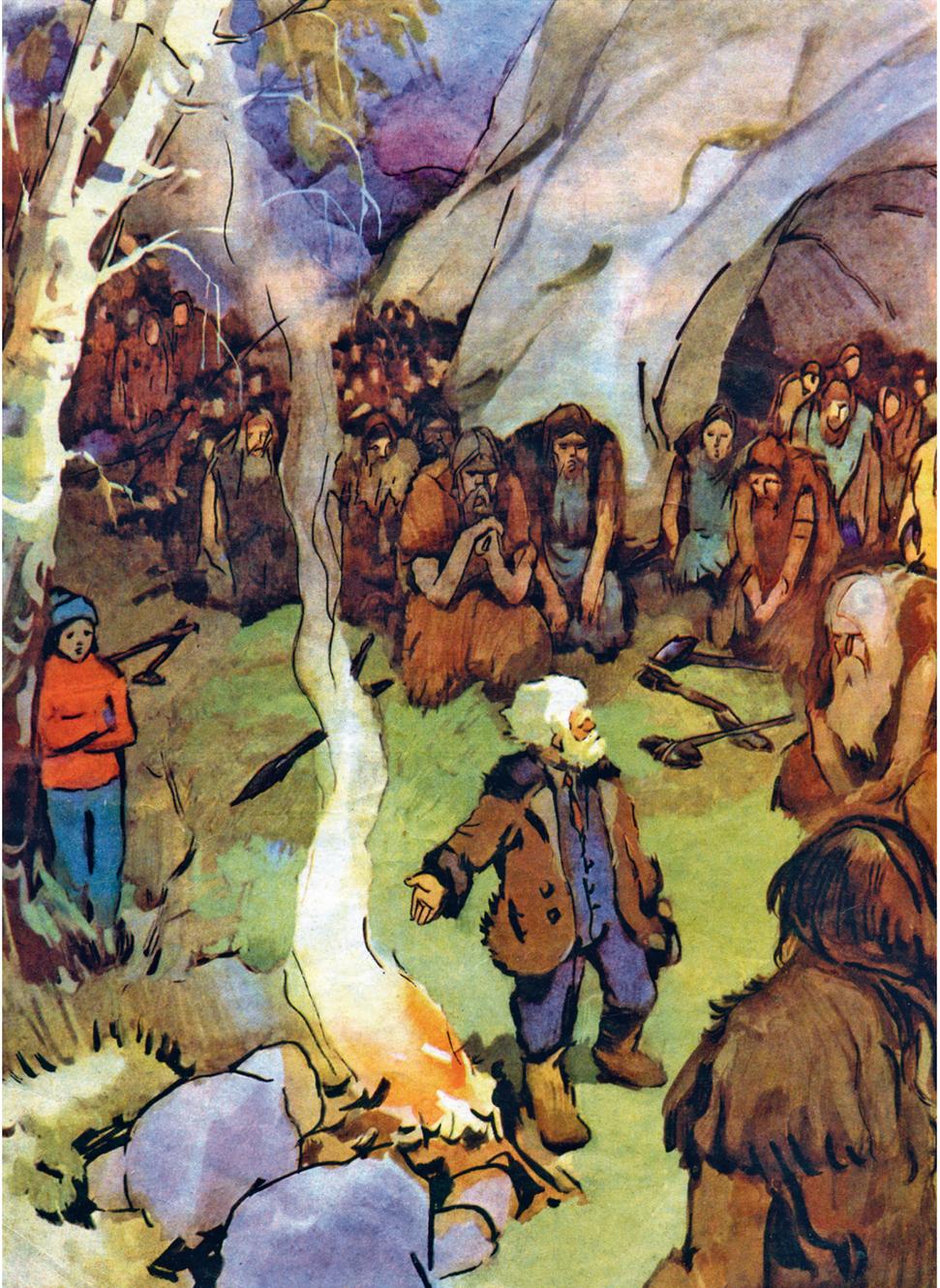
Мухе показалось, что пещерные люди поняли его. Во всяком случае, все они с большим чувством, точно так же потёрли свои руки и, глядя на берёзы, повторили:

— Ххо!

Муха и Великанов медленно удалились. Никто не сказал им ни слова, и никто не пытался задерживать. Кто мог осмелиться вступать в общение с духами? Тем более, что никто из пещерных людей ещё не знал слов благодарности.

— Тик-так, тик-так, — всё громче стучали часы веков, — тик-так, тик-так...

Путешественники обнаружили заднюю дверцу часов в огромном камне у широкого и светлого озера. Стаи диких уток кричали в сухих камышах. Вероятно, они уже собирались в дальний, повторяющийся из

С каким наслаждением вдыхали пещерные люди знакомый с детства и такой невыразимо приятный, горьковатый запах горящего костра!

века в век путь на юг, в тёплые земли, где обитали другие люди, другие племена...

Часовой мастер открыл дверцу, и путешественники через несколько секунд оказались в комнате.

«Мррр», — издала кошка рокочущий звук, прыгая на пол с кресла и стараясь потереться о ногу девочки.

— До свидания, Муха-мушка, — сказал часовой мастер.

— Мы увидимся завтра? — спросила она.

— Не... знаю, — ответил он неопределённо, — у меня есть кое-какие неотложные дела...

***

...На этом, собственно, и кончаются необычные приключения Мухи.

Автору остаётся только прибавить, что она больше никогда не встречала часового мастера. Возможно, он переехал в другой город. А что касается волшебных часов, то они по-прежнему стоят в столовой той самой квартиры, где живёт Муха. Но, увы, эти часы снова не ходят. Впрочем, кто знает, может быть, они когда-нибудь зазвонят снова. Во всяком случае, Муха очень этого хочет и частенько напевает, глядя на них:

Не идут часы никак —
И ни тик и ни так,
Но я знаю сделать как,
Чтоб ходили тик да так.

В

ТРИДЕВЯТОМ
ЦАРСТВЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Веселая и шумная группа советских лыжников ехала на международные соревнования в одно маленькое королевство.

Самой веселой среди спортсменов считалась семнадцатилетняя выпускница средней школы по имени Оксана. Она неустанно шутила и распевала разные песенки.

В поезде лыжники долго искали на карте цель своего путешествия.

— Королевство Карликия, — бормотал один из них, водя пальцем по карте. — Ну-ка, где это тридевятое царство? Хм... Вот Австрия, Швейцария, Дания, Бельгия... А где же Карликия?

Один из спортсменов высказал предположение, что Карликия имеет два названия, как, например, Голландия — Нидерланды.

Однако в справочнике второе название Карликии не было указано.

— Напрасно ищите, — усмехнулась Оксана. — Карликия — страна величиной с носовой платок, и поэтому её не всегда указывают на картах. Уж я-то знаю: мама преподаёт карликийский язык в институте и много рассказывала. Я даже могу говорить по-карликански.

Скорый поезд глухо выстукивал на стыках рельсов однообразный походный марш. В конце вторых суток он привёз советских лыжников в столицу Карликии — город Гриж.

Вдоль узких улиц столицы стояли древние дома с остроконечными башенками.

Там и тут, словно растолкав эти дома локтями, на улицу выбирались квадратные современные здания из стекла и стали. Сверкали витрины магазинов. Автомобили скучали в длинных очередях. Пахло бензином и гарью.

На перекрёстках нарядные полицейские в цилиндрических шапках с пышными султанами и золотыми позументами лениво дирижировали движением. Каждый полицейский походил на императора. Толпы людей с озабоченными лицами куда-то катились по тротуарам. У входа в кафе старый мужчина в потёртом пиджаке что-то играл на скрипке. Некоторые прохожие бросали монетки в шляпу, лежащую перед музыкантом на каменной плите.

Всё это Оксана успела разглядеть из окна автобуса, который вёз лыжников в загородный отель.

В городских скверах ещё зеленели деревья, и на клумбах пестрели цветы, но в горах было холодно.

Уже смеркалось, когда лыжники добрались до отеля. Это была заурядная гостиница, каких много. Несмотря на то что из её окон открывался живописный вид на заснеженные ущелья, зубчатые скалы и крутые склоны, поросшие соснами, в номерах было душно и тесно и пахло кухней. Её горячие запахи доносились откуда-то снизу, и по этим запахам можно было точно установить, что в эту минуту варится или жарится — луковый суп или рагу из кролика.

Прежде чем лечь спать, Оксана открыла окно, включила на тумбочке крохотный приёмник и лишь после этого нырнула под одеяло.

Из Грижа шла передача на карликийском языке.

Приятный баритон диктора извещал дам и господ, что поиски исчезнувшей юной королевы Изабеллы идут всё ещё безуспешно и что первая фрейлина её величества собирается выписать откуда-то всемирно известную гадалку, которая обещает точно указать то место, где злые силы скрывают Единственную наследницу карликийского престола.

«Оказывается, на свете ещё есть пещерные люди, верящие в гадалок! — изумлённо подумала Оксана. — Вот дикари!» Она даже не пожалела юную Изабеллу, похищенную какими-то гангстерами, выключила приёмник и, свернувшись под одеялом калачиком, уснула. В конце концов, какое ей дело до каких-то там королев?

Она проснулась от холода, который мощной струёй вливался в комнату.

Кутаясь в одеяло, Оксана бросилась к окну, чтобы закрыть его, и, поражённая и счастливая, застыла у подоконника. Ночью в горах выпал свежий глубокий снег. В свете рождающегося дня склоны гор потрясли Оксану своей первозданной белизной. Из-за неровной гряды скал выкатилось красное солнце, и каждая снежинка приветствовала его нестерпимым сверканием.

Несколько незнакомых лыжников у входа в отель прилаживали лыжи. Оксана торопливо выхватила из рюкзака спортивный костюм, оделась, стуча зубами от холода и волнения, и, прыгая через две ступеньки, устремилась вниз по лестнице.

— Мадемуазель тоже хочет сделать променад? — вежливо спросила её у входа пожилая консьержка.

— О, мадам! — только и смогла вымолвить задышающаяся Оксана. Ей уже было жарко, она покраснелась, и её глаза искрились, как снег на полуденном солнце.

— Будьте осторожны в горах, — сказала консьержка и вздохнула: — У вас очаровательная улыбка, мадемуазель! Так улыбаются только очень счастливые люди!

Как стремительно Оксана летела со склона на склон! Чистейший горный воздух раздувал её лёгкие. Только об одном жалела она в эти минуты — о том, что её не видят сейчас одноклассники.

Леса и перелески на горах справа и слева надвигались на неё и словно опрокидывались на спину. Сколько километров уже за плечами? Десять или двадцать?

И вдруг — крак! Правая лыжа задела за невидимый под снегом камень и с треском сломалась. Оксана несколько раз перевернулась через голову, пролетела над каким-то кустом, чувствуя, как он раздирает штанину на её левом колене, и зарылась, наконец, в сугроб.

Она с трудом вылезла из сугроба и села на снег. Какая досада!

Оксана огляделась. Кругом было тихо, бело и безлюдно. С вековой сосны на неё бесшумно сыпался снег.

Она освободила ботинки от ненужных теперь лыж, поднялась и слабо простонала. Без посторонней помощи ей не пройти и полкилометра: кажется, она вывихнула ногу!

Солнце поднималось всё выше, и снег начал сверкать так ярко, что её глаза заслезались. Оксана попробовала ползти по лыжному следу, но скоро поняла, что так она доберётся до отеля не раньше, чем через год. Она снова села на снег и собралась было заплакать, как вдруг увидела на полянке метрах в тридцати от себя небольшую деревянную хижину. Это было спасение!

Через несколько минут Оксана ползком поднялась на заснеженное крылечко и постучала в дверь.

— Назад! — истошным голосом закричали в хижине по-карликийски — это был высокий девичий голос. — Назад, или я стреляю!

Но Оксана уже толкнула дверь, и в ту же секунду треснул резкий короткий выстрел.

Раньше чем Оксана успела сообразить, что стреляли в неё не шутя, а по всем правилам, потому что пуля отщепнула над головой кусочек дверной доски, она увидела у противоположной стены бледную, на смерть перепуганную девушку в меховой шубке, с дымящимся пистолетом в руке.

— Ты что, рехнулась? — в забывчивости закричала Оксана по-русски. — Если бы я не ползла, а стояла, ты влепила бы мне пулю прямо между глаз!

— Я вас не понимаю... — дрожащим голосом сказала бледная девушка, всё ещё держа пистолет в вытянутой руке.

— Ах, ты меня не понимаешь? А как убивать людей, ты понимаешь? Да убери же ты наконец свою трещалку!

— Ты одна? — спросила девушка, опуская пистолет.

— Да, — сказала Оксана, поднимаясь на ноги и держась за стенку, чтобы не упасть.

— Совсем одна? — снова спросила девушка, подозрительно косясь на приоткрытую дверь.

— Совсем, — подтвердила Оксана, — честное слово. Кого ты так боишься?

— Детективов из Грижа, — вздохнула девушка. — А кто ты?

— Я? Как тебе сказать?.. Просто Оксана... А кто ты?

— Я королева Изабелла, — сказала девушка так просто, как обычно школьницы говорят: «Я староста класса».

— О! — вырвалось у Оксаны. — Так это из-за тебя поднялась такая кутерьма! Я слышала по радио, что тебя украли.

Румянец начал возвращаться на бледное лицо юной королевы.

— Никто меня не украл, — усмехнулась она, — закрой, пожалуйста, дверь, я дрожу от холода... Ведь я в этой нетопленной избушке живу уже целые сутки.

— А почему же ты не затопишь печь? Я вижу здесь целую кучу дров.

— Я пробовала, но... камин почему-то не стал топиться.

— Хочешь, я затоплю?

— Я буду очень признательна тебе.

Оксана села на маленькую скамью перед камином и растопила его. Запахло дымком, золотой огонь запрыгал за чугунной решёткой камина, и в комнату повеяло приятным теплом. Изабелла присела рядом с Оксаной, глядя на огонь широко открытыми глазами; в глубине её зрачков неясно теплилась улыбка.

— Послушай, а ведь ты красивая, — сказала Оксана. — Интересно, сколько тебе лет?

— Семнадцать.

— Я так и думала, что ты моя ровесница. Хотя уж очень ты щупленькая для семнадцати.

— Ты ошибаешься, Оксана, — несколько обиженным тоном проговорила Изабелла, — я не щупленькая, а изящная... Да, изящная! Во всяком случае, так считает Джек...

— А кто это — Джек?

— А разве ты не знаешь?

— Откуда я могу знать, кто такой Джек? У нас во дворе есть один Джек — великолепная овчарка, шесть медалей!

— Джек — мой парикмахер! — с достоинством сказала юная королева. Она помолчала и прибавила: — Хочешь, я расскажу тебе свою тайну? Ты мне почему-то нравишься... Только клянись, что ты никому не проговоришься, что видела меня!

— Клянусь! Я ужасно люблю всякие тайны! В нашем классе все девочки доверяли мне свои тайны.

— Хорошо, слушай...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Огонь неумолчно потрескивал в камине. В комнате стало совсем тепло, королева расстегнула пышную соболью шубку и небрежным жестом отбросила на спину такой же пышный капюшон.

— Мой покойный отец — один из самых великих королей Карликии, — начала Изабелла свой рассказ, — он всегда шёл в ногу со временем...

— Он отказался от престола? — спросила Оксана.

— Ты сошла с ума! — воскликнула Изабелла. — Чего ради он должен был отказываться от престола?

— Ты сама сказала, что он шёл в ногу со временем...

— Да, — чуть поморщилась Изабелла, — но я имела в виду воспитание детей.

— Школьников?

— Мм... воспитание королевских детей... Отец считал, что в наше беспокойное время королевские дети должны воспитываться в пансионе вместе с простолюдинами.

— Вот как!

— Да, вместе с простолюдинами, чтобы совершенно точно знать, как они живут и что им надо. Отец говорил, что знание простолюдинов — это средство борьбы с революцией.

— Я не совсем точно понимаю, кого ты называешь простолюдинами...

— О господи, какая ты бестолковая! Ну, этих, всяких...

— Рабочих? Крестьян?

— Ну, до этого, разумеется, не дошло, однако в пансионе, где я училась, были самые простые девочки. Например, дочь военного министра и даже дочь начальника департамента железных дорог. Пять лет я провела вместе с ними за океаном. Боже мой, как нам весело жилось!

— Погоди, ты сказала — за океаном?

— Конечно, за океаном. Я жила в Америке инкогнито, и никто не знал, что в женском пансионе воспитывается дочь короля.

— А разве такого пансионата нет в вашей стране?

— В нашем королевстве меня все сразу узнали бы!

— Но ведь ты должна была изучать своих «простолюдинов»?

— Отец уверял, что простолюдины одинаковы во всех странах.

Две девушки сидели рядом и смотрели в огонь — юная королева и юная советская школьница. Обе улыбались — каждая своим мыслям. Как это ни странно, чем-то они были похожи одна на другую и в то же время не похожи, потому что уж очень ясно в Изабелле, в её царственных движениях, в повороте холёной головки, в интонациях голоса проступало величие. Обе были белолицы, кареглазы и светловолосы, но каждая была белолица и кареглаза как-то по-своему. И даже улыбалась каждая из них по-своему — Изабелла красивой, с самого раннего детства натренированной улыбкой, сверкая сахарными зубами, а Оксана — широкой, светлой и подкупающе искренней улыбкой. Похожими их делала та величайшая волшебная сила, которая называется юностью.

— О'кэй! — вдруг сказала королева, как настоящая американка. — Наконец-то я вспомнила, где я тебя видела. Ведь ты шведка, правда? В прошлом году ты приезжала с отцом на американский курорт Майями. Твой отец крупный промышленник и, кажется, имеет титул графа.

— Нет, я не шведка, — сказала Оксана, — и мой отец не имеет титула графа.

— Но тебя выдаёт твой шведский акцент!

— Я русская, и мой отец, так же как и мама, имеет титул учителя. Кстати, мама преподаёт карликийский язык.

Королева звонко расхохоталась.

— Однако ты шутница!.. Так слушай же, я не кончила рассказ о моей тайне.

— Я вся внимание!

Огонь неумолчно потрескивал в камине

Королева глубоко вздохнула и торжественно произнесла:

— Оксана! Ещё раз обещаю тебе никому об этом не рассказывать в Швеции!

— Уж это я обещаю! — улыбнулась Оксана.

Королева снова вздохнула.

— Оксана! Я выхожу замуж!

Оксана посмотрела на неё глазами, округлившимися от изумления.

— Я бы на твоём месте не торопилась...

— Ах, если бы ты знала, как я люблю его!

— Кого?

— Моего Джека!

— Парикмахера?

— Да! — пламенно прошептала королева. — Оксана! Ах, как он красив! Пять лет он каждый день приходил делать мне причёску!

— Ну что ж, выходи за него, если тебе так хочется, но я слышала, что королевы могут выходить замуж только за королей!

— Увы, ты права... И это самое ужасное! Когда я заикнулась о том, что люблю Джека, на меня ополчились не только близкие, но и правительство Карликии. Поднялся ужасный шум! Морганатический брак! Позор всему королевскому роду! Состоялось даже закрытое заседание парламента.

— Нечего, видно, делать вашему парламенту!

— Представь себе! В общем, обстановка невыносимая! И тогда мы с Джеком решили обвенчаться тайно и бежать в Австралию!

— Здорово!

— Но в это время умирает мой батюшка, и меня, как единственную наследницу, провозглашают королевой Карликии. И накануне свадьбы за мной является почётная охрана — пятьсот человек! Бедного Джека даже не допустили ко мне!

У меня не хватит слов, дорогая Оксана, чтобы рассказать, как я страдала!

Но слава моему Джеку! За несколько минут до отлёта из Америки я получаю от него записку, что в воздухе мне надлежит инсценировать морскую болезнь. Я так и поступаю... Самолёт запрашивает посадку и приземляется на каком-то острове. Машина «скорой помощи» увозит меня... Но не в больницу, а на другой самолёт!.. Через несколько часов мы опустились на одном частном аэродроме в Карликии. Расчёт Джека был прост: раз я была похищена на пути домой, значит, меня будут искать где угодно, но только не дома... Я спокойно прожила целую неделю на маленькой, но очень милой вилле. Друзья Джека охраняли меня. Сам

он должен был прибыть за мной со дня на день. Он заканчивал в Америке наши общие дела: нужно было перевести в австралийский банк два миллиона долларов, которые нам удалось скопить в Америке из числа моих карманных денег. На первое время, если жить экономно, нам хватит этих денег, ведь правда же?

— Да, конечно, — согласилась Оксана, усмехаясь.

— И представь себе новое несчастье! — продолжала Изабелла. — Разведка Карликии разнюхала, где я скрываюсь! Боже мой, как я испугалась, когда однажды утром друзья сообщили мне, что поблизости уже рыскают детективы из Грижа! И вот вчера меня незаметно переправили сюда, в этот охотничий домик. Обстоятельства сложились так, что я должна была провести здесь ночь совсем одна. Если бы ты знала, какой страх я испытала! Мне казалось, что у каждого окна кто-то стоит! А когда пошёл снег, вокруг дома начали двигаться белые привидения... Я отчётливо их видела своими глазами!.. На чердаке я слышала чьи-то шаги, кто-то с кем-то шептался... Ты думаешь, это плод взбудораженного воображения? Возможно... Но как бы то ни было, я забылась сном только под утро. И вдруг твой стук! Прости меня, бога ради, за выстрел, но ты должна понять, в каком я была состоянии...

— Я не сержусь, — сказала Оксана.

— Благодарю, — кивнула королева. — Я охотно зачисляю тебя в число моих друзей и буду рада принять тебя в Австралии. Джек, кстати сказать, уже купил на взморье неподалёку от Сиднея прелестную виллу. И совсем недорого — всего восемьсот тысяч долларов. — Она грустно покачала головой: — Теперь, когда мы становимся с моим Джеком изгоями, нам придётся считать каждый грош! Но на какие жертвы не пойдёшь ради любви!

— И сколько же дней ты должна ещё жить в этом домике? — спросила Оксана, разглядывая пустынную комнату. — Мне кажется, это жильё не приспособлено для отдыха!

— Сколько дней? — почти закричала королева. — Ещё одна такая ночь, и я сойду с ума! К счастью, мне осталось ждать считанные часы... А может быть, даже считанные минуты! О, мой Джек всё предусмотрел! Очень скоро над этой поляной появится вертолёт одной американской фирмы и заберёт меня. Нам бы только добраться до Лозанны, а оттуда на воздушном экспрессе мы перенесёмся в Лиссабон. Наши следы затеряются и... здравствуй, Австралия!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Не успела королева произнести эти слова, как за окнами охотничьего домика раздался приглушённый рокот мотора.

— Вертолёт! — вскрикнула Изабелла, заливаясь краской. — Мой милый Джек умеет держать слово!

Она выбежала на крыльцо, а следом за ней, прихрамывая на одну ногу, вышла Оксана, придерживая разорванную на левом колене штанину.

Вертолёт, словно огромная саранча, вертел над поляной крыльями, торопливые тени бежали по снегу. Рокот мотора перешёл в рёв, вертолёт повис над сугробами, кто-то там, наверху, открыл дверцу и бросил вниз верёвочную лестницу.

— Джек! — закричала королева. — Джек!

Она бросилась к верёвочной лестнице, по пояс зарывшись в снег. Она очень торопилась, задыхаясь и размахивая руками, но двигалась всё-таки медленно, с трудом раздвигая тяжёлый снег. Оксана видела, как королева вдруг сбросила на снег свою пышную шубку с капюшоном, сделала стремительный рывок вперёд и вцепилась, наконец, в верёвочную лестницу.

— Сумасшедшая! — закричала Оксана, ковляя следом за королевой. — Ты простудишься! Надень шубу!

Она подхватила со снега королевскую шубку. Она торопилась за Изабеллой, но та уже сидела на лестнице, болтая ногами, и что-то весело кричала — что именно, разобрать из-за рёва мотора было совершенно невозможно.

Через полминуты лестницу вместе с королевой втянули внутрь вертолёта, дверца захлопнулась, крылья бешено завертелись, и по лицу Оксаны больно захлестал снежный вихрь. Вертолёт поднимался по косой линии и через несколько секунд исчез за лесистым склоном.

Сразу стало тихо, и только с деревьев всё ещё медленно и бесшумно падали потревоженные хлопья снега.

Оксана растерянно посмотрела на шубку. Но прежде чем она подумала, что ей делать с этой королевской одеждой, на поляне будто из-под земли выросли десятка два мужчин в фетровых шляпах и кто-то хрипловато и радостно закричал:

— Она здесь, господин сержант! Мы вовремя подоспели и спугнули вертолёт!

Мужчины тесно окружили Оксану, дыша на неё табачным перегаром, и бравый мужчина с красным лицом и тонкими усиками вежливо сказал ей то самое, что она кричала минуту назад Изабелле:

— Наденьте шубку, ваше величество! Простудитесь!

На неё так стремительно натянули королевскую шубку, что она не успела сообразить, что ей следует ответить.

Мягко урча, на поляну выехали лёгкие, похожие на большое насекомое, аэросани.

— Прошу вас, ваше величество, — снова сказал краснорожий, указывая на аэросани.

Оксана наконец опомнилась и запротестовала:

— Пожалуйста, оставьте меня в покое! Я не королева!

Мужчины дружно рассмеялись, прикрывая ладонями рты.

— Ах, ваше величество, — покачал головой краснорожий, — мы были готовы и к этому. Начальник разведки своевременно предупредил нас, что, возможно, вам захочется пошутить, и вы станете отрицать свою принадлежность к престолу.

— Но я действительно не королева!

— И эта соболья шубка не ваша?

— Да, не моя! Не моя! — с сердцем сказала Оксана, вызвав среди мужчин бурю восторга.

От аэросаней к толпе торопился маленький толстый человечек в военной форме. Все, словно по команде, расступились и вытянулись перед ним.

— Ваше величество! — весёлым фальцетом произнёс человечек. — Позвольте преданному вам солдату одному из первых поздравить вас с возвращением в любезное отечество после пятилетнего отсутствия. Я помню вас двенадцатилетней девочкой и смею заверить, что за эти годы вы расцвели, как прелестный цветок!

— Господин генерал, — сказал краснорожий, — её величество говорит, что она не величество...

— Ваше величество, — сказал толстенький генерал, — позвольте в таком случае выполнить мне свой долг... Я вижу, что ваш спортивный костюм разорван на левом колене... Да простит бог мне эту фамильярность! Так вот, ваше величество, вам было суждено родиться с очаровательным родимым пятнышком на левом колене. Если за пять лет вашего пребывания за границей это пятнышко не исчезло, вы позволите нам взглянуть на него...

Оксана похолодела: на её левой коленке в самом деле было крохотное родимое пятнышко, на которое никто никогда не обращал никакого внимания и которое теперь оказалось роковым.

— Это просто совпадение! — с мольбой в голосе сказала Оксана. — Уверяю вас, я не Изабелла!

Но её уже подхватили и понесли к аэросаням. Она беспомощно забарахталась, но скоро поняла, что сопротивление ей не поможет.

— Передайте по радио, сержант, — сказал генерал, садясь рядом с Оксаной в сани, — что её величество королева Изабелла возвращается в столицу. Пусть все верноподданные выходят на улицы Грижа приветствовать нашу венценосную любимицу! Пусть во всех соборах звонят колокола!

Пропеллер загудел, и аэросани заскользили вниз по снежной целине. Скоро полоса снегов кончилась, но на шоссе королеву уже ждал кортеж автомашин.

Генерал и Оксана пересели в «кадиллак» с серебряными инкрустациями и, сопровождаемые эскортом мотоциклистов и торжественными воплями пожарной сирены, полетели по горной дороге.

Кортеж автомашин далеко растянулся по шоссе.

А в столице во всех соборах уже гремели колокола. Всё это становилось любопытным, а Оксана была очень любопытной. Она даже перестала волноваться, когда подумала, что товарищи скоро заметят, что она исчезла, и, конечно, найдут её...

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Как трудно, оказывается, быть королевой! С той минуты, когда Оксана оказалась во дворце, у неё уже не было ни минуты покоя!

Она плохо запомнила, как выглядит дворец, потому что сначала её окружили врачи и долго выстукивали и выслушивали. Наконец самый древний из докторов, академик Флокс, очень похожий на высохший репей, сказал, трясая своей белой бородкой:

— Её величеству можно принимать ванну.

Поддюжины молоденьких служанок раздели и окунули её в огромную ванну, вода в которой тонко пахла духами. А высокая и худая, как высохшая жердь, первая фрейлина её королевского величества графиня Жозефина де Пфук то и дело погружала в ванну градусник в платиновой оправе. Длинное серое лицо первой фрейлины с большим тяжёлым подбородком и горбатым носом было при этом сосредоточенно надменным и холодным. Графиня поджимала тонкие губы и, сдвинув реденькие брови, смотрела на Оксану ледяными бесцветными глазами.

Оксана решила, что графиня всех ненавидит, и невольно сжималась под её неподвижным взглядом.

Наконец Оксану вынули из ванны и закутали в мягкую простыню. Сама первая фрейлина надела на неё лёгкий тёплый халатик и проводила в спальню. Пришёл академик Флокс, долго считал Оксанин пульс, неторопливо шевеля губами, и разрешил одевать её величество к обеду. Явились другие хорошенькие служанки, чтобы надеть на королеву чулки, туфли и строгое обеденное платье из голубой шерсти. Первая фрейлина графиня Жозефина де Пфук застегнула на шею Оксаны ниточку жемчуга, и новоиспечённая королева вздрогнула от прикосновения её холодных, старческих пальцев.

По длинной анфиладе залов с огромными стрельчатыми окнами и старинными лепными украшениями Оксану проводили в столовую с массивным дубовым столом, ножки которого были не тоньше, чем ноги слона. Она одна сидела за этим гигантским столом, чтобы выпить полчашки куриного бульона и съесть ломтик жареной телятины со спаржей. Пока она ела, первая фрейлина стояла за её спиной, словно солдат на часах, и Оксана несколько раз поперхнулась, чувствуя на своём затылке леденящий взгляд графини.

— А теперь, ваше величество, прежде чем перейти к послеобеденному отдыху, — сказала графиня, — вам надлежит принять по неотложным государственным делам начальника королевской канцелярии. — Графиня понизила голос: — Не очень-то доверяйте этому бездельнику, ваше величество! Кстати, знаете ли вы, почему у него свёрнут нос набок? Ему перешибли нос простолюдины на окраине Грижа, куда он явился однажды вечером по следам молоденькой продавщицы!

«Какое мне до этого дело? — подумала Оксана. — Когда же меня освободят из моего странного плена?» Оксану проводили в просторный королевский кабинет и оставили на несколько минут одну. Она прошла по толстому ковру, покачалась на пружинах величественного кожаного кресла, заглянула в пустые ящики письменного стола и вдруг почувствовала, что ей нестерпимо хочется спать.

Но тут в кабинет вошёл какой-то придворный чин и произнёс:

— Секретарь королевской канцелярии герцог де Моллюск.

Чин замолчал, выжидательно глядя на королеву, и Оксана догадалась, что ей нужно сказать:

— Просите.

В кабинет вошёл щеголеватый молодой человек в чёрном фраке, с папкой из крокодиловой кожи.

— Здравствуйте, ваше величество, — церемонно проговорил он, склоняя голову с расчёсанными на ровный пробор тёмными волосами, блестящими от какой-то парикмахерской жидкости.

Она потёрла сонные глаза и сказала:

— Здравствуйте... — И, кашлянув, прибавила: — ... герцог.

Молодой человек смотрел на юную королеву тем взглядом, в котором довольно легко можно было разглядеть подобострастие подхалима и сознание своей собственной неотразимости. «Ишь ты, какой красавчик явился!» — сердито подумала Оксана и вдруг спросила:

— Чем у вас намазана голова, герцог?

Де Моллюск побледнел и оторопело уставился на королеву.

— Это бриолин, ваше величество...

— Зачем?

Де Моллюск помялся.

— Зачем же, герцог?

— Для... красоты, ваше величество...

— А это красиво?

— Если вам не нравится, ваше величество, то я...

— Перестанете мазать голову бриолином? Нет, пожалуйста, продолжайте, если вам приятно спать на грязной подушке.

— О, ваше величество! Я чрезвычайно внимательно слежу за своей головой!

Де Моллюск сделал судорожное движение горлом, словно подавился пищей.

— Ваше замечание означает, ваше величество, что я должен подать в отставку немедленно? — подавленным тоном спросил он.

— Подать в отставку? — удивилась она. — Это значит уволиться с работы?

— Да, если вам угодно так назвать этот акт...

— Но я не знаю, хорошо или плохо вы работаете, герцог?

— О, ваше величество, вы очень скоро сможете убедиться, что я самый верный вассал моей любимой королевы! — с дрожью в голосе произнёс герцог. — Я точно знаю, кто посеял сомнения в вашу душу... Это козни первой фрейлины, ваше величество! Не верьте ей, заклинаю вас! Я очень скоро сделаю доклад вашему величеству о невероятных злоупотреблениях первой фрейлины!

— О'кэй! — сказала Оксана, внезапно вспомнив американское выражение королевы Изабеллы. — Мне самой не очень нравится графиня де Пфук... Впрочем, подождём вашего доклада... А теперь перейдём к делам.

В эту минуту Оксана подумала, что урок оживлённой болтовни, который ей дала сегодня утром королева Изабелла, не пропал даром. «Главное — болтать без запинки, — решила она. — Вот будет о чём

рассказать ребятам! Надо только немного продержаться, пока меня не найдут наши». А то, что её найдут, она не сомневалась ни одной минуты.

— Ваше величество, благоволите познакомиться с постановлением кабинета министров, — сказал де Моллюск, открывая папку из крокодиловой кожи.

— Что это?

— Это постановление о запрещении забастовки угольщиков и электриков.

— А почему они забастовали?

— Требуют прибавки к заработной плате на десять процентов.

— Только-то и всего? А не проще ли прибавить им эти десять процентов?

— Хозяева не соглашаются, ваше величество.

— Почему?

— Уменьшается прибыль. Благоволите поставить свою визу на постановлении.

— Я отменяю... как это говорится?.. Я отменяю своей королевской волей это постановление!

— Но, ваше величество...

— Что «но»?..

— Это беспрецедентный случай в государственной практике Карликии! Наши короли уже двести лет не накладывают вето на постановления своего правительства.

— Но я не король, а королева, герцог, а у женщин сердца мягче, чем у мужчин, — улыбнулась Оксана. — Послушайте, герцог, право же, люди не будут бастовать от хорошей жизни! Пусть они не работают, пока хозяева не выполнят их требования. Давно они уже бастуют?

— Шахтёры вторую неделю, а рабочие-электрики забастовали только сегодня.

— Совсем малость... Дайте-ка мне это постановление...

И Оксана подумав, крупно написала на протянутой ей бумаге: «Нет».

— Что ещё у вас, герцог?

— Всё, ваше величество.

— Вы свободны, герцог.

Де Моллюск попятился к порогу. И пока за ним не закрылись тяжёлые двустворчатые двери красного дерева, она видела на его лице полнейшую растерянность и изумление.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Теперь королеве больше не хотелось спать, хотя первая фрейлина и уложила её в постель.

Оксана лежала на огромной кровати посреди зала, именуемого королевской спальней, и от скуки разглядывала лепные украшения на потолке. В самом центре парили на своих крылышках улыбающиеся амуры, готовясь поразить королеву серебряными стрелами. А в углах спальни четыре нимфы поддерживали гирлянды из роз, которые, ниспадая, тянулись под потолком вдоль всех стен. Затем Оксана перевела взгляд на резную спинку кровати и подумала, что под нежнейшим розовым одеялом на этой кровати могла бы уместиться половина девочек из её десятого класса.

На изящной белой тумбочке, отделанной слоновой костью, Оксана обнаружила кнопку телевизора, нажала её и прямо перед ней на стене засветился большой голубой экран. Подвижный и, как показалось Оксане, обрадованный телевизионный комментатор, взмахивая то и дело руками, сообщал зрителям, что вето её величества королевы Изабеллы поставило угольный и электроэнергетический концерны в весьма затруднительное положение. Сегодня ночью правления двух концернов соберутся на совместное заседание, чтобы определить своё отношение к решению юной королевы. Что касается кабинета министров, то он уже заседает в обстановке полной секретности; по всей вероятности, премьер-министр сегодня обратится к её величеству за дополнительными разъяснениями.

Оксана отбросила одеяло и выпрыгнула из постели. Ей было весело: как быстро, однако, стало известно всей стране о её вето!

Королева набросила на плечи халатик и на цыпочках подошла к белой, с золотыми разводами двери. В приоткрытую дверь она увидела на диване соседней комнаты первую фрейлину, академика Флокса и офицера королевской охраны с аксельбантами. Первая фрейлина пожимала плечами, закатывая глаза, и Оксане показалось, что она расслышала, как графиня несколько раз повторила трагическим шёпотом слово «вето». Офицер неопределённо посмеивался, а Флокс безмолвно тряс белой бородкой.

Ветер раздувал портьеру на открытом окне. Оксана отодвинула портьеру и вошла на мраморный подоконник. Заходящее солнце на несколько секунд ослепило её. Зажмурив глаза, она с наслаждением вдыхала свежий аромат цветов и зелени парка. А что, если погулять по парку? Неужели она должна спрашивать разрешения у графини? Нет уж, дудки!

С подоконника — на балкон, с балкона по широкому карнизу — до белой колонны, а там она легко спрыгнула на площадку перед наружной дверью и по мраморной лестнице спустилась на посыпанную синим песком аллею.

Удивительно устроена природа! Утром в горах она видела зиму, а здесь совсем тепло, зеленеют деревья и цветут цветы!

Парк был очень велик и, пожалуй, красив несколько больше, чем следует.

Слишком ровно росли в нём, будто в парикмахерской подстриженные, деревья, слишком много ровных дорожек пересекали его во всех направлениях, слишком часто на пути возникали величественные цветочные клумбы и уж совсем часто из-под земли били, сплетаясь и расплетаясь, журчащие и посвистывающие струи фонтанов. На крошечных озёрах плавали белые и чёрные лебеди, какие-то птицы резвились на деревьях.

И ни одного человека! Пустые дорожки, пустые скамьи, пустые беседки... Да разве может этот парк сравниться с теми густыми и кудрявыми лесами, пахнущими мятой и грибами, с поросшими осокой ручьями и озерцами, по которым в жаркий летний день на длинных тоненьких ножках стремительно пробегают водяные жучки? Сколько раз она ходила по грибы в эти леса, когда приезжала к бабушке и дедушке.

Для кого растили и холили этот парк? Неужели для одного человека?

Она шла вдоль очень высокой ограды, слышала приглушённый шум города и один раз отчётливо разобрала, как прокричал мальчишка-газетчик:

— Сенсационная новость! Королева отменила запрещение на забастовку угольщиков и электриков! Акции падают! На бирже паника!

Наконец-то Оксана увидела в парке людей. В самом дальнем уголке у небольшого флигеля перед ней быстро встала со скамьи хорошенькая молодая женщина, по-видимому садовница. А за ней неторопливо поднялся угрюмый, очень высокий парень в солдатской форме.

— Ваше величество! — дрожащим голосом проговорила хорошенькая садовница и вдруг упала перед Оксаной на колени. — Простите нас, ваше величество!

— За что? — с искренним изумлением воскликнула Оксана. — Прошу вас, встаньте. Это отвратительно, когда люди становятся на колени!..

— Ах, ваше величество! — быстро говорила садовница, поднимаясь и тщательно отряхивая платье. — Мой Поль получил сегодня в части увольнительную на один день...

Оксана приветливо улыбнулась:

— Вероятно, он ваш жених?

— Значит, вы не сердитесь на нас, ваше величество? — робко спросила молодая садовница.

— Да за что же я должна на вас сердиться?

— Ведь вы запретили мне встречаться с ним...

— Я?!

— Вы, ваше величество... — вздохнула Марго. — А мы так любим друг друга! И отец не против, чтобы мы поженились...

— Ну, так и женитесь, пожалуйста!

Лица жениха и невесты засветились, как электрические лампочки.

— Спасибо, ваше величество! Какое у вас доброе сердце! Поль, благодари её величество!

— Спасибо, — поморгав глазами, сказал Поль и кашлянул.

— Значит, нас обманул мажордом, — журчал голос Марго. — Он говорил, что спрашивал у первой фрейлины, а первая фрейлина будто бы спрашивала у вас.

А вы, ваше величество, будто бы ни в какую не согласны! Вроде бы вы так и сказали: если, мол, хочет Марго выходить замуж, пусть вместе со своим отцом убирается вон из парка! А куда мы можем пойти, ваше величество? Я спросила мажордома, почему бы королеве, то есть вашему величеству, не разрешить нам поселиться в этом флигеле? А королева, то есть вы, ваше величество, будто бы сказали первой фрейлине, что не хотите превращать парк в проходной двор!

— Ох, уж эта мне первая фрейлина! — проворчала Оксана негромко. — Я только сегодня подумала, что в этом парке очень безлюдно и скучно.

— Значит, ваше величество, Полю больше не нужно прятаться, когда он приходит ко мне?

— Ну конечно, нет! Скажите, Марго, а каким образом Полю удаётся приходиться сюда незамеченным? — вдруг оживилась королева. — Наверно, вам известен тайный ход, через который могла бы пройти и я?

— Какой там ход, ваше величество! — моргая глазами, пробасил Поль. — Посмотрите на мой рост... Два метра десять сантиметров! Я просто перемахиваю через забор, когда часовой смотрит в другую сторону!

— Жаль, — сказала королева печально. — Скажите, пожалуйста, не солёные ли огурцы в большой миске лежат на вашем столе? Вон, я вижу ту миску, в открытом окне...

— Огурцы, ваше величество, — растерялась Марго. — Я знаю, от них очень сильно пахнет чесноком... Извините, пожалуйста, мой отец очень любит чеснок... Я их спрячу сейчас в холодильник!

— Наоборот, — смущённо сказала Оксана, — я хотела просить вас, чтобы вы угостили меня одним огурчиком.

— Господи! — засуетилась Марго. — Съешьте хоть пяток. Да нет, хоть целый десяток! Заходите в дом, ваше величество!

— Заходите, ваше величество, — поморгал глазами великан Польш.

— Очень люблю солёные огурцы, особенно если они с чесноком, — сказала Оксана, входя в маленькую, оклеенную обоями комнату и усаживаясь за стол, накрытый весёлой, яркой клеёнкой. — Ух, какие они крепкие и ароматные! — прибавила она, с хрустом разгрызая огурец и жмурясь от удовольствия. — У моей бабушки тоже получают очень вкусные огурцы.

Марго и Польш недоуменно уставились на королеву.

— Простите, ваше величество, мы не ослышались: вы сказали «у моей бабушки»?

— Да...

— Да неужели же ваша бабушка... солила огурцы?

— И еще как! Солила и солит!

Марго и Польш со страхом переглянулись.

— Покойная королева солит огурцы? — Марго начала заикаться. — Ваше величество, я или... не дай бог...

— Ага, — улыбнулась Оксана, — вы думаете, что я сошла с ума? Так я вам скажу всю правду, раз уж проговорилась... Знайте же, что я совсем не королева! Меня сделали королевой силой!

И Оксана подробно рассказала о своём стремительном восхождении на престол.

— Вот так дела! — вырвалось наконец у надолго онемевшей от изумления садовницы. — Теперь-то я понимаю, почему вы говорите с таким акцентом.

— И я теперь понимаю, почему вы разрешили бастовать шахтёрам и электрикам! — проговорил Польш, довольно потирая руки. Его флегматичность словно сдуло ветром, он широко улыбался и подмигивал своей невесте. — Только вы уж побудьте королевой подольше! Народ будет доволен!

— И то верно! — сказала Марго. — Если вы станете упорствовать и утверждать, что вы не королева, а русская девушка, академик Флокс вас быстренько упечёт куда-нибудь под наблюдение психиатров! Очень-то вам нужно, чтобы газеты написали, будто наша королева сошла с ума!

— Но что же мне делать? — спросила Оксана, с трудом сдерживая подступающие слезы. — Я не хочу быть королевой!

— Мы вам поможем, — успокоила её Марго. — Дайте только срок... Уж и не знаю, как вас теперь называть?..

— А по-моему, — пробасил весёлый Поль, который всё ещё не мог успокоиться и продолжал потирать руки, — надо по-прежнему вас называть — ваше величество... Ух, ваше величество, вы даже не подозреваете, как довольны шахтёры и электрики! Хотя, конечно, при нашей до-роговизне прибавка в десять процентов не так уж много значит.

Оксана задумалась.

— А какая же должна быть зарплата, чтобы она что-нибудь значила?

— А вот какая, — поморщив лоб, сказала Марго. — Надо, ваше величество, взять счёты и подсчитать, сколько требуется на жизнь одному человеку.

Арифметика простая... Сколько, допустим, в один день съедает хлеба рабочий человек? Положим это на счёты... Дальше: хотя бы двадцать граммов масла нужно одному человеку в день? Нужно! Положим и масло на счёты. Теперь возьмём мясо. Установим по двести граммов на человека... Дальше пойдут овощи, ну и так далее, ваше величество. Сюда надо и квартирную плату прикинуть, и стоимость городского транспорта, ну и одежонку, конечно! А дети, ваше величество? Ведь обувь горит на их ногах! Всё это надо сложить — вот и будет ясно, какая сумма полагается трудовому человеку каждый месяц. Пусть хозяева почешут голову! Если хочешь платить больше этой суммы — пожалуйста! А меньше платить не смей, потону что на этот счёт есть королевский указ!

— Такой указ будет! — горячо сказала Оксана. — Послушайте, Марго, у вас профессорский ум!

— Уж и не говорите, ваше величество, — заметил Поль. — Я иной раз диву даюсь, до чего она толкова.

— Я сделаю вас, Марго, королевской помощницей!

— Нет уж, ваше величество, — усмехнулась Марго, — никто меня во дворец не пустит! Для этого надо быть графиней или герцогиней... Или хотя бы, на худой конец, какой-нибудь маркизой...

— Вы будете маркизой!

— Нет, ваше величество, не надо. Уж больно высоко занесёт меня, и тогда Поль не дотянется до Марго даже при своём росте!

— Да, ваше величество, — забеспокоился Поль, — дворец — это не ограда в парке!

— Не беспокойтесь, друзья! — ликующим голосом сказала Оксана. — Пока мне не удалось отсюда сбежать, я сделаю что-нибудь хорошее и для вас. Поль тоже получит звание маркиза и будет произведён в генералы.

— Ой, не надо в генералы, ваше величество! — испугался Поль. — Мне достаточно быть капралом.

— Хорошо, Поль, я вам дам чин поменьше: вы будете полковником! Хорошо?

— По рукам! — быстро ответила Марго.

А Поль всё ещё колебался, морщась и почёсывая затылок.

— Что же вы молчите, Поль?

— Страшно, — признался он, — да уж ладно, ваше величество, будь по-вашему, я согласен на генерала. Эх, посажу я на гауптвахту своего полковника, который целый месяц не отпускал меня к Марго!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Когда Оксана возвращалась во дворец, в воздухе уже похолодало. Солнце скрылось за деревьями, и на западе в чистом небе ярко горела первая вечерняя звезда.

Оксана продрогла в своём лёгком халатике и поэтому бежала ко дворцу напрямик сквозь заросли кустов, по мягким зелёным газонам. Скоро её халатик стал совсем мокрым от росы.

У самого дворца перед ней выросла щеголеватая фигура начальника королевской канцелярии.

— Ваше величество, прошу вас выслушать меня, — склоняя голову и прикладывая руку к сердцу, возбуждённо проговорил де Моллюск.

— Я вас слушаю, герцог, — ответила королева, пританцовывая на аллее и постукивая зубами. — Только, если можно, поскорее!

— Несколько секунд, ваше величество... Я обещал вам дать доказательства злоупотреблений первой фрейлины.

— Ну? — нетерпеливо подёрнула она плечом.

— В ридикюле первой фрейлины, ваше величество, лежит принадлежащая вам бриллиантовая диадема стоимостью полтора миллиона!

— Ждите меня в кабинете! — сказала королева, несколько не удивляясь услышанному, и прибавила уже на ходу: — Да, чтобы не забыть... Опубликуйте, пожалуйста, мой указ о присвоении титула маркизы Маргарите Шарман, а также титула маркиза и звания генерала Полю Грананж.

— Слушаюсь, ваше величество, — послушно проговорил начальник канцелярии, шагая рядом с королевой и записывая на ходу её распоряжение. — Итак, — повторил он, — Маргарита де Шарман и Поль де Грананж...

В спальне королеву поджидала первая фрейлина её величества графиня Жозефина де Пфук. Она ходила из угла в угол большими мужскими шагами, сухая, длинная и нестигающаяся, прижимая одной рукой к своему корсажу большой золотистый ридикюль. Другую руку графиня то и дело подносила к горлу, словно её душили чьи-то пальцы, и она силилась освободиться от этих злых пальцев.

Увидев королеву, графиня остановилась и быстро заговорила:

— О, как вы жестоки, ваше величество! Простите меня за эти слова, но я не могу не высказать их! Только подумать, что величайшая из королев Европы, как девчонка-простолюдинка, вылезает из своей спальни в окно! Вы посмотрите в зеркало, ваше величество, на кого вы похожи! Бог мой, королева в неглиже ходит по парку! Теперь я вижу, что пять лет, проведённые в заокеанском пансионе, дали свои плоды... Не говоря уж об ужасающем американском акценте, вы позабыли элементарнейшие правила этикета!

После каждой фразы фрейлина нервно вздёргивала лошадиной челюстью.

— Боже! Вы смеётесь, ваше величество!

— Мне совсем не весело, графиня! Прошу вас пройти со мной в кабинет.

В кабинете де Моллюск уже стоял с непроницаемым липом у письменного стола.

Своим тонким придворным нюхом первая фрейлина почувствовала недоброе и в растерянности остановилась посреди кабинета.

— Герцог, — будто бы между прочим проговорила королева, — не правда ли, у графини прелестная сумочка?

Де Моллюск поперхнулся.

— Так точно, ваше величество!..

— Графиня, — продолжала королева, — не разрешите ли вы мне взглянуть на вашу сумочку поближе?

Первая фрейлина что-то пробормотала и не сдвинулась с места.

— Будьте любезны, герцог, помогите графине показать мне сумочку.

Де Моллюск протянул к первой фрейлине руку, но она попятилась и истерически вскрикнула:

— Нет!..

— Вы не хотите мне показать её? — удивлённо подняла брови королева.

Первая фрейлина трясущейся рукой протянула ридикюль Оксане, та взяла его и тут же уронила.

— Ах! — вскрикнула королева. — Что это вывалилось из сумочки?

Герцог быстро согнулся и поднял с ковра засверкавшую в его руке бесчисленными искрами бриллиантовую диадему.

— Это ваша диадема, ваше величество. Второй такой нет во всём мире! Мне только непонятно, как она попала в ридикюль графини...

— Подбросили! — вдруг завопила первая фрейлина, вскидывая свой тяжёлый подбородок и выкатывая глаза. — Подбросили!

— Это невозможно, графиня, — холодно сказал де Моллюск, — ключ от сейфа с драгоценностями её величества всегда хранился у вас. Он и сейчас находится в вашем ридикюле... Вот он!

Графиня вдруг упала на колени и зарыдала. Оксана видела, как она раскачивается из стороны в сторону, слышала её рыдания, напоминающие квохтание рассерженной клуши, и никак не могла решить, что делать дальше.

Сердобольной Оксане даже стало немного жалко первую фрейлину — она не выносила ничьих слез, да ещё слез старого человека. Оксана выжидательно посмотрела на де Моллюска. На его гладко выбритом и напудренном лице застыла ироническая ухмылка.

— Обратите внимание, ваше величество, — проговорил он негромко, — на одно весьма странное обстоятельство: графиня рыдает, как на похоронах собственной мамы, а меж тем на её лице не видно ни одной слезинки...

— Дрянь! — вдруг визгливо крикнула де Моллюску первая фрейлина, переставая рыдать и поднимаясь. — Выскачка! Да знаешь ли ты, что мои предки служили при дворе Карла Великого, а твой прадед торговал восточными пряностями и купил себе титул герцога!

— Ха-ха! — серьёзно сказал выскачка. — Меня душат слезы умиления от геральдических познаний этой особы!

— Клоун! — провизжала первая фрейлина. — Он смеет, ваше величество, разговаривать в вашем присутствии на шутовском языке! Он забывает, что это не рынок, а дворец!

— Душат слезы! — повторил выскачка. — Я прошу, ваше величество, решить, кто из нас в настоящую минуту больше походит на... представителя рынка!

Наступила пауза. В тишине было слышно, как тяжело дышит первая фрейлина.

— Я понимаю, ваше величество, что оставаться во дворце мне больше нельзя, — наконец снова заговорила она.

— Да, конечно, — подтвердил де Моллюск, усмехаясь. — Это самое разумное, что вы сказали сегодня.

Графиня вдруг упала на колени и зарыдала

— Хорошо, я уйду! Но я уйду, хлопнув дверью! — злобно проговорила она, пронизывая начальника королевской канцелярии ненавидящим взглядом. — Ваше величество, попросите герцога показать королевскую чековую книжку, которой он имел право пользоваться только по вашему указанию.

В вечернем сумраке, как бы ползущем из углов кабинета, стало видно, как побелело и без того белое от пудры лицо де Моллюска.

— Он молчит, ваше величество! — торжествующе вскрикнула графиня де Пфук. — Он молчит, потому что ему нечего сказать! Но всё-таки заставьте его дать отчёт, зачем он выписал чек и куда истратил сто тысяч накануне вашего приезда из Америки!

Де Моллюск не шевелился.

— Почему вы не отвечаете, герцог? — спросила королева, с любопытством взглянув на его застывшую, будто статуя, фигуру.

— Потому, ваше величество, — глухо ответил де Моллюск, — что мне действительно нечего сказать... Я полагал, что вы простите мне эту вольность в связи с некоторыми финансовыми затруднениями...

«Один стоит другого! — подумала Оксана. — Ну и дворец! Скорей бы мне отсюда выбраться! Как хочется домой!..» В эту минуту тяжёлая дверь королевского кабинета бесшумно открылась, и она услышала торжественный голос:

— Их сиятельства маркиза де Шарман и генерал де Грананж!

Даже в сумраке было видно, как сверкают генеральские эполеты и аксельбанты Поля. А как была великолепна садовница Марго в вечернем туалете королевской фрейлины!

— Добрый вечер, ваше величество, — пропела маркиза каким-то чрезмерно тоненьким голоском.

Королева приветливо помахала вошедшим рукой. Теперь она знала, как ей следует поступить.

— Ваше величество, — печально кашлянул де Моллюск, — кому я должен передать королевскую печать и чековую книжку?

— Генералу де Грананжу. Я назначаю вас, генерал, начальником королевской канцелярии, а вас, маркиза, я прошу быть моей первой фрейлиной.

— Я, ваше величество, не возражаю, не боги горшки обжигают, — сказала маркиза обычным голосом садовницы Марго, но, вдруг спохватившись, тоненько прибавила: — А вот насчёт генерала я не совсем уверена... Справится ли он, ваше величество?

— Вы уж лучше за собой последите, маркиза, — сердитым басом сказал генерал. — А мы в своём деле как-нибудь и сами разберёмся!

Графиня де Пфук и герцог де Моллюск поклонились и молча удалились. Как только за ними закрылась дверь, королева взволнованно сказала:

— Генерал, велите арестовать их, пока они не скрылись! Я не успела их задержать.

— А зачем, ваше величество, их арестовывать?

— Они воры, их надо судить!

— Ну тогда я мигом, ваше величество!

Едва он вышел, как ей доложили:

— Премьер-министр с членами правительства вашего величества.

— Пусть войдут, — сказала Оксана.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В кабинет, неслышно ступая, вошла толпа мужчин, и маленький лысый человек произнёс тусклым, усталым голосом:

— Королевское правительство свидетельствует вашему величеству верноподданническую любовь.

— Здравствуйте, господа, — сказала Оксана. — Но я плохо вижу вас, стало совсем темно. Зажгите, пожалуйста, свет. Где здесь выключатель?

— Не ищите выключатель, ваше величество, — вздохнул лысый, и Оксана догадалась, что он и есть премьер-министр.

— Почему?

— Потому что света нет и не будет! В городе остановились трамваи и троллейбусы, метрополитен бездействует, ни один поезд не пришёл в столицу и не ушёл из неё. — Премьер-министр повысил голос: — Но этого мало, ваше величество: остановились все фабрики и заводы, закрылись магазины и рестораны! Мы терпим неслыханные убытки!

— Вы сказали «мы», господин премьер?

— Да, ваше величество.

— Будьте любезны, объясните мне, кого вы подразумеваете под этим местоимением?

Он помолчал, не сразу найдя ответ.

— Я полагаю, что ваш государственный ум, несмотря на вашу очаровательную молодость, может самостоятельно ответить на этот вопрос.

— Мой государственный ум, господин премьер-министр, ждёт вашего ответа.

В толпе министров зашептались, очевидно подсказывая премьеру ответ.

— Я полагаю, что «мы» — это народ... — не совсем уверенно сказал премьер-министр. — А первостепенной задачей королевского правительства всегда была забота о народе.

— Итак, из вашего объяснения я поняла, что народ терпит неслыханные убытки из-за этой забастовки.

— Совершенно точно, ваше величество.

— Но почему же народ бастует, господин премьер?

Министры опять зашептались.

— Бастуют, ваше величество, электрики и угольщики...

— А разве электрики и угольщики не народ?

— Да простит меня моя королева, но меня сейчас интересует не энциклопедическое определение слова «народ»... Нас всех, ваше величество, беспокоит и удручает другое...

— Что?

— Позвольте мне ответить, ваше величество, — раздался вдруг сипловатый тенорок.

— Я не вижу в темноте, кто у меня попросил слова?

— Министр финансов, — ответил тенорок и возбуждённо продолжал: — Нас удручает то обстоятельство, ваше величество, что забастовка электриков и угольщиков воленс-ноленс¹ ударила по экономике всего государства, по всем отраслям хозяйства. Каждая минута забастовки в диких пропорциях наращивает кредит и в таких же пропорциях уменьшает дебет государства, таким образом баланс...

— Господин министр, — вдруг перебила его певучим голосом маркиза де Шарман, — а вы бы сказали попроще... Так, мол, и так, ваше величество, я не только министр финансов, но ещё и крупный акционер и каждую минуту теряю на бирже столько-то франков...

— Каждую минуту я лично теряю двенадцать тысяч франков, — с тоской в голосе подтвердил министр финансов.

— Ну вот теперь и понятно ваше беспокойство, — продолжала маркиза, — а то «дебет», «кредит», «баланс»...

— Все мы теряем! — вырвался у кого-то в толпе страдальческий вздох.

— Все! — подхватили хором члены королевского правительства, завздохали и задвигались во мраке.

— Ваше величество, — оживился премьер-министр, — я не имею удовольствия знать имени дамы...

---

¹ Воленс-ноленс (*лат.*) — волей-неволей.

— Маркиза де Шарман, — сказала королева, незаметно пожимая руку Марго, — наша первая фрейлина и советница.

— Маркиза весьма остроумно, хотя и несколько прямолинейно повернула обсуждение вопроса. Но надо ли нам что-нибудь скрывать от нашей королевы и благодетельницы?! Я должен заметить, ваше величество, что лично я, премьер-министр вашего правительства, теряю больше всех, ибо являюсь одновременно председателем правления энергетического концерна!

— Ах, как я вам сочувствую, господин премьер! — покачала головой королева.

— Смотрите-ка, а за окнами я вижу какой-то свет...

Действительно, окна и стеклянные двери, выходящие в парк, слабо осветились и на стенах и потолке задвигались неровные розовые отсветы.

Маркиза посмотрела в окно.

— Это мой отец... простите, это ваш садовник, ваше величество, сжигает на костре сухие ветки и опавшие листья.

— Как хорошо! — воскликнула королева. — Пойдёмте к свету, господа! Я очень люблю сидеть у костра! Там мы и обсудим вопрос о дебете и кредите и, как говорится, подведём баланс!

— Это прелестно, ваше величество! — сказал повеселевший премьер-министр, предлагая королеве руку, на которую она могла бы опереться. — Я сам иногда люблю убежать от цивилизации и подремать у охотничьего костра. Сразу начинаешь понимать, что ты не очень далеко ушёл от питекантропа.

Двери в парк распахнулись, сразу запахло сыростью и горьковатым дымком.

Королева спустилась по широким ступеням в парк и направилась к костру.

Кто-то принёс кресло, она села в него, протягивая к огню руки и ноги, и обвела взглядом министров, обступивших костёр тесным кольцом. Все они явились во дворец в парадных фраках. И лица их были теперь ясно видны. Вот стоит низенький лысый премьер-министр с твёрдым квадратным подбородком и маленькими глазками, над которыми, как две щётки, вздымаются рыжие брови.

Его жёсткое лицо непроницаемо спокойно... Вот министр финансов... у этого лицо, как у старой бабы, обвисшее и рыхлое, а широко расставленные глаза бегают из стороны в сторону. А вот стоит моложавый министр с усиками, вперив в королеву взгляд, полный подобострастия. Чем-то он похож на герцога де Моллюска. Рядом с ним вытянулся высоченнейший

и плечистый мужчина с отвисшими, как у бульдога, щеками и почему-то очень большими мешками под глазами. «Пьяница», — решила Оксана.

Рассматривая эти чужие лица, Оксана опять с тревогой думала о своих друзьях, о доме... Скорей бы ей выбраться отсюда, скорей бы её нашли. Но как подать о себе весть? Что предпринять?..

Костёр весело потрескивал.

— Теперь бы в самый раз испечь в костре картошку! — сказала королева. — Ах, как это вкусно, когда она припахивает дымом!

— Её величество, вероятно, вспоминает весёлые пикники, — рявкнул министр с бульдожьим лицом, радостно выкатывая глаза.

— Вы правы, — улыбнулась королева. — И когда мы садились у костра, то очень часто распевали одну песенку: «Тот не знает наслаждения, кто картошки не едал...»

Министры делали вид, будто им очень весело. Премьер сделал шаг вперёд и протянул королеве бумагу.

— Что это? — удивилась она.

— Ваш указ, ваше величество... Подпишите вот здесь...

— Мой указ?

— Так точно, ваше величество... Указ о запрещении забастовки электриков и угольщиков.

— У меня стала портиться память, — вздохнула она, — не могу вспомнить, когда я сочинила эту бумагу.

— Мы сочинили её за вас, ваше величество, — сдержанно сказал премьер, и его щека мелко задёргалась. — Мы не хотели утруждать вас... Подпишите, бога ради, ваше величество!

— Подпишите, ваше величество! — повторили жалобно министры и умолкли.

Было слышно, как в тишине потрескивает костёр и шелестят листья на старых дубах.

— Господин премьер-министр, — сказала вдруг Оксана, — а вы когда-нибудь думали о том, почему люди бастуют? Гм... Вероятно, есть причина, которая заставляет их бастовать?

— Такой причины нет, ваше величество! В нашей стране весьма высокий жизненный уровень...

— Весьма высокий жизненный уровень, а люди бастуют! — усмехнулась королева. — Где же логика, господин премьер-министр?

Он не нашёл что ответить.

— Господа министры, — продолжала королева, — я собираюсь издать указ о том, какая должна быть зарплата у простых людей в нашей стране...

Оксана умолкла, вспоминая всё, что ей говорила Марго в домике садовника.

«Да ведь лучше, чем Марго, я всё равно не скажу», — подумала она и громко прибавила:

— Маркиза де Шарман сейчас объявит кабинету министров наше королевское решение. Прошу вас, маркиза!

Маркиза сделала судорожное движение головой, зачем-то потрогала пальцами свою пышную причёску и откашлялась.

— Значит, так, господа министры, — начала она, морща лоб, — вы только не пугайтесь, но дело это стоящее... Вы, молодой человек, станьте подальше от костра: огонь как раз к вашей правой штанине подбирается... Долго ли до греха! Так вот, надо бы нам сюда счёты, хотя, конечно, можно и без них обойтись, потому что арифметика тут не такая уж сложная...

Министр финансов трясущимися руками вынул из портфеля маленькую счётную машинку.

— К вашим услугам, ваше сиятельство... Эта машина всегда при мне...

— Первое, сколько хлеба съедает человек за один день, — продолжала маркиза.

— Я совсем не ем хлеба, — усмехнулся министр со щеками бульдога.

— Да, разумеется, хлеб можно не считать, — иронически проговорил министр, похожий на де Моллюска. — От него только толстеешь. Кто же, господа, ест омары и устрицы с хлебом?

— Я даже черепаховый суп ем без хлеба, — вставил министр финансов.

— Ну что ж, — в тон ему сказала Марго, — в таком случае, господин министр финансов, посчитайте на своей машинке стоимость омаров, устриц и черепах, которых, кажется, вы доставляете в Гриж на самолётах с Канарских островов.

Я думаю, что одна такая черепаха стоит не меньше, чем вагон хлеба!.. Ну что вы уставились на меня? Ладно уж, выстукивайте полкилограмма хлеба...

Дальше посчитайте коровье масло — двадцать граммов на нос — уж меньше никак нельзя...

Когда подсчёт был закончен, министр финансов, бледный от напряжения, схватился за сердце и упал бы в костёр, если бы его не подхватили другие министры.

— Нет, нет, ваше величество, — шепнули его перекошенные губы, — лучше прибавить десять процентов угольщикам и электрикам...

— Когда ваше величество собирается обнародовать реформу о заработной плате? — спросил в наступившей тишине премьер-министр.

— Немедленно! — сказала королева.

И, сопровождаемая маркизой де Шарман, она направилась во дворец, огромные окна которого наконец осветились. Это спящие по залам слуги зажигали свечи, как века назад, когда люди ещё не знали электричества.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Прежде чем покинуть дворец вашего величества, — сказал премьер-министр у порога королевского кабинета, — да будет мне позволено задать один вопрос.

— Задавайте, — кивнула королева, глядя, как вокруг свечи на письменном столе вьётся яркий мотылёк.

Премьер-министр помялся.

— Вопрос в некотором роде конфиденциальный... — Он бросил взгляд на маркизу де Шарман, которая стояла у письменного стола, подняв голову и скрестив руки.

— У меня нет секретов от моей первой фрейлины, господин премьер-министр.

— Вопрос касается именно первой фрейлины, ваше величество... Во дворце и в кулуарах правительства циркулируют странные слухи об аресте первой фрейлины графини Жозефины де Пфук и начальника королевской канцелярии герцога де Моллюска.

— Да, они действительно арестованы за воровство и будут отданы под суд... — сказала королева. — Ах, какой непонятливый мотылёк! Да улетай ты подальше от свечки, милый! Ведь ты сожжёшь крылышки!

Премьер-министр сделал два шага в сторону письменного стола и развёл руками.

— Ваше величество, мне показалось, что я ослышался! Я потрясён! Вероятно, вы не совсем ясно представляете, ваше величество, чем чреват этот печальный случай для престижа королевского двора и всей Карликии... Их нельзя отдавать под суд!

— Впервые слышу, что воров нельзя судить!

— Бог мой, какие слова вы произносите, ваше величество! Как только слухи об этом просочатся в печать, вас поднимут на смех и опозорят газетчики всех континентов. Воры во дворце её величества! Такого ещё не было в истории Карликии... а если и было, то об этом никто не знал, и никакая тень не падала на ваших предков...

— Да что же с ними делать?

— Отпустите их с миром, ваше величество... А газетам мы сообщим, что они ушли в отставку по болезни...

— Ах, как мне надоело всё это! — В голосе королевы зазвучало раздражение. — Хорошо, пусть уходят с миром или без мира, как заведено в этом королевстве. Вы даже можете увезти их в своей машине, господин премьер-министр.

— Где они, ваше величество?

— Не знаю...

— Сидят в подвале, — сказала маркиза, — их стережёт Поль... тьфу, простите, генерал де Грананж. Я уже говорила этому дурню, чтобы он велел солдатам охранять их, но Поль, тьфу, генерал де Грананж упёрся, как бык. Говорит, что с поста его может снять только одна королева, то есть вы, ваше величество.

Королеве пришлось спуститься в подвал. Премьер-министр освещал ей и маркизе дорогу карманным фонариком. Стёртые каменные плиты неторопливо проплывали в узком серебряном лучике, пахло пылью и чем-то затхлым, как пахнет обычно в помещении, которое очень давно не проветривалось. Они долго шли по узкому проходу и наконец увидели впереди огонёк.

Генерал де Грананж, прикрепив свечу к перевёрнутому ящику, играл с солдатам в карты.

— Успел уже! — сердито сказала маркиза. — Как несмышлёный ребёнок — ни на минуту нельзя отпустить!

Генерал и солдат вытянулись перед королевой.

— Ваше величество! — сказал генерал, слегка покачиваясь. — Не обращайтесь внимания на то, что она ворчит... Ну какая женщина не ворчит, если видит такое? Но мы выпили, ваше величество, от страха! Ей-богу, от страха! Графиня вопит за этой дверью, что её и герцога замучили привидения!

Маркиза вскрикнула и закрыла ладонью рот. Королева с любопытством посмотрела на тяжёлую дубовую дверь.

— Это интересно, я видела привидения только в кино и всегда была уверена, что на самом деле никаких привидений не существует!

— Не гневите господа, ваше величество! — быстро сказала маркиза. — Да кто же не знает, что во дворцах и старых замках по ночам очень часто разгуливают привидения?

Королева с улыбкой взглянула на премьер-министра, но тот только развёл руками.

— Откройте дверь и отпустите арестованных домой, — распорядилась она.

Генерал зазвенел ключом и распахнул дверь. Раздался стон, на пороге появилась графиня. Она судорожно хватала неповинующимися руками дверную раму. Следом за ней двигался герцог, он тоже казался испуганным и бледным.

Премьер-министр быстрым движением поддержал графиню, почти свалившуюся на его руки, и повелительно сказал:

— Воды!

Зубы графини застучали о стакан.

— Боже мой! — наконец выдохнула она. — Боже мой, какой это был ужас! Я видела и слышала каких-то людей в белых саванах.

Графиня медленно приходила в себя, но она всё ещё дышала тяжело и часто, и даже при слабом свете свечи было видно, как вздрагивают пальцы на её бессильно опущенных руках.

«Зачем она устраивает этот спектакль? — подумала королева. — Неужели она считает нас полными дураками? Впрочем, Марго, кажется, ей верит... А может быть, графиня сошла с ума?»

Словно угадав её мысли, графиня прошептала:

— Сначала я решила, что схожу с ума... Но герцог видел и слышал то же, что и я...

Королева посмотрела на герцога де Моллюска. Он стоял, прислонившись к стене, не двигаясь, полузакрыв глаза. Однако герцог почувствовал обращённый на него взгляд королевы, поднял веки и тихо проговорил:

— Это действительно так, ваше величество...

Тут даже Оксане стало чуточку не по себе, несмотря на то что она никогда не верила ни в какую чертовщину. Она понимала, что герцог и графиня не могли сговориться — слишком они ненавидели друг друга. Но в таком случае, кого они видели?

— Посветите мне, генерал, — сказала она и переступила порог.

В крошечном помещении, похожем на кладовку, было ещё более душно. В гранитных стенах, сложенных, должно быть, столетия назад, торчали кольца с проржавевшими цепями, которые свешивались на пол и, свернувшись змеями, лежали на каменных плитах. Оксана сделала шаг, споткнулась во мраке о цепи и услышала, как они издали короткий, суровый звон. Может быть, кто-нибудь годами томился в этой страшной темнице, не видя света.

— Генерал, — сказала королева виноватым голосом, — вы не должны были сажать их в этот отвратительный погреб...

— А куда же мне их сажать, ваше величество? — обиженно пробормотал генерал. — Другой гауптвахты во дворце днём с огнём не отыскать... Спросите хотя бы этого солдата. Мы с ним всё подземелье облазили...

— Так точно, ваше величество! — подтвердил солдат, выкатывая посоловевшие глаза так старательно, что ей стало смешно, и все её страхи сразу кончились.

— Но я не вижу белых саванов, — сказала она улыбаясь.

— О, — простонала графиня, — один из них вышел из этого угла... А другой... другой наполовину высунулся вот из этой стены...

— И из этой... — тихо прибавил герцог.

— Спаси и защити, пресвятая дева! — пролепетала насмерть перепуганная маркиза де Шарман, осеняя себя крестным знамением.

— Аминь, — в тон ей проговорил генерал де Грананж и тоже перекрестился.

— Что же говорили эти саваны?

— Они ничего не говорили, ваше величество! — воскликнула графиня. — Они хохотали!

— Хохотали?

— Дико хохотали, ваше величество! До сих пор мороз подирает меня по коже!

— Странно, — пожала плечами королева.

— Слово герцога, ваше величество! — с достоинством проговорил де Моллюск, видя, что она всё ещё сомневается.

— Но почему же эти привидения больше не появляются?

— Э-э, ваше величество, — пробасил генерал, — привидения никогда не появляются, если много народа! А вот мой кузен как-то ночью шёл через кладбище и видел их собственными глазами! Мой кузен выпил самую малость в кабачке «Весёлый жираф», что стоит на развилке шоссе, и подумал: «Дай-ка пойду в деревню напрямик через кладбище...»

— Не болтайте глупости, генерал! — вдруг рассердилась королева. — Наверно, ваш кузен выпил не такую уж малость...

Она повернулась и увидела, что премьер-министр шепчется с герцогом и графиней.

Глава королевского правительства перехватил её взгляд, поспешно выпрямился и вздохнул:

— Я позволил себе, ваше величество, заметить, что даже в наш чрезвычайно просвещённый век жизнь содержит ещё очень много непонятного и таинственного...

— Возможно, — сказала она, — но признайтесь, господин премьер-министр, вы сами не бывали в «Весёлом жирафе»?

— Я отдаю должное остроумию вашего величества. Однако, что вы подумаете об этом?

И он указал на большую расщелину между плитами пола, в которой похолодевшая королева отчётливо увидела человеческие кости.

Маркиза де Шарман снова вскрикнула и закрестилась.

— Я не знаю... — перевела дыхание королева.

— Если верить легенде, триста лет назад в этом подвале были заточены смертельные враги трона, — продолжал премьер-министр, — они умерли без церковного покаяния. Я ничего не утверждаю, ваше величество, но не кажется ли вам особым знамением то обстоятельство, что герцог и графиня именно здесь увидели привидения? Кстати, некоторые дворцовые служащие давно заметили, что фигуры в белых саванах иногда поднимаются из этого подвала и разгуливают по ночам по всему дворцу!

— О да, я тоже припоминаю, — простонала графиня де Пфук, — но это случилось давно, когда её величество была совсем крошкой... А после вашего отъезда в Америку привидений никто не видел... И вот теперь всё началось снова! Уйдёте отсюда, ваше величество!

— Уйдёте! — хрипло проговорила маркиза де Шарман. — Умоляю, ваше величество, уйдёте!

Маркиза вцепилась в руку её величества, и пока они поднимались из подвала, королева всё время чувствовала, как дрожит её новая фрейлина. И дрожь Марго невольно передавалась Оксане.

Академик Флокс встретил королеву у входа в спальню.

— Господин доктор, — сказала она, — не надо считать мой пульс, я устала и хочу спать.

— Но, ваше величество... — прошамкал старик, тряся бородкой.

— Не надо, — повторила она настойчиво и прибавила с ласковой улыбкой: — Отправляйтесь и вы спать, дедушка!

Он изумлённо заморгал светлыми старческими глазами.

— Но вы ещё не выпили кефир, ваше величество...

— Хорошо, я выпью, спокойной ночи!

Наконец-то Оксана осталась одна! Она лежала в своей гигантской кровати и лихорадочно соображала: как ей сбежать из дворца? Раз друзья до сих пор не освободили её, она сама позаботится о себе. Путь только один — в парк и дальше, у домика садовника, через ограду. Это будет нелегко, но ведь научился же Поль приходить таким путём к своей невесте! Они, конечно, помогут ей... Впрочем, кто знает, как Поль поведёт себя теперь, когда стал генералом. Уж очень, кажется, понравилось ему носить эполеты и аксельбанты. А она-то еще хотела поручить ему разыскать наших спортсменов...

Оксана выскользнула из-под одеяла и подкралась к двери. Да, Марго и Поль здесь. Вон она устало дремлет, склонив голову на его плечо, а он

осторожно, чтобы не разбудить её, разглядывает себя в огромном зеркале и прихорашивается, как женщина. Пламя свечи колеблется перед ним на мраморном столике.

Оксана решительно выпрямилась. Пора! Надо побыстрее одеться и бежать!

Тут она случайно взглянула на окна и вздрогнула. Могучий косой ливень неслышно хлестал по толстым стёклам, не пропускающим в спальню ни одного звука. Потоки воды пузырились и скользили вниз. В сером сумраке было видно, как под ветром бешено крениятся деревья и машут ветками в огромные дворцовые окна.

Это был не ливень, а водопад, и в другое время Оксана залюбовалась бы им, но сейчас он только огорчил её. Одна за другой блеснули молнии, наполняя спальню слепящим фиолетовым светом, потом неясно и глухо, словно за тридевять земель, прогудел гром.

Она вздохнула, юркнула под одеяло и задула на тумбочке свечу.

Девушка проснулась от какого-то неопределённого шороха и открыла глаза.

Она лежала не шевелясь, парализованная вдруг нахлынувшим на неё противным страхом, сделавшим всё тело липким и непослушным. Она хотела закричать и не смогла.

Посреди спальни во мраке двигалось нечто светлое и бесформенное. Это нечто медленно приближалось, остановилось в пяти шагах от кровати и тихо простонало.

— Кто здесь? — наконец спросила Оксана каким-то чужим, деревянным голосом.

Привидение не ответило. Теперь оно так же медленно удалялось, будто плыло по воздуху. В самом дальнем и тёмном углу спальни оно заколыхалось и исчезло.

Оксана выпрыгнула из постели и босиком заскакала по мягкому ковру в угол.

Он был пуст. Девушка растерянно потрогала твёрдые стены и почувствовала под пальцами холодок мрамора.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

«Наверно, это сон, — подумала Оксана, — наслушалась всякой всячины, и теперь мне снится эта белиберда...» Немного успокоенная, она вернулась в постель, но не успела закрыть глаза, как услышала за дверью отчаянный вопль Марго.

Оксана бросилась в соседний зал. Он был пуст, и лишь язычок пламени бился над свечой так, словно кто-то стремительно пробежал мимо.

Слева она увидела распахнутые двери в другой зал, а в том другом — такие же двери были распахнуты в третий, из третьего — в четвёртый. Дальше всё терялось во мраке, но она ещё днём успела заметить, что этим большим роскошным комнатам, в которых, по-видимому, никогда никто не жил, нет конца, и величественные белые двери, ведущие из зала в зал, всегда были открыты по ровной линии одна против другой. Створки дверей с золотыми разводами словно стояли на часах, когда королева проходила по этим пустынным помещениям, увешанным, как в музее, старинными картинами и заставленным дорогой резной мебелью.

Оксана одиноко поёживалась посреди зала в своём шёлковом спальном пеньюаре и насторожённо прислушивалась. Было тихо, ничто не выдавало никакого движения, и только отсветы от огонька свечи дрожали на зеркальном паркете.

— Марго! — громко крикнула она, глотнув воздуха.

«Го-го-го-го...» — ответило эхо в бесчисленных залах, и от этого ей стало ещё страшней.

Она была одна в огромном тёмном дворце.

— Эй, кто-нибудь! — превозмогая страх, снова закричала Оксана.

«Бу-бу-бу-бу-бу...» — откликнулись пустынные залы.

— Стража!

«Жа-жа-жа-жа...» — понеслось в темноте.

Цепенея от ужаса, Оксана вдруг увидела, как большой диван у стены задвигался на своих гнутых ножках. Она хотела бежать и не смогла.

Но тут у неё сразу отлегло от сердца: из-под дивана на четвереньках выползла Марго.

— Ваше величество, — зашептала она, задыхаясь. — Тише, ваше величество! Привидения!

— А где Поль?

— Не знаю... — лепетала Марго, всё ещё стоя на четвереньках. — Мы тут немного вздремнули, ваше величество, как вдруг пришёл дежурный офицер из вашей охраны и вызвал его по каким-то важным делам... А как только они ушли, тут и началось это...

— Что началось?

— Я и сама не знаю, что началось, ваше величество, но только такого страха я и во сне не переживала! Кто-то ходит по тем залам и рыдает! — продолжала лепетать Марго, упираясь руками в паркет и косясь в соседний зал.

— Честно говоря, мне тоже страшновато, Марго, хотя я и уверена, что никаких привидений нет и никогда не было.

— Тсс... Не гневите господ и не дразните сатану, ваше величество! Тсс! — зашикала Марго, становясь на ноги. — А кто, по-вашему, потушил свечи во всех этих залах, если не сам сатана?

— Не знаю...

— В том-то и дело!

— Так давайте пройдем по залам и снова зажжем свечи.

— Ой, что вы, ваше величество, подарите мне мешок денег, и то не пойду в такую темнотищу! Уж лучше нам посидеть рядышком, пока не придёт Поль или пока не наступит утр...

Она не договорила последнего слова, потому что разглядела в сумраке дальнего зала что-то совершенно невообразимое. Глаза на побелевшей физиономии Марго округлились, почти вылезая из орбит, челюсть отвисла.

Оксана взглянула в пролёты дверей, и её лицо стало походить на лицо Марго.

Из темноты, от двери к двери, к ним медленно приближался человеческий скелет.

Их ужас был безмерен. Сначала Оксана, а за нею Марго метнулись в тёмную спальню. Королева с разбегу нырнула в постель и с головой спряталась под одеяло, словно оно могло защитить её от устрашающих видений. Потом она услышала, как у двери повизгивает её первая фрейлина.

— Что случилось, Марго? — спросила королева из-под одеяла, стуча зубами.

— Ваше величество... спасите! — прошипела Марго. — Оно держит меня!..

— Кто?

— Оно!

Королева сбросила одеяло и увидела во мраке Марго, яростно размахивающую руками. Маркиза силилась оторваться от двери и не могла.

— Да что же случилось с вами? — спросила шёпотом королева, бросаясь ей на помощь.

— Не знаю...

— Послушайте, Марго, это дверь прищемила ваше платье...

В другое время Оксана расхохоталась бы, но теперь ей было не до смеха.

— Правда, дверь, ваше величество?

— Чтоб мне никогда не вернуться домой, если не дверь!

— Ну, слава богу, а я уже думала, что никогда не увижу своего Поля!

— Стойте спокойно, надо открыть дверь.

— Как же её открывать, если там оно? Вы бы лучше заперли дверь ещё на один ключ! На один-то замок она захлопнулась, да боюсь, не выдержит...

— В таком случае вам придётся простоять здесь до утра.

— Я простою год, ваше величество, лишь бы не попасть в его лапы!

Так они пререкались шёпотом и не сразу обратили внимание на фигуру в белом саване, появившуюся на фоне окна, за которым по-прежнему бушевал неслышимый ливень. Королева первой заметила привидение и скакнула в кровать.

Маркиза издала новый вопль, рванулась что было силы, лёгкое вечернее платье затрещало, и через три секунды Марго оказалась рядом с Оксаной под одеялом королевской постели.

Дрожа, они прижались друг к другу и осторожно высунули головы из-под одеяла.

Привидение в белом саване исчезло, но взамен ему в спальне появился скелет. Он стоял в самом тёмном углу, и кости его вырисовывались очень отчётливо.

Скелет неторопливо поднял руки и простонал. Королева вдруг почувствовала, как страх в ней сменяется яростью. Она подхватила с тумбочки тяжёлый подсвечник и запустила им в привидение. Подсвечник угодил в огромную фарфоровую вазу, которая с оглушительным треском разлетелась на сотни осколков. Скелет мгновенно исчез.

— Ага! — торжествующе сказала Оксана. — Это тебе не по вкусу?!

В эту минуту Марго молча указала ей на дверь, медная ручка которой то опускалась, то поднималась, потому что кто-то на неё нажимал с другой стороны. Прежде чем Оксана подумала, что ей следует предпринять, в спальне раздался тяжёлый вздох и сдавленный мужской голос страдальчески произнёс:

— О, дочь моя!..

— Святая Мария! — шепнула Марго, до боли сжимая руку Оксаны. — Это, наверно, голос нашего покойного короля!

— Кто здесь? — громко спросила королева.

— Твой отец, дочь моя, — ответил голос.

— Послушайте, как вам не стыдно валять дурака?!

Возможно, что этот прямолинейный вопрос смутил вопрошающего, потому что он помолчал, прежде чем ответить:

— Я не понимаю тебя, дочь моя...

— Зато я вас отлично понимаю! — сказала Оксана, садясь в постели. — Ну-ка, покажитесь, как вы выглядите. Я вас не вижу.

— Ваше величество! — истерически зашептала Марго. — Не накликайте на нас беду!..

Призрак длинно вздохнул:

— Я не подозревал, дочь моя, что ты не любишь своего отца!

— Я очень люблю моего отца! — быстро сказала Оксана, закрывая ладонью рот Марго, которая снова открыла его, чтобы что-то зашептать.

— Я в этом уже было начал сомневаться, — удовлетворённо проговорил призрак. — Дочь моя, любимая Изабелла! Сердце моё разрывается!

— А разве у привидений бывает сердце? — совсем весело воскликнула королева. — Разве привидения не прозрачны как стёклышко? Даже в кино их показывают прозрачными...

Было похоже, что призрак не ждал этих вопросов и поэтому не сразу нашёл что ответить.

— А разве я не прозрачен? — ответил он после некоторого раздумья.

— Ты никакой, — сказала Оксана, озираясь. — Вот молния осветила спальню, но я не вижу даже твоей прозрачности... Мне только кажется, что твой голос доносится откуда-то сверху, из вентиляционной отдушины, которую я разглядела сегодня днём под самым потолком.

— Да, меня не всегда можно видеть, — печально ответил голос.

— Ты сказал «дочь», но уверен ли ты, что я твоя дочь?

— Это так же ясно, как то, что я твой отец.

— Но ты не мой отец!

Призрак поперхнулся.

— Кто же я?..

— Не знаю...

— Опомнись, Изабелла! Разве не твой отец умер совсем недавно?

— Мой отец, к счастью, ещё никогда не умирал!

— Ты терзаешь меня, Изабелла!

— Я не Изабелла!

— Ты?

— Да, я...

— Но кто ты в таком случае?

— Если я скажу, ты всё равно не поверишь.

— Но всё-таки...

— Всё-таки я русская школьница!

— Оставим шутки, дочь моя!

— Я не шучу!

— Ваше величество, — снова зашептала Марго, — не выболтайте привидению своего секрета. Лучше скажите, что вы его дочка... А то оно и меня не признает маркизой...

— Изабелла! — строго проговорил призрак. — Я вышел из могилы, чтобы спасти тебя, дитя моё!

— Спасти? От чего?

— От неразумных и пагубных шагов и поступков... Слушай меня внимательно... Во-первых, ты должна завтра же восстановить поруганную тобой честь любимых мною герцога де Моллюска и графини де Пфук!

— Вот как!

— Во-вторых, ты должна раз и навсегда запомнить, что тебе не следует вмешиваться в решения твоего правительства!

— О, понимаю! Ваше замечание относится к забастовке электриков и угольщиков? — усмехнулась она.

— О, боже мой! Им нельзя давать возможность поступать так, как они хотят, иначе они очень скоро сядут на шею и хозяевам, и правительству! И даже тебе!

— Мне кажется, что до сих пор кое-кто сидел именно на их шее!

— Ты вернулась из-за океана, дочь моя, начинённой противоречиями. Если бы ты не была королевой, я подумал бы, что ты стала коммунисткой.

— Нет, я, к сожалению, ещё слишком молода, чтобы вступить в Коммунистическую партию!

— Ты постоянно шутишь, дитя моё...

— Шутка украшает жизнь!..

— Всякая шутка должна быть уместной, Изабелла, а ты шутишь в то время, когда тебе угрожает смертельная опасность! Проклятые враги нашего трона, продавшие свои души дьяволу триста лет назад, бродят по дворцу! Берегись, дитя моё!

И, словно подтверждая эти слова, в углу спальни раздался шорох. Марго больно сжала руку королевы.

Белое привидение отделилось от стены и поплыло по комнате, неясное, бесформенное и безмолвное. А следом за ним из того же угла вышел скелет со светящимися костями, сделал несколько неслышных шагов по ковру и сел в кресло, вытянув ноги.

Но Оксане давно уже не было страшно.

Она подхватила с ночного столика другой подсвечник и, прежде чем привидения опомнились, очутилась в том самом углу, откуда они вышли.

— Ага! — торжествующе закричала Оксана. — Теперь вы в моих руках! Интересно, куда вы будете бежать? Предупреждаю, я дам по голове тому, кто сунется в этот угол! Сдавайтесь, путь отрезан!

Так как Оксана всё это кричала сгоряча на русском языке, привидения, вероятно, не поняли её. Но подсвечник, которым она очень

выразительно размахивала над головой, по-видимому, объяснил им её мысли. Сначала белое привидение, а потом скелет торопливо засеменили к двери.

Давно известно, что паника в лагере противника всегда придаёт силу и храбрость наступающим. Продолжая размахивать подсвечником, с победным криком Оксана бросилась наперерез отступающим. Белое привидение и скелет метнулись в сторону, неуклюже прыгнули на королевскую кровать, рассчитывая, должно быть, что это препятствие задержит королеву. Но тут белое привидение споткнулось и свалилось на Марго, а скелет, в свою очередь, со всего размаха рухнул на белое привидение. Три тела отчаянно забарахтались на широчайшей постели.

— Караул! Спасите! — дурным голосом заголосила первая фрейлина.

Кто-то со страшной силой заколотил в дверь, замок затрещал, створки дверей распахнулись, и королева увидела на пороге атлетическую фигуру Поля.

— Марго, Марго! — тревожно заговорил генерал де Грананж. — Что здесь происходит?

Он отважно ринулся к королевской кровати, но, заметив, что с неё спрыгнул скелет, отскочил в сторону и застыл на месте с открытым ртом.

Воспользовавшись замешательством, скелет и белое привидение скользнули мимо генерала и скрылись за дверь.

— Держите! — закричала королева, устремляясь следом за ними. — Держите!

— Поль! Держи их! — завопила Марго, срываясь с кровати. — Клянусь святым причастием, это никакие не привидения... у них тела, как у всех людей!

Оксана, задыхаясь, бежала из зала в зал, не спуская глаз с мерцающих во мраке привидений, и слышала, как за её спиной звенят шпоры Поля и неотступно стучат каблуки Марго.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Ливень между тем кончился, ветер унёс тучи, и лунный свет потоком хлынул в бесчисленные окна дворца. Он упал на паркет чёткими четырёхугольниками, до краёв наполнил все залы прозрачным золотистым туманом. Оксана стремительно неслась мимо окон, от двери до двери, и луна неслась вместе с ней наперегонки, поочередно появляясь в переплётах каждого окна.

До привидений было не так уж далеко. Оксане показалось, что она уже слышит хриплое дыхание одного из них, по-видимому, того, которое бежало в белом саване, потому что скелет несколько опережал его.

— Это люди, ваше величество, — услышала Оксана за спиной голос Марго, — чтоб мне не увидеть завтра солнышка, если они не люди! Уж я точно разобрала...

— Сдавайтесь! — крикнула Оксана на бегу. — Всё равно поймает!

— Ваше величество! — рявкнул генерал, топая сапогами и звеня шпорами. — Позвольте мне пухнуть в них из пистолета!

— Ни в коем случае! — испугалась Оксана. — Вы же слышали, что это люди!

В эту минуту оба привидения свернули направо и исчезли.

— Скорей, скорей! — крикнула Оксана, вбегая следом за беглецами в огромный высокий зал со стеклянным потолком, сквозь который широко и ярко вливался свет луны.

Озарённые этим сказочным светом, словно окутанные золотистой паутиной, по залу метались два привидения. В конце зала, у противоположной стены, на возвышении из нескольких ступенек Оксана увидела королевский трон; драгоценные камни, украшающие его, светились под лунными лучами разноцветными огоньками.

— Ох, я больше не могу, — хрипло проговорило белое привидение, хватаясь за стену.

Марго с разбегу, словно по льду, заскользила по паркету и вцепилась в его саван.

— Это женщина, ваше величество! — торжествующе закричала она. — Хватайте того, а уж эту я не выпущу, она еле дышит!

Генерал де Грананж с пистолетом в руке неторопливо подходил к скелету.

Скелет в панике пятился к трону. Оксана видела, как, продолжая пятиться, он ступил сначала на одну ступеньку, потом на другую, на третью и, натолкнувшись на трон, безвольно опустился на него и поднял вверх кости своих рук. Это было великолепное зрелище! Озарённый луною скелет с поднятыми руками сидел на королевском троне.

— Ваше величество, — жалобно сказал скелет, — заставьте его спрятать пистолет... Он не имел права входить в тронный зал с оружием...

— А разве вы имели право садиться на трон? — весело спросила Оксана и прибавила: — Поднимайтесь же, герцог де Моллюск! Я узнала ваш голос ещё в спальне, когда вы выдавали себя за покойного короля! Поднимайтесь и расскажите, как надо понимать этот спектакль?

Скелет поднялся и опустил руки.

В эту минуту оба привидения свернули направо и исчезли

— Ваше величество... простите нас...

— Подойдите ко мне, герцог, мне не терпится узнать, как вы соорудили свой страшный костюм.

— Ничего особенного, ваше величество, — смиренно проговорил де Моллюск, подходя к королеве. — Чёрный бархат, плотно облегающий тело с головы до ног... А череп и весь скелет нарисован светящейся краской...

— Так я и думала...

— Повторяю, ничего особенного, ваше величество, взято напрокат в театре...

— Однако спектакль получился неважный.

Пронзительный всхлип раздался за спиной Оксаны. Она оглянулась и увидела, что белое привидение содрогается от рыданий.

— Ревёт! — миролюбиво сказала Марго, не выпуская тем не менее из рук белого савана. — Даже жалко становится...

— О ваше величество! — истерически воскликнуло белое привидение, падая на колени. — Простите нас, бога ради! Это была шутка... Только шутка... Я знаю, вы это давно поняли... Простите, ваше величество...

— Графиня де Пфук? — спросила королева.

— Да, ваше величество... Я проклинаю ту минуту, когда нам явилась несчастная мысль так неудачно позабавить вас...

— Встаньте, графиня, — сказала королева, — прошу вас немедленно покинуть дворец. Вы нас достаточно позабавили...

Привидения безмолвно удалились.

— А теперь спать! — облегчённо вздохнула королева.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Оксана пробудилась от чьего-то прикосновения. Она открыла глаза и сейчас же зажмурилась от солнца, ворвавшегося сквозь зелень парка в распахнутое окно королевской спальни. Пахло сырой землёй и цветами.

Над ней склонялась озабоченная Марго.

— Ваше величество, вас хочет видеть премьер-министр...

— Но я ещё хочу спать...

— Он говорит, что у него к вам это... ну, как это — неотложное дело.

Оксана лежала с закрытыми глазами.

— Ваше величество...

— Да что вы, Марго, всё «ваше величество» да «ваше величество»! Никакое я не величество, ведь вы же это знаете, — сонно пробормотала королева, не открывая глаз.

— Ой, что вы, ваше величество! Для меня вы самая наизаправданная королева! Ей-богу, когда я вас вижу, даже оторопь берёт! А Поль хоть жизнь за вас отдаст... Очень мы вас полюбили, ваше величество.

— Если любите, помогите мне бежать из дворца.

— Ваше величество, хоть годик побудьте королевой!

— Вы с ума сошли, Марго! — воскликнула Оксана, подскочив на кровати. — Я и месяца не выдержу такой пытки... Что там нужно премьеру?

— Не знаю... Он прямо из себя выходит.

Оксана быстро оделась и вместе с первой фрейлиной прошла в кабинет.

Через минуту на пороге кабинета появился уже знакомый ей маленький лысый человек с квадратным подбородком. Его сопровождал генерал де Грананж, ставший, словно по команде «смирно», у двери.

— Доброе утро, ваше величество, — проговорил премьер тем же, что и вчера, вялым и тусклым голосом. Но, вперив в неё свои маленькие водянистые глаза, он нервозно подвигал похожими на щётки седыми бровями. — Я прошу нашу любимую королеву отнестись снисходительно к столь обременительному для неё нарушению придворного этикета. Что делать, ваше величество, при столь сложных обстоятельствах, как ныне, ваш покойный батюшка, наш незабвенный король, — он сложил у груди руки и закатил глаза к потолку, — принимал своего премьер-министра даже в постели!

Она нетерпеливо передёрнула плечами.

— Что вам надо, господин премьер?

— Я буду краток, ваше величество: вам необходимо незамедлительно вылететь в Африку.

Её глаза изумлённо округлились.

— В Африку?!

— Об этом вас покорнейше просит кабинет министров.

— А почему бы кабинету министров не попросить меня вылететь в Гренландию? Или, скажем, в Антарктиду?

Премьер подёргал бровями.

— Вы, как обычно, шутите, ваше величество, вероятно не подозревая, что мы можем потерять нашу африканскую колонию, которая в четырнадцать раз превосходит по территории наше королевство и которая уже много десятилетий, я бы сказал, поит и кормит нас.

Она искренне удивилась:

— Поит и кормит? Это же очень древнее королевство, которое давным-давно вышло из младенческого возраста!

Премьер снисходительно улыбнулся и развёл руками.

— Молоко, ваше величество, полезно не только младенцам, но и престарелым...

Она помедлила, соображая.

— Что вы называете молоком?

— Например, бананы, которые вывозит из Африки член парламента граф де Пфук и продаёт всей Европе.

— Ещё?

— Например, ананасы.

— Кто ими торгует?

— Барон Беренштейн.

— Ещё?

— Например, уран. И смею заметить, что урановая руда составляет сейчас одну из главных статей нашей экономики.

— Всё это ужасно, господин премьер-министр! Неужели своими бананами, ананасами и урановой рудой не могла бы распорядиться та бедная африканская страна, которую вы называете колонией?

— А экономика Карликии?

— А экономика той бедной страны и её народа?

— Ваше величество, это дикари.

— И они готовы вечно набивать деньгами чужие карманы и оставаться дикарями?

— Ваше величество, во всех колониях брожение... Они требуют самоопределения... А это равносильно гибели нашей экономики.

— Вы хотите сказать — вашим доходам?

— Ваше величество! — с трудом сдерживая негодование, сказал премьер-министр и нетерпеливо переступил с ноги на ногу. — Вам нужно вылететь в Африку, чтобы сказать дикарям ласковые слова о том, что Карликия их вечный друг.

«Может быть, я из Африки скорей доберусь до дома?» — мелькнула у Оксаны мысль.

— Хорошо, — сказала она, — я лечу в Африку.

Премьер облегчённо вздохнул.

— Самолёт «Р-520» ждёт вас в аэропорту, ваше величество...

— До свидания, господин премьер-министр.

— Счастливого пути, ваше величество!..

Он замешкался у входа, кашлянул, подёргал бровями-щётками и промолвил:

— Текст речей, которые вы произнесёте перед дикарями на празднествах по поводу вашего приезда в колонию, сейчас сочиняют мои люди. Вы получите свои речи, ваше величество, на аэродроме перед отлётом...

— Благодарю вас, господин премьер-министр.

Премьер поклонился и вышел.

— Ну что ж, друзья, — сказала королева первой фрейлине и генералу, — летим в Африку?

— Летим! Я никогда не была в Африке...

— И я не был, — вздохнул Поль.

— Ваше величество, — вдруг спохватилась Марго, — а что, если в Африке вас тоже будет донимать... какое-нибудь привидение? Послушай-ка, Поль, отправляйся в аэропорт, садись на этот самый самолёт «Р-520» и лети в Африку!

— Зачем? — заморгал он глазами.

— О господи, вот уж бестолковый! Да затем, чтобы проверить, какая встреча там готовится нашей королеве.

— Как же так, Марго? — растерянно бормотал он. — Уж я лучше с вами...

— Мы прилетим следующим самолётом. Вы согласны, ваше величество?

— Мне, право, всё равно, — пожала плечами Оксана.

— Отправляйся! — приказала Марго, — Ну?!

Поль исчез.

— А теперь, ваше величество, идёте в спальню, — продолжала она всё тем же тоном, — и прикажем девушкам привести в порядок наши чемоданы.

Через минуту королеве доложили, что начальник дворцовой охраны должен сообщить ей нечто исключительно важное. Оксане и Марго пришлось возвращаться из спальни в кабинет.

Пожилой офицер взволнованно расхаживал перед закрытыми дверями кабинета, сверкающие аксельбанты подрагивали на его голубом мундире.

— Ваше величество! — свистящим шёпотом проговорил он, вытягиваясь перед королевой. — Заклинаю вас, не летите в Африку!

— Почему?

— Мне приказали молчать под страхом смерти... Но я не могу молчать! Я ваш наивернопопданейший слуга, ваше величество, ваш раб, и...

— Да что случилось, в конце концов?

— Я стал сегодня невольным свидетелем заговора против вашего королевского величества! — торопливо говорил офицер, выкатывая

глаза. — Премьер-министр, герцог де Моллюск и графиня де Пфук решили погубить вас... Я слышал, как они совещались. Я понял, что, поскольку история с привидениями не дала им желаемого результата, они пошли на крайние меры...

— Какие меры?

— В самолёт «Р-520», за его обшивку, засунут зажигательный карандаш!

— Что это значит?

— Это значит, что самолёт «Р-520» сгорит в воздухе, и потом будет объявлено, что ваше королевское величество погибла вследствие авиационной катастрофы!

— Поль! — закричала Марго. — Поль летит на этом самолёте! Спасите, ваше величество!

Королева бросилась в кабинет и дрожащей рукой сорвала с телефонного аппарата трубку.

— Телефонные провода перерезаны, ваше величество, — шептал за её спиной начальник дворцовой охраны.

Оксана бросила трубку на стол.

— О мой Поль! — заголосила Марго. — Он погиб!

— Машину! — крикнула королева. — Скорей!

Они бежали с Марго из зала в зал, с лестницы на лестницу. Начальник дворцовой охраны не отставал от них, и она вдруг снова услышала его шёпот:

— Ваше величество... я надеюсь, что... что вы, ваше королевское величество, оцените должным образом благородный поступок вашего раба... Мне давно обещан орден и звание генерала... И жалованье, ваше величество... Жалованье!

Наконец он отстал. Могла ли думать Оксана, что начальник дворцовой охраны после этого запрётся в караульном помещении, неторопливо наберёт номер на вполне исправном телефонном аппарате и скажет шёпотом, выкатывая глаза:

— Господин премьер-министр, докладываю вам, что план «Р-520» провалился... Известная вам особа выехала на машине в аэропорт... Вероятно, она полетит на другом самолёте. Я надеюсь, господин премьер-министр, что вы оцените должным образом мои старания... Благодарю, господин премьер-министр...

А премьер-министр тотчас снял в своём кабинете трубку другого телефонного аппарата.

— Герцог? — негромко спросил он. — Слушайте: «Р-520» отпадает. Приводите в исполнение план номер два. Если не получилась авиационная катастрофа, пусть будет автомобильная. Торопитесь, герцог!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Длинный, приземистый, словно припавший на лапах к земле и приготовившийся к прыжку леопард, у входа во дворец стоял двенадцатицилиндровый королевский лимузин. Осеннее солнце ласкало его небесно-голубую окраску, сверкало в стёклах и серебряных инкрустациях.

Королева не шла, и шофёр решил, что в такой ранний час машина вряд ли понадобится её величеству. Он беззаботно оставил кабину, чтобы поболтать о том о сём с королевскими телохранителями, которые курили и посмеивались в отдалении, не отходя от своих автомобилей.

Шофёр выкурил сигарету, зевнул и со скучающим видом отошёл от телохранителей. Но тут он разглядел под каштанами парка знакомую цветочницу, несущую во дворец охалку гладиолусов. Он поправил на голове фуражку с серебряным гербом и заторопился ей навстречу.

Дальнейшие события развивались совершенно стремительно.

Едва шофёр скрылся за оградой парка, дорожные телохранители её величества бросились к своим автомобилям и в несколько мгновений оказались на своих местах; по парадной лестнице сбегали королева и первая фрейлина.

— Нет шофёра! — вскрикнула Оксана, тяжело дыша.

— Да садитесь же, ваше величество! — бесцеремонно крикнула Марго, подталкивая её к лимузину. — Поль научил меня водить машину! Скорей, ваше величество!

Дверцы захлопнулись, и небесно-голубой лимузин сорвался с места и сразу же оказался за воротами.

Двенадцать цилиндров работали совершенно беззвучно и плавно несли машину по улицам города. Оксана сидела рядом с Марго и видела сквозь ветровое стекло, как от их машины шарахаются в разные стороны прохожие. Чтобы не задавить полицейского, остолбеневшего от одного вида королевской машины, они въехали на тротуар. Мелькнули и скрылись выпученные от ужаса глаза какого-то толстяка, прижавшегося к магазинной витрине.

Оксана оглянулась. Четыре машины неотступно следовали за ними.

— Почему они не отстают от нас, Марго? — с тревогой спросила Оксана.

— О господи, ваше величество, какая вы бестолковая, — сказала Марго, не отрывая взгляда от дороги, — они же вас охраняют...

Впереди на перекрёстке вспыхнул красный огонёк светофора. Марго включила сирену, сразу наполнившую улицу душераздирающим воем. Отчаянно закрипели тормоза автомобилей, прижимающихся

к тротуару и освобождающих путь королевскому лимузину. Красный огонёк испуганно замигал, полицейский с поднятым жезлом скакнул на тротуар и через мгновение остался где-то далеко позади.

«Прочь с дороги, прочь с дороги!» — пронзительно выла сирена. Окна, витрины, вывески, машины, прохожие безостановочно летели назад.

Оксана посмотрела на спидометр: его стрелка колебалась между сто пятью и сто десятью километрами.

— Марго, нельзя ли помедленнее! — робко попросила она.

— Отстаньте, ваше величество! — пробормотала первая фрейлина, вновь чуть не въезжая на тротуар, чтобы не провалиться в открытый посреди улицы люк: по-видимому, там что-то ремонтировалось.

Наконец они вылетели за город, и стрелка спидометра рванулась к делению 160.

— Марго!

— Что, ваше величество?

— Это сумасшествие!

— Ах, ваше величество!.. — только покривилась она, и её глаза наполнились слезами. — А если самолёт лопнет в воздухе как мыльный пузырь?.. Уж вы потерпите, ваше величество...

И её рука сама собой снова прибавила газ, и похолодевшая Оксана увидела, что стрелка спидометра медленно подползает к делению с красными цифрами 200. Казалось, что они не едут, а неслышно летят над широкой и ровной лентой шоссе. Начавшие уже увядать деревья и кустарники по его обочинам превратились в сплошные светло-коричневые полосы. Крошечная встречная машина показалась далеко-далеко впереди, мгновенно выросла, словно увеличенная стёклами бинокля, и исчезла. Оксана услышала только короткий и тонкий звук, похожий на писк комара.

Чуть слышно шелестели цилиндры небесно-голубого лимузина. Он родился на знаменитом среди королей и миллиардеров всего мира автомобильном заводе и стоил столько золота, сколько весил его мотор со всеми двенадцатью цилиндрами.

До самого горизонта шоссе казалось пустынным. Оксана взглянула назад. Там было также безлюдно, телохранители давно отстали, вероятно, они всё ещё пробивались сквозь сутолоку городских улиц.

— Сейчас будет мост, — сказала Марго, вытягивая вперёд голову, — а от моста рукой подать до королевского аэропорта...

Это был совсем небольшой мост. Его белые каменные перила как в кинокадре внезапно возникли перед ветровым стеклом. Марго и Оксана одновременно увидели, что мост взорван или разобран, и в самом его

центре зияет провал шириной полтора-два метра. Но прежде чем они подумали об опасности, несущийся со страшной скоростью небесно-голубой «леопард» сделал прыжок и по инерции перенёс их через провал. Собственно, прыжка они даже не почувствовали — так мягко коснулись колёса плит моста по ту сторону провала.

Не сбавляя скорости, они вновь вылетели на шоссе и от растерянности не смогли сказать ни слова.

Через несколько минут к мосту подъехали королевские телохранители. Тормоза завизжали, машины остановились, и мужчины в шляпах высыпали на шоссе. Они тщательно обследовали провал, но, не обнаружив останков юной королевы, снова захлопали дверцами. Их машины выехали на зелёную пашню и неторопливо миновали опасное место.

А королевский лимузин в это время ворвался на лётное поле аэродрома, и первое, что увидели Марго и Оксана, — это был самолёт «Р-520». Всё быстрее и быстрее он катился по взлётной дорожке, оторвался от земли и начал набирать высоту...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

— Назад, назад! — закричала королева, выскакивая из своего лимузина и отчаянно размахивая руками. — Лететь нельзя!

— Назад! — вторила ей Марго, запрокинув голову и так же отчаянно размахивая руками. — Поль, милый, вернись!

Самолёт «Р-520» скрылся за грядой леса.

Королеву осенила какая-то мысль, она дёрнула за рукав первую фрейлину и молча устремила к зданию вокзала. Навстречу ей уже бежали переполошившиеся служащие аэропорта.

— Вернуть самолёт! Немедленно вернуть самолёт! — задыхаясь, крикнула королева.

— Слушаюсь, ваше величество! — рявкнул высокий костлявый мужчина, по-видимому начальник аэропорта.

Он бежал рядом с королевой, взяв руку под козырёк и выпучив испуганные глаза. Через полминуты они ворвались в просторную и светлую комнату диспетчера, сквозь стеклянные стены которой было видно всё лётное поле с рядами неподвижных самолётов и уходящая вдаль, к синеватой гряде леса, взлётная дорожка.

Диспетчер вскочил и вытянулся. Сам начальник аэропорта, всё ещё не отнимая от козырька правую руку, трясущейся левой рукой защёлкал рычагами и кнопками радиосистемы.

*Несущийся со страшной скоростью небесно-голубой
«леопард» сделал прыжок...*

— «P-520», «P-520»! — кося глаза на Оксану и дёргая в такт словам кадыком на длинной шее, повторял он. — Вызываю «P-520»!

Спустя две секунды спокойный голос ответил:

— «P-520» слушает.

— «P-520»! Приказываю немедленно возвратиться в аэропорт!

— Вас понял... Вас понял... — ответил голос, но через несколько секунд вдруг снова зазвучал в тишине диспетчерской: — Генерал де Грананж спрашивает, кто приказывает?

— Начальник аэропорта, — дёрнул кадыком костлявый мужчина.

Прошло несколько томительных секунд.

— Аэропорт, аэропорт, — раздался наконец всё тот же голос, — генерал де Грананж сообщает, что он отказывается выполнить приказ.

Первая фрейлина сорвалась с места и, оттолкнув начальника аэропорта, воскликнула:

— А ну-ка скажите генералу, чтобы он не очень-то задирает нос!

Голос хотел что-то ответить, но поперхнулся, и вместо него в радиорепродукторе прозвучал вопрошающий бас генерала де Грананжа:

— Кто это говорит?

— Маркиза де Шарман!

— Хм... — с сомнением хмыкнул генерал. — А как я могу знать, что это действительно маркиза?

— Ты что, не слышишь меня, длинноногий журавль? — взорвалась первая фрейлина.

— Марго, — виновато перебил её бас, — ты бы так и сказала, что это ты... Мы уже возвращаемся обратно...

Начальник аэропорта, во все глаза смотревший на первую фрейлину, отнял наконец руку от козырька и поражённо почесал затылок.

Все снова высыпали на лётное поле и устремили глаза на небо.

— Ваше величество, — робко сказал начальник аэропорта, снова прикладывая руку к козырьку, — дозволено ли мне знать, чем вызвано возвращение «P-520»?

— Диверсия! — быстро сказала королева. — Самолёт может загореться в воздухе, господин начальник! Вот он летит...

— О! — застонала первая фрейлина. — Он уже горит!

— Пожарные машины! — срывающимся голосом закричал начальник. — Врачей!

Оставляя в воздухе бархатную полосу дыма, из-за леса показался самолёт.

Навстречу ему с воем неслись пожарные и санитарные машины. Самолёт коснулся земли, сделал короткую пробежку и остановился. Струи

воды ударили по фюзеляжу. Оксана видела сквозь клубы дыма, как из самолёта выпрыгивают какие-то дети, женщины и мужчины с чемоданами. Её поразило такое множество незнакомых людей в королевском самолёте, одетых в дешёвые одноцветные плащи. Размахивая чемоданами, они нестройной толпой бежали от горящего самолёта по зелёному полю.

Потом она увидела, как, перегоняя их, скачет длинноногий генерал де Грананж. Раскрыв объятия, навстречу ему рванулась первая фрейлина. Они встретились посреди огромной дождевой лужи и замерли, обняв друг друга.

Самолёт меж тем запылал, как огромный костёр, и пожарники, поняв бесплодность своих попыток погасить огонь, бросились врассыпную.

Прогрохотал взрыв, самолёт разлетелся на тысячи осколков.

— Только подумать, ваше величество, — простонала Марго, — попрепирайся он со мной ещё полминуты, и их души уже несли бы ангелы в своих объятиях! Экий дурень!

Оксана с недоумением рассматривала окруживших её многочисленных пассажиров. У них были добрые простоватые физиономии, они испуганно улыбались и кланялись ей. Женщины неуклюже приседали и подталкивали девочек, чтобы те сделали реверанс её величеству.

— Кто это? — спросила королева шёпотом.

— Мои родственники, ваше величество, — пробасил генерал с достоинством. — Как только вы отправили меня в Африку, я подумал, зачем гнать пустой самолёт туда и обратно? Я сразу позвонил в свою деревню по телефону и сказал, если, мол, хотите посмотреть живых крокодилов, срочно приезжайте на королевский аэродром. И ещё сказал, чтобы все получше оделись: как-никак полетят на самолёте её величества... Видите, они купили новые плащи в деревенской лавке. У меня боевая родня, ваше величество! Они мигом собрались и прикатили сюда на грузовике... А вот как их теперь отправлять — и ума не приложу: грузовик-то дядюшка Пьер угнал обратно...

В это время на лётном поле показались четыре машины с королевскими телохранителями. Они захлопали дверцами и бегом устремились к королеве.

— Марго, — сказала вдруг Оксана, — мы не поедem во дворец...

— А куда?

— В загородную гостиницу к советским лыжникам. Они, конечно, ищут меня, но кому придёт в голову искать меня во дворце?

— Ваше величество, теперь нам не избавиться от телохранителей!

— Но что же мне делать, Марго?

— Потерпите ещё хоть самую малость, ваше величество! ...

У входа во дворец королеву поджидал франт средних лет, в цилиндре и во фраке, с моноклем в глазу.

— Ваше величество, — заговорил он театральным баритоном, снимая цилиндр и наклоняя голову с напوماженными волосами. — Я уполномочен парламентом выразить вам сочувствие по поводу при- скорбных событий, связанных с вашим путешествием. Депутаты воз- носят благодарственные молитвы к господу богу, который столь бе- режно охранял вас своей всемогущей десницей. Одновременно я упол- номочен довести до вашего сведения, что премьер-министр королев- ского правительства сложил с себя полномочия и просит принять его отставку.

— Какое мне дело! — сердито сказала Оксана, поднимаясь по мраморной лестнице.

Франт неотступно следовал за ней.

— Мой друг и коллега сражён постигшими ваше величество огорче- ниями и в связи с нервным потрясением уложен врачами в постель.

— Как своевременно он заболел!

Франт пропустил мимо ушей её восклицание.

— Сообщаю вам, ваше величество, что преступник уже арестован.

— Какой преступник? — остановилась она.

— Тот, по чьей злой воле готовились авиационная и автомобильная катастрофы.

— Кто же он? — Оксана внимательно посмотрела в глаза франта. Его холёное лицо было холодным и серьёзным.

— Начальник королевской охраны, — ответил он, спокойно выдер- живая её насторожённый взгляд.

— Какая чепуха!

— Преступник уже сознался, что был подкуплен коммунистами!

— Но это же чушь! — воскликнула она и, отвернувшись от франта, быстро пошла вперёд.

Он шёл рядом, не отставая ни на шаг.

— Надеюсь, я вам больше не нужна? — раздражённо сказала она.

— Вы не подписали двух документов, ваше величество.

— Каких документов?

— Во-первых, документ о том, что вы, ваше величество, поручаете мне сформировать новое правительство...

— Но я вам ничего не поручала! — изумилась она.

Он улыбнулся снисходительно, как взрослые улыбаются детям:

— Королевский совет принял решение... Газеты уже знают о вашем поручении. Я готов принести присягу вашему величеству. К власти приходит правительство действия! Бывшее правительство во главе с моим коллегой и другом было слишком нерешительным в вопросах внутренней политики, именно поэтому парламент выразил ему недоверие.

Она невесело усмехнулась, подумав, что «нерешительное» правительство едва не отправило её на тот свет.

— Так... Ну, а второй документ?

— Это сущая безделица, ваше величество... Указ о запрещении забастовки электриков и угольщиков.

— Я не издавала такого указа.

— Королевский совет уже принял решение.

— И газеты уже знают «о моём» указе?

— Да, конечно.

— Какой же вы... — Она хотела сказать «пройдоха», но сдержалась и только вздохнула: — Бедный народ Карликии! Как безжалостно его обворовывают!.. Я ничего не подпишу!

— Собственно, ваши подписи и не нужны, ваше величество: королевский совет уже поставил на документах ваше факсимиле... Ах, ваше величество, вы так молоды, что, право же, вам следует уделять больше внимания не вопросам внутренней политики, а вопросам... своего сердца. Доверьте политику своему правительству.

— Я вас не совсем понимаю... При чём здесь сердце?

— Вас ждёт большая радость!

— Радость? — Она подозрительно покосилась на него.

— Огромная радость, ваше величество! После небольших дебатов парламент счёл возможным признать де-юре ваше... американское увлечение. Парламент лишь только просит вас издать рескрипт о присвоении вашему жениху высочайшего звания Принца. Таким образом ваш брак с... его высочеством не будет считаться морганатическим.

Как ни была расстроена Оксана, она рассмеялась.

— Я вижу улыбку счастья на лице моей королевы, — церемонно продолжал баритон. — Уведомляю вас также, ваше величество, что парламент принимает к сведению ваше желание отправиться после заключения брака в шестимесячное свадебное путешествие...

— Моё желание?

— Парламент просит бога, — продолжал франт, словно не слыша её, — усыпать ваш свадебный путь цветами.

— Оставьте меня!

— Ваше величество, теперь нам совершенно необходимо пройти в тронный зал.

— Сударь! — раздался сердитый голос Марго. — Ведь её величество ясно сказала вам, чтобы вы оставили её!

Франт осторожно отстранил Марго от Оксаны.

— Нас ждут в тронном зале, ваше величество.

— Да вы что толкаетесь, сударь! — вспыхнула Марго.

Франт довольно бесцеремонно взял королеву под руку и настойчиво подталкивал её вперёд.

Марго шла позади и негромко ворчала:

— Жаль, нет Поля, он живо расправился бы с вами! И куда он запропастился!

В тронном зале, залитом на этот раз не лунным, а солнечным светом, перед Оксаной расступилась группа придворных. Тонко пахло духами. Мужчины во фраках склоняли головы, дамы в роскошных туалетах приседали перед королевой. Её провели на трон и кто-то надел на её голову маленькую, усыпанную бриллиантами корону. Репортёры засуетились и защёлкали фотоаппаратами.

Перед тронном она увидела аналой, на котором лежала какая-то книга в золотом переплёте с крестом из ярких камней в центре. «Как в театре», — подумала Оксана. Она посмотрела по сторонам, заметила, что слева от неё стоит Марго, величественно поглядывающая на придворных, и успокоилась.

«Марго и Поль не оставят меня в беде», — решила она. И в ту же минуту увидела, как в зал, звеня шпорами, вошёл Поль. Он поискал глазами Марго, увидел её у трона, поджал губы, и чуть качнул головой, словно хотел сказать: «Вот это да!..» Затем Поль, позванивая в тишине шпорами, неторопливо прошагал к трону и стал справа от королевы.

— Господин верховный судья, начинайте, — услышала Оксана негромкий и нетерпеливый баритон.

К аналою подошёл дородный мужчина в чёрном одеянии, похожем на рясу священника. Он поклонился королеве и торжественно произнёс:

— Ваше королевское величество! По вашему высочайшему повелению я, верховный судья королевства Карликии, привожу к присяге премьер-министра вашего правительства, кавалера ордена Жёлтой подвязки, доктора Права и Торговли, магистра Финансов и Денежных Операций, почётного члена Общества Промышленников и Крупных Землевладельцев, досточтимого банкира Альфреда де Гну! — И, обернувшись к знакомому Оксане франту, верховный судья почтительно прибавил: — Прошу вас, ваше превосходительство.

Альфред де Гну стал рядом с верховным судьёй, положил правую руку на книгу в золотом переплёте и поднял два пальца левой руки над головой.

— Я, премьер-министр правительства её королевского величества, — зазвучал его красивый голос, — перед лицом всемогущего бога и перед лицом моей всемилостивейшей королевы, в присутствии верховного судьи королевства Карликии, обещаю в неустанных заботах о благе моего народа не щадить ни трудов своих, ни своей крови, ни живота своего. Я буду верой и правдой служить моей королеве во имя интересов народа и только народа. Я клянусь в этом высокой клятвой у святого Евангелия. Аминь.

Он отнял руку от Евангелия и осенил себя крестом.

— Аминь, — повторил верховный судья.

— Аминь, — повторили придворные.

Альфред де Гну подошёл к трону с явным намерением поцеловать руку королевы, но она сделала вид, что не поняла его. Придворные кланялись королеве и пятились к двери. Тронный зал наполнился шорохом и движением.

— Здорово вы устроили свои дела! — язвительно проговорила королева. — Поздравляю вас, господин де Гнус!

— Де Гну, — поправил он.

— С окончанием «с» ваша фамилия на русском языке звучит восхитительно! И, главное, очень точно!

— Я не знаю русского языка, ваше величество.

— Очень жаль, вы бы поняли, какой глубокий смысл таит это слово! — Оксана поднялась с трона.

— Я прошу вас задержаться ещё только на одну минуту, ваше величество. Ведь я обещал вам радость!

И прежде чем она ответила, премьер-министр, согласно дворцовому ритуалу, чтобы не поворачиваться к королеве спиной, попятился от трона. Так он пятился до самой двери с застывшей на лице улыбкой, пока не скрылся совсем.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

В тронном зале остались только Оксана, Марго и Поль да одиноко стоящий у двери мажордом в своём древнем, расшитом золотом костюме с жабо и белыми чулками до колен.

Королева сняла корону.

— Ваше величество, — кашлянул Поль, — а как вы думаете, кого сейчас приведёт сюда новый премьер-министр?

— Кого? — с тревогой спросила она.

— Вашего жениха...

Она взглянула на него сердито.

— У меня не было и нет никакого жениха!

— Раз он приехал, значит, есть, ваше величество.

— Какой жених? Откуда?

— Из Америки. По имени Джек.

Марго всплеснула руками:

— Да ведь это же тот самый американский парикмахер, за которого собралась выйти замуж Изабелла!

— А вы знаете, Поль, что я Оксана!

— Уж как хотите называйте себя — Оксана Первая или Изабелла Четвёртая, а только ваш принц приехал!

— Не может быть! Я вам рассказывала, что этот Джек улетел вместе с Изабеллой в Лозанну.

— Вот в Лозанне-то его и взяли детективы господина премьера. Говорят, этот американский парень сопротивлялся изо всех сил, да ему наши молодчики скрутили руки — и на самолёт! Во дворце ходят слухи, что с ним была какая-то девица, которая объявила, что она королева Карликии, но над ней только посмеялись.

Королева схватилась за голову.

— Ужас! Мне надо немедленно бежать из дворца!

— Уж теперь никак не убежать: кругом такая охрана, что и мышь не проскочит.

В дверях тронного зала снова показался Альфред де Гну. Он вёл под руку плечистого парня в белой фуфайке, которые с некоторых пор стали почему-то называться водолазками.

Парень был до такой степени чем-то потрясён, что его расширившиеся глаза казались на побледневшем и потном лице двумя круглыми коричневыми пуговицами. Приоткрытый рот с узенькими усиками над верхней губой конвульсивно подрагивал, а растрепавшиеся волосы торчали на голове пучками, словно его совсем недавно таскали за вихры. Под левым глазом молодого человека ясно был виден синяк.

За его спиной Оксана увидела женщину неопределённого возраста с бесстрастным лицом — вскоре выяснилось, что она переводчица.

Жених упирался, и премьер-министр поэтому то и дело слегка подталкивал его.

— Ваше высочество, — мягко сказал верзиле премьер-министр, — я полагаю, что в эту торжественную минуту вы испытываете вполне понятное чувство радости.

Женщина с бесстрастным лицом негромко перевела парню слова премьер-министра.

— Йес, — сказал американец, озираясь.

— Перед вами её величество, ваше высочество!

Парень что-то глухо забормотал. Переводчица открыла рот, чтобы перевести, но запнулась. Премьер-министр посмотрел на неё вопросительно.

— Он просит, чтобы его больше не били, — сказала она, — иначе он за себя не ручается.

— Идиоты! — шёпотом выругался Альфред де Гну. — Они отшибли ему разум... Да растолкуйте же этому... его высочеству, что он во дворце.

До парня наконец начал доходить смысл услышанного, и его взгляд беспокойно забегал с Оксаны на Марго.

— Скажите же что-нибудь вашей невесте, — шепнул ему премьер-министр.

— Ноу, — покачал головой американец и махнул рукой за окно. — Мой Изабель там есть — Лозанна. Мой любовь есть Изабель!

— Да нет же, ваше высочество! В Лозанне была никому не известная девица. Ваша любовь здесь!

— Ноу, — упрямо твердил американец, — мой люббитт Изабель! Люббитт больше, чем свой жизнь! Мой люббитт Изабель до самый смерть! — И он прижал руку к груди.

Альфред де Гну повернул к переводчице перекошенное бешенством лицо.

— Мадам, спросите членораздельно его высочество, хочет ли он быть супругом королевы Карликии?

Дама с бесстрастным лицом старательно перевела.

— Йес, — сказал американец.

— Так какого же дьявола он... — Премьер-министр не договорил и сладко улыбнулся американцу: — Ваше высочество, неужели вы забыли? Я понимаю, у вас была утомительная дорога... Посмотрите внимательно, ваше высочество: перед вами её величество королева Карликии Изабелла!

Американец растерянно заморгал. Десятки мыслей, по-видимому, распирала его голову.

— Оу! Май квин! — наконец пробормотал он.

— Да, да, ваша королева! — подтвердил премьер-министр подбадривающе.

— Оу!.. Ин Лозанна?

— Там была аферистка!

— А-фе-ри-ст-ка?

— Да, да, самая настоящая аферистка!

Американец во все глаза смотрел на Оксану.

— Вы любите её величество? — мягко спросил Альфред де Гну.

— Йес! — воскликнул американец.

Премьер-министр оглянулся и торжествующе крикнул:

— Мажордом! Сообщите корреспондентам, что сегодня во дворце состоялась помолвка её величества королевы Изабеллы с его высочеством принцем Джеком. Сообщите также, что после заключения брака их величества отправляются в полугодовое свадебное путешествие.

— Мажордом! — повелительно сказала Оксана. — Никому ничего не сообщайте! Я не собираюсь выходить замуж!

— Что вы делаете со мной, ваше величество! — изменившимся голосом вскрикнул Альфред де Гну.

— Оу, май квин! — моргал глазами американец.

— Нет, нет! — быстро сказала она американцу. — Я не хочу выходить замуж! Понимаете... ваше высочество? Ау ду нот вонт! К сожалению, я плохо знаю английский...

— Оу, май квин, — механически повторял он.

— Да нет же, я не ваша королева! — вырвалось у неё. — И вообще я не королева!

Она сбежала со ступенек трона, быстро прошла мимо оцепеневшего премьер-министра и скрылась за дверью. Марго догнала её уже у самой спальни.

— Ах, ваше величество! — проговорила она, слегка задыхаясь и закрывая за королевой дверь спальни. — Всё хорошо, только не нужно было говорить, что вы не королева.

Через несколько минут дверь без стука распахнулась, и они увидели на пороге встревоженного Поля.

— В королевскую спальню нельзя входить мужчинам! — вскрикнула Марго.

— Да отстань ты! — огрызнулся он. — Ваше величество, теперь и я понял, что пришло время бежать с этого корабля!

— Что там ещё случилось, Поль?

— Премьер-министр уговаривает академика Флокса признать вас душевнобольной! Я сам слышал...

Марго простонала:

— О! Я была уверена, что всё кончится сумасшедшим домом!

— Они уже идут сюда, ваше величество!

И действительно, с последним словом Поля в спальню вошёл, тряся бородкой, академик Флокс. Следом за ним с решительным видом двигался Альфред де Гну.

— Немедленно уйдите из спальни её величества, господин премьер-министр! — возмущённо проговорила Марго, загораживая ему дорогу.

Он небрежно отстранил её движением руки.

— Поосторожней, господин премьер! — вспыхнул Поль.

— Ваше величество, — очень ласково сказал Альфред де Гну, — простите меня, но достопочтенный господин Флокс сообщил мне, что ваше здоровье внушает серьёзные опасения. Ведь так, господин Флокс?

— Что? — прошамкал старик.

— Я говорю — опасения! — прокричал в его ухо Альфред де Гну.

— Да, да, — потряс бородкой академик.

— Дедушка, — сказала ему королева, — я совершенно здорова.

— Что? — снова прошамкал он.

— Я здорова, — повторила она как можно громче, рупором прикладывая к губам ладони.

— Да, да, — закивал старец и вдруг плаксиво прибавил: — Ваше величество, отпустите меня, бога ради, на пенсию...

— Отпускаю, — невесело усмехнулась королева, — уходите, пожалуйста.

— Что?

— Отпускаю!

— Благодарю, ваше величество! — ещё быстрее затряс бородкой обрадованный старец.

Он ещё долго бормотал что-то, удаляясь, пока не скрылся за дверью совсем.

Оксана взглянула на премьер-министра. Он стоял неподвижно в своём чёрном фраке, опустив руки. Ни один мускул не двигался на его лице.

— Пойдёмте со мной, ваше величество, — негромко произнёс он, чуть шевельнув губами.

— Оставьте меня в покое, — сказала королева, со страхом глядя в непроницаемое лицо премьер-министра.

— Пойдёмте же! — повторил он настойчиво.

— Я никуда не пойду, господин премьер!

Он неторопливым жестом распахнул дверь и приказал всё тем же спокойным голосом:

— Делайте ваше дело, господа.

В спальню вошли двое могучих мужчин в белых халатах и нерешительно остановились.

— Я сказал — делайте ваше дело! — чуть повысил голос Альфред де Гну.

Мужчины в белых халатах двинулись к королеве, но в эту минуту перед ними выросла величественная фигура генерала де Грананжа, и они снова остановились.

— Действуйте же наконец! — покривил губы премьер-министр.

Генерал де Грананж отлетел в сторону, и похолодевшая от ужаса Оксана почувствовала, что её схватили крепкие руки. Но они сейчас же отпустили её, потому что белые халаты вдруг растянулись на ковре, и королева увидела рядом с собой побледневшего от ярости генерала.

— Ну, кто следующий? — потрясая кулаками, хрипло спросил он.

Белые халаты молча бросились на Поля. Оксана не запомнила, сколько времени длился бой — минуту или десять минут, но скоро поняла, что двое могучих мужчин бессильны что-нибудь сделать с её защитником. Кулаки Поля мелькали безостановочно, и белые халаты то и дело летели на ковёр, но снова вскакивали и с непонятным упрямством лезли под новые удары. Это походило на цирковое представление.

В конце концов один из белых халатов не поднялся. Он разбросал руки, уткнувшись носом в ковёр, и совсем по-мальчишески захныкал. И тут премьер-министр, должно быть потеряв терпение, сам подхватил Оксану на руки и потащил к выходу.

— Прочь руки от королевы! — услышала Оксана крик Марго.

Что-то треснуло и с мелодичным звоном просыпалось на пол. Руки Альфреда де Гну сразу ослабли, и Оксана почувствовала под ногами ковёр.

Премьер-министр с выпученными глазами раскачивался на носках, ища и не находя опоры для своих рук. Вокруг валялись осколки разбитой вазы. В следующее мгновение Марго кряхтя схватила его за шиворот, дала пинка и вытолкала за дверь. Кто бы мог подумать, что в этой женщине столько сил!

А ещё через полминуты Поль вытолкал за дверь мужчин в белых халатах и запер её на ключ.

— Дело плохо, ваше величество, — проговорил он, тяжело дыша и потирая щёку, — мы в западне...

Но в эту минуту произошло нечто совершенно неожиданное: длинная мраморная плита в углу комнаты неслышно задвигалась.

«Опять привидения!» — хотела сказать Оксана, но так и не сказала, потому что увидела в образовавшемся проходе королеву Изабеллу.

*Кулаки Поля мелькали безостановочно,
и белые халаты то и дело летели на ковёр*

Королева Изабелла, раскрасневшаяся и задыхающаяся, вбежала в спальню и некоторое время не могла произнести ни слова от волнения. Оксане показалось, что её распалённое гневом лицо стало ещё красивей, а большие глаза горели, как два костра.

— Самозванка! — наконец крикнула Изабелла, останавливаясь посреди спальни. — Мало того, что ты села на мой трон, но ты ещё решила отнять у меня жениха!

— Как хорошо, что ты пришла! — счастливо улыбалась Оксана. — Если бы ты знала, как я рада! Ах, как я рада!

— Отдай мне моего Джека!

— Возьми его, пожалуйста, поскорей.

— Только подумать, она, как королева, разгуливает по дворцу, а меня не пускают во дворец! Хорошо, что я не забыла о существовании этого старого подземного хода!

— Изабелла, во всём виновата ты, а не я!

— Ты говоришь правду? — уже спокойней спросила Изабелла.

— Клянусь тебе!

— И ты не помолвлена с Джеком?

— Так же как и с академиком Флоксом!

— Так слушай: по этому подземному ходу ты сможешь выбраться из дворца... Но обещай мне, что ты уедешь в свою Швецию!

— Этого я не могу обещать тебе... Я уеду в другую страну.

— О'кэй! Куда угодно, но ты должна покинуть Карликию!

— Я только и мечтаю об этом!

— У выхода стоит такси, на котором я приехала... Прощай, Оксана!

— Прощай, Изабелла!

Как стремительно неслась Оксана по подземному ходу! Марго и Поль с трудом поспевали за ней, и молодая садовница время от времени обеспокоенно кричала:

— Не разбейте в темноте лоб, ваше величество! Тут кругом камни под ногами!

Ход оказался очень длинным, должно быть, он тянулся под всем дворцовым парком. Пока наши друзья спотыкаются в этом тёмном и сыром коридоре, автор, несколько забега вперёд, может доверительно сообщить читателям, что необычайные приключения Оксаны кончились вполне благополучно, не вызвав никаких дипломатических осложнений. Что касается Изабеллы, то она, насколько известно, пока ещё сидит на троне. В своё время газеты очень подробно описывали пышную свадьбу юной королевы с его высочеством принцем Джеком. У королевы полный контакт с парламентом и кабинетом министров.

Но вернёмся к Оксане... Она вышла из подземного хода за оградой королевского парка, радостно улыбнулась солнцу, оглянулась и увидела, что предусмотрительный Поль уже сорвал с себя генеральские эполеты и аксельбанты.

— Боже мой! — воскликнула Марго. — Поль, посмотри, ведь за оградой видна черепичная крыша нашего домика!

Воспользовавшись тем, что поблизости не было королевской стражи, Поль легко поднял на ограду Марго, а потом перемахнул через неё сам.

Неподалёку от подземного хода действительно стояло такси. Оксана растолкала задремавшего шофёра и сказала:

— В загородный отель! И пожалуйста, скорей!

— Ваше величество... — услышала она глухой, похожий на рыдание голос Марго.

Оксана обернулась. Из-за ограды высывались печальные лица молодой садовницы и её жениха.

— Ах, ваше величество, — кусая губу, сказала Марго, — как жаль, что вы так мало были королевой! Как жаль!

Когда машина тронулась, Оксана снова оглянулась. Марго и Поль махали ей руками. По лицу садовницы скользили крупные, сверкающие на солнце слезы.

СОДЕРЖАНИЕ

КОРОЛЕВСТВО КРИВЫХ ЗЕРКАЛ

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой Оля ссорится с бабушкой и слышит голос волшебного зеркала	7
ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой Оля знакомится со своим отражением и попадает в сказочную страну	12
ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой Оля путешествует по сказочному городу и убеждается, что не все то золото, что блестит	15
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой Оля и Яло попадают во дворцовую кухню	24
ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой Оля и Яло превращаются в придворных пажей	27
ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой паж с родинкой на правой щеке дает королю урок арифметики	32
ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в которой король посвящает пажей в «одно важное государственное дело»	42
ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в которой Оля и Яло проникают в Башню смерти	48
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, в которой Оля и Яло слышат разговор короля с Нушроком	53
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, в которой Оля и Яло попадают в замок прекрасной дамы	60

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, в которой Нушрок предлагает прекрасной даме стать королевой	65
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, в которой рассказывается о том, как Оля едва не погибла в водопаде.	70
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ, в которой Яло убеждается в существовании подземного хода.	73
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, в которой Яло встречается с Олей.	78
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ, в которой Оля освобождает Гурда и побеждает Нушрока.	82
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ, в которой Оля снова слышит голос волшебного зеркала	86

ТРОЕ НА ОСТРОВЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой в мои руки попадает волшебный платок	91
ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой я начинаю творить чудеса.	93
ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой я ссорюсь со своими друзьями.	96
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой мы попадаем в плен к пиратам	103
ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой все оборачивается самым неожиданным образом	111
ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой Кошачий Зуб предлагает мне быть капитаном пиратов.	118
ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в которой выясняется, что мой волшебный платочек исчез	125
ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в которой мы пытаемся найти выход из трудного положения	132
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, в которой я начинаю понимать смысл одной пионерской песни.	137

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, в которой я узнаю, кем похищен волшебный платок	141
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, в которой пираты осаждают нашу пещеру	145
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, в которой раскрывается секрет узелка	153

ПУТЕШЕСТВИЕ НА УТРЕННЮЮ ЗВЕЗДУ

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой три приятеля знакомятся с внучкой Волшебника	159
ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой приятели узнают, что происходит за зеленым забором	163
ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой человек с белой бородой раскрывает трем богатырям тайну своего волшебства	168
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой герои этой сказки попадают на неизвестную планету	172
ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой рассказывается о первых приключениях космических путешественников	174
ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой Забаве и Алеше угрожает смертельная опасность	179
ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в которой Волшебник и двое богатырей делают неожиданное открытие	183
ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в которой Добрыня Никитич оказывает помощь Забаве и Алеше Поповичу	190
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, в которой путешественники узнают, что розовая планета называется Эо Тау, а на русском языке — Утренняя Звезда	192
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, в которой земляне совершают полет над Утренней Звездой	196
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, в которой земляне знакомятся с красавицей Флер	202
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, в которой Флер рассказывает землянам историю умирающей планеты Эфери Тау	210
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ, в которой земляне узнают о борьбе двух миров	216

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, в которой на Утреннюю Звезду высаживаются хищники с Сино Тау	228
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ, в которой путешественники слышат стон планеты	233
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ, в которой побеждает жизнь	238

ЧАСЫ ВЕКОВ

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой начинаются приключения Мухи	251
ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой Муха и старичок Великанов проникают в доисторическую эпоху	255
ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой происходит смертельная схватка обезьяны с тигром	262
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ, в которой Муха и Великанов знакомятся с человеческими предками	273
ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой родители Мухи очень беспокоятся о её здоровье	281
ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой часы веков снова начинают стучать	286
ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в которой выясняется, что по снегу можно ходить босиком	291
ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в которой продолжают приключения Мухи и часового мастера	302
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, в которой Муха и часовой мастер спасают от смерти мальчика и возвращаются домой	313

В ТРИДЕВЯТОМ ЦАРСТВЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ	326
ГЛАВА ВТОРАЯ	331
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	336
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	338
ГЛАВА ПЯТАЯ	342
ГЛАВА ШЕСТАЯ	347

ГЛАВА СЕДЬМАЯ	352
ГЛАВА ВОСЬМАЯ.....	358
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	363
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.....	369
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.....	372
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.....	377
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	380
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	386

Виталий Губарев

КОРОЛЕВСТВО КРИВЫХ ЗЕРКАЛ

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Том 305

На основании п. 2.3 статьи 1 Федерального закона № 436-ФЗ от 29.12.2010 не требуется знак информационной продукции, так как данное издание классического произведения имеет значительную историческую, художественную и культурную ценность для общества

Компьютерная верстка, обработка иллюстраций

М. Судаковой

Дизайн обложки, подготовка к печати

А. Яскевича

Гарнитура Гарамонд Премьер Про

13 кегль

Сдано в печать 21.10.2024

Объем 25 печ. листов

Тираж 3000 экз.

Заказ № 28097

Бумага матовая мелованная

Омела 115 г/м²

ООО «СЗКЭО»

Телефон в Санкт-Петербурге: +7 (812) 365-40-44

E-mail: knigi@szko.ru

Интернет-магазин: www.szko.ru

Отпечатано в типографии ООО «ЛД-ПРИНТ»,
196643, Россия, г. Санкт-Петербург, п. Сапёрный,
ш. Петрозаводское, д. 61, строение 6,
тел. (812) 462-83-83, e-mail: office@ldprint.ru.

Виталий Георгиевич Губарев (1912–1981) — советский детский писатель и журналист. Он родился в Ростове-на-Дону в семье учителя и дочери священника. Детство Виталий провел на хуторе, где его бабушка руководила школой; там же он окончил девять классов. Богатое воображение и тяга к творчеству помогли ему написать первые пьесы ещё в школьные годы. В четырнадцатилетнем возрасте юноша дебютировал на литературном поприще: его первый рассказ был опубликован в журнале «Горн» в 1926 году. Через некоторое время Губарев вступил в Российскую ассоциацию пролетарских писателей. Довольно долго он работал редактором в журналах и газетах, совмещая журналистику с преподавательской деятельностью в Институте детского коммунистического движения. В 1933 году в газете «Колхозные ребята» была опубликована его статья о Павле Морозове, в дальнейшем переработанная автором

в повесть, а затем — в пьесу. Сюжет о Морозове в изложении Губарева вызвал общественный резонанс и принес писателю широкую известность. Великую Отечественную войну Губарев прошел в качестве фронтового корреспондента, а в послевоенный период много путешествовал по стране, стремясь найти оригинальный материал и лучше понять интересы своего читателя. В результате было издано несколько сказок для детей и повестей для подростков, полюбившихся многим поколениям читателей.

Сочинения Губарева высоко ценились в СССР. Они неоднократно переиздавались в популярных книжных сериях и пользовались успехом как у детей, так и у взрослых. Одним из самых значимых произведений писателя стала опубликованная в 1951 году сказочная повесть «Королевство кривых зеркал». События в ней разворачиваются в зазеркалье, куда неожиданно попадает девочка Оля. Там она знакомится со своим отражением Яло и вместе с ней путешествует по волшебному городу, противостоит злым силам и исправляет свои недостатки. Повесть резко выделялась на фоне остальной детской литературы своего времени. Она снискала огромную популярность и была переведена на иностранные языки. По ее мотивам были поставлены спектакли и сняты фильмы.

Очаровательные цветные иллюстрации к тексту выполнил советский художник Игорь Леонидович Ушаков (1926–1989). Он учился в Московском полиграфическом институте, а затем работал иллюстратором в газетах и журналах. Его работы также можно было встретить на всесоюзных художественных выставках и в советских изданиях мировой литературы. Яркие, детальные рисунки Ушакова превосходно передают сказочную атмосферу, динамику повествования и эмоции героев Губарева.

